

Дэвид Э. Хоффман

Шпион на миллиард долларов.
История самой дерзкой операции
американских спецслужб в
Советском Союзе

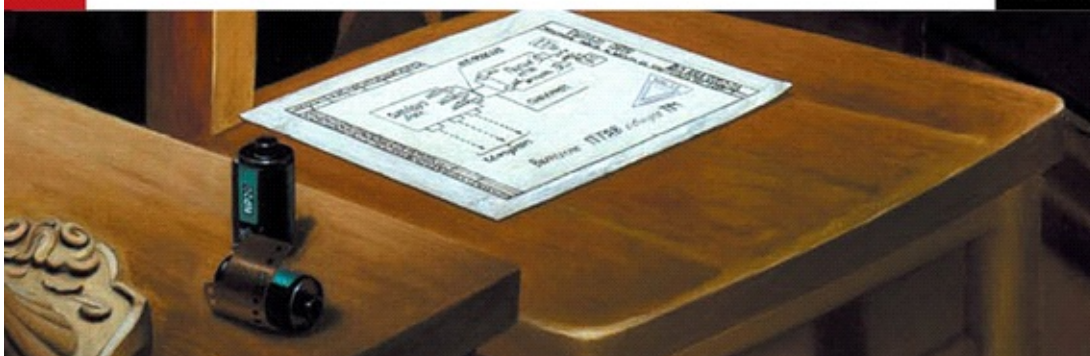

Дэвид Э. Хоффман

ШПИОН НА МИЛЛИАРД ДОЛЛАРОВ

История самой дерзкой операции американских спецслужб в Советском Союзе

CoRPvsJ

«Хоффман, Дэвид Э. Шпион на миллиард долларов. История самой дерзкой операции американских спецслужб в Советском Союзе»: АСТ : Corpus; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-091347-3

Аннотация

Рассказ об Адольфе Толкачеве, самом успешном и ценном агенте Соединенных Штатов в СССР, – это история из эпохи холодной войны. Инженер и конструктор Толкачев не состоял в КПСС, не служил в армии или спецслужбе. Он не стремился к обогащению и не хотел уезжать из страны. Он никогда не был за границей и почти ничего не знал о Соединенных Штатах. Толкачев сам предложил свои услуги Центральному разведывательному управлению и за несколько лет шпионской деятельности передал Соединенным Штатам тысячи страниц ценнейшей секретной документации. Его разоблачение не было результатом ошибки московской резидентуры или хитроумной операции КГБ – его предал бывший сотрудник ЦРУ.

Дэвид Э. Хоффман

Шпион на миллиард долларов.
История самой дерзкой операции
американских спецслужб в
Советском Союзе

Посвящается Кэрол

Все, чем мы занимаемся, опасно.

Адольф Толкачев – своему куратору из ЦРУ. 11
октября 1984 года

David E. Hoffman

The Billion Dollar Spy

A True Story of Cold War Espionage and Betrayal

© David E. Hoffman, 2015

© А. Шириков, перевод на русский язык, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

Пролог

Шпион испарился.

Это был самый успешный и ценный агент Соединенных Штатов в Советском Союзе за два десятилетия. Переданные им документы и рисунки раскрывали секреты советских радиолокационных станций и важнейшие планы по разработке комплексов вооружений на десяток лет вперед. Он страшно рисковал, чтобы вынести печатные платы и чертежи из своей военной лаборатории и передать их ЦРУ. Его шпионская деятельность помогла Соединенным Штатам занять доминирующие позиции в небе, в воздушных боях, и подтвердила уязвимость советской системы ПВО – американские крылатые ракеты и бомбардировщики могли летать вне поля зрения советских радаров.

В конце осени – начале зимы 1982 года ЦРУ потеряло контакт со своим агентом. Он пропустил пять назначенных встреч. Прошло несколько месяцев. В октябре плановая встреча с ним не состоялась из-за плотного наружного наблюдения КГБ. Даже глубоко законспирированные сотрудники московской резидентуры ЦРУ, о которых КГБ не знал, не смогли оторваться от слежки. 24 ноября один из них, в легком гриме, сумел позвонить домой шпиону из телефона-автомата, но на звонок ответил кто-то другой. Офицер повесил трубку.

Вечером 7 декабря, когда была запланирована еще одна встреча, будущее операции находилось в руках Билла Планкерта. Прежде он служил летчиком на флоте, а затем прошел подготовку по ведению тайных операций в тылу противника. Ему было за тридцать, рост метр девяносто, и он прибыл в московскую резидентуру ЦРУ летом, чтобы ознакомиться с обязанностями куратора. Он погрузился в изучение документов, рассматривал карты и фотографии, читал шифрограммы и разговаривал с оперативниками. Ему казалось, что он уже хорошо знает шпиона, хотя никогда не встречался с ним лично. Задачей Планкерта было уйти от слежки КГБ и установить контакт с источником.

За несколько дней до того американские дипломаты по местной

телефонной линии, которую, как было известно, прослушивал КГБ, сговорились отпраздновать день рождения на одной квартире во вторник после работы. Вечером в назначенный час четыре человека направились к автомобилю, стоявшему на парковке посольства США. За этим местом постоянно наблюдали милиционеры в форме, дежурившие снаружи и докладывавшие обо всем в КГБ. Один из американцев нес большой торт. Когда машина выехала из посольства, женщина, сидевшая позади водителя, поставила торт себе на колени.

Машиной управлял шеф резидентуры ЦРУ, Планкерт сидел рядом с ним на переднем сиденье. Сзади разместились их жены. Все четверо заранее отрепетировали операцию на креслах в резидентуре. Теперь начиналось собственно представление{1}.

Шпионаж – искусство иллюзий, и тем вечером в роли иллюзиониста выступал Планкерт. Под пальто на нем была другая одежда, похожая на ту, какую носят в России пожилые люди. Торт был фальшивкой: верхушка, напоминавшая торт, скрывала устройство, созданное техническими гениями из ЦРУ. Планкерт надеялся, что благодаря этому устройству ускользнет от наблюдения КГБ.

Устройство именовалось “Джек из коробочки”, но все называли его просто ЛВВ[2]. Из многолетнего опыта ЦРУ вывело, что группы наружного наблюдения КГБ почти всегда следовали за автомобилем сзади. Они редко ехали рядом. Поэтому машина с агентом ЦРУ могла, завернув один или два раза за угол, на несколько мгновений оказаться вне поля зрения КГБ. За это короткое время оперативник ЦРУ мог выпрыгнуть из автомобиля и скрыться. Одновременно приводилась в действие пружина, выбрасывавшая “Джека из коробочки”, который очертаниями напоминал голову и плечи выскочившего агента.

В ходе работы над устройством ЦРУ направило двух молодых инженеров из департамента технического обслуживания в секс-шоп в злочном районе Вашингтона. В этом глухом помещении они купили трех надувных кукол в натуральную величину. Однако кукол невозможно было быстро ни накачать, ни спустить из них воздух. Кроме того, они сдувались. Молодые инженеры вернулись в магазин за новыми тестовыми образцами,

однако проблемы оставались. Затем в ЦРУ поняли, что, учитывая расстояние между машиной и группой наблюдения КГБ, нет нужды размещать на переднем сиденье трехмерный манекен, достаточно плоского силуэта. Иллюзия восторжествовала, и “Джек из коробочки” появился на свет{2}.

До того дня устройство ни разу не использовали в Москве, но сотрудники ЦРУ были близки к отчаянию: шла неделя за неделей, а связи с агентом не было. Из штаб-квартиры в Москву приехал эксперт по маскировке, чтобы помочь освоить устройство и выдать Планкерт “стерильную” одежду, прежде никем не ношенную: на ней не было ни запахов, которые могли учуять служебные собаки КГБ, ни вмонтированных отслеживающих и подслушивающих устройств.

Пока машина колесила по московским дорогам, Планкерт снял американскую верхнюю одежду и сложил ее в небольшую хозяйственную сумку, вроде тех, с какими ходят советские люди. Полнолицевая маска и очки довершили маскировку, сделав его похожим на русского старика. Группа КГБ следовала за ними на расстоянии. Было семь вечера, солнце уже давно зашло.

Машина повернула за угол и на краткий миг скрылась из виду. Шеф резидентуры приостановил автомобиль ручным тормозом, чтобы не включились задние огни. Планкерт распахнул дверцу и выскочил. В то же мгновение жена резидента поставила торт на переднее сиденье, где до этого ехал Планкерт. Супруга Планкерта потянулась вперед и нажала на рычаг.

С громким хлопком верхняя часть торта раскрылась, выбросив наружу голову и торс. Машина помчалась дальше.

Планкерт успел сделать четыре шага по тротуару. На пятом шаге из-за угла выехал автомобиль КГБ.

Фары выхватили русского старика на тротуаре. Затем машина набрала скорость, догоняя преследуемых. В автомобиле ЦРУ, казалось, по-прежнему едут четыре человека. С помощью небольшого рычажка резидент двигал голову “Джека из коробочки” взад-вперед, как будто они

болтали друг с другом.

Устройство сработало.

Планкерт на мгновение почувствовал облегчение. Но в ближайшие несколько часов предстояло самое сложное. Агент имел чрезвычайную ценность не только для московской резидентуры, но и в целом для ЦРУ и Соединенных Штатов. Планкерт чувствовал, какая громадная ответственность лежит на нем. Одна небольшая ошибка – и операция будет провалена навсегда, а шпиона ждет казнь за измену.

В ЦРУ никто не знал, почему шпион пропал. Может, он оказался под подозрением? Он был не профессиональным разведчиком, а обычным инженером. Может, он ошибся, допустил какую-то небрежность? А может, его арестовали, допросили и его предательство раскрыто?

Планкерт в одиночестве шел по московским улицам, вокруг был холодный город – обледенелые тротуары, заиндевевшие окна. Он думал, что обстановка просто идеальная для шпионской операции. Планкерт часто разговаривал сам с собой. У него, практикующего католика, была привычка вслух произносить короткую молитву. Сейчас, когда он выдыхал под маской, его очки запотевали. В какой-то момент Планкерт остановился, снял маску и надел другую, более легкую. Он двигался к месту встречи по круговому маршруту, пересеживаясь с троллейбусов на автобусы. Так он проверял, нет ли за ним слежки, но никого не было.

Планкерт должен был найти шпиона. Он не мог потерпеть неудачу.

Глава 1

Выбраться из “пустыни зеркал”

Впервые годы холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом у Центрального разведывательного управления имелся неприятный секрет: ЦРУ не удалось создать шпионскую сеть в Москве. Управление не вербовало людей в Москве, так как это было слишком рискованно – “чрезвычайно опасно”, вспоминал один офицер, – для любого советского гражданина или чиновника, которого можно было привлечь в качестве агента. Сам процесс вербовки, с момента определения потенциального шпиона и организации подхода к нему, мог быть раскрыт КГБ, а пойманного за шпионской работой агента ждала верная смерть. Некоторые агенты, вызвавшиеся работать добровольно или завербованные ЦРУ за пределами СССР, продолжали отправлять донесения по возвращении на родину. Но, как правило, ЦРУ не подстрекало агентов шпионить в самом “сердце тьмы”.

Перед вами история шпионской операции, которая изменила все. В центре этой истории – инженер из сверхсекретной лаборатории, специалист по бортовым РЛС, работавший в недрах советского оборонного комплекса. Движимый гневом и жаждой мести, этот человек передал Соединенным Штатам тысячи страниц секретной документации, ни разу при этом не побывав в Америке и почти ничего не зная о ней. За шесть лет он двадцать один раз встречался с сотрудниками ЦРУ на улицах Москвы – города, кишевшего группами наблюдения КГБ, – и ни разу не был замечен последними. Этот инженер стал одним из самых продуктивных агентов ЦРУ в годы холодной войны. Он обеспечил Соединенные Штаты такими разведанными, каких не поставлял ни один другой шпион.

Эта операция стала для ЦРУ признаком зрелости. Управление добилось того, что прежде считалось недостижимым: личных встреч со шпионом прямо под носом у КГБ.

А затем наступил полный крах – и не благодаря усилиям КГБ, а в

результате предательства изнутри.

Чтобы понять значимость этой операции, следует вспомнить о долгой и трудной истории попыток ЦРУ внедриться в Советский Союз.

ЦРУ возникло вследствие катастрофы в Перл-Харборе. Несмотря на полученные Соединенными Штатами предупреждения, атака Японии 7 декабря 1941 года оказалась неожиданной и ошеломляющей. Тогда погибли более 2400 американцев, было потоплено или повреждено 21 судно Тихоокеанского флота США, и Соединенные Штаты оказались втянуты в войну. Разведывательная работа тогда была распределена между несколькими разными ведомствами, и никто не соединял разрозненные фрагменты в общую картину. Расследование конгресса пришло к выводу, что этот несогласованный процесс “в значительной степени и был виной” катастрофы. Создание ЦРУ в 1947 году прежде всего отражало твердое намерение конгресса и президента Трумэна предотвратить повторение Перл-Харбора. Трумэн хотел, чтобы ЦРУ проводило качественный, объективный анализ{3}.

Оно должно было стать первым централизованным гражданским разведывательным ведомством в американской истории{4}.

Но первоначальные виды на ЦРУ вскоре изменились ввиду растущей советской угрозы, которая выражалась в том числе в блокаде Берлина, в усилении сталинского контроля над Восточной Европой и в появлении атомной бомбы в СССР. Вскоре ЦРУ вышло далеко за рамки анализа разведанных: управление стало заниматься шпионажем и тайными операциями. Соединенные Штаты, проводя политику сдерживания, первоначально сформулированную в “длинной телеграмме” Джорджа Кеннана из Москвы в 1946 году[6], а затем значительно расширенную, пытались остановить попытки СССР внедриться в правительства других стран и вести там подрывную деятельность. Холодная война началась как соперничество за опустошенную войной Европу, но затем распространилась на все сферы, превратившись в столкновение идеологий, политик, культур, экономик, географии и военной мощи. ЦРУ находилось на переднем фронте в этой битве. Борьба с коммунизмом не переросла в прямые боевые действия между сверхдержавами. Она велась в тени, между

войной и миром, в “глухих переулках”, как однажды выразился госсекретарь Дин Раск{5}.

Но в одно из таких глухих мест заходить было слишком опасно – в сам Советский Союз. Сталин был убежден, что победа над нацистами во Второй мировой войне продемонстрировала незыблемость советского государства. После войны он твердо и сознательно укреплял жестокую, закрытую политическую систему, которую усовершенствовал еще в 1930-х, создавая постоянное напряжение в обществе, ведя непрестанную борьбу с “врагами народа”, “шпионами”, “колеблющимися”, “космополитами” и “выродками”. Запрещалось получать книги из-за рубежа или слушать иностранные радиопередачи. Путешествия за границу для большинства людей были практически невозможны, а контакты с иностранцами, без особого на то разрешения, сурово карались. Телефоны прослушивались, почта вскрывалась, информаторы всячески поощрялись. Тайная полиция работала на каждом заводе и в каждом учреждении. Было опасно высказываться откровенно, даже в узком кругу близких людей{6}.

Это была крайне неблагоприятная среда для шпионажа. В первые годы холодной войны у ЦРУ не было резидентуры в Москве, его оперативники не работали на улицах столицы крупнейшего и самого скрытного партийного государства. ЦРУ не могло выявить и завербовать в СССР потенциальных агентов, как оно делало в других странах. Советская тайная полиция, с 1954 года получившая название КГБ (Комитет государственной безопасности), была искушенной, компетентной, всемогущей и безжалостной. К началу 1950-х у КГБ за плечами был уже тридцатилетний опыт сталинских чисток, нейтрализации угроз советскому режиму во время и после войны, кражи атомных секретов у США. Иностранцу было невозможно даже завести разговор с москвичом, не вызывая подозрения.

ЦРУ только-только пробовало себя в деле. Это была молодая, оптимистично настроенная, наивная организация, твердо намеренная добиться результата, – настоящее воплощение американского духа{7}. В 1954 году один из пионеров авиации генерал Джеймс Дулиттл предупреждал, что Соединенным Штатам нужно мыслить более трезво и хладнокровно. “Мы должны создать эффективные службы шпионажа и контрразведки, должны научиться вести подрывную деятельность и саботаж, уничтожать наших врагов более умными, более изощренными и более действенными методами, чем те, что применяются против нас”, –

утверждал он в совершенно секретном докладе президенту Эйзенхауэру{8}.

ЦРУ сталкивалось с постоянным и острым дефицитом разведанных о Советском Союзе и его сателлитах. Политики в Вашингтоне были чрезвычайно обеспокоены возможной войной в Европе и необходимостью знать о ней заблаговременно. Много информации было доступно в открытых источниках, но это было не то же самое, что подлинные разведанные, полученные путем проникновения в страну. “Давление на нас варьировалось от повторяющихся указаний сделать “хоть что-то” до раздраженных требований сделать “все что угодно”, – вспоминал Ричард Хелмс, отвечавший за тайные операции в 1950-х{9}.

За пределами Советского Союза ЦРУ старательно собирало информацию у беженцев, перебежчиков и эмигрантов. Управление обращалось с предложениями о сотрудничестве к советским дипломатам, военным и сотрудникам разведки по всему миру. Подразделение тайных операций ЦРУ завербовало целую секретную армию в лагерях беженцев в Европе. Порядка пяти тысяч добровольцев прошли подготовку в качестве “постыдаерных сил сопротивления”, которые должны были вторгнуться в Советский Союз после атомного нападения. Параллельно Соединенные Штаты забрасывали парашютистов-одиночек в страны советского блока, чтобы те шпионили или налаживали связи с движениями сопротивления. Большинство из них были пойманы и убиты. Глава управления тайных операций Фрэнк Дж. Уиснер мечтал о том, чтобы внедриться в Восточный блок и расколоть его на части. Уиснер надеялся, что посредством психологической войны и секретной помощи – тайников с оружием, радиостанций, пропаганды – народы Восточной Европы можно убедить сбросить коммунистическое иго. Но почти все эти попытки скрытно пробраться “за линию фронта” оборачивались провалом. Полученные разведанные были скудными, и Советский Союз оставался незыблем{10}.

Источники ЦРУ оставались снаружи. “Единственным способом выполнить нашу миссию была разработка внутренних источников – шпионов, которые могли сидеть рядом с политиками, слушать их дебаты и читать их почту”, – вспоминал Хелмс. Но вербовка и систематическая работа с московскими агентами, которые могли бы предупреждать о решениях, принятых советским руководством, “были столь же невероятны, как размещение постоянных агентов на Марсе”, – говорил он{11}. Обстоятельный анализ разведанных ЦРУ по советскому блоку,

проведенный в 1953 году, заканчивался мрачными выводами. “У нас нет никаких надежных первоисточников, сообщающих о том, что думают в Кремле”, – признавали его авторы. По поводу армии в докладе говорилось: “Надежных данных о долгосрочных планах и намерениях врага практически не существует”. Авторы предупреждали: “Мы не можем надеяться на получение сколько-нибудь детальной информации о советских военных намерениях в случае неожиданного нападения”^{12}. В первые годы своей работы ЦРУ пришло к выводу, что “невероятно трудно создать агентурную сеть в сталинском параноидальном полицейском государстве”^{13}.

“В те дни, – говорил Хелмс, – наша информация по Советскому Союзу действительно была крайне скудной”^{14}.

Несмотря на все эти трудности, ЦРУ удалось добиться двух прорывов в 1950-х и в начале 1960-х годов. Два офицера советской военной разведки, Петр Попов и Олег Пеньковский, начали шпионить для США. Они были добровольцами, а не завербованными агентами, и вышли с этой инициативой отдельно друг от друга. Оба продемонстрировали колоссальные преимущества работы с тайными агентами. В основном передача секретов происходила за пределами Москвы.

1 января 1953 года невысокий, коренастый русский передал конверт американскому дипломату, когда тот садился в свой автомобиль в международном секторе в Вене. Тогда Вена была оккупирована американскими, британскими, французскими и советскими силами; в городе царила атмосфера подозрительности. В конверте содержалось письмо, датированное 28 декабря 1952 года и написанное по-русски. В нем говорилось: “Я советский офицер. Я хочу встретиться с американским офицером, чтобы предложить определенные услуги”. В письме оговаривались место и время встречи. Такие письма были обычным явлением в Вене в те годы, когда орды мошенников пытались заработать, фабрикуя “разведывательные материалы”. ЦРУ тратило много времени на их проверку, но это письмо выглядело убедительно.

На следующий вечер, в субботу, русский ждал там, где обещал, – он стоял в тени портала, один, в шляпе и в тяжелом пальто. Это был Петр

Попов, 29-летний майор советской военной разведки – Главного разведывательного управления, которое можно было назвать “младшим братом” КГБ. Попов стал первым и в то время самым ценным тайным агентом ЦРУ в советской армии. Он поставлял данные о внутреннем устройстве армии и спецслужб СССР. С января 1953 по август 1955 года он 66 раз встречался с представителями ЦРУ в Вене. Его куратор из ЦРУ, Джордж Кизевальтер, похожий на взъерошенного медведя, родился в России, в семье крупного петербургского чиновника, и в детстве эмигрировал в Соединенные Штаты. Впоследствии Попов рассказал Кизевальтеру, что родился в крестьянской семье, в лачуге с земляным полом, и что первые кожаные ботинки у него появились в тринадцать лет. В нем клокотала ненависть к сталинской политике насильственной коллективизации, разрушившей жизнь российского крестьянства и вызвавшей массовый голод. Попов стал агентом США из желания отомстить за несправедливость, постигшую его родителей и его маленькую деревеньку на Волге. Кизевальтер оставлял в венской конспиративной квартире несколько журналов вроде *Life* и *Look* [17], но Попова увлекло лишь одно издание – журнал “Американская ферма” [15].

В ЦРУ помогли Попову подделать ключ, с помощью которого он вскрыл шкафчики с засекреченными документами в венской резидентуре ГРУ. Попов выявил всех офицеров советской разведки в Вене, предоставил информацию о деятельности многих подразделений из стран Варшавского договора и передал Кизевальтеру такие бесценные документы, как советский боевой устав по применению атомного оружия [16]. В 1955 году, когда Попова перевели в Москву, из штаб-квартиры ЦРУ прислали агента, который должен был найти места для тайников или закладок, где Попов мог бы оставлять сообщения. Но агент не справился с поручением, попал в “медовую ловушку” [20] КГБ, и впоследствии от него избавились [17]. Первая попытка ЦРУ организовать аванпост в Москве закончилась неудачей.

В 1956 году Попова перевели в ГДР, где он продолжил заниматься шпионажем для ЦРУ. С Кизевальтером они встречались на конспиративной квартире в Западном Берлине. Он вновь проявил себя как чрезвычайно эффективный агент. Среди добытых им материалов был текст весьма откровенной речи советского министра обороны маршала Георгия Жукова по поводу применения ядерного оружия во время войны, с которой тот выступил перед советскими войсками в Германии в марте 1957 года. В 1958

году Попова срочно отозвали в Москву и допросили. Его предательство вскрылось. Однако КГБ держал это в тайне: периодически Попова использовали для передачи ЦРУ недостоверной информации. 18 сентября 1959 года Попову удалось передать ЦРУ сообщение, написанное карандашом на восьми полосках бумаги, скрученных в цилиндрик размером с сигарету. Записка объясняла, что на самом деле произошло; это был последний храбрый акт неповиновения со стороны обреченного шпиона. Сообщение поспешно доставили в штаб-квартиру, где Кизевальтер прочел русские слова на крошечных полосках бумаги и разрыдался. В январе 1960 года Попова судили, а в июне расстреляли.

Второй прорыв случился всего два месяца спустя, 12 августа, примерно в 11 вечера.

Два американских студента, прибывшие в Москву как туристы, Элдон Кокс и Генри Кобб, гуляли по Красной площади, где брусчатка была еще влажной после легкого дождя. Они побывали на балете в Большом театре и возвращались в свою гостиницу, когда сзади к ним подошел человек и потянул Кобба за рукав, показывая сигарету и прося огонька. Человек был среднего роста, с рыжеватыми волосами, седеющими на висках, в костюме с галстуком. Он спросил, не американцы ли они, и, когда те ответили “да”, начал быстро говорить, все время оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что за ними не следят. Он вложил в руку Кокса конверт и настоятельно попросил немедленно отнести его в американское посольство. Кокс, говоривший по-русски, в тот же вечер конверт отнес. Внутри было письмо. “В настоящее время в моем распоряжении, – указывал автор письма, – находятся очень важные документы по многим вопросам, представляющим исключительный интерес для вашего правительства”. Автор не назвал себя, но намекнул, что когда-то служил в советской военной разведке в турецкой столице Анкара. Он привел точные инструкции о том, как с ним связываться – с помощью записок в спичечном коробке, спрятанном за батареей в вестибюле одного московского здания. Он приложил рисунок с местом тайника{18}.

Автором письма был Олег Пеньковский, полковник ГРУ, человек с живым воображением, энергичный и уверенный в себе, награжденный за службу в артиллерии во время Второй мировой войны. Он работал в Государственном научно-техническом комитете Совета министров СССР – ведомстве, которое курировало научно-технический обмен с

Соединенными Штатами, Великобританией и Канадой и служило прикрытием для советского промышленного шпионажа и нелегального получения западных технологий.

Письмо было доставлено в ЦРУ и поначалу вызвало подозрения. Там знали, что советские власти были глубоко обеспокоены случаем с Поповым. Может, это ловушка? В штаб-квартире приняли решение вступить в контакт с автором, но в то время у ЦРУ не было в Москве оперативника, ориентировавшегося в городе. Посол США в Москве Льюэллин Томпсон категорически возражал против назначения в посольство каких-либо сотрудников ЦРУ. В конце концов осенью 1960 года было достигнуто соглашение, что из “советского” подразделения штаб-квартиры в Москву отправят молодого сотрудника специально для контакта с Пеньковским. Сотрудник не слишком хорошо говорил по-русски. ЦРУ присвоило ему кодовое имя “Компас”. Но он все провалил – много выпивал и не смог установить контакт^{19}.

Пеньковский был разочарован. Первое письмо американцам он написал в июле 1960 года и несколько недель искал человека, с которым можно было его отправить. “Я, словно волк, рыскал вокруг американского посольства в поисках надежного иностранца, патриота”, – вспоминал он^{20}. Вручив письмо Коксу на Красной площади в августе, Пеньковский все ждал и ждал ответа от ЦРУ. Но ответа не было. Он попытался – безуспешно – передать информацию через британского бизнесмена, затем через канадца. Его охватывало отчаяние.

Наконец 11 апреля 1961 года Пеньковский подкинул британскому бизнесмену письмо, адресованное руководителям Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. Бизнесмен Гревилл Винн поделился письмом с британской Секретной разведывательной службой (МИ-6), которая передала его в ЦРУ. Американские и британские спецслужбы решили совместно разрабатывать Пеньковского как агента.

Девять дней спустя Пеньковский прибыл в Лондон во главе советской торговой делегации из шести человек, чьей задачей была закупка западных технологий в области металлургии, радаров, коммуникаций и производства бетона. Это было напряженное время – только что провалилась организованная ЦРУ высадка в заливе Свиной на Кубе^[25]. По прибытии Винн встретил Пеньковского в аэропорту, и тот немедленно вручил ему

конверт. В нем были описания и чертежи новейших советских ракет и пусковых установок. Тем же вечером Пеньковский вышел из своего номера в солидной гостинице *Mount Royal* на Оксфорд-стрит, дошел до номера 360 и постучал в дверь. На нем был деловой костюм, белая рубашка и галстук. Когда он вошел, его поприветствовали два британских и два американских агента. “Теперь вы знаете, что вы в хороших руках”, – заверил Пеньковского взъерошенный грузный американец. Это был Кизевальтер. “Я думал об этом уже давно”, – ответил Пеньковский.

Во время следующих бесед Пеньковский рассказал американским и британским агентам, что его карьера в советской разведке рухнула и он был обозлен. Его отец умер, когда ему было всего четыре месяца. Мать говорила, что тот умер от тифа. Но год назад обнаружили документы, из которых следовало, что отец служил поручиком в белой армии и сражался с большевиками, что поставило лояльность Пеньковского под сомнение. Его обвинили в том, что он скрыл эту информацию. Назначение в Индию не состоялось, его отодвинули в сторону. Он возненавидел КГБ.

Во время двух продолжительных поездок в Лондон, сначала в апреле-мае, затем в июле-августе, и во время визита в Париж в сентябре-октябре 1961 года Пеньковский провел с сотрудниками британской и американской разведок 140 часов в прокуренных гостиничных номерах. Расшифровки разговоров заняли 1200 страниц. Он также доставил 111 катушек отснятой фотопленки. С помощью крохотной фотокамеры *Minox* он отснял в Москве больше 5000 страниц секретных документов, почти все они касались советских вооруженных сил и были взяты из библиотек военных учреждений и ГРУ. Пеньковский был азартен и охотно шел на риск. Однажды он заснял совершенно секретный доклад прямо на столе полковника, который ненадолго вышел из кабинета.

Не все беседы с американскими и британскими агентами проходили гладко. На одной из первых встреч в гостинице *Mount Royal* Пеньковский представил диковинный план захвата Москвы и всего советского руководства. Он хотел разместить в Москве 29 маленьких ядерных зарядов, распределив их случайным образом в разных местах города в чемоданах или мусорных баках. Соединенные Штаты должны были предоставить заряды, проинструктировать его, как приваривать их ко дну мусорного бака, и выдать ему детонатор. С немалым трудом его удалось отговорить от этой затеи^{21}.

Однако Пеньковский относился к своей разведывательной миссии серьезно и продемонстрировал ЦРУ, что один-единственный тайный агент может предоставить огромное количество материала. Когда его спросили, может ли он добыть экземпляры журнала советского генштаба “Военная мысль”, и попросили отыскать его секретную версию, Пеньковский уточнил, не хочет ли ЦРУ получить и совершенно секретный вариант. В ЦРУ не знали, что такой вообще существует. Пеньковский предоставил экземпляры почти всех номеров журнала, где советские генералы обсуждали концепцию войны в ядерную эпоху^{22}. В его докладах содержались критически важные соображения о намерениях СССР во время блокады Берлина 1961 года. Он первым сообщил Западу о существовании крайне важной структуры – Военно-промышленной комиссии, принимавшей решения по системам вооружений, – и передал ключевые технические характеристики ракет средней дальности Р-12, которые Советский Союз отправил на Кубу осенью 1962 года (прежде всего дальность ракет и время их подготовки к запуску). Донесения Пеньковского, закодированные как “эвкалипт” и “гаичка”, сыграли ключевую роль в принятии решений во время Карибского ракетного кризиса, когда президент Кеннеди дал отпор Хрущеву^{23}. Информация Пеньковского о советских ракетах средней дальности была включена в ежедневный доклад президенту на третьей неделе октября 1962 года. Кроме того, данные Пеньковского вместе с первыми сообщениями со спутника-шпиона *Corona* опровергли миф о том, что СССР выпускает межконтинентальные баллистические ракеты как сосиски, чем хвастался Хрущев. “Отставание в ракетной технике” оказалось вымышленным.

В то время Пеньковский был самым результативным агентом за всю историю операций США в Советском Союзе^{24}. ЦРУ и МИ-6 договорились платить ему одну тысячу долларов в месяц за информацию, стоившую миллионы^{25}. После встреч в гостиницах Лондона и Парижа операция перешла во вторую фазу: Пеньковского стали вести непосредственно в Москве. Британский бизнесмен Винн, периодически бывавший в Советском Союзе, встречался с Пеньковским, получал от него информацию и передавал ее МИ-6. Но Пеньковский жаждал напрямую работать с американской и британской разведками в Москве.

ЦРУ не было к этому готово. Сразу после катастрофы с “Компасом” началась подготовка агента на замену, но в последний момент он отказался, и у ЦРУ в критический момент не было под рукой никого. “У нас там сидел

все более отчаивавшийся и очень ценный агент, и некому было контактировать с ним”, – вспоминал сотрудник ЦРУ, который в то время участвовал в операции{26}. У управления также не было необходимого для этой операции шпионского снаряжения{27}.

Хотя на встречах в Лондоне и Париже главную роль играли американцы, во время операции в Москве на первый план вышли британцы. По словам сотрудника ЦРУ, “МИ-6 смогла сделать то, чего не могли мы, – разработать и выполнить оперативный план прикрытия для этого агента”. Британцы выбрали в качестве куратора Пеньковского Дженет Чизхолм, жену начальника резидентуры МИ-6. Она встречалась с Пеньковским около десятка раз – на приемах и коктейле в британском посольстве, в почти пустой кулинарии при ресторане “Прага”, в комиссионном магазине, в парке и в подъездах жилых домов – и зачастую в трудных условиях, в присутствии троих своих детей. Пеньковский передавал катушки с пленкой в коробке шоколада, предназначенной для детей. Он казался буквально одержимым. В ЦРУ боялись, что он слишком часто встречается с миссис Чизхолм. Когда ЦРУ наконец направило в Москву подготовленного агента для работы с Пеньковским (это было в конце июня 1962 года), работать ему пришлось недолго. В последний раз сотрудники ЦРУ видели Пеньковского на приеме в посольстве США 5 сентября 1962 года, а затем он исчез{28}.

КГБ заподозрил его в измене, в результате чего под наблюдением оказалась и миссис Чизхолм. Сотрудники КГБ просверлили отверстие в потолке однокомнатной квартиры Пеньковского и установили там камеру для слежки за ним. Еще одна камера, размещенная КГБ в соседнем здании, тоже снимала происходящее в его квартире. В ходе обыска была обнаружена камера *Minox*, руководство для шифровки сообщений и радиоприемник, который он получил для секретной связи с Западом. В сентябре или октябре 1962 года Пеньковского арестовали, публично судили и обвинили в шпионаже. 16 мая 1963 года его казнили{29}.

Практически в то же время, когда Пеньковский общался с американскими и британскими агентами в лондонских и парижских гостиницах, еще два советских офицера предложили свои услуги Соединенным Штатам. В обоих случаях это произошло за пределами СССР. В 1961 году Дмитрий Поляков, офицер советской военной разведки, назначенный на работу в ООН, предложил сотрудничество американцам в

Нью-Йорке. ФБР присвоило ему кодовое имя “Цилиндр”. Затем в 1962 году Алексей Кулак, который занимался в КГБ научно-технической разведкой, предложил свои услуги ФБР в том же Нью-Йорке в обмен на денежное вознаграждение. Он получил кодовое имя “Федора”. Оба они были важными и ценными агентами ЦРУ и ФБР в разные моменты в 1960-х и 1970-х годах, но по большей части с ними работали за границами Советского Союза. ЦРУ удавалось вербовать агентов и шпионов и находить добровольцев в разных других “глухих переулках”, но не в центре СССР, не на улицах Москвы.

После потери Пеньковского ЦРУ долго не могло добиться в Москве никаких результатов. Главной причиной было безграничное влияние Джеймса Энглтона, шефа контрразведки в штаб-квартире. При нем ЦРУ впало в состояние тяжелой паранойи и оперативного паралича. Энглтон был весьма примечательной фигурой: высокий, худой, эксцентричный, в совиных очках, темных костюмах и широкополых шляпах, он был отзывчив с друзьями и непроницаем для остальных. Он правил своим автономным подразделением, держа документы при себе и не давая к ним доступа другим службам ЦРУ. Стол Энглтона был завален досье, а сам он сидел в клубах сизого дыма, поскольку курил не переставая. У него было два хобби: выращивание орхидей и изобретение хитроумных наживок для ловли форели. Проработав шефом контрразведки ЦРУ двадцать лет, с 1954 по 1974 год, Энглтон окружил себя и свою работу флером таинственности. Скрытный, подозрительный и неутомимый, он был одержим мыслью, что КГБ успешно манипулирует ЦРУ, разрабатывая свой грандиозный генеральный план дезинформации. Энглтон часто говорил о “пустыне зеркал” – это выражение он заимствовал из стихотворения Т. С. Элиота “Стариканус”, – ему казалось, что оно точно описывает хитросплетения и обманы, при помощи которых КГБ запутывает Запад. В 1966 году Энглтон писал, что “сплоченный и целеустремленный социалистический блок” стремится распространять на растерянном Западе намеренную ложь о “расколах, эволюции, борьбе за власть, экономических катастрофах [и] хорошем и плохом коммунизме”. Как только эта программа стратегического обмана будет выполнена, Советский Союз прикончит западные демократии одну за другой. Лишь специалисты по контрразведке, утверждал он, могут предотвратить эту катастрофу. Подозрениями Энглтона были проникнуты дух и само содержание операций, проводившихся ЦРУ в отношении Советского Союза в 1960-х, – и это привело к катастрофическим последствиям. Два директора ЦРУ, Аллен Даллес и Хелмс, позволяли

Энглтону действовать по своему усмотрению. Он считал, что ни одному человеку и никакой информации, исходящей из советского КГБ, нельзя доверять. А если некому доверять, то и шпионов быть не может{30}.

Контрразведка крайне важна в деятельности любого разведывательного ведомства – она предотвращает внедрение агентов теми же методами, какие сама использует. Во время холодной войны от нее требовалось сочетание внешней бдительности – отслеживания каждого шага КГБ и, при возможности, переигрывания его – и внутренней настороженности, не позволяющей ЦРУ самому оказаться жертвой обмана или двойных агентов. В идеале работа контрразведки должна идти в связке со сбором разведданных, однако на деле между ними всегда возникало естественное напряжение. Оперативник мог кропотливо разрабатывать агента, чтобы обеспечить новый источник “позитивных разведданных”, плодов шпионажа, а затем офицер контрразведки ставил вопрос о том, можно ли доверять этому источнику. ЦРУ требовалось и то и другое, однако сокрушавшая все контрразведка Энглтона стала в 1960-х чересчур влиятельной. Все без исключения объявлялось или подозрительным, или дискредитированным.

Взрослая жизнь Энглтона проходила в мире, где обман был всё. Закончив Йельский университет, он вошел в элиту контрразведки и работал в Лондоне на военное Управление стратегических служб. Там он стал свидетелем ошеломительной обманной операции британцев против нацистской Германии, известной как *Double Cross* (“двойной крест”). Британцы выявляли немецких агентов и использовали их против врага, фактически нейтрализуя сбор разведданных нацистскими спецслужбами. Энглтон вел агентов в Италии, а потом вернулся в штаб-квартиру, где стал директором контрразведки ЦРУ. Он был уверен, что КГБ осуществляет против Соединенных Штатов масштабную программу “стратегического обмана”. Возможно, свою роль в этом сыграла его дружба с Кимом Филби. В 1950-х с этим британским сотрудником МИ-6 Энглтон поддерживал тесный контакт. В 1963 году Филби был раскрыт как агент КГБ; он бежал в Москву. ЦРУ давно подозревало Филби, однако Энглтон, возможно, воспринял подтверждение этих подозрений как еще одно доказательство того, что КГБ не дремлет – он вездесущ.

Однако самое сильное влияние на Энглтона оказал Анатолий Голицын, офицер КГБ среднего звена, который стал перебежчиком в 1961 году.

Голицын выстроил сеть из собственных версий и домыслов, которые укрепили подозрения Энглтона в наличии у КГБ “генерального плана” обмана Запада. Сотрудники ЦРУ называли это энглтоновским “заговором чудовищ”. Голицын утверждал, что всякий перебежчик или доброволец, предложивший сотрудничество после него, будет частью этого “генплана”. Конечно, КГБ пытался вводить Запад в заблуждение, но Энглтон нагнетал страх перед этим обманом. В 1964 году он организовал охоту за “кротами” внутри ЦРУ: Голицын настаивал, что от пяти до тридцати штатных и внештатных сотрудников управления – “подсадные утки” КГБ. В итоге не нашли ни одного предателя, но нескольким работникам испортили карьеру. Среди попавших под подозрение были первый начальник резидентуры в Москве и глава подразделения, занимавшегося советскими операциями; с обоих впоследствии подозрения были сняты. Еще один сотрудник КГБ, Юрий Носенко, перебежавший в США в 1964 году, был помещен под стражу и три с лишним года подвергался допросам ЦРУ, потому что Энглтон и Голицын усомнились в его честности.

Со временем подозрительностью Энглтона заразилось все “советское” подразделение ЦРУ. Пагубная недоверчивость и оперирование домыслами стали серьезным препятствием для разведывательных операций в Советском Союзе. Преодолеть его не могли ни потенциальные агенты, ни позитивные разведданные. Московская резидентура была невелика, в ней работали четыре-пять сотрудников, и они вели себя все осторожнее, тратя уйму времени на подготовку тайников, на тот случай, если у них все-таки появится свой шпион. Один оперативник за два года работы в московской резидентуре так и не увидел ни одного настоящего агента. Роберт Гейтс, который начал работать в ЦРУ в 1968 году как специалист по Советскому Союзу, а потом дорос до директора ЦРУ, вспоминал, что “из-за чрезмерного усердия Энглтона и сотрудников его контр разведки в этот период у нас было крайне мало настоящих агентов в СССР”{31}.

Оперативники нового поколения – те, кто пришел в ЦРУ в 1950-х и кого раздражали введенные Энглтоном ограничения, – хотели пробудить управление от летаргического сна. Среди них был Бертон Гербер. Этот долговязый и любопытный парень вырос в процветающем маленьком городе Верхний Арлингтон, штат Огайо, во время Второй мировой войны. По утрам он развозил на велосипеде газету *Ohio State Journal*,

выпускаявшуюся в Колумбусе. Пока мать готовила ему завтрак к 5.15 утра, он складывал сотню газет и паковал их в рюкзак. Часто он прочитывал статьи о войне на первой полосе газеты. В 1946 году ему было тринадцать, он был одушевлен патриотизмом и часто думал: а как устроена жизнь в тех далеких странах, о которых он читал в газете? Он хотел увидеть их сам. Гербер поступил в Мичиганский университет в Ист-Лансинге, со стипендией, и получил диплом по международным отношениям. Он подумывал пойти на дипломатическую службу, но в конце весны 1955 года, в последнюю четверть своего последнего учебного года, согласился сходить на собеседование с рекрутером из ЦРУ в университетском кампусе. ЦРУ в те годы было не на слуху, об управлении вообще было мало что известно. Представитель ЦРУ не мог рассказать Герберу ничего о самой работе. Но, может, ему это будет интересно? Гербер ответил, что будет, взял форму заявки, заполнил ее в студенческом клубе и выслал по почте. Еще до конца года его пригласили на работу. Ему было двадцать два. После краткосрочной службы в армии он прошел подготовку в ЦРУ для разведывательной работы, а потом получил назначение во Франкфурт и Берлин{32}.

Через Берлин, кишевший шпионами, проходила линия фронта в холодной войне. Берлинская операционная база находилась в самом центре крупнейшей в мире концентрации советских войск. ЦРУ пыталось вербовать советских граждан как агентов и перебежчиков, но это была тяжелая и кропотливая работа. Между тем одна из главных задач базы была технической: использовать 450-метровый секретный туннель, ведущий в советский сектор в Восточном Берлине, для прослушивания линий связи советских и восточногерманских войск. Так удалось перехватить множество звонков и телексов. Соединенные Штаты и Британия расшифровали 443 тысячи разговоров, из них 368 тысяч – между советскими военными. Прослушивающие устройства работали с мая 1955 года до апреля 1956 года, когда были обнаружены{33}.

Гербера обучили традиционным методам работы с агентами-разведчиками: поиску и закладке тайников, шифрованию сообщений, отправке и получению сигналов, обнаружению слежки. В Берлине 1950-х был распространен такой метод шпионажа: источников с восточной стороны склоняли являться для бесед на конспиративную квартиру в Западном Берлине; именно так действовал Кизевальтер в случае Попова. Для этого человек должен был иметь свободу перемещения с

востока на запад – такое было возможно до возведения Берлинской стены в 1961 году. Позже у офицеров разведки появились другие трудности: необходимость вести агентов на расстоянии. У ЦРУ по-прежнему было мало опыта работы в закрытых обществах советского блока. В штаб-квартире тон в решении задач задавали в основном ветераны Управления стратегических служб – разведывательной службы времен Второй мировой. Во время войны они занимались дерзкими, почти военными операциями, но предпочтение отдавали безопасным методам – тем, что не требуют личного контакта (например, закладке тайников).

Используя тайники в местах, известных только агенту и его куратору, они обмениваются сообщениями и разведданными, никогда не встречаясь друг с другом. Новому поколению сотрудников, пришедших в ЦРУ после войны, тайники казались верхом предосторожности. Неугомонные и нетерпеливые, эти люди начали придумывать новые методы и экспериментировать с ними. Берлинская база стала опытным полем для работы со шпионами по ту сторону “железного занавеса”. Вместо того чтобы приглашать агентов на явочную квартиру, оперативники придумывали более оригинальные способы проникновения в закрытые зоны.

К счастью, подозрительность Энглтона не распространялась на Восточную Европу. Похоже, что она его не особенно волновала, и он не уделял ей много внимания, хотя государства – сателлиты СССР выстраивали там спецслужбы по модели КГБ и его предшественников^{34}. “Глухие переулки” Берлина, Варшавы, Праги, Будапешта, Софии и других городов Восточной Европы стали испытательным полигоном для молодых оперативников ЦРУ. Они изобретали новые методы шпионажа в “запретных районах”, как их называли в ЦРУ. Но их способ мышления был еще важнее, чем методы. Гербера вдохновляла сама задача тех дней – борьба с коммунизмом и Советским Союзом. Он и его однокурсники в первых своих поездках за границу не хотели просто сидеть в кресле. “Железный занавес” не внушал им страха. Они сделали шпионаж своей профессией и презирали пассивность. Герберу никогда не нравился термин “запретные районы”. Запретные для кого? Не для него и не для его товарищей.

И не для Хэвиленда Смита. Прибыв на берлинскую базу в 1960 году полным идей, он стал пионером нового мышления, которое сформировал,

работая в Праге.

Выпускник Дартмутского колледжа, Смит служил в армейской службе безопасности, где в 1951–1954 годах занимался перехватом сообщений, написанных по-русски и с помощью азбуки Морзе. Затем он поступил в Лондонский университет на аспирантскую программу по изучению России и параллельно иногда брал подработки от ЦРУ. У Смита были ярко выраженные способности к языкам, он говорил по-французски, по-русски и по-немецки. В 1956 году он пришел работать в ЦРУ, и его отобрали для командировки в Чехословакию. Смит всюду занимался языковой подготовкой, когда в 1958 году ему неожиданно предложили возглавить пражскую резидентуру. Его предшественник был не слишком активен и внезапно покинул свой пост. Смит прибыл на новую работу в марте. Он уже владел чешским в достаточном объеме, но был слабо подготовлен к той секретной деятельности, которой намеревался заняться. Его не учили ремеслу шпионажа: как отправлять секретные письма, как выбирать места для тайников и пользоваться ими, обнаруживать слежку и избавляться от нее, как проводить встречи с агентами, – притом во враждебной среде, где постоянно велось наблюдение. Смит пришлось учиться самому и на ходу^{35}.

Смит узнал, что в пражской резидентуре имеются десятки современных раций, и тут пригодился его армейский опыт перехвата сообщений. Он выяснил радиочастоту, которой пользовались чешские спецслужбы в автомобилях наблюдения, следивших за посольством США, и смог взломать их голосовые коды. Если Смит требовалось произвести закладку в тайник или отправить письмо, он включал рацию и магнитофон, чтобы записать переговоры. Затем он отправлял письмо или помещал что-то в тайник, возвращался и прослушивал запись. Если за ним следили, пока он был у тайника, он отменял операцию, если же признаков слежки не было, то подавал агенту сигнал, что можно забирать передачу. “Прага была идеальным местом для тех операций, что мы разрабатывали, – вспоминал он. – Красивый старинный барочный город, не затронутый войной. С узкими старыми улочками, сводчатыми проходами и переулками”. Путем проб и ошибок Смит установил, что большую часть времени находится под наблюдением. Как-то раз ему показалось, что хвоста нет, однако затем выяснилось, что за ним следят 27 разных автомобилей. Смит был потрясен и понял, что какие бы операции он ни проводил, их придется выполнять под наблюдением. Никогда нельзя исходить из того, что все чисто. Это был

важный урок для работы в “запретных районах”.

Смит начал экспериментировать. Он стал формировать повторяющиеся наблюдаемые модели поведения, которые усыпляли бы бдительность групп наблюдения. Он начал водить машину медленно и осторожно, чтобы убедить чешскую слежку, что, идет ли он пешком или едет на машине, ей заранее известно, куда он направляется, и его можно оставить в покое. Каждый второй вторник к 10 утра он ездил в парикмахерскую, а затем, медленно ведя машину, сразу возвращался в офис. Через полгода Смит выяснил, что во время поездки в парикмахерскую за ним не следят, если он отсутствует не более 45 минут. Каждый вечер он отвозил домой няню своих детей, что занимало 40 минут. Со временем группе наблюдения надоело следить и за этим. Так Смит создал две возможности для оперативной работы, и в эти интервалы можно было успеть отправить письма, посетить тайник или сделать что-то еще. С помощью этого жесткого, тщательно выстроенного графика Смит обнаружил в поведении тайной полиции то, чего прежде никто не замечал: ее сотрудники бывают склонны к лени и к стереотипному, шаблонному мышлению. Иллюзионист в состоянии обмануть их.

Но этого знания Смиту было недостаточно. Да, его поведенческая модель позволила высвободить два временных зазора, но она была слишком жесткой. Он хотел большей гибкости, хотел иметь возможность выполнить указания из штаб-квартиры в кратчайший срок и даже под наблюдением. Поэтому он стал еще усерднее выискивать другие зазоры. Он обнаружил, что, когда идешь или едешь по переулкам, можно временно пропадать из поля зрения преследователей. Пропасть можно было на очень короткое время, не вызывая при этом у наблюдателей никаких подозрений. При правильных действиях это давало Смиту достаточно времени, чтобы мгновенно встретиться с агентом, отправить письмо или заложить что-то в тайник, будучи полностью вне зоны видимости. Идея была простая: он заворачивал за угол; когда за ним следовали пешком, после двух резких поворотов внутри одного квартала группа наблюдения настолько отставала, что Смит оказывался вне поля ее зрения с момента поворота за второй угол до момента, когда первый преследователь нагонял его и сворачивал за тот же угол, – где-то от 15 до 30 секунд. Этого было достаточно.

Смит также отработал концепцию мгновенной передачи, при которой агент появлялся точно в нужный момент. Он стремительно выходил на

оперативника, передавал или забирал пакет и покидал место встречи. Если все было просчитано верно, тайная полиция не могла заметить уходящего агента, он исчезал мгновенно. Многое здесь зависело от правильного выбора места: наличия выступающих углов, которые блокируют обзор для группы наблюдения, и пути для быстрого отхода агента.

Затем Смита назначили в Берлин. Город был другой, более протяженный, но Смит по-прежнему использовал зазоры в графике и работал под наблюдением. Его нововведения демонстрировали отход от прежних методов и возможность вести разведывательные операции в стрессовой обстановке закрытых зон. По предложению штаб-квартиры Смит начал обучать новым приемам других берлинских оперативников, внедряя все то, что успел применить, работая “в зазорах”. На многие годы оперативная работа “в зазоре” стала девизом и надежным методом оперативников ЦРУ.

В 1963 году Смит вернулся в Соединенные Штаты и организовал курс для сотрудников, направляемых в Восточную Европу и Советский Союз, куда включил и разработанную им спецподготовку. Однако руководство ЦРУ он нашел по-прежнему настроенным очень осторожно и нерешительно. Смита попросили обучить чешского агента, прибывшего в США. Агент наотрез отказывался пользоваться тайниками, потому что не хотел оставлять без присмотра компрометирующие его секретные послания и пленки, – там их могла обнаружить чешская тайная полиция. Когда Смит показал ему метод молниеносной передачи материалов, агент охотно согласился его применять, потому что тогда он передавал документы прямо в руки ЦРУ. В штаб-квартиру Хелмсу был послан запрос на разрешение использовать новые методы в пражских операциях. Даже не поинтересовавшись существом дела, Хелмс отказал, заявив, что после дела Пеньковского “у него задница до сих пор горит” и он больше не участвует в “такого рода делах”, вспоминал Смит. Чешский агент отправился в Прагу, не получив разрешения на молниеносную передачу, и так прошел год. Смит донимал штаб-квартиру, добиваясь от нее разрешения. В Восточной Европе стали постепенно появляться новые ценные агенты, и Смит считал традиционные процедуры с тайниками совершенно устаревшими.

В 1965 году Хелмс согласился на эксперимент. Он отправил своего заместителя Томаса Карамессинеса на демонстрацию молниеносной передачи. Смит устроил ее в вестибюле роскошного старого отеля

“Мейфлауэр” в центре Вашингтона. Во время демонстрации передача прошла так искусно, что Карамессинес ее просто не заметил. Все дело было в ловкости рук: оперативник театральным жестом встряхнул дождевик левой рукой, одновременно правой передавая пакет Смиту. Карамессинес видел дождевик, но не пакет. Смит выучился этой технике у профессионального фокусника. На следующий день Хелмс одобрил использование молниеносной передачи в Праге. Впоследствии чешский агент передал ЦРУ сотни катушек пленки. Молниеносная передача с некоторыми модификациями потом использовалась по всей Восточной Европе и в Советском Союзе.

Молодое поколение адаптировало приемы по ходу дела. Дэвид Форден, оперативник, которого учил Смит, отправился в Варшаву и изобрел технический прием с использованием автомобиля, который медленно дважды заворачивает за угол и в образовавшийся временной зазор человек в машине обменивается пакетами с агентом. Это была своего рода та же молниеносная передача, но с использованием автомобиля. “Я подал свое предложение, которое мне казалось ценным как спецприем для встреч в зонах, где ведется жесткое наблюдение за американскими шпионами, – вспоминал Форден. – Мне ответили из центрального аппарата нашего подразделения: “Рискованно. Опасно. Не сработает”. На что я ответил: “Слушайте, все это рискованно и опасно. Но это сработает”. Форден впоследствии стал куратором одного из самых результативных и ценных агентов ЦРУ, Рышарда Куклинского, полковника польской армии, предоставившего чрезвычайно важную информацию по Варшавскому договору{36}.

Гербер экспериментировал с еще более радикальной идеей – личной встречей с агентом. Молниеносная передача – это очень быстрый обмен в ситуации слежки. Гербер же стремился к реальной встрече с агентом вдали от наблюдателей. В штаб-квартире пришли в ужас, но Гербер полагал, что сможет это отладить во время своей следующей командировки – в Софии, столице Болгарии. Личные встречи не предполагались долгими, и Гербер считал, что при должной осторожности они возможны. Письменное сообщение, переданное через тайник, было ограничено тем, что говорилось на бумаге, но при личной встрече Гербер мог взглянуть агенту в глаза, задать вопрос, увидеть его жестикуляцию, его настроение. Он также считал, что когда работаешь оперативником и шефом резидентуры, ты должен идти на рассчитанный риск. Шпионаж требовал умения рисковать.

И по поводу личных встреч Гербер демонстрировал неиссякаемый энтузиазм.

В первые годы холодной войны дефицит личных контактов в Советском Союзе вынудил Соединенные Штаты обратиться к технологиям, сильной стороне Америки. Сначала шпионский самолет U-2 в 1950-х, а затем спутники *Corona*, *Gambit* и *Hexagon*, запущенные в 1960-х и 1970-х, открыли новые горизонты шпионажа – воздушную фоторазведку и радиотехническую разведку. Самая продвинутая из спутниковых систем, *Hexagon*, была способна фотографировать 80–90 процентов застроенных территорий Советского Союза дважды в год, один спутник за один пролет покрывал полосу размером 555 на 12 963 километра. Для американского руководства спутники стали надежным способом слежения за стратегическим вооружением и страховкой от сюрпризов^{37}.

Но как извлекать секреты, таящиеся в сейфах и в головах людей, – секреты, которые спутник не может увидеть? ЦРУ пыталось изобрести эффективные техники нахождения, вербовки и ведения агентов на советском направлении. Так, в одном внутреннем исследовании ЦРУ предлагалось искать маргиналов, неудачников, людей с психологическими проблемами среди советских дипломатов^{38}. Другой документ выдвигал теорию, что в новом поколении избалованных молодых людей, среди советской “золотой молодежи”, с большей вероятностью найдутся желающие стать агентами или перебежчиками^{39}. Третью идею выдвинул штатный психолог ЦРУ: искать тех, у кого проблемы в браке, кто разочаровался в своей работе, кого лично обидели или кому помешали делать карьеру^{40}.

Гербер, вернувшийся в штаб-квартиру в 1971 году, не верил, что есть одна простая формула. Скорее, доказывал он, нужно действовать прагматично: выяснять, кто владеет секретами, и находить к ним подходы. “Работает то, что работает”, – говорил он часто. Но Гербер также понимал, что ЦРУ, отягощенное грузом прошлых подозрений, не слишком привлекает добровольцев в Москве. Тем русским, кто осмеливался явиться в посольство, обычно задавали несколько вопросов и указывали на дверь. Редко когда предпринимались попытки понять, искреннее ли это предложение. Влияние Энглтона по-прежнему сказывалось.

Гербер, имея небольшой штат и руководствуясь лишь собственной

интуицией, начал изучать вопрос системно: он поднял документы на каждого человека, который добровольно предлагал делиться информацией в Москве за последние пятнадцать лет (а в Восточной Европе – за десятилетие). Он читал досье и шифрограммы, обращая внимание на каждую мелочь. В совокупности эти данные вопияли об ошибочности подозрений Энглтона. Гербер пришел к выводу, что ЦРУ регулярно отвергало искренних добровольцев, отказываясь, возможно, от ценных разведданных. Он заключил, что гораздо продуктивнее проверять тех, кто предлагает свои услуги, а не исходить из того, что все они – часть плана КГБ по дезинформации. Он считал, что ЦРУ в Москве было достаточно умелым, чтобы отделять настоящие источники от фальшивых. Кроме того, он заметил повторяющуюся схему: те добровольцы, которых КГБ использовал как приманку в ловушке, обычно уже были известны предполагаемым получателям информации; до этого они могли сталкиваться раз или два. Так работал КГБ: чтобы поймать кого-то в западню, они выставляли узнаваемую наживку, делая ловушку более привлекательной. Изучая документы, Гербер обнаружил также, что КГБ руководствуется определенной схемой и в отборе людей-приманок. Ими никогда не становились действующие сотрудники КГБ, потому что спецслужба не доверяла своим людям настолько, чтобы позволять им вступать в отношения с американскими оперативниками. КГБ также не использовал людей, незнакомых адресату. Вывод Гербера: не бойтесь принимать что-то от человека, которого вы никогда прежде не видели – это, скорее всего, не опасно. Возможно, это бесполезно, но не опасно. Однако, размышлял Гербер, если ваш советский знакомый жаждет сунуть вам в руки конверт, будьте осторожны: вот это может оказаться ловушкой^{41}.

Эти наблюдения в ЦРУ прозвали “правилами Гербера”, и они обозначили поворотный момент: они опровергли подход Энглтона. Не каждый доброволец был приманкой. Свои выводы Гербер представил в отчете в мае 1971 года. Хелмс, наконец, был уже по горло сыт влиянием Энглтона и на расчистку завалов поставил нового начальника “советского” отдела. Им стал Дэвид Бли, ветеран Управления стратегических служб, которого забрасывали в тыл врага во время Второй мировой; он работал на ЦРУ с момента его основания в 1947 году. Бли – спокойный и сдержанный человек, разведчик старой школы, служивший резидентом в Южной Африке, Пакистане и Индии, а позже глава ближневосточного направления – не имел никакого опыта работы с Советским Союзом. Это-то Хелмсу и требовалось: человек, который не заражен энглтоновскими подозрениями.

Бли дал всем понять: пора всерьез заняться обзаведением корреспондентом внутри Советского Союза. В декабре 1974 года Энглтона вынудили уйти в отставку, но еще до того, как он покинул штаб-квартиру, забрезжила заря новой эры. Более агрессивный подход начал приносить плоды{42}.

В январе того года ЦРУ завербовало советского дипломата, служившего в Боготе, столице Колумбии. Александр Огородник был сыном высокопоставленного офицера советского флота; 39 лет, высокий, привлекательный, атлетического сложения, темноволосый. В Боготе Огородник служил секретарем посольства по экономическим вопросам. У него была масса проблем. КГБ вынуждал его стать информатором, эту роль он выполнять не хотел, но боялся отказаться. Он был женат, но у него была колумбийская любовница. Он приобрел машину – необычный поступок для советского дипломата – и, похоже, наслаждался светской жизнью в городе. И ему были нужны деньги.

Предложение о сотрудничестве оперативник ЦРУ сделал Огороднику в турецкой бане крупного отеля в центре Боготы. Огородник, не колеблясь, ответил согласием. Он сообщил собеседнику, что терпеть не может КГБ и хочет изменить советскую систему. Но его мотивация была и личной. Он хотел, чтобы его труд щедро оплачивался. Огородник согласился, чтобы ЦРУ хранило большую часть его жалованья на депозите, но некоторую часть он тратил, покупая изумрудные украшения для своей матери и более скромные вещицы для себя, вроде контактных линз, которые в Советском Союзе в то время приобрести было невозможно{43}.

Огородник с удовольствием погрузился в шпионскую подготовку в Боготе. Обычно, по словам бывшего высокопоставленного сотрудника ЦРУ, такая тренировка требовала месяцев обучения и многих лет для оттачивания навыков, но Огородник справился с ней в считанные недели. Он научился фотографировать документы сначала 35-миллиметровой камерой, а потом новой миниатюрной камерой Т-50, разработанной ЦРУ. Крошечная камера была упрятана внутрь большой перьевой ручки. Пленка в Т-50 была не слишком светочувствительной. Для съемки документов требовалось яркое освещение и твердая рука, чтобы держать камеру.

Однажды Огородник принес своим кураторам из ЦРУ неожиданную новость. Советское посольство получило совершенно секретный аналитический доклад по Китаю, который можно было прочесть только в

запертой комнате в помещениях КГБ. Огородник дважды пытался пронести в комнату перьевую ручку, но это замечал бдительный охранник. Наконец он прибыл на встречу и прямо в дверях гостиничного номера объявил своему наставнику из ЦРУ: “Кажется, у меня получилось”. Сотрудник ЦРУ спешно передал камеру ожидавшему курьеру, который, не выпуская ее из рук, доставил на самолете в штаб-квартиру в Лэнгли, штат Виргиния. На пленке оказались все 50 страниц документа, кроме двух{44}.

В 1974 году Огородника перевели в Москву, что сделало его еще более ценным агентом для США. Он сообщил в ЦРУ, что у него лишь одна просьба: выдать ему пилюлю для суицида на случай, если его поймают. В ЦРУ заколебались, и Огородник вылетел в Москву без таблетки. Но у него была с собой книга, в которой были спрятаны инструкции и график коммуникаций с ЦРУ.

ЦРУ нащупывало выход из “пустыни зеркал”. Огородник стал первым агентом этой новой эпохи – но отнюдь не последним.

Глава 2

Московская резидентура

Марти Питерсон вела в Москве напряженную двойную жизнь. У нее было много дел на служебном месте в посольстве США – пять дней в неделю, восемь часов в день. В посольстве работали десятки советских людей, и восемь из них сидели рядом с Питерсон. Все они были женщины, все – потенциальные информаторы КГБ. Питерсон хорошо справлялась с работой, приходила вовремя и по окончании рабочего дня выходила повеселиться в компании с другими одинокими мужчинами и женщинами, работавшими в посольстве. Всё в ее квартире: одежда, сумочки, туфли, хозяйственные сумки, письма из дома, музыка, книги – говорило о том, что она типичная молодая американка, сотрудница посольства. Но днем она часто уходила, говоря, что идет обедать, и проводила час в московской резидентуре ЦРУ, печатая отчеты или готовясь к операции. Вечерами и в выходные она проверяла и фотографировала места встреч, доставляла и забирала посылки агентов, управлялась с электроникой, предназначенной для коммуникаций со шпионами, и постоянно была настороже: нет ли признаков, что КГБ в курсе ее занятий? Это была утомительная двойная жизнь. Днем Питерсон поддерживала обычный график обычной сотрудницы посольства, а во все оставшееся время несла полноценную нагрузку в ЦРУ. Эти две роли не следовало путать: первая должна была быть убедительной, вторая – незримой.

Питерсон – первая женщина, которая стала оперативным сотрудником ЦРУ в московской резидентуре. Ее лично выбрал шеф резидентуры Роберт Фултон, который просчитал, что КГБ не обратит внимания на женщину: в советской спецслужбе на таких ролях были задействованы лишь мужчины. Фултон, которому тогда было 49, посвятил свою служебную жизнь незримой войне с коммунизмом. Он служил в Корее в качестве офицера военной разведки, а в 1955 году начал работать в ЦРУ. Среди его заданий были разведывательные операции в Финляндии, Дании, Вьетнаме, Таиланде и Советском Союзе. Шпионаж стал его жизнью. Он был главной опорой для Питерсон: он терпеливо ждал, когда она придет в резидентуру в

обеденный час, всегда был внимателен и наставлял ее в технических вопросах. У него была искорка в глазах, и он никогда не принимал себя слишком всерьез.

В 1975 году, когда Питерсон приехала в Москву, ей было тридцать лет. Она только-только начинала выкарабкиваться из своей трагедии, справляться с горем и неуверенностью в том, как жить дальше. За несколько лет до этого она поехала с мужем, Джоном Питерсоном, в Лаос, где тот руководил военными операциями ЦРУ во время вьетнамской войны. 19 октября 1972 года вертолет Джона сбили, он погиб. Потеря раздавила Марти, на какое-то время она лишилась способности что-либо делать, только испытывала боль при виде антивоенных протестов в США. В конце концов она решила пойти по стопам Джона и в 1973 году устроилась в ЦРУ. Она родилась в семье бизнесмена из Коннектикута, получила гуманитарное образование, выросла в годы холодной войны и хорошо помнила учебные воздушные тревоги в школе. Но ею руководила не столько идеология, сколько ее собственная деятельная натура. Когда приятель предложил ей попробовать себя в тайных операциях, она ухватилась за этот шанс. Питерсон была привлекательной и одинокой женщиной, и расчет Фултона оказался верным: по ее прибытии в Москву КГБ не заподозрил, что она работает в разведке^{45}.

Московская резидентура представляла собой тесную комнатку на седьмом этаже посольства. Только там Питерсон могла быть собой. За стенами этой комнаты она должна была соответствовать своей легенде. Правила были жесткие: она не могла даже выпить кофе в кафетерии с другими сотрудниками ЦРУ, не говоря уже о неформальном общении с ними, потому что вокруг повсюду были советские граждане, которые могли донести в КГБ. Но оказавшись в резидентуре, она могла расслабиться, снять напряжение и разговаривать свободно. Еще в Соединенных Штатах Питерсон прошла обучение в ЦРУ, например, она тренировалась оставлять сообщение для агента, выбрасывая погремушку из движущегося автомобиля на парковке универмага *Hecht's* на севере Виргинии. Ее броски попадали в цель, но реальные задания оказались куда труднее и требовали большего напряжения. Первые несколько недель в Москве она изучала улицы, колеся по городу (часто вместе с подругой) за рулем своих квадратных “жигулей”.

Маленький радиоприемник, разработанный в ЦРУ, позволял

оперативникам на улице слушать разговоры группы наблюдения. Питерсон не слышала ничего. Коллеги в резидентуре завидовали ее возможности передвигаться без хвоста. Питерсон понимала: некоторые подозревают, что она просто не видит слежки. Она была твердо намерена доказать свою состоятельность, хотя сама то и дело испытывала сомнения. Может, она и правда не видит, как сотрудник КГБ наблюдает за ней из окна квартиры или милиционер следит за ней из своего “стакана” на перекрестке? Иногда казалось легче сдаться и сказать: да, она под наблюдением, – чем пытаться доказать, что слежки нет. Но она ее не видела и так и говорила. Питерсон часто брала с собой зеркальную камеру *Nikon* с широкоугольным объективом, принадлежавшую ее мужу Джону, и снимала на нее места возможных тайников или секретных встреч. Никто из прохожих ни разу не поинтересовался, чем она занимается^{46}.

Когда Питерсон прибыла в московскую резидентуру, операция с Огородником была в разгаре. Шпион получил кодовое имя *SKTRIGON* (“Треугольник”). Первые буквы *СК* обозначали “советский” отдел. По возвращении в Москву из Боготы Огородник получил работу в МИДе. Это не была руководящая должность, но на ней он имел доступ к секретным телеграммам, которыми обменивался головной офис с советскими посольствами по всему миру. Для ЦРУ это было просто идеально. После некоторой паузы Огородник обеспечил стабильный поток секретных документов из МИДа. Он хорошо овладел навыками съемки камерой Т-50, его снимки всегда были четкими и правильно кадрированными. Он следовал процедурам, о которых с ним договорились в Боготе, и подавал сигнал ЦРУ, паркуя свою машину с 19.00 до 19.15 перед домом, где жила его мать.

Однажды, когда Огородник подал сигнал, что готов передать посылку, Фултон отправился на встречу сам. Он спокойно посадил своего пса Голиафа в машину и двинулся к лесистому холму с видом на город неподалеку от МГУ. Подъезжая к месту закладки, Фултон заметил, как за ним лениво следует группа наблюдения КГБ. Но он часто выгуливал собаку в лесу, и они не подозревали ничего необычного. Когда Фултон открыл дверь, пес внезапно выпрыгнул и умчался в березово-сосновый лес. Фултон погнался за ним. Собака помочилась на дерево именно в том месте, где был оставлен пакет. Фултон быстро схватил его и сунул в карман куртки, пока сотрудники КГБ не успели разглядеть, что происходит. Он отнес пакет домой, но не открывал его, подозревая, что КГБ установил в его квартире

видеокамеру. На следующее утро пакет был вскрыт в резидентуре. В нем было десять катушек пленки и записка{47}.

В 1976 году появились первые признаки того, что назревает проблема. Огородник по непонятной причине не выходил на связь в феврале и марте. Затем, в апреле, оставить передачу в условленном месте поручили Питерсон – это было ее первое оперативное задание в Москве. Был холодный и снежный вечер. Посылку следовало оставить у фонарного столба. Над ней тщательно поработали технические специалисты ЦРУ: она выглядела как раздавленная сигаретная пачка, но внутри скрывались миниатюрная камера, катушки с пленкой и сообщение. Питерсон ловко положила на землю пакет, делая вид, что сморкается и поправляет сапог. Следуя плану, разработанному в резидентуре, она около часа ходила по улицам, замерзшая и взволнованная, а затем вернулась к столбу проверить, забрали ли посылку.

Пакет был на месте. Огородник не пришел. Питерсон подобрала посылку и отправилась домой, в тревоге и сомнениях.

21 июня, когда Питерсон отправилась на следующее задание, в посылке была самая важная передача, которую ЦРУ когда-либо готовило для Огородника: та самая пиллюля для суицида, которую он запрашивал. В муляже толстой полой ветки, изготовленном в ЦРУ, находились красивая черная перьевая ручка с капсулой жидкого цианида и другая, внешне такая же, ручка с вложенной миниатюрной камерой Т-50. Капсула с цианидом была хрупкой, ее легко можно было раздавить зубами. Питерсон, бережно прижимая к себе ветку, отнесла ее к фонарю в парке, положила под ним и ушла. Затем появился Огородник. Он подобрал ветку и оставил вместо нее нечто вроде смятого пакета из-под молока, который он измазал горчичниками – чтобы было похоже на рвоту и чтобы никто не стал его подбирать. Полтора часа спустя Питерсон вернулась к фонарю, увидела пакет, быстро сунула его в полиэтиленовый пакет в своей сумочке и пошла к соседней автобусной остановке. Она ликовала. Следующим шагом было начертить губной помадой тонкую красную линию на столбе у остановки. Это был сигнал Огороднику, что передача получена. Но от волнения Питерсон нажала слишком сильно, помада сломалась и оставила красное пятно. После успешного обмена посылками она чувствовала прилив адреналина, но одновременно и опустошенность. Пока Питерсон ходила по улицам, она много думала об Огороднике. Она никогда не встречалась с

ним лично. Должно быть, он чувствовал себя ужасно одиноким. Она спрашивала себя: боится ли он ареста? Отважится ли он воспользоваться пилюлей? Не подумает ли по ошибке, что конец близок, и не совершит ли самоубийство преждевременно?{48}

Позже, в том же 1976 году, Огородник вдруг запаниковал: ему показалось, что его подозревают. Тогда он выбросил ручку с капсулой цианида, а позже попросил новую. Питерсон приготовилась доставить ее еще раз на то же место, снова в полой ветке. Но в этот раз за час до того, как Огородник должен был подобрать передачу, Питерсон, подходя к парку, увидела, как он проезжает мимо в своей машине. Она узнала его автомобиль по номеру, но ее обескуражило то, что на пассажирском месте сидела женщина с “конским хвостом”. Кто это такая? Питерсон отошла за деревья и стала напряженно, не двигаясь, ждать. В нужное время Огородник пришел один, с чемоданчиком, и подобрал ветку. “Конского хвоста” с ним не было.

В долгие, темные зимние месяцы, когда на работе было совсем напряженно, Питерсон старалась расслабиться, катаясь на лыжах в окрестностях Москвы. Резидентура выбрала в одном из окрестных лесов место для тайника. Огородник просигналил, что готов оставить передачу в субботу 29 января 1977 года, в 9 утра. Место закладки было рядом с крупным валуном. Питерсон показали рисунок местности.

В то утро Москву накрыла снежная буря. Питерсон выехала за город, по дороге не встретив почти ни души, припарковала машину и заскользила по лесу на лыжах. Валун размером с “фольксваген” утопал в снегу. Она надеялась увидеть следы Огородника, но снег был нетронутым, как корка белой сахарной глазури. Никаких следов. Питерсон искала передачу, но не могла ее найти. Она была уверена, что посылка где-то там; может, Огородник оставил ее с другой стороны камня. Она начала копать – и не нашла ничего. В иступлении она перерыла и просеяла весь снег вокруг валуна.

Но передачи не было. Питерсон отправилась домой, обессиленная и встревоженная.

Незадолго до этого, в начале января, начальник резидентуры Фултон заехал на заправку, которой пользовались дипломаты и другие иностранцы,

жившие в Москве. Это был маленький павильон, с торчащими спереди насосами и надписью “Не курить”. Было 6 часов. Фултон пошел назад к автомобилю. Позади него ожидали очереди как минимум пять машин. Люди стояли рядом, разговаривали.

Когда Фултон открыл дверь машины, к нему подошел мужчина. Он заговорил по-английски: “Вы американец? Я бы хотел с вами поговорить”. Фултон не замечал его, пока тот не произнес эти слова.

Фултон ответил, что прямо здесь говорить трудно, и спросил мужчину, чего он хочет.

“А, трудно будет?” – с нажимом переспросил мужчина, как будто ожидал, что Фултон скажет именно это.

Перейдя на русский, он сказал: “Извините”, слегка наклонился к машине и оставил на сиденье сложенный листок бумаги. Фултон понял, что тот держал записку в ладони и явно успел обдумать свои действия.

Разговор продолжался не более 15 секунд. Мужчина отошел от заправочной станции и повернул в переулок. Фултон поехал назад в резидентуру, слезки за собой он не видел^{49}.

Добравшись до резидентуры, Фултон изучил записку. Она была написана по-русски на двух сторонах одного листа белой бумаги и обернута другим листом, на котором ничего не было. Фултон отправил в штаб-квартиру ЦРУ шифрограмму, в которой описал мужчину: ему под шестьдесят или чуть больше, рост примерно метр шестьдесят семь, вес около восьмидесяти килограммов, одет “как обычный советский человек, в темном пальто и меховой шапке”. Фултон отметил, что в тот момент на заправке его машина была единственная с американскими номерами. Такие шифрограммы было принято писать кратко, и Фултон только добавил, что мужчина “явно ждал, пока не появится американец”. Он “совсем не выглядел нервничающим и явно хорошо продумал свое обращение”.

В записке мужчина указал, что хочет “обсудить некоторые вопросы” на “строго конфиденциальной” основе с “компетентным американским официальным лицом”. Там ничего не говорилось о том, кто он и о чем хочет говорить, однако был предложен подробный план следующего шага – встречи либо на станции метро, либо в автомобиле^{50}.

У Фултона были дурные предчувствия. В том, что советский гражданин передал американцу записку, не было ничего необычного. Многие дипломаты из США, чуть-чуть приоткрывавшие окна в машинах летом, потом обнаруживали просунутые в щель послания. Но Фултон привык быть осторожным. КГБ часто пытался заманить сотрудников ЦРУ в ловушку. Иногда ловушка была настолько примитивной, что ее было легко избежать, но попадались случаи и более трудные. У КГБ был давний опыт искусных обманов. Агента ЦРУ заманивали на встречу, затем из засады выскакивали оперативники, сотрудника объявляли персоной нон грата и высылали из страны.

Московская резидентура каждый свой шаг согласовывала со штаб-квартирой. Фултон сообщил туда, что в записке, полученной на заправочной станции, содержался “тщательно продуманный” план встречи, но не стал излагать все детали. Послание выглядит “конспираторским, что может свидетельствовать об опыте работы в спецслужбах”, писал он. Фултон утверждал, что “очень хорошо понимает”, что обращение может быть приманкой КГБ, и что он предпочел бы выяснить точнее, чего этот человек хочет. Фултон написал, что даст знать мужчине, что заинтересован в варианте с автомобилем, но не будет сразу устраивать личную встречу. Если это и вправду ловушка, Фултон не собирался лезть в капкан.

Но при этом он был заинтригован. Записка производила впечатление достоверной. Фултон подумал, что, если пойти на контакт, возможно, мужчина в ответ выдаст больше информации. Он подъехал на машине к месту, которое упоминалось в записке, но не увидел ее автора. Затем из главного управления ЦРУ сообщили, что не хотят разрабатывать этот контакт, опасаясь, что это ловушка, и дали Фултону указание больше ничего не предпринимать^{51}.

3 февраля мужчина появился снова. На этот раз он подошел к машине Фултона на соседней с посольством улице в 7 часов вечера, уже в темноте. Фултон еще сидел в автомобиле с работающим двигателем. Неподалеку находился пост милиции, но машину заслонял высокий сугроб. Мужчина заглянул в окно со стороны водителя и постучал по стеклу. Когда Фултон опустил стекло, мужчина бросил внутрь записку, повернулся и ушел. За ним никто не следовал.

В записке снова предлагались условный сигнал и встреча. Сигнал

следовало подать на следующий вечер, припарковав машину на близлежащей улице. Фултон отправил в штаб-квартиру телеграмму, где отмечал, что мотивы мужчины “по-прежнему неясны”, так что он не стал реагировать.

Две недели спустя, 17 февраля, Фултон вышел из посольства около 18.45 и, подходя к машине, увидел, как из телефонной будки в тени многоквартирного дома, примерно в десяти метрах от него, выходит тот же мужчина. Фултон уже забирался в машину, когда мужчина подошел к нему.

“Чего вы хотите?” – спросил Фултон.

Тот ответил, что хочет передать еще одну записку. Он бросил в машину сложенное письмо, резко повернулся и быстро ушел. Фултон не увидел вокруг больше никого, сел в машину и спокойно поехал домой. Слежки он не заметил.

Открыв письмо, Фултон обнаружил четыре страницы, написанные от руки. Следующим утром он отправил в штаб-квартиру примерный перевод. Мужчина писал, что понял, почему его неоднократные просьбы проигнорировали. “Мои действия, возможно, вызвали подозрения”, – отмечал он, подчеркивая, что очень хорошо понимает: ЦРУ страшится попасть в западную КГБ. Но, добавлял мужчина, если бы он хотел этого добиться, он бы это уже сделал. Но не таковы его намерения и не таков его метод. “Я инженер и не специалист в секретных делах”, – писал он, обещая предоставить больше информации о себе, чтобы развеять подозрения, но призвал ЦРУ обращаться с его следующим посланием очень осторожно. “Я работаю на закрытом предприятии”, – говорил он, что означало секретное советское учреждение, вероятно, имеющее отношение к оборонным или военным разработкам. Чтобы передать записки, писал мужчина, он был вынужден многие часы ждать в разных местах, чтобы уловить нужный момент; это было напряженное и отнимающее много времени бдение. Он призвал ЦРУ упростить дело и встретиться с ним для получения новой записки в следующую пятницу.

Фултон запросил в штаб-квартире ЦРУ разрешение продолжать контакт. Его впечатлила настойчивость мужчины. Он написал в Лэнгли: нет большого риска в том, чтобы припарковать машину на улице и дождаться, когда мужчина подкинет конверт в окно. Этот человек “уже, по сути, сделал

это дважды”, указал он, и КГБ при желании мог уже задержать их.

Фултон понимал, что в штаб-квартире возникнут сомнения. Они могут спросить: а не слишком ли невероятно, что россиянин в Москве безо всякой помощи распознает шефа резидентуры США, чтобы передать тому записку? В январе, к моменту передачи первой записки, Соединенные Штаты уже выслали сотрудника КГБ, работавшего в ООН, – так, может, это ответная западня? Но все же что-то в поведении мужчины внушало Фултону, что он действует искренне. Фултон написал в штаб-квартиру, что, по его мнению, мужчина выбрал его на заправочной станции для дипломатов случайно и, вероятно, запомнил номер его машины; поэтому не было “ничего необычного” в том, что он продолжал искать с ним контакта. Фултон пообещал, что “ни при каких обстоятельствах” не будет выдвигаться в другое место, где может быть организована ловушка{52}.

В штаб-квартире, однако, отнеслись к этому с большим подозрением и велели Фултону не подавать никаких сигналов.

Несколько месяцев спустя, в мае 1977 года, мужчина в четвертый раз обратился к Фултону. Он прятался в телефонной будке рядом с машиной Фултона, и в руках у него был пакет. Фултон увидел неподалеку оперативников из КГБ и пакет брать не стал.

Мужчина постучал по машине Фултона, чтобы привлечь его внимание. Фултон, как его и проинструктировали, не реагировал{53}.

Летом работа Фултона в Москве подошла к концу. Новым шефом московской резидентуры стал Гарднер “Гас” Хэтэуэй, который подходил к делу иначе. Он вырос на юге Виргинии, о чем свидетельствовали легкий акцент (мягкое, раскатистое “р”) и манеры джентльмена, сочетавшиеся с твердым сознанием своей миссии. Хэтэуэй было 53 года, в конце 1950-х он служил в ЦРУ в Берлине, а потом в Латинской Америке и был склонен работать агрессивно, предпочитая настоящие операции.

Весной и в начале лета 1977 года у московской резидентуры начались проблемы с Огородником. В феврале для него оставили полую ветку, которую он не забрал. Он заложил посылку в тайник по графику в апреле, но, открыв ее, технические специалисты резидентуры заключили, что передача подготовлена кем-то еще. Фотографии Огородника обычно были

безупречны, а тут они казались сделанными небрежно.

Хэтэуэй хотел возобновить контакт с Огородником и запустить операцию по новой. ЦРУ отправило шпиону закодированное радиосообщение на коротких волнах, где предписывалось подать сигнал в виде маленькой красной отметки на дорожном знаке “Дети”, если он готов к очередной передаче.

Рано утром 15 июля 1977 года Питерсон подъехала к знаку, отметка на нем была, но какая-то не такая. Это была жирная вишневая отметка, как будто нанесенная по трафарету. У настоящего агента нет времени на трафарет. Она вернулась в резидентуру и рассказала остальным, что увидела: да, сигнал на месте, но выглядит странно. Питерсон предложила, чтобы следующую закладку провел кто-то другой. У нее в животе словно узлом все стягивалось. Трафаретная отметка должна была сделать Хэтэуэя осмотрительнее, но нет: он хотел продолжать.

В тот день Питерсон работала по обычному графику на своей официальной работе. В 6 вечера она пошла в резидентуру и заново просмотрела план операции на столике в офисе Хэтэуэя. Потом отправилась домой и надела более удобную одежду: летнюю блузку и сандалии на платформе. Волосы убрала назад, чтобы скрыть мелированные светлые пряди. Она так и так не могла сойти за русскую, но хотела по возможности не выделяться. К бюстгальтеру она прикрепила липучкой крохотный радиоприемник ЦРУ, который улавливал переговоры КГБ. Затем накинула на шею петлевую антенну и вставила в ухо крохотный беспроводной наушник, полностью скрытый волосами.

Питерсон села в машину и начала петлять по городу, двигаясь по маршруту, специально спланированному, чтобы избавиться от хвоста – от наблюдателей из КГБ. Затем она припарковала машину, спустилась в метро, сделала три пересадки и вышла у спортивного стадиона, как раз когда зрители покидали его после матча. Она влилась в толпу и наконец оказалась на месте закладки – это была каменная башенка на железнодорожном мосту через Москву-реку.

Она поднялась на сорок ступенек – к месту, где прежде оставляла передачи для Огородника. В ее сумке был рыхлый кусок черного асфальта с потайным отделением, где находились сообщения и миниатюрная камера

для Огородника. В 22.15, когда в Москве едва сгущались сумерки, Питерсон оставила кусок асфальта в узком квадратном окошке башенки, ровно на расстоянии локтя от края. Спускаясь по ступенькам, она увидела, как к ней бегут трое мужчин в белых рубашках. Ей некуда было бежать, в реку прыгать она не собиралась. Мужчины схватили ее, и она почувствовала, что закипает, – это были люди из КГБ. Подъехал фургон, из которого выскочили еще несколько человек. Питерсон изо всей силы пнула одного из них, но ее крепко держали. Сотрудник КГБ начал делать снимки со вспышкой. Потом они стали обыскивать ее и нашли радиоприемник, но не знали, как отклеить липучку. Затем они принесли кусок черного асфальта, найденный в башенке. Питерсон громко объявила, что она американская гражданка, что они должны позвонить в посольство и не могут ее задерживать. “Отпустите меня!” – закричала она. “Пожалуйста, говорите тише”, – сказал один из оперативников. Питерсон продолжала повторять телефонный номер посольства. Наконец они сняли с бюстгальтера приемник и нашли антенну. Однако так и не нашли наушник.

Питерсон отвезли в здание КГБ на Лубянке и допросили. У нее все случилось внутри, когда они достали кусок асфальта, выкрутили четыре винта с обратной резьбой, сняли крышку с тайника и опустошили его у нее на глазах. Сотрудник доставал предмет за предметом, а следователь наблюдал. Там было послание для Огородника, напечатанное крохотными буквами на 35-миллиметровой пленке, контактные линзы и жидкость для них, несколько рулонов туго скрученных рублей и изумрудные украшения. Когда достали большую черную перьевую ручку, главный следователь резко приказал положить ее и не трогать. По его тону было ясно, что он знает о капсуле с цианидом, которую ЦРУ выдало Огороднику. На самом деле в этой ручке была камера, а не цианид, но по поведению следователя Питерсон почти сразу поняла, что Огородника поймали.

Тем же вечером ее отпустили – это была обычная процедура при арестах шпионов. За ней приехал офицер из консульства, разглядывавший ее с изумлением: он думал, что она просто клерк, а не оперативник, работающий на улицах. Офицер довез ее до посольства, и Питерсон сразу пошла в резидентуру. Она знала, что вскоре ее объявят персоной нон грата в СССР. Было уже за полночь, но еще несколько часов, сидя в резидентуре, она пересказывала коллегам события дня и иногда выругивалась. Один из них делал заметки, чтобы составить шифрограмму для штаб-квартиры. Телеграмму отправили в 3.30 утра по московскому времени.

Подавленная, вымотанная, не понимающая, как все-таки раскрыли Огородника, Питерсон успела только чуть-чуть поспать перед тем, как улететь из Москвы на следующий день, в субботу 16 июля.

Для штаб-квартиры это был сокрушительный удар. Огородник был ценнейшим агентом, впервые продемонстрировавшим, что энглтоновские годы наконец остались позади. Теперь агент был потерян, и никто не знал почему. Оперативный сотрудник Джеймс Олсон вспоминал, что происходило в штаб-квартире вскоре после того, как “советский” отдел получил новости. “Весь отдел, занимавшийся СССР, все они, от самого мелкого клерка до сварливого старого начальника, плакали, – рассказывал Олсон. – Потому что мы потеряли “Треугольника”. Мы поняли, что его больше нет”^{54}.

Потом Питерсон узнала, что Огородника арестовали у него на квартире. Его раздели до нижнего белья. Зная, что КГБ не терпит узнать обо всех подробностях его работы на ЦРУ, он предложил написать признание. Ему подали его ручку, и Огородник раскусил ту часть корпуса, в которой находилась капсула с цианидом. Он умер в считанные минуты. КГБ не успел ничего узнать^{55}.

Глава 3

Его звали “Сфера”

Во время долгого перелета на родину Марти Питерсон мучилась оставшимися без ответа вопросами. Она не понимала, почему случился провал. Ее маршруты к местам закладок были длинными, тщательно спланированными, слежки за собой она никогда не видела, и все-таки они оказались в засаде на мосту. Но, даже схватив ее, они еще не знали, что она из ЦРУ; она два года ускользала от них. Как же они выяснили точное время и место закладки? Это ее промах? Была слежка, которой она не заметила? Или утечка при передаче информации? Ошибка Огородника? Или что-то хуже?{56}

Питерсон вылетала из Москвы поспешно, в той одежде, которая была на ней вечером, во время задержания. В Вашингтоне она купила новое платье. В понедельник, 18 июля, менее чем через 72 часа после московского провала, она поднялась по ступенькам к главному входу штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. На новой фотографии для пропуска, снятой тем утром, она немного неуверенно улыбается, но взгляд у нее ясный и живой. Во время расследования звучали те же вопросы, что она сама задавала себе: о встречах, которые пропустил Огородник, о появлении менее качественных фотографий, о необъяснимых событиях в парке и о женщине с “конским хвостом”. В коридоре она встретила Фултона, своего наставника, – впервые с тех пор, как он уехал из московской резидентуры. Они обнялись, пытаясь справиться со слезами; у них не хватало слов, чтобы выразить печаль, которую оба чувствовали.

Затем Питерсон поднялась на седьмой этаж, где находился большой кабинет адмирала Стэнсфилда Тернера, нового директора ЦРУ. Он был назначен четыре месяца назад и пока осваивался на новой работе. На публике Тернер демонстрировал напор, но в личном общении был приветлив и сдержан. Он сел в конце длинного стола для переговоров, отпустил сотрудника, который привел Питерсон, и жестом пригласил ее сесть в кресло справа от него. После того как она рассказала обо всем

случившемся, Тернер пригласил ее пойти с ним завтра на утренний доклад к президенту Джимми Картеру. У нее будет девять-десять минут для ее сообщения.

Во вторник они вошли в Овальный кабинет[62]. Питерсон положила на журнальный столик перед Картером копию куска асфальта, в котором находились секретные материалы для Огородника, и рисунки места закладки, сделанные ЦРУ, чтобы проиллюстрировать свой рассказ. Президент слушал с огромным вниманием. В какой-то момент в беседу вступил советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский; он добавил несколько деталей, вроде имени агента (Огородник) и названия железнодорожного моста, где задержали Питерсон. Бжезинский, чей отец был польским аристократом и дипломатом в антикоммунистическом правительстве Польши перед Второй мировой войной, посвятил свою академическую карьеру изучению упадка советского коммунизма. Он, вероятно, больше других в этой комнате понимал, как ценен и необычен был этот шпион. “Я восхищаюсь вашим мужеством”, – сказал Бжезинский Питерсон на прощание. Десять минут растянулись больше чем на двадцать. Питерсон вышла из Овального кабинета одна, и ей пришлось попросить секретаря Белого дома помочь найти выход на улицу. В тот же день Тернер прислал ей неформальную, написанную от руки записку с благодарностью: “Вы единственный человек, кто встретился лицом к лицу с КГБ и с президентом США, и все это – за три дня, – писал он. – Я восхищаюсь и поздравляю вас”.

Но на самом деле ее высылка стала для Тернера предметом серьезных раздумий. Происшедшее в Москве означало: что-то пошло не так.

Стэнсфилд Тернер вырос в Хайленд-Парке, штат Иллинойс; это был небольшой богатый городок на берегу озера к северу от Чикаго, с солидными домами и зелеными улицами. Его отец Оливер – бизнесмен, выбившийся из низов, – забил весь дом книгами. Мать воспитывала в Стэнсфилде честность и прямоту. Он завоевал звание “орла-скаута”[63] и стал президентом своего класса в старшей школе, поступил в Амхерстский колледж и, благодаря протекции отца, был принят в Военно-морскую академию США. В июне 1946 года Тернер закончил академию 25-м на курсе из 841 человека. Он занимал первые позиции по пригодности к

службе – лидерским качествам, честности, надежности и другим данным старшего офицера. Но Тернер тяготился академическим образованием, ориентированным в основном на инженерное дело, мореплавание и науки. Его интересы были куда шире. И вместо того, чтобы вступить на военно-морское поприще, Тернер выиграл престижную стипендию Родса в Оксфордском университете, где стал изучать политику, философию и экономику{57}.

Вернувшись на флот, Тернер служил на эсминцах, но оказалось, что он с трудом переносит рутину корабельной жизни. Ему хотелось масштабных дел, быть в центре перемен. В 1950-х годах новый начальник штаба ВМС Арли Бёрк поручил ему собрать группу молодых офицеров, которые сформулируют, что не в порядке с американским флотом и как это исправить. Задача для Тернера была захватывающей. Потом, в 1960-х, когда в моду вошел системный анализ, ему поручили работать с группой “вундеркиндов” при Роберте Макнамаре[65]. В 1970 году новый глава ВМС адмирал Элмо Зумвалт назначил Тернера руководить новыми проектами, которые запустил в первые два месяца своей службы. Занимаясь всеми этими заданиями, Тернер утвердился во мнении, что армия зашорена и отчаянно нуждается в новом мышлении. Однажды он, применив системный анализ, рассмотрел методы траления мин и показал, что лучше и быстрее это делать с вертолета, а не с корабля. Однако тернеровская жажда перемен часто сталкивалась с инерцией, особенно в годы войны во Вьетнаме, когда армейский дух и дисциплина были ослаблены поражениями и слабой поддержкой на родине. В 1972 году Тернера назначили командиром Военно-морского колледжа, и он не упустил возможности реформировать учебную программу, сделав ее более строгой и требовательной. Где бы он ни служил, он ставил во главу угла дисциплину и ответственность.

На одном курсе с Тернером в Военно-морской академии учился довольно застенчивый худощавый парень с захолустной ореховой плантации в Джорджии – Джимми Картер. Он тоже подавал заявку на стипендию Родса, но не получил ее. Картер закончил учебу 59-м на своем курсе. Он служил на ядерной подлодке, потом занялся фермерством и стал губернатором Джорджии. В 1973 году Тернер предложил Картеру выступить в военном колледже и был впечатлен его речью. На следующий год, в октябре 1974 года, они снова встретились, в офисе у Картера в Атланте. Картер полчаса без передышки забрасывал Тернера вопросами о

состоянии американской армии и флота. По окончании разговора Картер сказал: “Кстати, послезавтра я объявлю, что буду баллотироваться в президенты Соединенных Штатов”.

Картер победил в президентской кампании 1976 года, призвав к доверию нацию, измотанную войной во Вьетнаме и Уотергейтским скандалом. Он предъявил свежий, моралистический подход к государственному управлению: “Я никогда не буду лгать” – и отмежевался от грязных вашингтонских скандалов. Среди них, по мнению Картера, было раскрытие (начиная с конца 1974 года) незаконной слежки ЦРУ за американскими гражданами, в том числе за антивоенными активистами. В следующие 16 месяцев были проведены три отдельные расследования работы ЦРУ, вскрывшие и другие неблагоприятные операции. Когда Картер принес присягу в январе 1977 года, ЦРУ все еще трясло от этих проверок {58}. У управления было три директора за четыре года. Последний из них, Джордж Буш, республиканец, назначенный президентом Фордом, был человеком приятным, в ЦРУ его любили, и он хотел остаться на своем посту. Но Картер требовал начать с чистого листа. Сначала он выбрал для замены Буша Теодора Соренсена, юриста-демократа, который был спичрайтером у Кеннеди. Но Соренсен снял свою кандидатуру, когда стало известно, что он отказался от службы в армии из-за своих убеждений, и в конгрессе образовалась группа противников его назначения.

К этому моменту Тернер был четырехзвездным адмиралом и служил командующим союзных войск НАТО в Южной Европе. Когда ему позвонили и пригласили приехать в Вашингтон, он надеялся, что его кандидатуру рассматривают на должность начальника или заместителя начальника штаба ВМС. Картер же, радушно приняв Тернера в своем личном кабинете в Белом доме, попросил его возглавить ЦРУ {59}. К этому Тернер не был готов; он возразил, что может лучше проявить себя на военной должности. Но он быстро понял, что Картер уже принял решение. Именно военная карьера Тернера, его репутация принципиального и дисциплинированного командира импонировали новому президенту, обещавшему открыть новую страницу в истории ЦРУ. Тернер принял руководство ЦРУ, но говорил, что из кабинета “вышел в полном замешательстве” {60}.

В первые месяцы на своих новых постах и Тернер, и Картер восхищались поразительными технологическими достижениями вроде

совершившего революцию спутника КН-11: он напрямую передавал электронные изображения на землю, тогда как прежде спутники отстреливали контейнеры с пленкой, которые затем во время падения подхватывали самолеты. Изображения с КН-11 можно было разглядывать в реальном времени, а не через несколько дней или недель. Так совпало, что первые изображения с него ЦРУ получило всего через несколько часов после инаугурации Картера. На следующий день президенту продемонстрировали их в Центре слежения в Белом доме. “Это была изумительная система, – вспоминал потом Тернер, – как телевидение в космосе, которое практически мгновенно передавало картинки”{61}. Тернер видел в техническом сборе информации будущее. Он хотел, чтобы разведанные можно было получать в ту же минуту, когда они нужны.

Работая в ЦРУ, Тернер имел привычку забирать домой на выходные проекты докладов национальной разведки и делать в них пометки красным карандашом. Эти доклады – результат обработки разведанных самого высокого уровня, который ЦРУ представляет ключевым руководителям правительства. Они отражают результаты как разведывательной деятельности, так и анализа, и, как правило, десятки сотрудников работают над ними и отшлифовывают их до того, как их распространить. Чтобы директор уносил их домой и лично редактировал – это было неслыханно. Кроме того, Тернер демонстрировал независимый взгляд на происходящее в мире и склонность к анализу. Он подвергал серьезным сомнениям мрачные оценки военных относительно разрастания советской военной угрозы. Это чрезвычайно раздражало Пентагон, но Тернер утверждал, что в ряде отношений американские силы имеют заметное превосходство, которое следует учитывать. Он хотел видеть хорошо сбалансированный баланс, а не просто каталог свежих советских угроз{62}.

Однако Тернер был совершенно не готов к столкновению с опасным миром разведки. Шпионаж подразумевал необходимость убеждать людей предать свою страну и выкрадывать ее секреты. В отличие от большинства других ведомств при правительстве США, предназначение ЦРУ состояло в том, чтобы нарушать законы других стран. Люди, занимавшиеся этим на секретной службе, верили, что служат благородной цели. Тернер никогда не понимал их, а они воспринимали его как фигуру далекую и чуждую. Роберт Гейтс, некоторое время работавший референтом Тернера, вспоминал, что “культурный и философский разрыв между Тернером и секретной службой был попросту слишком велик и потому непреодолим”{63}. Тернер говорил,

что хочет, чтобы в ЦРУ были более высокие этические нормы и эффективная структура, как в корпорации. Но работников разведки отталкивали его проповеди и морализаторство. Их работа часто бывала грязной и жестокой. А еще они негодовали, что Роберт “Расти” Уильямс, один из ближайших помощников Тернера, совал свой нос в их личные дела, расспрашивал об интрижках и разводах, которые были обычным делом в жизни оперативников, полной стрессовых ситуаций{64}. Кроме того, в 1977 году Тернер сократил сотни должностей в секретной службе. Сокращения давно назрели – после войны во Вьетнаме штаты управления были раздуты, однако Тернер провел их бесцеремонно и грубо. Многие ветераны были обижены до глубины души{65}. “Его никогда в полной мере не убеждали доклады агентов, – вспоминал сотрудник ЦРУ, тесно работавший с Тернером. – Иногда это шло на пользу, иногда – нет. Он считал, что больше пользы от технической разведки, что она более надежна”.

Через несколько недель после встречи с Марти Питерсон в Овальном кабинете Тернер утвердился в своих подозрениях, что с московской резидентурой что-то не так.

26 августа 1977 года Дик Комбс, сотрудник политического отдела посольства США, задержался вечером на работе – он готовил отчет. Его кабинет находился на том же седьмом этаже, где и резидентура ЦРУ. Вдруг в кабинет ворвался охранник-морпех и спросил у Комбса: “Чувствуете запах дыма?” Комбс попыхивал трубкой и никаких больше запахов не слышал. Но вскоре он понял, что на восьмом этаже, прямо над ним, разгорается пожар. Он начался в нерабочее время, в экономическом отделе загорелся трансформатор. Здание посольства уже не первый год было пожароопасным. После недавнего капремонта были установлены панели из легковоспламеняющихся материалов, и охранники не смогли сами погасить огонь с помощью огнетушителей. Московские пожарные приехали не сразу, причем первые прибывшие, похоже, были плохо подготовлены, техника у них была старая, а брандспойты дырявые. Посол Малколм Тун примчался в офис с дипломатического обеда, в смокинге. Он стоял внизу, а его заместитель Джек Мэтлок бросился на девятый этаж. Мэтлок, книголюб, пытался спасти свою библиотеку от разгорающегося пожара. Потом прибыли более опытные пожарные, в том числе сотрудники КГБ, которые определенно знали, что в здании находится резидентура ЦРУ. Они надеялись завладеть конфиденциальными документами или попасть в секретные зоны. Когда возникло опасение, что огонь может охватить все

этажи, посол распорядился найти шефа резидентуры Хэтэуэя и передать ему приказ покинуть здание. Сотрудник обнаружил Хэтэуэя на седьмом этаже. Тот, одетый в дождевик *London Fog*, с перепачканным сажей лицом, охранял резидентуру, преграждая путь “пожарным” из КГБ, которые могли вломиться в офис. Он отказался сдвинуться с места, несмотря на приказ посла{66}.

Как вообще начался пожар? В штаб-квартире ЦРУ знали, что советские власти регулярно бомбардируют их московское посольство микроволновыми сигналами. Тернер постоянно поднимал эту тему и говорил, что его беспокоит “облучение” в посольстве. Кроме того, после пожара Тернер задумался, не мог ли КГБ специально спровоцировать возгорание, если не “облучением”, то каким-то иным способом. Что там вообще происходит? Сначала потеря Огородника, теперь загадочное воспламенение и “пожарники” из КГБ.

А неприятности продолжались. В сентябре московская резидентура потеряла еще одного агента – Анатолия Филатова, полковника советской военной разведки, который начал работать на ЦРУ в годы службы в Алжире. Филатов обменивался пакетами со своим куратором из ЦРУ – это была “автомобильная передача”, быстрый обмен предметами между двумя машинами, едущими рядом. Сотрудники КГБ наблюдали за этим из засады. Филатова арестовали, а оперативника ЦРУ и его жену выслали из страны{67}.

Тернер был ошеломлен. Неужели КГБ прослушивает их переговоры? Или его агенты внедрились в московскую резидентуру? Что, если где-то там “крот”? Тернер считал: когда система не работает, ее следует чинить. То же самое он намеревался сделать в ЦРУ. Он пошел на экстраординарные меры, приказав заморозить операции ЦРУ в Москве. Это был полный отбой: московской резидентуре было приказано не контактировать ни с какими агентами и не выполнять никаких оперативных действий.

Ничего подобного с “советским” отделом ЦРУ ранее не происходило. Тернер требовал, чтобы работа была остановлена до тех пор, пока отдел не гарантирует, что никаких сбоев больше не будет. Многие сотрудники секретной службы были в недоумении: Тернер что, не понимает сути шпионажа? Оперативники и агенты в принципе не могли устранить все риски. У них не могло быть никаких гарантий от провала{68}.

Хэтэуэй в Москве был в бешенстве. Решение Тернера казалось непостижимым. Оно противоречило всем жизненным принципам Хэтэуэя, его чувству долга и склонности к агрессивным разведывательным операциям. Теперь оперативники Хэтэуэя, вместо того чтобы работать с агентами, вынуждены были сидеть сложа руки. Хэтэуэй старался занять их, чем мог: поиском новых мест для тайников, составлением карт, подготовкой к тому дню, когда они смогут возобновить работу со своими агентами{69}.

Между тем резидентура начала терять свои источники. Одним из них был ценный доброволец, с которым работа велась с начала 1960-х, – Алексей Кулак, сотрудник КГБ по научно-технической разведке, получивший от ФБР кодовое имя “Федора”. В СССР Кулак был героем войны, после нее он поступил на работу в КГБ и получил назначение в Нью-Йорк. Там Кулак в марте 1962 года пришел в отделение ФБР и предложил работать на Соединенные Штаты за деньги. Он страдал избытком веса, любил обильно поесть и крепко выпивал. Кулак дважды служил в Соединенных Штатах, и в те годы ФБР считало его надежным источником. Но к середине 1970-х бюро начало терять к нему доверие, подозревая, что его контролирует КГБ{70}. В 1976 году Кулак готовился к возвращению в Москву, после которого, вероятно, уже не попал бы в Штаты. Хэтэуэй, который тогда вот-вот должен был вступить в должность начальника московской резидентуры, поехал в Нью-Йорк, чтобы лично завербовать Кулака для работы на ЦРУ. Встреча, проходившая в гостиничном номере, была весьма напряженной: сотрудник ФБР распекал Кулака, Хэтэуэй же пытался завоевать его доверие. Хэтэуэй победил, и Кулак согласился работать на ЦРУ по возвращении в Москву. Он выехал из Соединенных Штатов, имея при себе карту тайников и мест подачи сигналов. В ЦРУ присвоили ему псевдоним СККАУО – “Нокаут”.

В начале июля 1977 года он впервые сделал закладку в московском тайнике, и содержимое было ошеломительным. Кулак передал рукописный перечень советских чиновников в США, которые занимались кражей научных и технических секретов. Многообещающим было его намерение осенью предоставить “списки всех советских чиновников и ученых по всему миру, вовлеченных в сбор научно-технической информации США”, а также пяти- и десятилетние планы управления научно-технической разведки КГБ. Это могло стать золотой жилой – проект КГБ на десять лет вперед по одному из главных вопросов того времени, краже западных

технологий.

В соответствии с графиком осенью Кулак подал сигнал о закладке тайника. Но к этому моменту Тернер уже дал отбой всем операциям, и резидентура не ответила. Кулак дал сигнал повторно. Резидентура не реагировала. Хэтэуэю осталось лишь наблюдать за тем, как будет “профукан” ценный агент. Операция была загублена{71}.

Мужчина, обратившийся к Фултону на заправочной станции, 10 декабря 1977 года стоял на углу у одного из московских рынков, рассматривая номера всех автомобилей и пытаясь найти префикс D-04, который получали машины американских дипломатов.

Больше года назад он услышал поразительный репортаж в передаче “Голоса Америки”, который ловил коротковолновым приемником у себя дома. Он узнал, что советский летчик Виктор Беленко перелетел на перехватчике МиГ-25 с советской авиабазы на Дальнем Востоке в гражданский аэропорт в Японии и стал перебежчиком. Это был дерзкий побег, и Беленко вслед за тем получил убежище в Соединенных Штатах. Он стал настоящим кладезем разведанных для американцев, рассказав удивительные новые подробности о грозном и загадочном советском перехватчике, разработанном, чтобы догонять и сбивать американский самолет-разведчик SR-71 (*Blackbird*) на большой высоте. Американо-японская команда инженеров разобрала самолет Беленко и сделала новые находки, особенно по части радара и бортовой электроники{72}.

У русского, стоявшего на углу улицы, в кармане было письмо. С января он пытался вступить в контакт с ЦРУ, выискивая автомобили американцев. Начиная с первого обращения на заправке, он еще четырежды делал попытки, но всякий раз его либо игнорировали, либо он получал отказ. Потом он уехал в длительную командировку и потерял объект своих преследований. А теперь снова стал искать американцев.

У рынка он заметил машину с нужным номером. Из нее вышел сотрудник посольства. Мужчина быстро подошел к нему, вручил письмо и стал умолять, чтобы его доставили ответственному официальному лицу.

Письмо на рынке принял дворецкий Спасо-хауса, корпулентный мужчина, управлявший московской резиденцией посла США. Он принес письмо в резидентуру, и в конверте Хэтэуэй обнаружил две отпечатанные на машинке страницы с данными о радарх советских военных самолетов.

В письме мужчина объяснял, что после побега Беленко поступили приказы модифицировать радары МиГ-25. Затем шли слова, приковавшие внимание Хэтэуэя. Мужчина писал, что у него есть доступ к разработке системы “обнаружения и поражения целей в нижней полусфере”. Он также утверждал, что может предоставить чертежи радара, который станет базовым на перехватчиках вроде скоростного МиГ-25.

Автор письма в очередной раз изложил схему возможного контакта и указал, что будет ждать его 9 января 1978 года – в новом году.

Он написал, что хочет “сделать то же, что сделал Беленко”. Но так и не назвался.

На следующее утро Хэтэуэй пошел к своему другу, который служил в посольстве военным атташе.

“Что это за чертовщина – обнаружение целей в нижней полусфере?” – спросил Хэтэуэй, сразу перейдя к делу.

“ Ты что, издеваешься? – отвечал друг. – Да это же, черт возьми, одна из самых важных вещей на планете!”{73}

Такой радар позволял бы советскому самолету, набравшему большую высоту, замечать низколетящие самолеты или ракеты на фоне земли. В то время, как считалось, советские военные самолеты такой способностью не обладали; у МиГ-25, на котором улетел Беленко, ее не было. Более того, советские наземные радары также не могли различать цели на малой высоте, и Соединенные Штаты много лет готовились воспользоваться этой уязвимостью с помощью маловысотных бомбардировщиков или усовершенствованных крылатых ракет, способных летать вне поля зрения советских радаров.

Хэтэуэя расстраивали бездействие и страхи Тернера. “Да что такое с

этой штаб-квартирой? – спрашивал он. – Они с ума сошли! Что мы тут, на заднице сидеть будем?”

Хэтэуэй испытывал здоровое уважение к КГБ, но понимал, что это не всесильная организация, и он был уверен, что ЦРУ в состоянии работать с агентами в Москве. “Нужно понимать, что все в резидентуре, до последнего человека, точно знали: мы можем работать против этих людей”, – говорил он. Хэтэуэй считал, что Тернеру не хватает хороших советников. Он настоял, чтобы Тернер прислал своего помощника Уильямса в Москву. Как только тот прибыл, Хэтэуэй вывез его в город, чтобы продемонстрировать, как уходят от слежки КГБ, и показать тем самым небрежную работу его сотрудников, даже при плотном наблюдении. Хэтэуэй и Уильямс слушали радиопереговоры КГБ с помощью разработанных ЦРУ раций. “Мы встали на красный свет и услышали: “Помидор!” Эти тупицы кричали о красном свете”, – вспоминал Хэтэуэй. Он отправил Уильямса в Лэнгли с просьбой: разрешить московской резидентуре вернуться к жизни. Уильямс как будто понял его доводы. Но Тернер был непреклонен, и бездействие продолжалось.

После того как человек с заправки передал донесение о радаре для “обнаружения целей в нижней полусфере”, в ЦРУ ему присвоили кодовое имя SKSPHERE – “Сфера”.

Хэтэуэй добивался от центра, чтобы те проанализировали переданную “Сферой” информацию. Из предыдущих двух записок было ясно, что он инженер, работающий в сверхсекретной военной исследовательской лаборатории.

29 декабря из штаб-квартиры поступила внутренняя записка с оценкой ситуации. Необходимо было решить, может ли инженер предложить что-то важное. Но оценка головного офиса была двусмысленной:

Предмет сообщений Источника – бортовые радиолокационные станции, или радары, – чрезвычайно важен. Говоря об РЛС, “способной работать на фоне земли”, он имеет в виду систему “обнаружения целей в нижней полусфере”. Мы знаем, что у Советов нет достаточно эффективного радара для обнаружения целей на фоне земли и что они

бросили много сил на решение этой проблемы. Действительная РЛС, способная обнаруживать цели в нижней полусфере, стала бы серьезной угрозой как для бомбардировщиков В-52, так и для крылатых ракет, и информация о передовых советских разработках в этой области соответствует весьма высокоприоритетным разведывательным требованиям. Его предложение предоставить чертежи и наброски имеющихся систем оказало бы значительное содействие анализу.

Однако в заключении говорилось:

Информация, полученная от “Сферы”, представляет разведывательный интерес, однако получение ее правительством США не нанесет серьезного ущерба СССР^{74}.

Хэтэуэй был потрясен. Как могли в штаб-квартире не заметить того очевидного факта, что информация инженера как раз и нанесет Советскому Союзу значительный ущерб? 3 января 1978 года, всего за шесть дней до предполагаемой встречи, Хэтэуэй направил в главное управление письмо с собственными аргументами:

Если информация “Сферы” о текущем состоянии советских РЛС для обнаружения целей в нижней полусфере точна, разработка эффективного радара такого типа должна быть для СССР одним из самых приоритетных направлений в свете угрозы крылатых ракет. Если Советы разработают действенный радар такого типа, не будет ли тогда подробная информация о нем относиться к категории “наносающей серьезный ущерб СССР”? Разве подробная информация о нем не поможет США противостоять его действию? Иными словами, если допустить, что “Сфера” говорит правду о себе и его положение позволяет ему следить за советскими разработками эффективного радара, не будет ли это оправдывать риск ПНГ?^{75}

Под “ПНГ” подразумевалась возможность высылки оперативника или объявления его персоной нон грата, как произошло с Питерсон.

Хэтэуэй был уверен, что информация “Сферы” слишком ценна, чтобы КГБ стал использовать ее как приманку. Они не стали бы так разбрасываться военными секретами. Готовясь к встрече 9 января, команда Хэтэуэя отправила в головной офис ее подробный сценарий, добиваясь разрешения вступить в контакт со “Сферой”. Они предлагали поговорить с ним лично, спросить инженера о том, кто он, чего хочет и есть ли у него еще информация. В частности, резидентура хотела расспросить его о военной разработке, которую он упоминал в своей декабрьской записке. Тогда инженер отметил, что может добыть чертежи советского радарного комплекса под кодовым названием “Аметист”, который, по его словам, становится базовой РЛС для перехватчиков вроде МиГ-25. Они также планировали выжать из него побольше информации о радаре, способном обнаруживать цели в нижней полусфере. В зависимости от того, сколько времени займет разговор, они намеревались составить график следующих встреч с интервалом в тридцать дней и выбрать для них четыре возможных места. Инженеру планировалось предложить, чтобы он, как и прежде, кидал конверты в окно автомобиля{76}.

Хэтэуэй жаждал вернуться к разведывательным операциям, снова взяться за шпионские дела. Он следовал правилам Гербера: нужно проверять добровольцев, не отмахиваться от них просто так.

План попал к Тернеру 3 января 1978 года. На нем стояли штампы: “СЕКРЕТНО” и “ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: КАСАЕТСЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ И МЕТОДОВ”.

В кратком меморандуме, описывающем план, говорилось, что “Сфера” – это “советский инженер средних лет, который пять раз обращался в московскую резидентуру начиная с января 1977 года”. В документе подчеркивалось, что московская резидентура не реагировала на эти обращения, поскольку во время первых четырех из них мужчина “никак не попытался” объяснить, кто он, и поскольку имелись подозрения, что это провокация КГБ. Также меморандум ссылался на желание избежать инцидентов, пока администрация Картера только осваивалась на новом месте. Но, отмечалось в меморандуме, “Сфера” предоставил гораздо

больше информации в своей последней записке, которую передал на рынке 10 декабря 1977 года.

Действительно ли это столь важные разведданные? В меморандуме, как и в присланной из главного управления оценке, не было на этот счет чрезмерного энтузиазма. Новости по радару МиГ-25 “не наносят серьезного вреда советскому правительству”, говорилось там, хотя радар для обнаружения целей в нижней полусфере представляет “приоритетный разведывательный интерес”.

В разделе “Риски” указывалось, что следует действовать осторожно:

У нас нет доказательств, что “Сфера” – это провокатор, но его поведение в некоторых деталях похоже на предыдущие случаи, когда был выявлен контроль КГБ. Даже если он изначально действовал добросовестно, его неоднократные попытки вступить с нами в контакт могли сделать его объектом тайного наблюдения КГБ. Добросовестность и потенциал “Сферы” в лучшем случае не доказаны – в отличие от уже имеющихся источников в Москве, с которыми мы не имели возможности вступить в контакт за время прекращения операций.

Тернеру предлагалось два варианта. Вариант Б – продолжать разработку и встретиться с агентом 9 января. Но в заключении меморандума говорилось: “Мы рекомендуем вариант А – не делать ничего”. Почему? Это слишком рискованно. Если произойдет сбой, говорилось в записке, это может привести к высылке еще одного оперативника, к продлению запрета на операции или даже к закрытию московской резидентуры. Тернеру рекомендовали: главной обязанностью и задачей резидентуры должен быть не контакт с инженером, а “возобновление безопасного и продуктивного контакта с проверенными источниками в Москве”.

Тернер был согласен: нужно действовать по варианту А.

“Не делать ничего”{ZZ}.

Глава 4

“Наконец-то я дозвонился”

Инженер, однако, не сдавался. 16 февраля 1978 года – больше чем через год после первого обращения на заправке – Хэтэуэй выехал из посольского комплекса на боковую улочку. На темном перекрестке он притормозил. И в это время в боковое стекло постучали. Жена Хэтэуэя Карин, сидевшая рядом, взгляделась в темноту и опустила стекло. Снаружи стоял инженер, который наклонился к машине и просунул в окно конверт. “Передайте послу”, – торопливо сказал он по-русски. Конверт упал Карин на колени. Инженер быстро повернулся и исчез. Хэтэуэй совершил разворот на сто восемьдесят градусов, вернулся в посольство и отнес конверт в резидентуру.

В конверте было новое письмо от инженера. Он писал, что чувствует, будто попал в порочный круг: “По соображениям безопасности я боюсь рассказывать много о себе, а без этой информации вы, по соображениям безопасности, боитесь вступать в контакт со мной из-за возможных провокаций”. Дальше он нацарапал свой домашний номер телефона, кроме последних двух цифр. В определенный час в течение следующих недель он обещал стоять на автобусной остановке с фанерной дощечкой в руках. На ней будут написаны две оставшиеся цифры.

Чтобы не рисковать, посмотреть на цифры отправили одного оперативника пешком, а также жену Хэтэуэя Карин на машине. Она проехала мимо автобусной остановки, заметила мужчину и записала две цифры{78}.

Хэтэуэй снова потребовал от штаб-квартиры разрешения отреагировать. Отбой был по-прежнему в силе, но Хэтэуэй просил одобрения для простейшего действия – вступления в контакт. Так вышло, что как раз когда инженер решился на новый подход, из Пентагона в ЦРУ пришел меморандум, выражающий большую заинтересованность в любых разведанных о радиоэлектронике и системах вооружений советских

самолетов.

Это решило дело. Главное управление уступило и дало резиденту “зеленый свет” на контакт с инженером.

Хэтэуэй решил, что надо звонить из телефона-автомата на улице, хотя понимал, что это рискованно: если КГБ заметит, как сотрудник ЦРУ пользуется уличным телефоном, звонок могут отследить. У каждой телефонной будки был свой номер, и группа наблюдения КГБ без труда могла запросить немедленное отслеживание разговора. 26 февраля оперативник московской резидентуры долго ездил по городу, избавляясь от слежки КГБ, и затем позвонил инженеру домой из автомата. На звонок ответила женщина, и оперативник положил трубку. Через два дня он предпринял еще одну попытку – с тем же результатом^{79}.

Вечером 1 марта, в густых сумерках, инженер подошел к Хэтэуэю и его жене, когда они садились в автомобиль в Большом Девятинском переулке – усаженной деревьями улочке по соседству с комплексом посольских зданий. Отпирая дверь со стороны водителя, Хэтэуэй увидел, как подходит инженер, узнал его и протянул левую руку. Инженер быстро вложил ему в руку обмотанный лентой пакет и сказал по-русски: “Пожалуйста”. “Спасибо”, – ответил также по-русски Хэтэуэй. Он заметил примерно в двадцати метрах от инженера какого-то пешехода, но вряд ли передачу можно было разглядеть в темноте. Инженер прошагал мимо без остановки и затем нырнул в другой переулок. Хэтэуэй вернулся в резидентуру – сказав охраннику у ворот, что “кое-что забыл”, – и там открыл пакет.

В нем он нашел шесть листов, исписанных с обеих сторон от руки, по-русски, всего – 11 страниц текста. Как и прежде, они были обернуты еще двумя листами бумаги, так что получился конверт примерно восемь на десять сантиметров, запечатанный белой бумажной лентой и светло-коричневым клеем. На внешней стороне конверта было несколько слов на английском – просьба передать его ответственному лицу в американском посольстве.

Это был прорыв, которого ждали.

Инженер раскрыл свою личность. Он писал:

Поскольку 21 февраля 1978 года вы не позвонили мне ни с 11.00 до 13.00, ни позже и поскольку тем же вечером автомобиль D-04–661... был припаркован у дома номер пять по Большому Девятинскому переулку, я предполагаю (хотя это кажется неправдоподобным), что недостающие цифры моего номера, показанные мной на дощечке возле дома номер 32, не удалось разглядеть из проезжающей машины и записать. Чтобы устранить всякие сомнения, я сообщаю основную информацию о себе. Я – Толкачев Адольф Георгиевич, родился в 1927 году в городе Актюбинске (Казахская ССР). С 1929 года я живу в Москве. В 1948 году я закончил оптико-механический техникум (отделение радиолокации), а в 1954-м – Харьковский политехнический институт (радиотехнический факультет). С 1954 года я работаю в НИИР (п/я А-1427). В настоящее время работаю в объединенной лаборатории в должности ведущего конструктора. (В лаборатории существует следующая иерархия должностей: лаборант, инженер, старший инженер, ведущий инженер, ведущий конструктор, заведующий лабораторией.) Мой рабочий телефон: 254–85–80. Рабочий день с 08.00 до 17.00. Обед с 11.45 до 12.30.

Моя семья: жена (Кузьмина Наталья Ивановна), 12-летний сын (Толкачев Олег){80}.

На всякий случай Адольф Толкачев еще раз указал свой домашний телефон: 255–44–15 и домашний адрес: площадь Восстания, 1 – заметная высотка рядом с посольством, он жил там с 1955 года. В здании было несколько выходов, поэтому он добавил: “Вход в центре здания со стороны площади”.

Толкачев также проинструктировал, как ему звонить, чтобы не быть раскрытым. Если звонит мужчина, он должен назваться Николаем. Если женщина – Катей. Толкачев писал, что “многие часы бродил по улицам” в поисках машин с дипломатическими номерами США и, даже обнаружив таковую, часто не решался оставить записку из страха, что попадетсЯ. Он писал, что теперь отчаянно ждет положительной реакции на свои столь длительные усилия и если в этот раз ее не получит, то бросит свою затею{81}.

В записке Толкачев предоставил драгоценные новые сведения, намного превосходящие все то, что можно было бы собрать иными методами. Он воспроизвел цитаты из сверхсекретных документов и рассказал новые подробности о системе обнаружения целей в нижней полусфере. В записке была чрезвычайно важная идентифицирующая информация: почтовый ящик института, где работал Толкачев, – А-1427.

Теперь ЦРУ могло подтвердить, что Толкачев – разработчик в одном из двух НИИ, где создавались советские военные радары, прежде всего размещаемые на истребителях, – в Научно-исследовательском институте радиостроения, известном под аббревиатурой НИИР. От его квартиры до института было примерно двадцать минут пешком.

Пришло время дать ему положительный ответ. Наконец-то московская резидентура снова была в игре.

Оперативника, звонившего Толкачеву из телефона-автомата, звали Джон Гилшер. Это был красивый, спокойный и сдержанный мужчина 47 лет, с темными бровями и седеющими волосами, которые он зачесывал назад. Он любил природу и когда-то мечтал стать лесничим, но события в России распорядились его жизнью иначе.

Семьи и состояния родителей Гилшера, его дедов и бабок были разрушены российскими катаклизмами прошлого столетия – войнами, революцией и эмиграцией. Его родители, Георгий и Нина, дети из аристократических семей, выросли в Петрограде, когда жизнь двора уже угасала. Они знали друг друга с детства. Георгий учился в Императорском лицее, затем служил в министерстве финансов. Когда большевики захватили власть, он воевал с ними в составе одной из белых армий, поддерживаемых американцами и британцами. Его брат тоже служил у белых и погиб в начале войны. Георгий единственный из всей семьи пережил войну. Он бежал вместе с побежденными белыми в Константинополь, в 1923 году оказался в Нью-Йорке, где воссоединился с Ниной, которая со многими мытарствами сумела уехать из страны после пяти лет нищенского, отчаянного существования в послереволюционном Петрограде. Они поженились в Нью-Йорке в 1927 году; Георгий стал работать технологом в компании *Ingersoll Rand*, выпускающей промышленное оборудование.

У них было трое детей, Джон был вторым сыном в семье. Он вырос на 122-й улице в Нью-Йорке в предвоенные годы. После Второй мировой войны семья переехала на Лонг-Айленд. В летнюю жару они уезжали к тете в Корнуолл, штат Коннектикут. Хотя в России их семьи были весьма обеспеченными, в Америку они прибыли без гроша, и в первые годы им приходилось туго. Когда Джон и его брат были маленькими, они, как вспоминала сестра, часто щеголяли в чистых, отутюженных матросских костюмчиках, которые должны были свидетельствовать о достатке в семье. На самом деле у мальчиков не было другой одежды, и эти костюмчики мать стирала и гладила каждый вечер. Дома говорили по-русски, отец любил вести беседы с друзьями о литературе и политике в Старом Свете. У него был дневник, куда он записывал памятные события в истории России, в том числе даты принятия указов, дни рождения знаменитых писателей и других известных людей, а также святых на каждый день. Он собирал русские марки и водил сыновей по музеям. Джон Гилшер никогда не был в России, но она была вокруг него^{82}.

В 1945 году, когда Джону было пятнадцать лет, отец внезапно умер от сердечного приступа. Гилшер поступил в Коннектикутский университет и получил стипендию на изучение лесоводства. Летом он помогал матери, устраиваясь на временную работу (как-то ему довелось чистить угольные печи). Его брат поселился далеко от них, на Аляске, и Джон ездил к нему в гости, где был заворожен огромным небом и необъятными просторами. Когда началась война в Корее, Джон записался в армию, но на службе выполнял задания Агентства национальной безопасности. В 1955 году, закончив службу, он перешел на работу в ЦРУ и получил назначение в Лондон, где работал на прослушке берлинского туннеля.

Перед отъездом в Лондон он познакомился и влюбился в красивую молодую женщину Кэтрин, по прозвищу Кисса. Она также происходила из русской дворянской семьи. Ее отец бежал от большевиков и поселился в Белграде, где и родилась Кисса. Семье снова пришлось срывать с места во время потрясений Второй мировой; на этот раз они бежали в Соединенные Штаты. Еще подростком Кисса успела пострадать от бесчинств как коммунистов, так и нацистов, и она жаждала лучшей жизни. Она познакомилась с Джоном летним вечером в Вашингтоне, где училась в Университете Джорджа Вашингтона. Они были обручены в течение двух лет, пока он служил в Лондоне, а она заканчивала учебу, и поженились там же, в Лондоне, в 1957 году. У Джона начиналась карьера в ЦРУ, но во время

медового месяца он строил планы, как бросит разведку и осуществит свою мечту – будет лесничим на Аляске. Но Кисса этим планам решительно воспротивилась. И всю свою профессиональную жизнь Гилшер проработал в ЦРУ.

Джон говорил по-русски с легким акцентом, как уроженец Прибалтики, но превосходно владел языком, что оказалось чрезвычайно ценно в первые годы холодной войны. В 1950-х и начале 1960-х он участвовал в двух важнейших операциях ЦРУ против Советского Союза: это были берлинский туннель и разработка Пеньковского.

В 1977 году, когда Хэтэуэя назначили шефом московской резидентуры, он взял себе в сотрудники Гилшера. До того они не служили вместе, но Хэтэуэй знал о языковых способностях Гилшера. В один прекрасный день, когда Кисса и дети были на летнем отдыхе в их доме в Коннектикуте, Джон позвонил и сообщил новость: их отправляют в Москву. Киссу новость обрадовала, несмотря на очевидные трудности. Они возвращались в страну своих предков, но не как потомки дворян, а чтобы заняться шпионажем против Советского Союза. У них не было сантиментов по этому поводу: Россию их дедов давно уничтожили большевики. Джон работал против советской страны уже 22 года, правда, за ее пределами. В этот раз все было иначе. Прежде он был офицером-переводчиком и разбирался с устными и письменными материалами. Теперь он впервые должен был стать оперативником, работать с реальными агентами в Советском Союзе. А Кисса должна была помогать ему^{83}.

В Москву они прилетели 16 июля 1977 года. В аэропорту Шереметьево их встречал сотрудник посольства. После того как они прошли паспортный контроль и забрали свою собаку из ветеринарного пункта, встречающий сообщил шокирующую новость: Марти Питерсон поймали при закладке передачи и она улетает из Москвы, прямо сейчас, из этого же аэропорта. Джон мгновенно понял, что это значит: Огородник раскрыт и, вероятно, погибнет.

Несколько недель спустя в московском посольстве случился пожар, потом схватили еще одного агента, вслед за чем Тернер дал отбой всем операциям. Гилшер оказался в резидентуре не в лучшее время. Помещения были переполнены, и повсюду шли ремонтные работы.

За Гилшером КГБ вело тщательное наблюдение, более плотное, чем за большинством американцев. В его квартире были “жучки”. Когда Джон и Кисса хотели поговорить о чем-то конфиденциальном, они писали друг другу записки, причем осторожно – кладя лист бумаги на деревянную или металлическую поверхность, чтобы не оставить на следующем листе следов, которые могли впоследствии разобрать сотрудники КГБ. Джон регулярно повторял Киссе, что они должны жить в Москве тихой, будничной жизнью, воспроизводя свой график снова и снова, чтобы КГБ не замечал ничего необычного. Он опирался на уроки Хэвиленда Смита из 1950-х. Киссу эти ограничения раздражали; она была столь же живой и общительной, сколь Джон – сдержанным.

Слежка КГБ порой была удивительно примитивной. Не раз Джон и Кисса открывали шкаф в поисках пальто и обнаруживали, что его нет – видимо, его забирали, чтобы вставить туда микрофон. Позже пальто загадочным образом возвращалось на место. Одним летним вечером Гилшеры решили встретиться с друзьями в подмосковном ресторане и обсудили поездку по телефону, который, как они знали, наверняка прослушивает КГБ. По дороге Гилшеры насчитали не меньше трех машин наблюдения спереди и сзади. Потом они немного заблудились. Тогда одна из машин наблюдения неожиданно свернула на боковую дорогу. И Гилшеры, не зная, куда им ехать, просто последовали за ней. Слежка привела их прямо к ресторану.

Но сотрудники КГБ могли действовать и весьма изощренно. В 1978 году инспекция обнаружила в дымовой трубе в здании посольства антенну. Назначение антенны так и не удалось установить. В тот же год провели проверку печатных машинок, но специалист не нашел никаких “жучков”. На самом деле советские органы еще с 1976 года встраивали скрытые подслушивающие устройства в печатные машинки *IBM Selectric*, присылаемые из Госдепартамента для сотрудников московского посольства и ленинградского консульства. “Жучки” на интегральных микросхемах регистрировали удары по клавиатуре и пересылали эту информацию. Всего такую аппаратуру удалось установить на шестнадцати машинках, и она проработала незамеченной восемь лет. Впрочем, ни одна из этих машинок не принадлежала московской резидентуре ЦРУ{84}.

Гилшер научился отличать машины наблюдения на улице. В больших “Волгах”, которыми пользовался КГБ, стоял восьмицилиндровый

V-образный двигатель, рычавший не так, как четырехцилиндровые двигатели других машин. Джон также обнаружил, что на решетке более компактных машин наблюдения, на “жигулях”, оставались характерные маленькие треугольники грязи – в тех местах, куда, видимо, не доставали щетки на автомойке КГБ.

Еще тогда, когда Гилшер готовился к назначению в Москву в штаб-квартире ЦРУ, ему показали первую записку, которую русский инженер передал Фултону на заправке. Ему показалось, что текст написан искренне, что он не похож на провокацию или ловушку. Позднее в резидентуре, в конце 1977 и начале 1978 года, Гилшер переводил записки, которые инженер передавал Хэтэуэю. Гилшер считал маловероятным, что какая-либо из них побывала в руках КГБ. Мужчина соблюдал осторожность и передавал их именно в те моменты, когда Хэтэуэй был скрыт деревьями или сугробом.

Теперь они знали, что его зовут Адольф Толкачев. Но чего он на самом деле хочет? Гилшеру предстояло это выяснить. Его выбрали в качестве первого куратора Толкачева от ЦРУ.

5 марта 1978 года, через четыре дня после того, как Толкачев передал Хэтэуэю пакет, Джон и Кисса Гилшеры отправились в Большой театр на балет “Анна Каренина”, поставленный знаменитой балериной Майей Плисецкой. Они оделись подобающим образом и сидели в ложе для дипломатов. Кисса знала, что у Джона было дело тем вечером, и, когда они сели на свои места, она с удивлением обнаружила, что в их ложе находится советская служащая из посольства по имени Галина, которая заведовала горничными, водителями и подсобными рабочими. Это была худая, маленькая, темноволосая женщина, которую Кисса хорошо знала и подозревала в работе на КГБ^{85}.

Джон сказал Киссе, что во время антракта выйдет позвонить. На несколько минут, думал он, ему удастся освободиться от слезки, и он заранее приметил телефонную будку. Как только дали свет, он извинился и вышел.

Когда Джон встал, Галина, увидев это, тоже начала подниматься с

места. Киссе пришлось быстро соображать. “Куда вы идете?” – спросила она. Галина ответила, что в туалет. Кисса стала отговаривать ее. Во время антракта там такая толпа! “Разве приятно там толкаться?” Это сработало: Галина согласилась, что лучше подождать несколько минут.

Этой паузы Джону как раз хватило, чтобы добраться до телефона-автомата и позвонить Толкачеву.

Гилшер решил следовать указаниям Толкачева и представился Николаем. Ему нужно было заверить Толкачева, что нужные люди получили все материалы, которые Толкачев подготовил, и что Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы узнать больше. И все это надо было проговорить так, чтобы об этом не догадались те, кто, возможно, слушает разговор{86}.

Гилшер вошел в телефонную будку и набрал номер около 10 вечера.

ТОЛКАЧЕВ. Алло.

ГИЛШЕР. Здравствуйте, это Николай.

ТОЛКАЧЕВ (*после небольшой паузы*). Да, здравствуйте.

ГИЛШЕР. Наконец-то я до вас дозвонился. Я получил все ваши письма, спасибо. Они были очень интересные. Я непременно свяжусь с вами позднее.

ТОЛКАЧЕВ. Имейте в виду, что 9-го я уеду в командировку в Рязань, а по субботам со мной может быть трудно связаться, лучше всего звонить в воскресенье, как сейчас. (*Пауза. Толкачев, вероятно, был готов сказать что-то еще, но промолчал.*)

ГИЛШЕР. До встречи. До свидания.

ТОЛКАЧЕВ. До свидания{87}.

Гилшер вернулся и сел на свое место. Кисса вопросительно посмотрела на него: “Все в порядке?”

Да, кивнул он. Занавес поднялся, свет погас.

Хэтэуэй негодовал из-за остановки операций в Москве. Он считал, что приказ Тернера ошибочен и дорого обойдется. Волнующий первый контакт с Толкачевым, несомненно, побуждал возобновить полноценные разведывательные операции. В марте разразился кризис в связи с Алексеем Кулаком – грузным офицером КГБ, работу с которым пришлось остановить из-за отбоя. Из головного управления Хэтэуэю сообщили, что Кулаку, теперь жившему в Москве, может грозить арест, что его могут разоблачить как американского шпиона. Хэтэуэй чувствовал ответственность за Кулака, которого лично завербовал в нью-йоркской гостинице. Проблема, докладывали из штаб-квартиры, заключалась в том, что в вышедшей книге журналиста Эдварда Джея Эпштейна содержатся факты, указывающие на Кулака как на агента США. Если КГБ воспользуется этой информацией и арестует Кулака, ему будет грозить обвинение в измене, за которую полагалась смертная казнь. В штаб-квартире решили, что с Кулаком необходимо связаться и предупредить его об утечке. В спешке была разработана крайне рискованная операция, для того чтобы при необходимости вывезти Кулака из Советского Союза. Несмотря на свои опасения по поводу действий в Москве, несмотря на приказ о приостановке работы, Тернер одобрил операцию по предупреждению Кулака{88}.

Чтобы провести ее, Хэтэуэю следовало уйти от наблюдения КГБ любой ценой. Раз в неделю секретарша Хэтэуэя взяла за правило кататься вместе с мужем на коньках. Хэтэуэй загримировался под нее и даже надел лицевую маску, взял коньки и сел в машину, за рулем которой был муж его секретарши. Милиционеры у ворот ничего не заметили. Как только машина отъехала достаточно далеко от ворот, он сорвал маску и, страшно волнуясь, выскочил из машины. Он не знал, чего ждать. Увидев, что все тихо, он в течение нескольких часов петлял по холодной вечерней Москве, сбрасывая слезку. Хэтэуэй планировал предложить Кулаку бежать из Советского Союза – это называлось эвакуацией агента. Он взял с собой камеру, чтобы сделать свежий снимок Кулака для нового паспорта. Между тем московская резидентура еще никогда не проводила эвакуацию. Такие операции требовали многомесячного планирования, а у Хэтэуэя было всего несколько дней.

После нескольких часов блужданий по московским улицам, убедившись, что наблюдения нет, Хэтэуэй поднялся по ступенькам дома, где жил Кулак, и собрался позвонить в дверь. Но сидевшая там дежурная остановила Хэтэуэя. Он развернулся и ушел, вынужденный прекратить операцию. Следующим вечером он сделал еще одну попытку и позвонил Кулаку из телефона-автомата на улице. Кулак тут же узнал его характерный южный говор. Хэтэуэй сообщил об утечке, Кулак отвечал спокойно, без колебаний и без признаков страха. Он поблагодарил Хэтэуэя, но сказал, что с ним все будет в порядке, он не хочет, чтобы его тайно вывозили из страны. Больше Хэтэуэй не мог ничего сделать. ЦРУ потеряло Кулака как источник{89}.

Несмотря на такую неудачу, Хэтэуэй жаждал развивать историю с Толкачевым. 21 марта 1978 года он отправил в штаб-квартиру шифрограмму с предложением двигаться “на полной скорости”. Для начала он предложил “собрать базовый коммуникационный пакет, который на первый раз может заложить невидимка”, имея в виду оперативника, не находящегося под наблюдением. Затем ЦРУ позвонит Толкачеву и сообщит, где передачу забрать. Пакет позволит Толкачеву отсылать и получать сообщения, и, таким образом, ЦРУ сможет составить представление о том, что именно он знает и что может предложить. В передачу Хэтэуэй также собирался вложить оперативную записку с указаниями для Толкачева насчет следующих действий. Хэтэуэй считал, что личная встреча – самый быстрый способ получить все ответы, и очень хотел ее устроить. Но это был и самый рискованный путь{90}. Тут было слишком много подводных камней. Резидентура еще мало знала о своем агенте, о том, чего он хочет или на что способен{91}.

В своей обстоятельной записке в главное управление Хэтэуэй писал о Толкачеве:

Очевидно, что его требования или условия повлияют на наше решение, как именно проводить операцию. Желает ли он обменивать информацию на деньги? Получать их за один раз или неопределенное число раз в течение какого-то времени? Будет ли он настаивать на эвакуации? Подлежит ли этот

вопрос обсуждению? В какие сроки? Таким образом, не зная изначально его намерений, трудно строить детальные или долгосрочные планы. Однако по нашему впечатлению – несмотря на его замечание о Беленко, – он думает о том, чтобы передавать информацию в течение продолжительного времени, хочет камеру для более эффективной работы и жаждет наладить постоянные долгосрочные отношения. Поэтому, хотя мы должны быть готовы проявить гибкость, пока не узнаем, каковы именно условия “Сферы”, нам кажется, что сейчас наилучший вариант – придерживаться сценария прямых коммуникаций с мотивированным агентом, чьи потребности могут быть разумным и эффективным образом удовлетворены. В то же время мы попытаемся как можно скорее понять, каковы нужды “Сферы”, и внести в планы необходимые коррективы для их удовлетворения{92}.

В том же донесении Хэтэуэй затронул вопрос о том, стоит ли передавать Толкачеву миниатюрную камеру на раннем этапе операции. Камера, возможно, облегчит ему копирование документов, но создаст серьезную опасность в случае его поимки. Шпионская камера станет уликой против него. “Когда нам выдать ему камеру и какую? – спрашивал Хэтэуэй у штаб-квартиры. – Очевидно, чем раньше мы обеспечим “Сфере” возможность фотографировать и, значит, поставлять бомльшие объемы информации, тем скорее мы сможем решить вопрос о его добросовестности”, то есть об искренности его намерений, что требовалось ЦРУ.

Но в штаб-квартире по-прежнему осторожничали. Хэтэуэю велели действовать “как можно более простой подход”. Это означало, что пока не будет ни камеры, ни личной встречи.

В телеграмме из штаб-квартиры от 24 марта признавалось, что данные, которые Толкачев уже предоставил, “выходят за пределы того, что Советы передали бы нам, если бы это был контролируемый случай” или ловушка. Это были хорошие новости; по крайней мере, информация Толкачева прошла первую проверку. Обычно ЦРУ для оценки добросовестности неизвестного прежде источника проверяло, есть ли в его данных новая информация, и выясняло, какую ее часть можно подтвердить информацией из других источников. Однако в заметках Толкачева данные были настолько

новые, что их невозможно было проверить. Они могли оказаться и неожиданной удачей, и ловушкой; и этот вопрос нелегко было разрешить^{93}.

У Хэтэуэя не было выбора: оставалось действовать неторопливо, шаг за шагом. Они с Гилшером составили новый план. Главной его целью было избавиться от неопределенности по части личности агента, а также понять, какие еще “позитивные данные” – так на внутреннем жаргоне назывались плоды шпионажа – он может достать. Хэтэуэй и Гилшер писали, что надеются организовать связь с Толкачевым “таким образом, чтобы минимизировать риск для нас”, но в то же время “уменьшить риск для “Сферы” до абсолютного минимума, совместимого с нашей собственной безопасностью”. Они отмечали: “К сожалению, здесь мы сталкиваемся с дилеммой: то, что безопаснее всего для нас, может быть самым рискованным для него, и наоборот. Соответственно, мы ищем оптимальный баланс защиты – как нашей, так и агента”^{94}.

Но главное управление упорно продолжало сомневаться. Внутренний анализ, проведенный в Лэнгли 13 апреля, вновь вызвал сомнения; аналитики предупреждали, что даже если первоначально обращения Толкачева в прошлом году были искренними, КГБ мог заметить его попытки вступить в контакт с ЦРУ. Он может выполнять обманную операцию КГБ, задуманную, чтобы ввести американцев в заблуждение. Вывод был таков: вероятность, что операция с Толкачевым оправданна, оценивается в пятьдесят процентов. Такое заключение было крайне тревожным сигналом для руководства ЦРУ и еще больше осложнило действия Хэтэуэя.

7 мая состоялся доклад директору ЦРУ Тернеру. Два дня спустя в Москве Гилшер позвонил Толкачеву и сказал, что надо выждать еще две или три недели, после чего он понадобится примерно на час в указанный день. Толкачев сказал, что у него нет планов на отпуск.

Он будет ждать.

8 мая 1978 года в штаб-квартире сформировалось более благосклонное отношение к московским событиям. Одно из рукописных посланий Толкачева передали в управление технических служб ЦРУ на экспертизу почерка. Эксперты отметили: “Автор интеллигентный, целеустремленный и

в целом уверенный в себе человек. Он дисциплинирован, но не чрезмерно строг. Его интеллект куда выше среднего, и у него хорошие способности к организации информации. Он наблюдателен, добросовестен и уделяет тщательное внимание деталям. Он довольно самоуверен и способен порой действовать не слишком осмотрительно и тонко. В целом это разумный, уравновешенный индивид, который интеллектуально и психологически выглядит готовым к тому, чтобы стать полезным и разносторонним агентом”{95}.

17 мая штаб-квартира направила в московскую резидентуру телеграмму с гораздо более позитивной оценкой материалов Толкачева. Аналитики ЦРУ не нашли никаких противоречий в том, что Толкачев передал им к этому моменту. Вывод гласил, что “многие детали сообщений согласуются с данными из других источников и доступным техническим анализом” и что “не наблюдается каких-либо иных данных, противоречащих деталям этих сообщений”. Поэтому, продолжали авторы телеграммы, штаб-квартира испытывает “сильное искушение” принять новую информацию, предоставленную Толкачевым, в том числе и потому, что она в целом подтверждает предыдущие предположения американцев о развитии советских истребителей. Но в то же время в головном офисе оставались сомнения. В телеграмме говорилось: “Поскольку данные будут иметь большое значение для нашей оценки потенциала ПВО, мы, по крайней мере до установления добросовестности агента, не готовы доверять содержанию сообщений полностью”{96}.

Это был успех – но все еще не “зеленый свет” для той операции, которую хотел вести Хэтэуэй. А он горел желанием приступить к делу. Прошло уже почти полтора года с момента первого обращения Толкачева на заправочной станции, и у них все еще не было с ним рабочих отношений.

Вместе с Гилшером и другими сотрудниками резидентуры Хэтэуэй начал планировать, что передать агенту в первой посылке. Если там будет список запросов на разведданные, как их сформулировать, чтобы они не были слишком откровенными? Где разместить пакет, чтобы Толкачев мог легко его забрать, а КГБ не обнаружил? Что Толкачеву следует сделать в ответ?

В резидентуре планировали использовать тайник – классический

способ передачи без личного контакта. В пакете, как предполагалось, будут инструкции по подготовке трех сообщений тайнописью для ЦРУ. На одной, “внешней” стороне письма ЦРУ сочинило письмо в экзальтированном стиле, написанное женским почерком – от возбужденной западной туристки. “Дорогой дедуля, – начиналось оно. – С ума сойти! Поверить не могу. Но вот она я, в России! Спасибо, спасибо – миллион спасибо за то, что ты убедил Майки и меня включить Россию в свой маршрут. Это просто фантастика”. На обратной, “секретной” стороне Толкачев мог, используя тайнопись, отвечать на вопросы ЦРУ и передавать любую информацию. Свой текст Толкачев записывал с помощью специальной копирки, которую ЦРУ передавало Толкачеву. Написав сообщение на секретной стороне, Толкачев должен был сложить “письмо дедуле” и отправить его обычной почтой в Америку на адрес, который выглядел невинно, но в действительности был в ведении ЦРУ. При соблюдении всех правил КГБ не увидел бы сообщения Толкачева, даже вскрыв конверт, а в ЦРУ после получения письма его смогли бы расшифровать.

Хэтэуэй также настаивал на том, чтобы выдать Толкачеву одноразовый шифроблокнот. Это таблица, в которой цифрам случайным образом соответствуют буквы и которая позволила бы Толкачеву зашифровать свое сообщение. Расшифровать его мог бы только обладатель аналогичной таблицы; такая имелась у ЦРУ. Шифроблокнот следовало использовать только один раз и затем уничтожить^{97}.

1 июня 1978 года штаб-квартира одобрила план Хэтэуэя. В тайник следовало заложить инструкции по тайнописи, запросы на разведданные и оперативную записку. Это была первая реальная коммуникация ЦРУ с Толкачевым, так что между резидентурой и штаб-квартирой ходили туда-сюда черновики документов, их переписывали и шлифовали неделями. Оперативная записка начиналась так:

Наконец-то настал момент, когда мы можем поделиться с вами нашими мыслями и планами и предпринять первые шаги для установления, как мы надеемся, долгих и взаимовыгодных отношений. Прежде всего, мы очень благодарны за ваше предложение и хотим принести извинения за то, что потребовалось так много времени, чтобы ответить более определенно на ваши неоднократные и хорошо продуманные попытки установить контакт.

Нам очень приятно, что вы, проявив чуткость и понимание, поняли, что требуется, чтобы убедить нас в вашей искренности. Мы глубоко уважаем вашу смелость и решимость в передаче нам необходимой информации о вас и о вашей работе, а также превосходного образца ценных и интересных материалов. Все это позволило нам приступить к планированию будущей постоянной коммуникации с вами{98}.

24 августа 1978 года материалы для Толкачева были спрятаны в бесформенной грязной рукавице, какие надевают строительные рабочие в Москве. В 9.15 вечера Гилшер сел в свою машину, немного покатался, оставил автомобиль и, захватив рукавицу, спустился в метро, чтобы в конце концов доехать до района, где жил Толкачев. Он спрятал рукавицу за телефонной будкой в переулке неподалеку от станции метро “Краснопресненская” и от дома Толкачева.

Потом Гилшер позвонил Толкачеву домой из этого телефона-автомата.

ТОЛКАЧЕВ. Алло.

ГИЛШЕР. Адольф?

ТОЛКАЧЕВ. Да.

ГИЛШЕР. Это Николай. У вас есть свободные полчаса, можете выйти из дома?

ТОЛКАЧЕВ. Да.

ГИЛШЕР. Тогда выходите, обогните здание и идите мимо одного метро справа, а другого слева, по главной улице...

ТОЛКАЧЕВ. А, вы имеете в виду Красную Пресню?

ГИЛШЕР. Да, идите до Трехгорного переулка.

ТОЛКАЧЕВ. Знаете, я тут уже давно живу, но не знаю всех улиц.

ГИЛШЕР. Это вторая улица слева или, может быть, третья. Как только повернете в Трехгорный, справа увидите телефонную будку. Я оставил для вас пакет в... перчатке за этой будкой.

ТОЛКАЧЕВ. Хорошо, я уже выхожу.

ГИЛШЕР. Надеюсь на скорый ответ, до свидания{99}.

Затем Гилшер двинулся, как он предполагал, навстречу идущему Толкачеву. Он увидел мужчину, чья внешность соответствовала описаниям Толкачева. Мужчина подошел к телефонной будке, и Гилшер быстро ретировался. В телеграмме, содержащей отчет о разговоре, он упомянул о “сложившемся у него впечатлении”, что Толкачев “был один, когда открыто говорил о том, как добраться до места”. Во время предыдущих звонков Толкачев разговаривал более осторожно.

Гилшер также отметил, что Толкачев говорил как “непрофессионал” и “определенно не как” сотрудник КГБ. Толкачев, согласно инструкциям, подал ЦРУ сигнал, что получил рабочую рукавицу.

В сентябре прибыли “письма дедуле” от Толкачева. На всех трех были признаки, что их вскрывали спецслужбы, но тайнопись осталась незамеченной. Письма развеяли последние сомнения, остававшиеся в штаб-квартире. В каждом содержался зашифрованный материал, в основном технического характера, с ответами на вопросы ЦРУ, которые согласовывались как с уже имеющимися разведанными, так и с утверждениями Толкачева о том, что он имеет доступ к совершенно секретным документам. В письмах были данные о новой советской бортовой РЛС и системе наведения, о результатах испытаний новых советских бортовых радаров и о текущей ситуации с работой над системами наведения различных советских самолетов{100}.

Тайнопись и шифрование были выполнены идеально. В ЦРУ поняли, что имеют дело с организованным, скрупулезным человеком, который точно следует инструкциям, – что это искренний доброволец с огромным потенциалом.

Толкачев также сделал соблазнительное предложение: он хотел

передать 91-страничный блокнот, содержащий разно образную информацию.

Приход зашифрованных писем показал, что ЦРУ успешно провело тайный обмен посланиями с агентом, но такой способ связи был достаточно громоздким, и у ЦРУ по-прежнему не было долгосрочного плана коммуникации. Хэтэуэй жаждал развивать наступление. Он хотел покончить с запретом на деятельность в Москве. Он предложил главному управлению дать согласие на личную встречу с агентом, что позволило бы ЦРУ лучше понять, на что способен агент и чего он хочет.

Хэтэуэй и Гилшер составили телеграмму, в которой предлагали повторить августовскую процедуру со звонком, но в этот раз лично встретиться с ним у телефонной будки. И попросить его принести блокнот. Встреча проходила бы на улице, Гилшер с Толкачевым прогулялись бы по направлению к Москве-реке. Удобным было то, что по вечерам в этом районе было темно и малоллюдно^{101}. 4 ноября штаб-квартира решила согласиться на предложение Хэтэуэя провести личную встречу, “главной целью которой было выяснить, кто такой “Сфера”, чего точно он хочет и как договориться об условиях, средствах и параметрах дальнейшего сотрудничества”. Тернер одобрил план 21 ноября. Фактически это был конец запрета на операции, длившегося больше года.

В ЦРУ надеялись, что в результате встречи будет налажен постоянный канал связи с Толкачевым, но перед Хэтэуэем стоял ряд трудностей. Наблюдение за Гилшером усиливалось, и его, по-видимому, нельзя было привлекать для личных встреч. Кроме того, московская резидентура хотела задать Толкачеву более подробные вопросы, с чем в штаб-квартире были согласны. Многое зависело от того, как Толкачев ответит на эти вопросы, которые касались его жизни и работы, семьи, личного пространства дома и на работе, планов на отпуск, хобби, безопасности, здоровья, наличия у него камеры и радиоприемника, доступа к засекреченным документам, описания его рабочего места, оборудования, на котором он работает, имен его начальников, журналов, к которым он имеет доступ.

Наконец резидентура была практически готова. Оставался последний шаг – уведомить посла США Малколма Туна. Послу идея не понравилась. Если встреча провалится, ситуация будет затруднительной.

Но Хэтэуэй убедил его, что это необходимо.

Глава 5

“Диссидент в душе”

В первый день нового, 1979 года Москву сковал пронизывающий холод. Окна заиндевели, автомобили не заводились, улицы практически опустели. Джон Гилшер заметил, что наблюдение КГБ практически исчезло – возможно, из-за праздника и цепенящих морозов. Он решил, что настал подходящий момент. Джон и Кисса отвезли дочь Аню на день рождения в посольский комплекс. По окончании праздника, примерно в 5.30 вечера, когда на город уже спустились вечерние сумерки, они направились домой. Недалеко от дома они притормозили. Джон молча выбрался из-за руля и исчез в переулке. На нем были простое пальто и меховая шапка, в которых он выглядел как обычный российский пенсионер. Кисса поехала домой.

Гилшер сел на автобус и вышел у станции метро неподалеку от квартиры Толкачева – около того места, где в августе прятал строительную рукавицу. Он осмотрел широкую, открытую площадь и увидел, что за ним никто не следит. Его наушник, который позволял отслеживать переговоры КГБ, молчал. Гилшер подошел к телефонной будке и набрал номер Толкачева. Он представился Николаем и попросил Толкачева выйти “прямо сейчас” и принести с собой “материалы”. Через 15 минут Толкачев появился на месте встречи.

Он был аккуратно одет, ростом немного ниже Гилшера, с длинным, продолговатым лицом, слегка выступающей челюстью – несколько сурового вида – и парой золотых или серебряных зубов. Спокойный и выдержанный, Толкачев не озирался нервно по сторонам, придерживался темы беседы и четко отвечал на вопросы.

Когда Гилшер спросил, взял ли тот блокнот, Толкачев извлек его из пальто. Обычно Гилшер носил с собой портфель, но в этот раз оставил его дома, полагая, что на празднике он будет выглядеть неуместно. Он заткнул блокнот за ремень и почувствовал, как ледяной воздух закрался под одежду.

Затем он задал Толкачеву вопрос, который мучил их всех: по каким соображениям тот идет на такой огромный риск? Толкачев неохотно ответил, что это вопрос сложный и его обсуждение потребует много времени.

Гилшер продолжил попытки: почему?

Толкачев ответил только, что он “диссидент в душе”.

У него тоже был вопрос к Гилшеру. Он хотел знать, сколько Соединенные Штаты заплатили Беленко, пилоту МиГ-25, который перелетел в Японию в 1976 году. Гилшер предвидел этот вопрос. Он сказал, что не знает, сколько получил Беленко, но предложил Толкачеву за сотрудничество тысячу рублей в месяц. Толкачев попросил у Гилшера 10 тысяч рублей за уже выполненную работу. Гилшер сказал, что проблемой это не будет, и пока выдал Толкачеву одну тысячу рублей. Это была до смешного маленькая сумма, где-то три месячных зарплаты советского академического ученого средних лет, тогда как ценность даже тех разведданных, которые Толкачев уже прислал, составляла для США десятки миллионов долларов^{102}. Гилшер передал Толкачеву список из нескольких дополнительных вопросов, чтобы тот ответил на них при следующей встрече.

Гилшер предупредил Толкачева, что деньги часто становились причиной раскрытия агентов. Он напомнил, что в 1977 году в Москве арестовали двух агентов (об этом писали в газетах), и сказал, что это произошло из-за денег. Он погрешил против истины – арестованы те были по другим причинам, – но Гилшер считал, что это побудит Толкачева серьезно все обдумать. Кроме того, сказал Гилшер, в Москве, страдающей от дефицита, и так мало что можно купить. Толкачев признал этот риск и сказал, что будет вести себя осторожно и разумно. Он заметил, что на самом деле его семья не нуждается в дополнительных деньгах. А наличие денег он может объяснить тем, что получил их в наследство от матери, которая недавно скончалась. У Гилшера сложилось четкое впечатление, что для Толкачева деньги – знак уважения, признания того, что его труд ценят.

Во время их прогулки улицы были пусты. Двое мужчин в пальто тихо беседовали, одни среди русской зимы и темноты. Они были немногословны и говорили только по делу. Гилшер, который прежде не выступал в роли

куратора настоящего агента, хотел сделать все правильно. Он спросил Толкачева, нет ли у того своего кабинета на работе, в котором он мог бы фотографировать документы. Нет, ответил Толкачев, но если у него будет достаточно тихая камера, он, наверное, мог бы задерживаться в офисе по окончании рабочего дня, минут на 20–30, пока двери не будут заперты, и делать снимки. Гилшера впечатлил этот ответ: он показывал, что Толкачев понимает границы допустимого и как надо себя вести, чтобы не вызвать подозрений. Толкачев сказал, что камера избавит его от необходимости писать столько от руки. Гилшер пообещал скоро передать камеру.

Толкачев рассказал, что дома ему абсолютно негде уединиться. Телефон стоит на кухне, и на звонки часто отвечает жена или сын. Комнат всего две. Он признался, что часами ждал у телефона звонка “Николая”. Когда ему нужно было уединиться, чтобы поработать со своим 91-страничным блокнотом, он шел в Ленинку, крупнейшую публичную библиотеку Москвы, где часами сидел один, корпя над записями.

Они гуляли и разговаривали на пронизывающем морозе 40 минут. Гилшер чувствовал, что пора расставаться. Они пожали друг другу руки, и Толкачев исчез в ночи.

Гилшер поехал домой на автобусе. Блокнот был заткнут у него за поясом. Он ни слова не сказал Киссе о встрече и отправился спать, положив блокнот под матрас. На следующий день он отнес его в резидентуру. Первым же делом Гилшер отправил в штаб-квартиру телеграмму о том, что встреча состоялась без наблюдения, что он передал Толкачеву тысячу рублей и дополнительные вопросы. Гилшер писал: “Никаких нежелательных инцидентов не было. “Сфера” передал более 91 страницы, на мой взгляд, бесценных разведанных”{103}.

В следующей, более длинной телеграмме Гилшер описал встречу. Он сказал, что “весьма впечатлен хладнокровием и профессиональным поведением” Толкачева. “В день, когда обычный советский гражданин находится в той или иной степени подпития, он казался абсолютно трезвым”, – писал Гилшер. Толкачев позволил Гилшеру направлять беседу и, видимо, воспринимал его “как специалиста, кому он доверяет свою будущую безопасность”.

Вся задача Гилшера как куратора сводилась к оперативным деталям:

коммуникации, встречам, планированию. “Позитивные разведданные”, информацию о советских военных РЛС и по другим вопросам, содержащуюся в блокноте Толкачева, спешно направляли напрямую в штаб-квартиру, где текст переводили и тщательно анализировали.

У штаб-квартиры немедленно возникли сомнения по поводу денег. Там были обеспокоены ситуацией, что Гилшер будет передавать агенту пачки купюр. Сказанное им Толкачеву, безусловно, было правдой: денежный поток часто побуждал шпионов вести себя беспечно, что и приводило к их провалу. 22 января Гилшер заверил штаб-квартиру, что Толкачев “прекрасно понимает” опасность, и обещал предупредить его еще раз на следующей встрече. Во время прогулки, по словам Гилшера, он поднял вопрос о возможности открыть для Толкачева депозитный счет в твердой валюте на Западе. Так было бы безопаснее, но Толкачев отверг эту возможность, пояснив, что никогда не сможет ею воспользоваться. Гилшер призывал главное управление не отказываться от передачи обещанных им 10 тысяч рублей. Им все еще предстояло завоевать доверие Толкачева. “В данный момент, как мы считаем, крайне важно соблюдать условия нашей договоренности и передать ему запрошенную сумму”, – написал он в головной офис. Быстро выдав деньги, добавлял он, “мы надеемся внушить ему полное доверие к нам, и, как только он будет уверен, что мы выполняем свои обязательства, мы можем деликатно попробовать разрешить эту щекотливую проблему”. Гилшер предложил подождать и поднять тему снова через полгода.

Первая встреча дала всплеск бурной деятельности. Наконец-то московская резидентура вернулась к разведывательной работе. Любое действие по работе с агентурой: закладка передачи, как, например, строительной рукавицы с тайнописью внутри, телефонный звонок, оперативная записка агенту или подготовка мест встреч и подачи сигналов – требовало интенсивной подготовки со стороны резидентуры и частого обмена телеграммами со штаб-квартирой. Разработка агента предполагала уровень сосредоточенности и внимания к деталям, сопоставимый с запуском ракеты на Луну: ни резидентура, ни штаб-квартира не собирались оставлять на волю случая ничего, ни один шурупчик не должен был выпасть из гнезда. Готовились фотографии и карты каждого места, планировались маршруты для ухода от слежки, составлялись сценарии и проводились репетиции, снова и снова задавался вопрос: что может пойти не так?

Гилшер должен был выступать от имени агента в переписке со штаб-квартирой, стать его другом и доверенным лицом, его советником и защитником, обеспечить его подготовку, снабжать его техникой, деньгами и обратной связью; а также стать полномочным представителем ЦРУ и Соединенных Штатов в глазах человека, который никогда не бывал в Америке, – притом человека, которого он практически не знал. Каждый оперативник, работая, держит в уме, что стопроцентно понятных агентов не бывает. Что они могут вести себя непредсказуемо и часто выходят из-под контроля кураторов.

Следующим делом Гилшера стала подготовка личного письма для февральской передачи Толкачеву. Он составил письмо так, чтобы в нем не было никаких двусмысленностей. Гилшер превозносил “надежность и спокойствие” Толкачева, выражал уверенность, что тот “всегда будет действовать разумно”, что можно будет полагаться на его “следование инструкции” при коммуникациях и что он “спокойно исполнит выбранную им роль”.

Затем Гилшер переключился на роль тренера, отметив, что Толкачев должен стремиться “не привлекать внимания никаким образом”. Он объяснял: “На улице следует выглядеть и вести себя как обычный обыватель; на работе не проявлять слишком большого интереса к делам других, не запрашивать из первого отдела документы, которые не имеют отношения к вашей работе, и не работать слишком часто допоздна, то есть не оставаться в лаборатории в одиночестве”. Первый отдел в советских исследовательских институтах был местом хранения совершенно секретной документации, а также играл роль службы безопасности, наблюдавшей за работниками и контролировавшей допуск к секретным материалам. Гилшер также указывал: “В вашей личной жизни важно выстроить такой режим, который сможет быть прикрытием для наших контактов и не вызовет подозрений дома. Главное, необходимо действовать спокойно и без спешки”.

Гилшер призвал Толкачева делиться с ним “в любое время любыми мыслями, которые он не может обсуждать с женой и друзьями”. Он настоятельно советовал шпиону высказывать прямо то, что его беспокоит. Письмо он закончил словами: “Жму руку, Николай”{104}.

17 февраля 1979 года Гилшер избавился от хвоста КГБ и заложил

передачу для Толкачева в тайник. Посылку снова спрятали в грязной строительной рукавице. В этот раз в ней была одна миниатюрная камера “Молли”, экспонометр, пленка, инструкция к камере, оперативная записка, личное письмо от Гилшера, аналитическая оценка из штаб-квартиры ЦРУ, дальнейшие “запросы” от ЦРУ, план коммуникаций и 5 тысяч рублей – половина того, что Толкачев запросил за уже проделанную работу.

Формулировки ЦРУ были ободряющими, но слишком общими. В анализе говорилось, что сообщения тайнописью были подготовлены “технически прекрасно”, а информация “получила одобрение”. Январский блокнот с 91 страницей текста демонстрировал “кропотливые усилия и самоотдачу”, и ЦРУ было “весьма впечатлено”. Но конкретных деталей в этой оценке не было, кроме одной.

Перед Толкачевым поставили очень конкретную задачу: получить любую доступную ему информацию о радаре под названием РП-23. Она будет представлять “огромнейшую ценность”.

В марте из московской резидентуры в штаб-квартиру пришла телеграмма, где сообщалось, что теперь Толкачев “полностью включился в работу”. Однако на самом деле агент ЦРУ и его куратор все еще притирались друг к другу.

Гилшер проинструктировал Толкачева, как подтверждать незапланированные встречи. По плану, ЦРУ обеспечивало Толкачева списком мест для быстрой встречи поблизости от его дома. Каждое из них получало кодовое русское название, например “Ниночка”. Согласно плану, Гилшеру следовало позвонить на домашний номер Толкачева и спросить “Ниночку” – это означало, что ему назначают встречу в этом месте. Если у Толкачева была возможность без промедления явиться туда, он должен был сказать, что звонящий, видимо, ошибся номером, повесить трубку и выйти на улицу.

Однако когда Гилшер сделал первый такой звонок (это было в феврале) и попросил к телефону “Ниночку”, Толкачев допустил ошибку. “Это Николай звонит?” – спросил он.

Это был неправильный ответ. Гилшер повесил трубку{105}.

Гилшер сделал еще одну попытку вечером 4 апреля и попросил позвать “Валерия”. В этот раз все сработало. Толкачев быстро вышел, они встретились на 15 минут в месте под кодовым названием “Валерий” и обменялись пакетами. Толкачев передал Гилшеру 5 кассет экспонированной пленки с малоформатной камеры “Молли”, по 80 кадров каждая, 56 рукописных страниц, в том числе длинное письмо для ЦРУ, и 4 рисунка{106}.

Семь дней спустя штаб-квартира дала понять Хэтэуэю и Гилшеру, что материалы из блокнота Толкачева впечатляют. “Вам будет интересно узнать, – говорилось в телеграмме, – что материал январской передачи” преобразован в “документ более 100 страниц длиной”, что “первую реакцию ВВС можно назвать восторженной и материал, очевидно, произвел значительное впечатление”. Действительно, январский блокнот дал богатый урожай. Толкачев подробно описал секретную работу, в которой участвовал, а также привел точные формулы, диаграммы, изображения и спецификации систем вооружений и электроники. Он от руки скопировал совершенно секретные документы с указаниями о разработке новых типов самолетов, еще не известных на Западе, вроде перспективного истребителя Су-27. Он тщательно зарисовал на больших листах миллиметровки различные диаграммы. Каждый документ был переписан аккуратно, можно было разобрать каждое слово. В блокноте содержались важнейшие подробности о конструкции самолетов, об их скорости, радиочастотах, вооружении, электронике, бортовых РЛС – планы, которые тогда все еще находились на чертежных досках, наброски самолетов, которые должны были отправиться в полет лишь десятилетие спустя{107}.

Обе встречи Гилшера с Толкачевым были результативными, но во время них не было времени для свободного разговора, в котором стали бы лучше понятны мотивы или образ мыслей Толкачева. Гилшер жаждал знать больше. Длинное письмо, которое Толкачев передал 4 апреля, соблазнительно характеризовало его как сильного и целеустремленного человека, который рассчитывает на долгую перспективу. В письме Толкачев изложил план работы на Соединенные Штаты в течение 12 лет, в семь этапов. Он описал, какие материалы предоставит и когда именно. Это был необычайный проект, заявление о серьезности намерений. Толкачев писал,

что его цель – нанести Советскому Союзу как можно более серьезный ущерб. “Я выбрал курс, который не позволяет мне отступить назад, и у меня нет намерений сворачивать с этого курса, – писал он. – Поскольку я поставил себе задачу передать максимальное количество информации, я не намерен останавливаться на полпути”{108}.

Другим ключом к личности Толкачева, с точки зрения Гилшера, были его упрямые и неотступные попытки установить контакт с американцем, о которых он теперь рассказал в некоторых подробностях в длинном письме в ЦРУ. “Идея передать записку у машины или в машине пришла не сразу, – писал он. – Сначала я пытался выяснить, возможно ли наладить связь на выставках, в которых участвуют Соединенные Штаты. Это оказалось трудно, поскольку выставки проходят относительно редко и на них всегда присутствует много людей”. Тогда он в одиночку стал бродить по Москве. Он заметил автомобиль с номером D-04–526; цифры 04 показывали, что машина принадлежит американцам. Он решил установить контакт, просунув записку через открытое окно машины или поговорив с водителем. “Сначала, – вспоминал Толкачев, – я наивно полагал, что необходимо лишь выбрать подходящий момент, подойти к машине, попросить о разговоре и меня примут с распростертыми объятиями”. Он писал: “Я начал искать место, где можно подойти к автомобилю. Так начались мои целенаправленные прогулки по улицам Москвы и по Девятинскому переулку, которые продолжались много дней и много часов”. Девятинский переулок – это та самая маленькая улица сбоку от посольского комплекса, где Толкачев подошел к Хэтэуэю.

Толкачев выучил несколько предложений по-английски на случай, если встретит американца. Наконец он увидел машину с номером D-04–526 на заправочной станции на улице Красина, в нескольких кварталах от своего дома, – это был тот холодный вечер в январе 1977 года. “Ситуация была подходящей, – вспоминал он, – улица была пустынной, в тот момент на заправочной станции не было советских автомобилей или машин из стран советского блока”. Он обратился к Фултону и повторил английские фразы, которые заучил, в том числе вопрос: “Вы американец? Я бы хотел поговорить с вами”. Получив от Фултона отпор, он “оставил записку и быстро ушел”.

По словам Толкачева, оставив записку, он ожидал, что события начнут разворачиваться быстро, но несколько месяцев ничего не происходило. Он

стал пытаться снова и снова, но безрезультатно. Чем больше Гилшер узнавал о Толкачеве, тем сильнее он ощущал, что это человек целеустремленный. Что именно им двигало, было еще не до конца понятно, но Толкачев отнюдь не был случайным перебежчиком. Он был настойчив и решителен.

Толкачев также демонстрировал стремление к точности, характерное для инженера. В письме ЦРУ он дал строгое описание порядка работы с секретными документами в своем институте. В качестве иллюстраций он нарисовал от руки несколько схем. Секретные документы хранились в первом отделе, в двух разных зданиях – Толкачев называл их зданиями номер один и номер два, они были обозначены “на рисунке четыре”. Он расписал, как сотрудник может получить секретный документ в любое время рабочего дня и держать его у себя весь день. Документ следовало вернуть к пяти часам вечера. “В результате, – указывал он, – можно выйти из института на полтора или два часа в течение дня с секретным документом. Это, разумеется, следует делать скрытно, например спрятав его под пальто, дождевик или пиджак. Естественно, таким образом можно вынести только документы небольшого размера”. В здание запрещалось приносить портфели, а сумки проверяли случайным образом, но довольно часто. В отдельной библиотеке с ограниченным доступом хранились совершенно секретные научные исследования и диссертации, писал Толкачев. “Но я могу пользоваться всеми материалами в закрытых фондах”. Получалось, что засекреченные материалы хранились и в первом отделе, и в библиотеке.

Но Толкачев обнаружил зияющую дыру в системе безопасности: он мог просто выйти на улицу с документами в кармане пальто.

Гилшер дважды пользовался тайными закладками для связи со шпионом, но теперь он понял, что терпение Толкачева на исходе. Толкачев сказал, что ему все труднее объяснять дома, почему он должен выбегать на улицу после каждого телефонного звонка. Толкачев обратился к Гилшеру и объяснил, что “психологически” для него будет лучше, если они пойдут на риск и будут периодически встречаться лично, а не валять дурака, припрятывая грязные строительные рукавицы за телефонной будкой, где их может найти любой прохожий. Это был еще один признак твердой натуры

Толкачева. Если уж он рисковал своей жизнью, занимаясь шпионажем, то хотел знать и встречаться с человеком, ради которого подвергал себя такой опасности. Передача через тайник не давала ему такой возможности.

Толкачев попросил и еще об одном. Он запросил у ЦРУ смертоносную капсулу с ядом, чтобы покончить с собой, если его раскроют. Такие капсулы в ЦРУ называли *L*-таблетками, от *lethal* – “смертельный”. Двумя годами ранее *L*-таблетку передали Огороднику, и он воспользовался ею, чтобы покончить с собой вскоре после ареста. Гилшер понимал, что добиться одобрения штаб-квартиры на передачу такой таблетки Толкачеву будет крайне трудно. В главном управлении всегда боялись, что агент запаникует и примет таблетку без необходимости или что ее обнаружат, и она выдаст агента. 1 мая из штаб-квартиры пришла телеграмма: “Как и в предыдущих случаях, мы хотели бы отложить этот вопрос”. В телеграмме предлагалось, чтобы Гилшер на следующей личной встрече с Толкачевым отклонил эту просьбу^{109}. Гилшер ответил 4 мая, что он согласен с этим и что “будет предпринято все возможное, чтобы затянуть решение вопроса”^{110}. 7 мая штаб-квартира предложила Гилшеру “тезисы”, чтобы отговорить Толкачева:

А. Психологическое напряжение из-за постоянного ношения предмета при себе.

Б. Проблема сокрытия.

В. Риск преждевременного использования предмета из-за неверной оценки реальной ситуации.

Г. Владение этим предметом исключает возможность прибегнуть к каким-либо другим версиям при задержании, даже по посторонним причинам^{111}.

У Гилшера уже сложилось примерное представление о Толкачеве: человек, сознательно пошедший на шпионаж, имеющий доступ к секретным документам, обладающий дисциплинированным и точным умом инженера. Но запросы и пожелания Толкачева были на пределе возможного

для разведывательной работы в Москве. В ЦРУ считали, что личные встречи, которые запрашивал Толкачев, – самый рискованный путь. Даже быть просто замеченным с иностранцем на улице опытной группой наблюдения уже грозило неприятностями. Вызывали беспокойство и денежные требования Толкачева. А его “особый запрос” – L -таблетка – мог спровоцировать фатальную ошибку.

Тем не менее Гилшер считал, что Толкачев – тот надежный и твердый человек, с которым можно работать.

Глава 6

Шестизначное число

В длинном апрельском письме в ЦРУ Толкачев презрительно отзывался о советской идеологии и общественной жизни. Он писал, что политика, литература и философия “в течение долгого времени были опутаны такой непролазной, лицемерной демагогией” и “идеологическим пустословием”, что он старался игнорировать их. Толкачев говорил, что уже давно не был в театре. Хотя он любил классику, современные советские постановки были “полной идеологической белибердой”. Такое отношение было распространенным в те годы. В городе высокопарные партийные декларации были выгравированы на бетонных фасадах станций метро, гигантские плакаты с кичливыми лозунгами висели над воротами фабрик. Но большинство советских граждан в конце 1970-х уже давно забыло о надеждах на светлое коммунистическое будущее. Наступили годы стагнации. Советский Союз направлял на гонку вооружений столь колоссальные ресурсы, что остальные секторы экономики могли производить лишь самые низкопробные потребительские товары. Дефицит был повседневным явлением и сильно раздражал. Люди часами стояли в очередях, чтобы купить туфли или зимнее пальто. Здание № 1 на площади Восстания[120], где жил Толкачев, было одной из семи оригинальных московских высоток, с башнями и шпилями. Дом был построен в 1955 году, на первом этаже в нем находились четыре продуктовых магазина с высоченными потолками, по одному на каждом углу: мясной, рыбный, молочные продукты и булочная. Магазины, устроенные по образцу элегантного московского гастронома начала века, выглядели великолепно со своей красно– белой мраморной мозаикой, окнами во всю стену, канделябрами и мощными центральными колоннами. Изобилия товаров не наблюдалось, однако в первые годы после постройки можно было, заглянув в магазин, найти там копченую рыбу и колбасу. К 1979 году магазины пришли в упадок, полки были практически пусты. Теоретически советское государство предоставляло гражданам почти все: медицинское обслуживание, школы, транспорт, работу. Но система прогнила изнутри. Дефицит вынуждал многих людей пользоваться услугами черного рынка.

Они пытались выжить с помощью друзей и знакомых и вечно были в поисках то мясных консервов, то хорошего чая, а то поджидали, когда “выбросят” обувь{112}.

Благодаря своему месту службы Толкачев имел некоторые привилегии, смягчавшие все эти лишения и тяготы. Раз в неделю он имел право на “заказ” – скромный продуктовый набор, который выдавали в институте. В нем могла быть банка растворимого кофе, дефицитный чай или, скажем, копченая колбаса. Но Толкачев не относился к привилегированной прослойке. Он не был членом партии, держался особняком и был скорее аскетом. Когда он предложил свои услуги ЦРУ, у него не было ни машины, ни дачи. Чтобы лечиться и одеваться, он прибегал к услугам теневого сектора. По выходным или после работы они с женой искали нужные товары в магазинах и на рынках. На антресолях в своей квартире Толкачев запасал стройматериалы – доски, фанеру и трубы для мелкого ремонта. Ему нравилось работать руками, он сам чинил свой радиоприемник и телевизор. Отдыхать он предпочитал в турпоходах вместе с женой и сыном, в безлюдной глуши, среди лесов и озер, а не в забитых пансионатах на море, в Сочи, пользуясь бесплатными путевками, которые им выдавали на работе.

Чего же он, вообще, хотел? Больше всего Толкачев думал о сыне Олеге, которому в 1979 году было четырнадцать лет. Толкачев делал для него все, что мог. Молодые люди Советского Союза, где полки магазинов всегда пустовали, тосковали по потребительским товарам. На них влияло все услышанное и узнанное о Западе. Они высоко ценили рок-музыку и отчаянно хотели заполучить пару джинсов. Советская система центрального планирования джинсы игнорировала и только позднее стала выпускать их дешевые имитации. Однако джинсы можно было купить подпольно, у фарцовщиков, или у приезжих из-за границы. А у Олега были творческие и артистические наклонности, он коллекционировал западную рок-музыку.

Толкачев не нуждался в деньгах. Он получал 250 рублей в месяц, плюс 40-процентную премию за секретность, всего примерно 350 рублей. Вместе с зарплатой жены получалось вдвое больше. В то время средняя зарплата в СССР была порядка 120 рублей в месяц{113}. Однако деньги не позволяли купить товары, которых в принципе не существовало. В русском языке глагол “доставать” в то время использовался чаще, чем “покупать”.

Возможность что-то достать часто зависела не от денег, а от связей или от случая – когда некий дефицитный товар внезапно оказывался доступен. Какое-то время могло не быть чая, а потом он вдруг появлялся. Таков был известный Толкачеву мир – мир партийного государства, славящего собственное величие и постепенно превратившегося в антиутопию.

Когда Гилшер перечитывал апрельское письмо Толкачева, он обратил внимание на один абзац. Толкачев раздраженно отреагировал на пассаж об оплате. Предложение Гилшера платить одну тысячу рублей в месяц было “огорчительным”, совсем недостаточным, писал Толкачев. Он хотел получать гораздо больше – как свидетельство “значимости и важности моей работы и моих трудов”. Он обещал Гилшеру, что не будет вести себя безрассудно. Он жаловался: “До сих пор я не почувствовал, что были по достоинству оценены мои односторонние усилия разрушить стену недоверия, а также значимость информации, переданной мной в 1978 году”. Гилшер понимал, что это правда. Но он также понимал, что ЦРУ проявляло разумную осторожность. Они могли потерять агента, передавая ему пачки денег, тогда как его соседи по-прежнему были обречены на тяготы и лишения повседневной жизни. Даже у главы резидентуры Хэтэуэя возникали сомнения. “Куда, черт побери, он денет всю эту наличность? – часто спрашивал Хэтэуэй Гилшера. – Сложит на антресоли и будет на них любоваться?”^{114}

Но Толкачев проявлял упрямство. Сначала он просил за те секретные данные, которые уже передал, 10 тысяч рублей, потом 40 и 50 тысяч^{115}. Он настаивал, чтобы в будущем ему платили щедро – и в долларах. Он требовал как минимум той же суммы в долларах, что получил летчик Беленко, когда увел свой МиГ-25 в Японию в 1976 году. Толкачев писал, что слышал по “Голосу Америки”: это было “шестизначное число”.

Он тоже хотел шестизначную сумму.

1 мая 1979 года из штаб-квартиры Гилшеру и Хэтэуэю пришла телеграмма с новым планом выплаты Толкачеву “шестизначной” зарплаты. “Мы в принципе готовы предложить ему в общей сложности 300 тысяч

долларов”, – говорилось в телеграмме. Однако, поскольку в Москве такие деньги хранить невозможно, в Лэнгли предлагали класть деньги под проценты на депозитный счет в западной банке, открытый на имя Толкачева либо на чье-то еще, или, скажем, положить на счет сразу 100 тысяч долларов и затем платить по 50 тысяч в год в течение следующих четырех лет. В телеграмме предлагался еще один вариант. “Поскольку деньги, очевидно, не единственный мотив, учитывая его слова о необходимости “одобрительно потрепать по плечу”, стоит задуматься, не будет ли уместна другая форма поощрения, – говорилось в телеграмме. – Нам приходит на ум, например, медаль, членство в нашей организации и (или) сертификат с признанием заслуг... Будет ли одна из этих “наград” удачным шагом с психологической точки зрения?”^{116} Когда Гилшер составлял оперативную записку для следующей передачи Толкачеву, намеченной на июнь, он специально включил туда слова одобрения, вроде как потрепал по плечу. Но в следующие несколько недель главное управление опять засомневалось: а стоит ли все-таки выдавать Толкачеву столько денег? 18 мая директор ЦРУ Тернер, известный своим скептическим отношением к разведанным, полученным от агентов, одобрил выдачу Толкачеву 100 тысяч долларов за проделанную им уже работу – “в знак нашего доверия”, – но постановил производить остальные выплаты в течение пяти, а не четырех лет. Решение Тернера, о котором сообщалось в очередной телеграмме из штаб-квартиры, имело еще условие: “С учетом того, что поступления от него будут продолжаться”^{117}.

Гилшер считал такое выворачивание рук крайне неразумным. Толкачев не проявлял колебаний. Он предложил план работы на 12 лет, из семи этапов, и, похоже, был готов с железной твердостью его выполнить. 22 мая Гилшер послал ответную телеграмму о том, что такие условия “не увязываются” с пожеланиями Толкачева. Обусловливать оплату продолжением работы глупо, писал он, “поскольку главная мотивация “Сферы” – не деньги”. Он также писал, что Толкачев предпочитает бессрочное соглашение, тогда как план штаб-квартиры рассчитан на пять лет. Гилшер советовал пообещать Толкачеву 100 тысяч долларов сразу и затем по 40 тысяч в год без каких-либо условий^{118}. Гилшер упорно уточнял все финансовые детали, стараясь, с одной стороны, укрепить доверие Толкачева, а с другой – учесть сомнения штаб-квартиры. Он написал Толкачеву в оперативной записке к следующей встрече, что ЦРУ заплатит ему 300 тысяч долларов, но управление беспокоится о том, как

передать и где разместить эти деньги. Гилшер предложил открыть для Толкачева на Западе сберегательный счет с выплатой процентов (8,75 процента годовых) и возможностью снятия средств, а также показывать ему при каждой встрече банковскую книжку. Гилшер также предложил подумать о “каких-то еще ценностях”, кроме денег{119}.

В конце мая 1979 года ряд экспертов американской разведки, в основном специалисты по советским комплексам вооружений, собрались на семинар в Вашингтоне в тщательно защищенном зале заседаний. Среди участников были офицеры ВВС, военно-морского флота, ЦРУ и разведывательного управления министерства обороны. Все они прочли распространенный в апреле 100-страничный секретный отчет, приводящий материалы из блокнота Толкачева, который тот передал Гилшеру в морозный новогодний день.

Пришло время ответить на главный вопрос: подлинна ли информация Толкачева? Целью семинара было проверить материал на наличие малейших признаков дезинформации. Прошло два с половиной года после первого обращения Толкачева на московской бензоколонке, но разведка и военные по-прежнему испытывали сомнения. Если Толкачев работает под контролем КГБ, если его документы сфабрикованы, чтобы пустить Соединенные Штаты по ложному следу, будет катастрофой проглотить эту наживку. Угроза определенно была реальной; у КГБ имелся обширный опыт использования обмана, дезинформации и дезориентирования. Соединенные Штаты использовали те же методы против Советского Союза{120}. В то же время Соединенные Штаты остро нуждались в сведениях о советских военных планах и намерениях. Если у Толкачева действительно есть доступ и его материалы подлинны, отдача может быть очень щедрой: планы и исследовательские документы из самых передовых лабораторий советского военно-промышленного комплекса. Соединенные Штаты имели преимущество перед Советским Союзом в области оборонных технологий, но всегда опасались неприятных сюрпризов. Шпион мог заранее предупредить их о том, какое оружие СССР будет разрабатывать на протяжении следующих нескольких лет.

По окончании семинара главное управление направило Гилшеру и Хэтэуэю краткое резюме. В телеграмме отмечалось, что документы,

заметки и рисунки Толкачева раскрывали многое о прежде закрытом мире советского военного планирования. “Все участники согласились, что результаты впечатляют и вся проверяемая информация признана логичной, – говорилось там. – Не обнаружено фактических утверждений, которые можно было бы опровергнуть. Вам будет приятно узнать, что данные “Сферы” обозначили рамку, позволяющую собрать воедино все разрозненные фрагменты информации, полученной на данный момент из других источников, и теперь может быть представлена полная картина советских достижений в этой конкретной области. По нашим оценкам, данные сэкономили нам пять лет научно-исследовательской работы”^{121}. Конкретная область советских “достижений”, о которой здесь говорится, не вполне ясна, но, вероятно, это была бортовая электроника и радары, в том числе системы обнаружения целей в нижней полусфере, поскольку именно в этой области работал Толкачев.

В тот момент общий бюджет министерства обороны США на научно-исследовательские, конструкторские, испытательные и инженерные работы превышал 12 миллиардов долларов в год. Большая его часть выделялась для ВВС и флота на разработку новых и модернизированных вооружений для противостояния советской угрозе. Первая крупная партия документов Толкачева сэкономила пять лет работы и имела для США ценность как минимум в несколько миллионов долларов, а скорее всего, гораздо большую. Эксперты на семинаре проявили немалый энтузиазм и составили новые вопросы для передачи Толкачеву на следующей встрече^{122}. Хэтэуэй вспоминал, что когда материалы Толкачева прибыли в штаб-квартиру, “люди пришли в дикий восторг. Военные говорили: боже мой, где вы это добыли? Давайте еще!”

А в Москве Гилшер готовился к грядущей июньской встрече. “Как вы хорошо понимаете, – писал он Толкачеву, – ваша информация представляет чрезвычайный интерес для нас, и небольшая группа людей высочайшего уровня, которые в курсе вашей работы, обратилась ко мне с просьбой выразить вам огромную благодарность за ваш труд, огромное уважение к вам лично и подтвердить, что ваши данные представляют огромную ценность”. Гилшер понимал, что Толкачев идет на колоссальный риск, и заверял его: “Ваша информация, ввиду ее чрезвычайно конфиденциального характера, распространяется весьма ограниченно, под сугубо секретным грифом, и с ней знакомы лишь те специалисты, которым необходимо быть с ней знакомыми”^{123}.

100-страничное описание данных Толкачева было распечатано лишь в семи экземплярах, и все они хранились в условиях строжайшей секретности. Имена тех, кто видел эти данные, записывались в реестр, прозванный “списком фанатов”, который хранился вместе с донесениями и запросами сотрудников “советского” отдела ЦРУ. Если информацию Толкачева переводили и распространяли, ее часто смешивали с данными других источников из Советского Союза, так что если бы произошла утечка, то на Толкачева нельзя было бы выйти как на источник{124}. При отправке телеграмм из Москвы резидентура всегда шифровала их, но в случае Толкачева принимались дополнительные меры предосторожности. Любая идентифицирующая информация: имя, возраст, местоположение, физические характеристики и т. д. – подвергалась двойному шифрованию. К примеру, имя “Олег” заменялось на “Алекс” еще до того, как телеграмма полностью кодировалась для отправки в штаб-квартиру. В Лэнгли телеграмму расшифровывали и подставляли назад правильные имена или слова. Таким образом, если бы КГБ и удалось перехватить шифrogramму, у них все равно не было бы никаких имен или намеков на личность агента. Лишь несколько человек в главном управлении знали, кто такой “Сфера” на самом деле{125}.

6 июня Гилшер в третий раз лично встретился с Толкачевым. Когда Гилшер заметил Толкачева, тот был в темно-коричневом плаще и рубашке в желтую и коричневую клетку. После того как они обменялись паролями – это были фразы, известные только им двоим, вроде “Борис передает привет”, – Толкачев передал Гилшеру 29 страниц своих рукописных заметок и 10 отснятых кассет пленки с камеры “Молли”.

Во время разговора Гилшер поинтересовался здоровьем Толкачева, поскольку тот в апрельском письме упоминал о боли в ногах, в основном в голени, и о поставленном диагнозе (тромбофлебит). Толкачев ответил, что его не так поняли: проблемы со здоровьем возникли у жены. Ее лечили в местной поликлинике компрессами и растираниями, но Толкачев хотел узнать, не может ли ЦРУ найти более эффективное средство. Это было еще одно свидетельство о том мире дефицита, в котором Толкачев жил постоянно. Гилшер передал Толкачеву некоторые советы насчет лечения, которые ему прислали из головного управления{126}.

Затем Гилшер отдал Толкачеву составленную им самим оперативную записку, список “запросов” от американских специалистов, график следующих встреч, 35-миллиметровую зеркальную камеру *Pentax ME* и объектив для съемки документов, а также зажим для закрепления фотоаппарата на стуле или столе. Гилшер постарался в малейших деталях описать денежный вопрос: ЦРУ откроет долларовый сберегательный счет с процентами и выплатит Толкачеву “шестизначную” зарплату, как он и просил. Гилшер подчеркнул, что выгоднее получать оплату долларами, а не рублями: доллары надежнее, чем рубли, которые можно потерять во время очередной советской конфискации или девальвации. Толкачев реагировал как-то не определенно. Гилшер заметил, что он всегда ведет себя сдержанно. Но в этот день он был совершенно непроницаем.

Как будто вскользь, в каком-то раздумье, Толкачев сказал Гилшеру, что он все равно не знает, что делать с этими деньгами.

Гилшер вручил ему еще 5 тысяч рублей. Их встреча длилась всего 15 минут^{127}.

18 июня 1979 года, по окончании трехдневного саммита в Вене, президент США Джими Картер и генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев подписали договор ОСВ-2 – об ограничении стратегических вооружений. Картер пришел в Белый дом с идеалистическими идеями насчет контроля над ядерными вооружениями, но к 1979 году все, чего он смог добиться, – это был договор, который лишь слегка тормозил гонку вооружений. Во время переговоров по ОСВ-2 советская сторона постоянно выражала беспокойство по поводу нового оружия, разрабатываемого США, – стратегической крылатой ракеты, беспилотного снаряда с миниатюрной ядерной боеголовкой, который мог пролететь на большой высоте над территорией врага, потом резко опуститься на высоту 15 метров над уровнем земли и долететь до цели с помощью сложной системы наведения, учитывающей рельеф местности. Советский Союз беспокоила именно эта способность летать на небольшой высоте. У СССР не было эффективных радаров, отслеживающих объекты так низко, и этот зазор в системе ПВО ему никак не удавалось закрыть. Эта уязвимость была одной из самых важных тем в сообщениях Толкачева. Как-то на совещании в Белом доме в годы президентства Джеральда Форда

заместитель министра обороны Уильям Клементс проинформировал президента: “От наших разработок крылатых ракет они лезут на стенку, потому что от этих ракет их оборона не защищает, и они это знают. Крылатые ракеты причиняют им массу неудобств и неприятностей”{128}. На третий год президентства Картера американские крылатые ракеты стремительно становились реальностью. 17 июля, через месяц после подписания договора ОСВ-2, крылатая ракета “Томагавк” успешно прошла свое первое летное испытание в компании *General Dynamics*, которая ожесточенно соревновалась с *Boeing* за контракт на создание нового боевого комплекса. Крылатые ракеты летели не так быстро, как межконтинентальные баллистические ракеты, но они двигались скрытно, и остановить их было практически невозможно. Секретные испытания американской армии, завершенные в сентябре 1978 года, показали, что действующая советская система ПВО бессильна против этих ракет.

Однако не давал покоя вопрос: что по этому поводу собираются делать в Советском Союзе?{129}

Заметки и пленки, переданные Толкачевым Гилшеру 6 июня, отправили в штаб-квартиру. Заметки перевели, и к 25 июня все подробности оказались на столе Джорджа Т. Калариса, главы “советского” отдела ЦРУ. Каларис, высокий, неизменно притягивающий к себе внимание, большую часть своей карьеры прослужил офицером по тайным операциям в Греции, Индонезии, Лаосе, на Филиппинах и в Бразилии. Он вызвал особое восхищение тем, что раздобыл в Индокитае боеголовку и руководство по эксплуатации советского зенитного ракетного комплекса С-75 “Двина”. Ему были хорошо знакомы опасности – и стрессы – шпионажа. Позднее ему поручили “почистить” штаты контрразведки ЦРУ после многих лет энглтоновской паранойи. А в 1976 году его назначили руководителем “советского” отдела. Каларис, человек откровенный и прямой в общении, вселял уверенность в тех, кто работал рядом с ним{130}.

Едва получив заметки Толкачева, Каларис сразу понял, что перед ним что-то необычайное. Толкачев докладывал, что, несмотря на все недовольство советской стороны крылатыми ракетами США, московские разработчики и конструкторы оружия “только начали изучать проблему” и

возможную ответную реакцию.

Только начали? Это давало Соединенным Штатам передышку и уверенность, что их новый боевой комплекс может быть эффективен еще много лет. Каларис немедленно отпечатал записку директору ЦРУ Тернеру и двум его заместителям, где описал встречу Гилшера в Москве, передачу заметок и 10 кассет с пленкой. “Информация “Сферы” продолжает получать высочайшие оценки”, – писал он. В дополнение к данным о крылатых ракетах в заметках Толкачева содержалась информация о новом зенитно-ракетном комплексе и подтверждение донесений ЦРУ, что СССР разрабатывает новую систему идентификации военных подразделений. “Все это будет учтено в прогнозах национальной разведки”, – писал Каларис, имея в виду наиболее важные, финальные доклады ЦРУ, составляемые для руководителей правительства{131}.

На регистрационной карточке документа Каларис указал, что его записку следует хранить вне основной системы учета. Чем меньше людей ее увидят, тем лучше. Он попросил, чтобы ее доставили лично Тернеру и двум его заместителям. Один из них нацарапал на карточке лишь одно слово.

“Невероятно”.

Глава 7

Шпионская камера

Толкачев имел доступ к чрезвычайно конфиденциальным и секретным документам, но для ЦРУ от этого было бы мало пользы, если бы не было возможности их копировать. Поначалу Толкачев запоминал материал и записывал его потом от руки в блокнот, но это был неэффективный способ, когда речь шла о таких объемах информации, какие он предполагал добыть за 12 лет шпионажа. Возможность скрытно копировать документы была ключом ко всему, чего он и ЦРУ хотели добиться.

Первым делом ЦРУ выдало ему для копирования миниатюрную камеру “Молли” – не самый совершенный разведывательный инструмент. 4 июля 1979 года из штаб-квартиры сообщили, что 10 кассет, переданных Толкачевым Гилшеру, “практически не читаемы”, за исключением нескольких страниц, которые удалось разобрать. Проблема состояла в плохой фокусировке и в дрожании руки Толкачева, держащей крохотную камеру. Это была обидная неудача, не только из-за потери 800 кадров с документами, но и ввиду немедленно возникших сомнений по поводу операции в целом.

Толкачев не мог просто пойти к ксероксу и сделать фотокопии. Советские власти всегда боялись копировальных аппаратов. Эти машины помогали распространять информацию, а строгий контроль над информацией был главным принципом власти КПСС. В большинстве учреждений ксероксы держали под замком.

“Копировальный аппарат находится в специальной комнате, с ним работают четыре или пять сотрудников, – описывал Толкачев для ЦРУ свою рабочую обстановку. – Входить в копировальную комнату тем, кто в ней не работает, не разрешается”. Секретные документы должны были приходиться на копирование из первого отдела, а несекретные мог прислать любой работник. Но Толкачев пояснял: “Прежде чем направить в копировальный отдел несекретный документ, нужно заполнить бланк заказа. Эта форма

должна быть заверена в первом отделе на предмет секретности документа, то есть нужно подтверждение, что документ не засекречен. В этих документах не должно быть слов или выражений, раскрывающих характер предприятия или института. К примеру, первый отдел не пропустит следующее предложение: “Станция РЛС имеет несколько рабочих режимов”. Предложение необходимо перефразировать: “Наименование 4003 имеет несколько рабочих режимов”{132}.

Из письма Толкачева было понятно, что копировальные машины – не вариант. Нужно было полагаться на камеры и пленку.

Когда Пеньковский шпионил для ЦРУ и британцев в начале 1960-х, он пользовался доступной в открытой продаже камерой *Minox III*, которой также широко пользовались в КГБ и других разведслужбах. Фотоаппарат был 8 сантиметров в длину, 2,8 в ширину и всего 1,5 сантиметра толщиной и легко умещался в ладони. Он имел четырехлинзовый объектив, позволявший фокусировать с близкого расстояния. Камера *Minox* отлично подходила для фотографирования документов, писем, книжных страниц и конвертов, но ее трудно было использовать незаметно от окружающих. Затвор громко щелкал, камеру нужно было держать двумя руками, и ей требовалось хорошее освещение – не лучшие условия для шпионской фотографии{133}.

Пеньковского арестовали отчасти как раз из-за отсутствия более совершенной технологии шпионажа. В аналитическом разборе операции подчеркивалось отсутствие эффективной техники, особенно для коммуникации с агентом. “У управления попросту не было в наличии подходящих для этого типа операции устройств, – вспоминали Роберт Уоллес и Кит Мелтон в своей авторитетной истории шпионажа ЦРУ. – К примеру, даже в 1962 году ЦРУ еще не успело разработать маленькую надежную камеру для копирования документов”{134}. Но в следующие несколько лет произошел технологический прорыв. К 1970 году специалисты ЦРУ уже работали над созданием чрезвычайно маленькой и тихой камеры. Требования были просто фантастическими: камера должна была эффективно работать в здании самого КГБ, не привлекая к себе внимания. Потребность в такой технике стала насущной, когда ЦРУ завербовало Огородника в Колумбии в 1973 году. В условиях строгой секретности управление заключило контракт с производителем прецизионной оптики на разработку крохотной камеры под кодовым

названием Т-100, в шесть раз меньше *Minox*, имевшей вид маленького цилиндра, который можно упрятать в бытовых предметах вроде ручки, зажигалки или футляра для ключей. Фотоаппарат, писали Уоллес и Мелтон, был “перлом механической точности и оптического минимализма”. Объектив состоял из восьми микроскопических элементов из притертого стекла, с предельной точностью прилаженных друг к другу, чтобы обеспечить четкие фотографии документов стандартного размера. Пленка, объектив и затвор размещались в едином алюминиевом корпусе. После каждого снимка пленка автоматически перематывалась на следующий кадр, всего кадров было до сотни. Изготовление таких фотоаппаратов напоминало скорее производство дорогих часов, чем обычный заводской процесс; каждый экземпляр собирали вручную под большим увеличительным стеклом. Поставки были строго ограничены. Когда британская разведка попросила поделиться чертежами, чтобы открыть вторую сборочную линию, ЦРУ согласилось – но камера оказалась столь сложной, что британцам не удалось ее воспроизвести.

Крохотные размеры камеры вынудили разработчиков искать чрезвычайно тонкую пленку. Решение обнаружилось среди забытых запасов пленки *Eastman Kodak*, которую когда-то производили для спутников-шпионов; ее разрезали на ленты и сворачивали внутри миниатюрного кожуха. После некоторых технических проблем с загрузкой пленки ЦРУ разработало фотоаппарат второго поколения, Т-50, в который помещалось 50 снимков. Теперь агенту не нужно было возиться с заменой пленки – он просто использовал устройство и возвращал его. В случае с Огородником роль тайника играла роскошная перьевая ручка, внутри которой скрывалась камера. Огородника обучали фотографировать документы, поставив локти на стол, соединив ладони и нацелив ручку вниз на документ. Оптимальным расстоянием до бумаги было 30 сантиметров. Фотоаппарату дали имя *Tropel* (так называлась компания из города Рочестер, штат Нью-Йорк, которая выпускала его для ЦРУ), и в середине 1970-х он великолепно служил Огороднику{135}.

Когда Толкачев только начал шпионскую деятельность в начале 1979 года, ЦРУ не очень-то хотело снабжать его этой элегантной маленькой камерой. Толкачев был новым агентом, необученным и не проверенным в деле. Вместо этого ему выдали “Молли” – камеру размером со спичечный коробок, собранную на основе *Minox* внешним подрядчиком по чертежам ЦРУ и названную в честь дочери этого подрядчика. Фотоаппарат Толкачева

имел серийный номер 018, к нему прилагался отдельный экспонометр. Пленка длиной в 80 кадров наматывалась на катушку внутри специальной кассеты, а кассеты были упакованы в коробки{136}.

В апреле Толкачев доложил, что с “Молли” у него проблемы. Он понял, что это уже устаревшая техника. “Ознакомившись с фотоаппаратом, я был несколько разочарован, возможно, потому, что у меня были более радужные представления о развитии технологий в этой области”, – написал он в ЦРУ.

В ответ штаб-квартира решила выдать Толкачеву 35-миллиметровую камеру *Pentax* и штатив; их Гилшер передал Толкачеву 6 июня. *Pentax* нельзя было назвать шпионским оборудованием: этим фотоаппаратом пользовались по всему миру, и, вероятно, он не выглядел бы слишком неуместно, если бы его нашли в квартире советского инженера. Наличие *Pentax* и штатива позволяло надеяться, что снимки Толкачева больше не будут размытыми или расфокусированными. В агентурной работе такие камеры использовались как минимум со времен Второй мировой войны, когда немецкий шпион фотографировал документы с помощью 35-миллиметровой “Лейки” и самодельной подставки{137}.

В ЦРУ колебались, стоит ли выдавать Толкачеву более современные камеры *Tropel*. В конце концов головной офис решил выделить ему два таких фотоаппарата, но с оговоркой, что это только для домашних опытов; не следовало брать их с собой на работу. Гилшер старался выжать максимум из этих требований и сомнений. Он согласился с планом передать Толкачеву камеры *Tropel*, но настоял на том, чтобы из штаб-квартиры прислали в Москву инструкции по использованию этих камер, причем на русском. Фотоаппарат можно было запрятать в разные предметы: ручки, брелоки для ключей, губную помаду. Важно было, чтобы Толкачев заранее одобрил тот или иной вид маскировки и чтобы предмет не выглядел странно рядом с другими в кармане его пальто. Толкачев сказал, что обычно носит в кармане ручку и ключи.

Все требовало тщательной подготовки. Фотоаппарат *Tropel* стал бы смертным приговором, будь он обнаружен КГБ. Его единственным предназначением был шпионаж.

Две миниатюрных камеры *Tropel* были в пакете, который Гилшер передал Толкачеву при новой встрече, 15 октября 1979 года. Один фотоаппарат был красный, другой – черный, чтобы ни у Толкачева, ни у ЦРУ не возникло путаницы. В оба была загружена пленка на 120 кадров, оба были спрятаны внутри ручек, для “тестирования” дома.

На встрече Гилшер почувствовал, что Толкачев чем-то раздражен. Прошло больше четырех месяцев с момента их предыдущего свидания. Толкачев был недоволен, что его запрос на таблетку для суицида, сделанный еще весной, игнорируют уже полгода. Он настойчиво говорил Гилшеру, что хочет получить ее как можно скорее. Толкачев описал Гилшеру один случай: водитель троллейбуса резко нажал на тормоза, чтобы избежать аварии, в результате чего пассажиры попадали, и некоторые из них получили серьезные травмы. Он напомнил Гилшеру, что регулярно ездит на автобусе и трамвае с секретными документами в карманах пальто. А вдруг он попадет в аварию? Толкачев обещал, что будет носить с собой таблетку, только когда у него при себе будут секретные документы. В остальное время он будет прятать ее дома. Он также обещал, что воспользуется ею лишь в самом крайнем случае. Ему хотелось избежать мук допросов и суда. В случае провала он хотел покончить с собой^{138}.

Толкачев сказал, что не хочет тратить драгоценное время на разговоры о финансах: он написал ответ ЦРУ в оперативной записке. Гилшер положил записку в карман.

На следующее утро, придя в резидентуру, Гилшер открыл записку Толкачева. Просмотрев несколько страниц, он добрался до пункта № 7, “Касательно финансов”, и понял, что возникли проблемы. “Последние финансовые предложения, переданные мне в июне, не внушают энтузиазма, – писал Толкачев. – Эти предложения резко расходятся с моими пожеланиями, переданными в одной из записок. Когда я писал о вознаграждении Беленко как о шестизначной сумме, я был неточен, потому что я имел в виду не шестизначное число, а число с шестью нулями. По информации, доступной мне, ему выплатили сумму, равную шести миллионам долларов”.

Гилшер читал и переводил все заметки Толкачева с момента своего

появления в московской резидентуре. Он четырежды встречался с Толкачевым и считал, что понимает его. Но порой тому удавалось поставить его в тупик.

Толкачев требует миллионы долларов?

Гилшер стал читать дальше.

“Иногда мне кажется, что по части оплаты в отношении меня избрана определенная тактика, – недовольно писал Толкачев. – Я вижу, что вы решили применить ко мне в вопросе финансов градуальный подход. Однако чтобы ваша тактика в этом вопросе не вызвала приостановки или задержек в передаче информации и не привела к необратимым негативным последствиям, я бы хотел обратить ваше внимание на следующие факты, касающиеся моего финансового положения”. Толкачев писал с нажимом и подчеркнул слова о негативных последствиях.

“Моя основная цель в работе с вами, – продолжал Толкачев, – состоит в передаче вам максимального количества информации в кратчайшие сроки. Я не ограничиваюсь передачей информации по документам, которые непосредственно связаны с моей работой, но активно ищу новые важные материалы и стараюсь получить доступ к ним, чтобы выполнить фотокопии.

Как вы понимаете, я начал работать с вами добровольно. Чтобы установить контакт, с момента передачи первой записки до первой встречи потребовалось ровно два года. За эти два года я приучил себя к мысли о возможных последствиях моих действий. Сегодня, как и прежде, я понимаю, что конец может наступить в любую минуту, но это не пугает меня, и я буду работать до конца. Однако я не всегда буду работать исключительно на добровольной основе”.

Эти слова опять-таки были жирно подчеркнуты.

“Если я увижу, что со мной затеяли какую-то игру или что на меня давят, я прекращу сотрудничество, хотя прекрасно понимаю, что прекратить его я смогу, только совершив самоубийство”. Толкачев усиливал давление, угрожая прекратить работу, при этом давал понять, что если сделает это, то столкнется с такими рисками – вроде ареста, – что у него не останется выбора, кроме как уйти из жизни.

“Я написал о своем подходе к финансам искренне и открыто. Я надеюсь, что вы ответите мне в том же духе. Меня не смутит никакой ваш ответ. Я полагаю, – писал Толкачев, – что несколько миллионов долларов – не слишком фантастическая цена за такую информацию”{139}.

Запрос Толкачева озадачил ЦРУ на несколько недель. Там пытались понять, блефует ли он. Гилшер понимал, что они в затруднительном положении. Ответ должен был произвести впечатление на Толкачева, но это не могли быть требуемые суммы. ЦРУ никогда не платило агентам столько.

16 ноября Гилшер и Хэтэуэй отправили в штаб-квартиру сообщение со своими соображениями, как следует ответить Толкачеву. Может быть, стоит оспорить внезапное повышение требований с сотен тысяч до миллионов долларов? Или просто разыграть удивление? В конечном счете, считали они, лучше не восстанавливать Толкачева против себя, а объяснить произошедшее “взаимным непониманием” и попытаться разрешить ситуацию{140}.

В ЦРУ понимали, что Толкачев прав. Несколько миллионов долларов – не слишком фантастическая цена за ту шпионскую работу, которую он выполнял, добывая драгоценнейшие материалы советских военных исследований. Но они попросту не могли платить ему столько, прежде всего из страха, что он начнет выставлять напоказ свое богатство и поставит под угрозу собственную безопасность.

12 декабря начальник отдела Каларис написал Тернеру о необходимости решить проблему “шести нулей”. Из его записки хорошо понятно, насколько важное значение приобрела операция с Толкачевым.

“Как вам известно, – писал Каларис директору, – я был вовлечен в эту операцию с самого начала. У нас в СВ-отделе[150] никогда еще не было такого проекта”.

Каларис указывал, что отдел старается следовать правилам операций, сформулированным при работе с предыдущими агентами, но Толкачев представлял собой уникальный случай. В предыдущих операциях – при работе с Поповым, Пеньковским и Поляковым – агенты-добровольцы в основном действовали за пределами Советского Союза. Толкачев же

шпионил в самом центре Москвы. Каларис также напомнил Тернеру об упорном стремлении Толкачева установить контакт с ЦРУ и описал его как “зрелого, сдержанного человека”, в отличие от более молодых и увлекающихся агентов, с которыми они имели дело прежде.

“Мы все еще точно не знаем, что побудило “Сферу” найти нас и работать на нас, – писал Каларис. – На данный момент наша самая обоснованная догадка состоит в том, что им движет желание отомстить. Вплоть до этого момента и на ближайшее будущее отдел намерен вести это дело с чрезвычайной осторожностью, потому что вероятность, что нас “прокатят”, высока”. Но, как он писал, Толкачев к нынешнему моменту “предоставил некоторые чрезвычайно высококачественные данные, которые уже сейчас оказали влияние на наши ВВС, и обещал в дальнейшем предоставить еще больше информации”.

Ставки были высоки, но Каларис отмечал, что разногласия по поводу денег вызывают “у “Сферы” серьезные сомнения на наш счет”. Каларис рекомендовал на декабрьской встрече произвести щедрую выплату, чтобы совершенно успокоить Толкачева: 300 тысяч рублей, или примерно 92 тысячи долларов. “Я считаю, важно продемонстрировать ему, что мы не будем все время сквалыжничать”, – писал Каларис.

Он также заметил, что, хотя деньги и стоит выдать в подтверждение добросовестности ЦРУ, следует еще раз предупредить Толкачева о “высоких рисках, которые он навлекает на себя самим фактом владения такой крупной суммой”. Но все же “удовлетворение его конкретного денежного запроса впервые в полном объеме обеспечит хорошую основу для разговоров о будущем”.

Затем Каларис с опаской перешел к более трудному вопросу.

“Сфера” попросил у нас плюс-минус 10 миллионов долларов в следующие десять лет, – писал он. – На это мы не соглашались, и я предлагаю не соглашаться ни на какие подобные суммы в этот раз”. Каларис предложил: лучше оставить в этом вопросе некоторую неясность. ЦРУ может, указав на 300 тысяч рублей, сказать Толкачеву, что “мы обязуемся достойно платить ему в будущем, но размер выплат будет зависеть от нашей оценки результата”. Он также писал: “Я считаю, что мы должны добавить: если он предоставит то, что обещал, по нашей оценке,

ценность материала будет измеряться семизначными числами. Но более я бы ничего не говорил”.

“Разговор о семизначной сумме позволяет нам еще раз поставить вопрос о депозитном счете по соображениям безопасности, – рассуждал Каларис. – Если он упрется, а я полагаю, что именно так он отреагирует на предложение о депозитном счете, мы можем попросить его подумать о возможности выехать из СССР с нашей помощью”.

Это был совершенно новый поворот. Каларис предупредил Тернера, что ЦРУ не дает реальные обязательства по эвакуации – вывозу агента из страны, но это можно в мягкой форме предложить ему. Каларис умолчал о том, что ЦРУ еще ни разу не удалось провести эвакуацию из Москвы. Он писал, что не знает, думал ли Толкачев об отъезде и будет ли он в нем заинтересован. Но в таком предложении было и еще одно преимущество: оно могло помочь отговорить Толкачева от таблетки для суицида. “Мы хотим, чтобы он жил и наслаждался плодами своего труда, – писал Каларис. – Если он снова будет настаивать, что хочет получить таблетку, и не примет наш отказ, мы можем в принципе согласиться. Но мы можем отложить передачу почти на год, запрашивая у него рекомендации по подходящим средствам маскировки и т. д.”^{141}.

Референт Чарльз Батталья, близкий к Тернеру, был в его офисе, когда на рассмотрение директора вынесли требования Толкачева о крупной выплате. В представлении Тернера, люди-агенты были склонны к ошибкам и непредсказуемому поведению, а этот еще и просил миллионы долларов. “Я никогда не забуду выражение на лице Тернера, – вспоминал Батталья. – Он поперхнулся”. А потом дал “зеленый свет”^{142}.

15 декабря из штаб-квартиры сообщили в московскую резидентуру: “мы получили добро от директора” выдать Толкачеву 300 тысяч рублей на следующей встрече “в знак нашей добросовестности и признания ценности переданной им информации”. Штаб-квартира отмечала, что Толкачев “должен отдавать себе отчет, что мы не можем взять на себя обязательства выплатить конкретную сумму в долларах за его будущие результаты, хотя если он предоставит то, что обещал нам, это вполне может быть оценено семизначной суммой”.

“Мы совершенно точно намерены достойно платить ему в будущем, –

говорилось в телеграмме, – но мы будем определять размеры каждой выплаты, исходя из ценности получаемой информации”{143}.

В действительности “ценность” данных Толкачева для военных и разведывательных ведомств США росла стремительно, ее уже тогда оценивали в сотни миллионов долларов. Но штаб-квартира ЦРУ не желала, чтобы Толкачеву это стало известно. Им нужно было найти способ произвести на него впечатление, показать, что его разведывательный труд высоко ценят, не выкладывая при этом миллион за миллионом. План был – передать ему внушительную пачку рублей. 300 тысяч должны были показаться достаточно крупной суммой для советского инженера, чья месячная зарплата составляла 350 рублей. (Однако это было гораздо меньше, чем 300 тысяч долларов, выплату которых Толкачеву руководство ЦРУ одобрило семь месяцев назад.) Гилшеру, которому предстояло доставить деньги, велели еще раз спросить, возможно ли выдавать оплату драгоценными камнями, другими ценностями или в виде взносов на депозитный счет на Западе. Также Гилшер должен был предложить, чтобы ЦРУ разработало план побега Толкачева из Советского Союза – эвакуацию в неопределенном будущем, но не прямо сейчас.

Что касается щекотливого вопроса о суицидальной таблетке, то Гилшера попросили тянуть с этим и пытаться отговорить Толкачева. И хотя это требование Толкачев формулировал как раз наиболее твердо, именно его ЦРУ меньше всего хотелось удовлетворять. “Вы можете сказать “Сфере”, что мы серьезно обдумываем его просьбу, – писали из штаб-квартиры Гилшеру, – но по-прежнему считаем, что иметь при себе такое средство будет ошибкой”.

Глава 8

Удачи и препятствия

Гилшер встретился с Толкачевым в пятый раз 27 декабря 1979 года. Они провели 20 минут, бродя на морозе между какими-то старыми гаражами. Толкачев был в хорошем настроении и, похоже, рад был снова увидеться с Гилшером. В октябрьском письме он пригрозил прекратить шпионскую работу на ЦРУ, но Гилшер сразу понял, что действовал он прямо противоположным образом. Толкачев работал еще энергичнее и целеустремленнее, чем когда-либо. Во время прогулки Толкачев вручил Гилшеру пакет с пятью электронными компонентами советской РЛС и схемами к каждой из них. Толкачев рассказал Гилшеру, что они остались “со времени, когда я работал над последними испытаниями комплекса РП-23”. Это был тот самый радар, об “огромнейшей ценности” которого ЦРУ говорило в начале года. Электронные детали были настоящим сокровищем для разведки, они позволяли Соединенным Штатам выяснить, как работают советские радары и авионика, – и разработать средства, позволяющие обмануть их.

Толкачев также отдал Гилшеру 81 кассету с экспонированной 35-миллиметровой пленкой. Там были сотни страниц секретных документов. Камеру *Pentax* заклинило, и она перестала перематывать пленку, так что Толкачев вернул ее Гилшеру и попросил взамен две новых. По пути Гилшер вручил Толкачеву пакет с четырьмя миниатюрными шпионскими фотоаппаратами *Tropel* на грядущие месяцы. Они все были разного цвета: голубого, золотистого, серебристого и зеленого. Толкачев же отдал обратно Гилшеру красную и черную камеры, которые получил в октябре для “тестирования”; внутри была экспонированная пленка.

Гилшер достал из взятого с собой портфеля большую пачку денег – 150 тысяч рублей. ЦРУ получило купюры из банка в Швейцарии, так что отследить их путь до Соединенных Штатов было невозможно. Это была лишь половина той суммы, которую предложил Каларис, но она произвела немедленный эффект. Толкачев был доволен деньгами и сказал, что они

соответствуют ценности его работы – в отличие от жалких 5 тысяч рублей, которые ему передали на предыдущих встречах в том же году. Толкачев сказал, что деньги ему на самом деле не нужны и он просто упрячет их куда-нибудь.

Затем он признался Гилшеру, что его требование получить миллионы долларов было “нереалистичным” и он не хочет, чтобы его поняли буквально.

Гилшер снова поднял вопрос о депозитном счете на Западе. В этот раз Толкачев не стал сразу отвергать такую возможность.

Затем Гилшер очень осторожно заговорил о возможной эвакуации. Но Толкачев с ходу отменил идею. Он сказал, что даже рассматривать ее не будет.

Толкачев также сообщил тревожные новости. Порядок работы с секретными документами в его институте ужесточился. Раньше он мог получить засекреченные документы из первого отдела, расписавшись за них на разрешении, которое оставалось в папке отдела. Во время обеда он мог спрятать документы в пальто, выйти из здания, сфотографировать их дома, пока там никого не было, вернуться в институт после обеда и положить документы назад. На главной проходной, где он показывал свой пропуск, редко проверяли, есть ли у него что-то с собой.

Теперь, рассказал Толкачев, чтобы получить документы из первого отдела, он должен был оставить свой пропуск у сотрудника этого отдела. А без пропуска он не мог выйти из здания во время обеденного перерыва и не мог фотографировать секретные документы дома. Теперь он мог уносить домой только менее секретные технические журналы. Толкачев похвастался, что 24 декабря обвел систему вокруг пальца – применил “уловку” – и вынес из здания несколько совершенно секретных документов. Он сфотографировал их у себя дома. Но проблема была серьезной. Выносить, как прежде, документы в кармане пальто стало невозможно.

И Толкачев настоятельно напомнил Гилшеру о еще не выполненном запросе на таблетку для суицида. Он считал, что теперь находится в большей опасности: он брал документы, которые явно не относились к его текущей работе. Если возникнет вопрос об утечке, на бланках запросов

увидят его подписи. Он заклинал Гилшера получить таблетку без промедления.

Перед тем как попрощаться, Гилшер преподнес Толкачеву сюрприз. В качестве подарка на Новый год он принес ему две книги диссидентов, недоступные в Москве, в том числе книгу Александра Солженицына, высланного из Советского Союза в 1974 году. Несмотря на все трения, случившиеся в этом году, рассказывал Гилшер, Толкачев “был очень обрадован”{144}.

Когда они расстались и Гилшер шел через пустую парковку, Толкачев вдруг побежал к нему. Гилшер испугался, решив, что попал в засаду. Но Толкачев, подбежав, объяснил, что написал оперативную записку и забыл ее отдать. Он передал Гилшеру записку и исчез в темноте{145}.

В резидентуре Гилшер прочел послание. Толкачев настаивал на том, что таблетка для суицида становится для него “все более необходимой”. Он писал Гилшеру, что чувствует себя все более уязвимым из-за “непредвиденных обстоятельств”, среди которых может быть даже утечка в Соединенных Штатах. Он объяснял, что всякий раз, получая документ из первого отдела, он расписывается за него. И это сохраняется в деле на случай, если КГБ когда-нибудь этим заинтересуется. Толкачев писал:

Число документов, полученных мной, сильно превышает мои служебные потребности. К примеру, я никогда не смогу объяснить, зачем мне понадобилась техническая документация к АВМ РЛС РП-23, Н-003, Н-006, Н-005... Еще это трудно объяснить, потому что наша лаборатория перестала курировать РЛС РП-23, Н-003, Н-006 в сентябре 1978 года и она никогда не занималась выпуском документации для РЛС Н-005 или для ее серийного внедрения. Перечисленные соображения побуждают меня уже в третий раз обратиться к вам с просьбой немедленно передать мне средства самоуничтожения{146}.

За кодами и числами в записке Толкачева скрывался поразительный

разведывательный улов. Он предоставил Соединенным Штатам чертежи нескольких современных радаров, которые в тот момент разрабатывались и устанавливались на советских перехватчиках и истребителях. В декабре министерство обороны в меморандуме для ЦРУ сообщило, что благодаря бесценным документам Толкачева ВВС полностью пересмотрели свое отношение к обошедшейся в 70 миллионов долларов системе электроники для одного из новейших истребителей США{147}.

Но Гилшер видел, что надвигается более серьезная опасность. Запросы Толкачева на огромное количество документов оставляли след, по которому его могли вычислить и обвинить в предательстве. Его расписки на разрешениях могли погубить всю операцию. К тому же удобный метод копирования документов дома в обед оказался под угрозой из-за новых ограничений – требований сдавать пропуск.

Два с половиной года Гас Хэтэуэй упорно боролся за жизнь московской резидентуры. Он противился Тернеру и наложенному им вето. Он настаивал, что Толкачев действует искренне. Он привез Гилшера в Москву. Он физически стоял на страже и не допустил внутрь “гостей” из КГБ во время пожара в посольстве. Он страдал из-за потери Огородника и Кулака, хотя и понимал, что потеря агента – постоянный риск в борьбе с КГБ. В конце концов Хэтэуэй добился возобновления разведывательных операций в московской резидентуре. Даже с учетом разного рода неудач, ЦРУ прошло долгий путь после паралича 1960-х, когда в Москве не было ни одного сколько-нибудь значимого агента.

Хэтэуэй готовился к окончанию своей миссии и к возвращению в штаб-квартиру, где он должен был возглавить “советский” отдел. Но последние его недели в Москве были тревожными. В конце декабря 1979 года Советский Союз вторгся в Афганистан, и начался новый период напряженности в отношениях СССР и Запада. Десятилетие разрядки закончилось. Сенат положил под сукно ратификацию договора ОСВ-2, в Европе началась новая гонка вооружений, и Соединенные Штаты пригрозили бойкотом предстоящих Олимпийских игр в Москве{148}.

Для московской резидентуры советское вторжение в Афганистан стало

проблемой. 9 января 1980 года Хэтэуэй предупредил штаб-квартиру, что КГБ наверняка усилит уличное наблюдение. Добившись таких успехов в работе с Толкачевым, Хэтэуэй не намерен был его терять. Он клятвенно уверял, что усилит меры безопасности в “ухудшающейся политической ситуации”. Он писал, что резидентура будет вести электронный мониторинг “всех известных и возможных частот, на которых ведут переговоры группы наблюдения” в те дни, когда планируются встречи с Толкачевым. Они также будут уделять особое внимание наблюдению за активностью вокруг посольства и следить за окнами квартиры Толкачева на предмет чего-то необычного{149}.

Рассказ Толкачева Гилшеру и его письмо в конце декабря – о новых мерах безопасности в его институте, предупреждение о его уязвимости из-за расписок за полученные документы, его “уловка”, позволившая добыть новые секреты, – все это тревожило штаб-квартиру. “Жутко”, – отмечалось в одной телеграмме из главного управления{150}.

ЦРУ боялось, что новые меры безопасности, не позволяющие Толкачеву забирать документы домой для фотографирования, могут подтолкнуть его к еще большему риску – например, тайно пронести крохотную камеру *Tropel* на работу. Хэтэуэй и Гилшер понимали, что Толкачев и так уже игнорирует их призывы к осторожности. Им нужно было предпринять что-то, что укрепило бы его доверие и их влияние на него. 8 января они отправили в штаб-квартиру телеграмму, в которой настаивали, что пора выдать Толкачеву *L*-таблетку, которую он так давно требует. Они надеялись, это убедит Толкачева в том, что ЦРУ внимательно относится к его нуждам.

Просьба Толкачева выдать ему таблетку основана на “разумных доводах и логичных умозаключениях”, писали они в штаб-квартиру. Толкачев действительно чувствует свою уязвимость, добавляли они. Его безопасность находится под угрозой из-за его склонности перевыполнять план, выносить документы без оправданного прикрытия и уходить с ними домой. Гилшер и Хэтэуэй сообщали, что “Сфера” “не прислушивается к нашим просьбам действовать медленно и рвется вперед, следуя своему желанию передать максимальный объем материалов в кратчайшее время”. Их не удивляет его готовность лишиться себя жизни во имя дела, писали они. “Он, по-видимому, действует в соответствии с тем образцом поведения, который навязывается российским гражданам с детства, то есть что

почетно, достойно и мужественно принести высшую жертву ради родины. Нет ничего аморального в том, чтобы принять мужественное и отважное решение покончить с жизнью, борясь за правое дело. Дело “Сферы” – причинить советским властям наибольший ущерб, на какой он только способен”. Гилшер и Хэтэуэй вспоминали, что Толкачев “спокойно и рассудительно” заверял их, что “обладает самоконтролем и силой воли”, достаточными, чтобы удержаться от использования L -таблетки до самого последнего момента. Они напоминали штаб-квартире, что если Толкачева раскроют, ему непременно грозят допросы в КГБ, суд и казнь. “Мы должны заново обдумать его запрос” насчет суицидальной пилюли, писали они{151}.

17 января 1980 года вопрос был поставлен перед директором ЦРУ Тернером в меморандуме, который сотрудники лично принесли в его кабинет на седьмом этаже. Документ подписал Уоррен Фрэнк, исполняющий обязанности главы “советского” отдела до прибытия Хэтэуэя. В меморандуме Фрэнк прогнозировал, что Толкачев “вероятно, будет и дальше настоятельно требовать” пилюлю. Он привел выдержку из декабрьской записки Толкачева, где говорилось, что таблетка становится “все более необходимой для меня”.

Московская резидентура убедительно призывала выдать L -таблетку, но Фрэнк смягчил формулировки перед тем, как передать бумаги Тернеру. Фрэнк предлагал “сделать еще одну попытку” убедить Толкачева “в нежелательности наличия у него L -таблетки”. Это Гилшер и так уже сделал. Фрэнк изложил четыре “тезиса”, которые Гилшер мог бы использовать в разговоре с упрямым агентом. Аналогичные тезисы Гилшер уже получал из штаб-квартиры восемью месяцами ранее. Однако в списке добавился новый пункт: “У директора нашей организации есть очень серьезные личные опасения по поводу выдачи такого средства, касающиеся как моральной стороны, так и оперативной”.

В московской резидентуре хотели четкого и прямого ответа – разрешения дать Толкачеву то, чего он требовал. Вместо этого штаб-квартира напускала туман и осторожничала. Фрэнк предложил дать агенту неопределенное обещание, что ЦРУ предоставит таблетку позже. Это был еще один способ потянуть время. Даже если Тернер одобрит выдачу L -таблетки в феврале, рассуждал Фрэнк, “нам будет легко отложить передачу пилюли до зимы следующего года, ссылаясь на летнее

затишье и на задержки с производством и маскировкой”. Меморандум, составленный Фрэнком, запрашивал одобрения Тернера на то, что являлось компромиссным решением – неопределенное обещание когда-нибудь предоставить таблетку, к тому же при условии, что Толкачев “и дальше будет считать ее необходимой”.

Тернеру все это не нравилось. Как и говорил Фрэнк, Тернер был против *L* -таблетки и по моральным, и по оперативным соображениям, и о последних он сделал приписку в меморандуме. “Нас беспокоит (отчасти исходя из опыта), что доступность *L* -таблетки может поощрить агента к неоправданным рискам”. Он также писал: “КГБ хорошо знает о том, что мы предоставляем агентам *L* -таблетки, и, несомненно, будет тщательно их искать”.

На последней странице меморандума внизу было напечатано слово “Одобрено” и оставлено место для подписи Тернера. 24 января Тернер вписал “Не” перед “Одобрено” и сказал, что Гилшер должен и дальше тянуть время и пытаться отговорить Толкачева.

“Не берите на себя обязательств по такой передаче.

Стэн”{152}.

Гилшер и Хэтэуэй были удручены. Гилшер считал, что может прогнозировать ход мыслей Толкачева, и боялся его гневной реакции. Он въедливо напоминал штаб-квартире, что перечисленные “тезисы” уже обсуждались с Толкачевым и повторное обсуждение этой темы может “лишь оттолкнуть его”. Более того, говорил он, если Толкачеву сказать, что решение по-прежнему откладывается, это может “привести к потере ценного агента”.

“Неужели мы хотим идти на такой риск?” – вопрошал он.

Гилшер также напомнил штаб-квартире, что Толкачев еще в октябре просил не играть с ним в игры и угрожал прекратить работу. Тогда Толкачев написал: “Я прекрасно понимаю, что прекратить сотрудничество я смогу, только совершив самоубийство”. Гилшер заметил, что для этого ему не потребуется таблетка от ЦРУ. Это было очень жесткое послание,

предполагавшее, что операция может рухнуть и они могут навсегда потерять Толкачева – и то и другое из-за отказа Тернера одобрить передачу таблетки. Гилшер выступил с последней отчаянной идеей. На следующей встрече он предложит Толкачеву написать “личное письмо” главе ЦРУ с настоятельной просьбой выдать ему *L*-таблетку.

Тогда этот “особый запрос” по крайней мере не получит отказа^{153}.

Помимо проблемы с таблеткой для суицида, Гилшер и Хэтэуэй должны были в январе 1980 года разрешить еще одну дилемму. Толкачев предоставлял чрезвычайно ценные данные, но шел на слишком большой риск. Чтобы повысить его безопасность, возможно, пришлось бы притормозить его разведывательную работу. Этот компромисс был сам по себе сложен, но в деле был еще один фактор: любая попытка замедлить работу Толкачева натолкнулась бы на его личное желание причинить Советскому Союзу как можно больше вреда. Возможно, им просто не удалось бы его “притормозить”.

День за днем московская резидентура и штаб-квартира ломали голову над этой проблемой. Главную опасность представляли бланки запросов на документы. Если кому-то вдруг придет на ум их изучить, сразу бросятся в глаза избыточное количество и странный выбор документов, которые запрашивал Толкачев. 12 января из штаб-квартиры сообщили Гилшеру и Хэтэуэю: “Мы определенно разделяем ваше глубокое беспокойство” по этому поводу. “К сожалению, опасные действия уже совершены, бланки запросов хранятся в первом отделе, где их можно проверить”. Штаб-квартира советовала Толкачеву изобрести легенду, “пусть даже самую неубедительную”, о том, зачем ему понадобились все эти дополнительные документы^{154}.

Но проблема не ограничивалась необходимостью скрыть прошлые действия. Толкачев совершал все больше рискованных поступков – взять хотя бы его дерзкую “уловку”, позволившую вынести документы из института в декабре. 16 января в главном управлении признали: “Разумеется, нам нужно попытаться усилить его безопасность, “притормозить” его”^{155}. Штаб-квартира предложила повременить с заменой 35-миллиметрового фотоаппарата *Pentax*, чтобы Толкачев не брал

домой документы для фотографирования. Это отчасти смягчило бы остроту проблемы с безопасностью: он не стал бы выносить совершенно секретные документы из института. Но это означало и снижение результативности. Толкачев уже предоставил ЦРУ тысячи страниц ценной информации с помощью *Pentax*. И готов был не снижать темпа: в декабрьской записке он заговорил о возможности “быстрой передачи” документов в январе. Штаб-квартира прохладно отнеслась к этой идее и сообщила московской резидентуре: “Мы любой ценой должны избежать каких бы то ни было поспешных и, возможно, подозрительных действий, вроде “быстрой передачи”{156}.

Интуиция подсказывала Гилшеру, что задержка в передаче фотоаппарата будет ошибкой. Они с Хэтэуэем “убеждены”, писал он в главное управление, что “все наши призывы останутся неслышанными”, потому что “ничто не может отвратить” Толкачева “от его цели нанести максимум ущерба в кратчайшие сроки”. Началась бурная переписка, в которой штаб-квартира выражала беспокойство, что Толкачева ждет катастрофа{157}. Гилшер отвечал, что Толкачева нужно “притормозить” мягко, “не разрушая его мотивацию, не обижая его и не позволяя ему потерять веру в нас”.

Помимо непосредственных рисков, угрожающих Толкачеву, Гилшера мучительно тревожила более долгосрочная опасность. По мере того как Толкачев передавал все новые документы, с ними знакомился все более широкий круг специалистов из армии и разведки США. Со временем разведданные Толкачева должны были привести к изменению конструкции американского оружия, пересмотру тактики боя и созданию контрмер. Гилшер писал в главное управление: “Нельзя считать маловероятным, что в конце концов Советам доложат, что мы обладаем информацией определенного типа. Расследование возможных утечек с советской стороны может быстро привести к “Сфере”{158}. Первое, на что обратят внимание, это бланки разрешений с подписями Толкачева.

Гилшер чувствовал, что времени для решения остается все меньше. И при этом штаб-квартира хотела отказать Толкачеву в передаче *L*-таблетки. Хотела отказать в запросе на 35-миллиметровый фотоаппарат. И вообще “притормозить” агента, который, наоборот, рвался вперед.

Миниатюрная камера *Tropel*, это гениальное инженерное изобретение,

была небезупречна. В январе из штаб-квартиры сообщили в московскую резидентуру, что пленка из черного фотоаппарата, который Толкачев использовал осенью, – из одного из тех двух, что предназначались для “тестирования”, – не читаема. Все кадры были недоэкспонированы, и ценные разведданные оказались потеряны{159}. Для получения четкого изображения фотоаппараты *Tropel* требовали освещенности как минимум от 35 до 50 фут-кандел{160}. Толкачев сказал, что пользовался *Tropel* с особым старанием. Он повесил на запястье цепочку со швейной иглой, которая помогала ему оценить точное расстояние для хорошей фокусировки, и аналитики ЦРУ заметили тень от этой иглы на его снимках. При этом даже дома, где Толкачев мог управлять освещением, у него были проблемы. Он говорил, что для первых 80 кадров ему вполне удалось добиться освещенности в 35–50 фут-кандел, а для оставшихся 40 – несколько меньшей, но снимки с черного *Tropel* все были неразборчивы. Технические специалисты ЦРУ колдовали над экспериментальной улучшенной версией фотоаппарата, с более широким световым отверстием объектива, для которой было бы достаточно и слабого освещения. Но эта камера еще только разрабатывалась, до передачи ее Толкачеву было далеко.

28 января московская резидентура попросила штаб-квартиру незамедлительно выслать два 35-миллиметровых фотоаппарата *Pentax* и новый объектив. На этот раз главное управление дало согласие.

В январе в московской резидентуре устроили прощальную вечеринку для Хэтэуэя, однако он не любил такие празднества и, извинившись, удалился к измельчителю бумаги промышленного типа, стоявшему в холле рядом с резидентурой. Это был не просто измельчитель: это чудовище превращало документы в пыль, причем быстро – на случай, если понадобится срочно от всего избавиться. Там Хэтэуэй и провел свои последние часы в Москве, скармливая свои бумаги громыхающей, вибрирующей машине.

Его преемником стал его старый друг, Бертон Гербер, один из тех честолюбивых сотрудников, которые пришли в ЦРУ в 1950-х и были сторонниками более агрессивного подхода к шпионажу. Гербер служил в Тегеране, Софии и Белграде и разработал “правила Гербера” для отбора потенциальных агентов. Учитывая свои постоянные перемещения и

продвижение по служебной лестнице, Гербер не ждал, что окажется кандидатом на завидную должность в Москве. Когда такое предложение поступило, он охотно принял его – он становился начальником важнейшей резидентуры ЦРУ в мире.

Гербер приехал в Москву в третью неделю января 1980 года. Он был требовательным начальником, трудоголиком – без затей и прочей ерунды, – известным своей жесткостью и тем, что не стеснялся прямо сообщать подчиненным, если их работа его не устраивала. В то же время он понимал, какие трудности выпадают на долю его офицеров и их семей – внеурочная работа, исчезновения и постоянное напряжение из-за слежки и необходимости соблюдать секретность. Гербер знал имена жен и детей всех своих оперативников и справлялся, как у них дела, даже тогда, когда требовал от сотрудников работать еще больше и еще интенсивнее. Его многолетним хобби было изучение волков, и фотография волка стояла у него в кабинете. Там же Гербер водрузил и фотографию Рэма Красильникова, шефа контрразведки КГБ. Так он напоминал себе, что Красильников всегда где-то поблизости и что по улицам шныряют его люди. Герберу предстояло победить их.

Вместо элегантных печатных машинок *IBM Selectric*, которыми пользовались сотрудники резидентуры, Гербер привез старую механическую пишущую машинку – и быстро на ней печатал. Он был уверен, что оперативники должны знать город и в лицо – своих противников. Один сотрудник резидентуры вспоминал, что Гербер иногда покупал агитационные открытки с портретами партийных лидеров, после чего с ехидным видом подходил к какому-нибудь оперативнику и показывал картинку. “Представь, что ты идешь по улице и вдруг видишь этого парня, – спрашивал он оперативника. – Кто это?”

Гилшер встречался с Толкачевым уже год и остро ощущал свою ответственность за его безопасность и за безопасность операции. Готовясь к следующему рандеву, он составил очень длинную оперативную записку, которую Толкачев прочтет после того, как они попрощаются. В письме Гилшер мог сказать больше, чем было возможно за время короткой встречи. Гилшер предупредил Толкачева, что ввод войск в Афганистан может побудить КГБ усилить уличное наблюдение и для связи им, возможно,

придется использовать тайники, хоть Толкачев их и не любил. Гилшер вновь заверил Толкачева, что ЦРУ поймет, если он не сможет выдавать столько же совершенно секретных документов, сколько раньше, – по крайней мере, в обозримом будущем. “Пожалуйста, не испытывайте сожалений по поводу этой ситуации, работайте спокойно и не выносите из первого отдела те материалы, которые не связаны с вашей работой”, – писал он.

В то же время в письме Гилшера содержалось прямо противоположное и недвусмысленное послание: Соединенные Штаты испытывают потребность – остро нуждаются! – в получении и дальше ценной информации от Толкачева. Гилшер очертил широкий круг засекреченных тем, которые Толкачев мог бы разведать. “Мы были очень рады получить от вас электронные компоненты”, – писал Гилшер, прося Толкачева найти что-то еще, например металлические детали самолетов и технические устройства. “Сплавы, из которых строят самолеты, представляют огромный интерес, – писал он и прибавлял: – мы будем очень благодарны”. Он также писал: “Напоминаю вам, что мы очень хотели бы получить телефонные и другие справочники институтов, министерств и иных учреждений, с которыми работает ваш институт”. ЦРУ, говорил Гилшер, хочет знать о конкретных людях и о том, “кто ездит за границу, если вам это известно”. ЦРУ хотело представлять, что советские инженеры знают об американских технологиях: “пожалуйста, опишите подробно”, какие “данные, материалы и информация” попадают в советский военно-промышленный комплекс. ЦРУ хотело, чтобы Толкачев сосредоточился на будущих комплексах вооружений, включая недавно начавшуюся разработку самолета дальнего радиолокационного обнаружения и управления и истребителя с вертикальным взлетом и посадкой. Оба проекта были в стадии проектирования. ЦРУ интересовали “дальнейшие новые разработки систем на первом – пятом этапах” исследовательских и конструкторских работ. “Напоминаю вам, что мы заинтересованы во всем, что вам известно о гражданской обороне в вашем институте и в стране в целом. Скажем, есть ли признаки, что сейчас гражданской обороне уделяется больше внимания?”^{161} Список этих пожеланий ширился и ширился. ЦРУ хотело знать как можно больше о фондах закрытой институтской библиотеки, в том числе как оттуда материалы выносятся, как получают на них разрешения и как долго документы можно держать на руках. ЦРУ спрашивало, документы какого уровня секретности хранятся в библиотеке, касаются ли они будущих или

современных комплексов вооружений, имеется ли в библиотеке информация об авиации и радарх, о материалах, которые используются в самолетостроении, а также есть ли в ней: чертежи самолетов, ракет, лазеров; исследования в области направленной энергии, аэрозолей, сплавов и специальных металлов, тактики авиаударов, электрооптики, тактики передовых постов наведения авиации и непосредственной авиационной поддержки; данные по системам командования и контроля. ЦРУ интересовалось, не может ли Толкачев замерить экспонометром освещенность в институтской библиотеке и, может быть, сфотографировать несколько образцов тех типов документов, “которые вы обоснованно можете запросить для своей работы”{162}.

Гилшер также ломал голову над новыми способами получения секретных документов. Согласно новым правилам секретности, Толкачев, получая секретные документы из первого отдела, должен был сдавать свой рабочий пропуск. Соответственно, без пропуска он не мог ни выйти из института с бумагами, ни вернуться обратно. И вот Толкачеву пришла в голову мысль: а что, если ЦРУ изготовит копию пропуска? Тогда он сможет оставлять один пропуск в первом отделе, получая документы, а копию показывать на проходной. Гилшер напряженно думал: что может пойти не так? Не будет ли выглядеть странно, если Толкачев оставит свой пропуск в первом отделе, а несколько минут спустя его увидят с таким же пропуском на входе или выходе из здания? Не попадет ли он таким образом? Впрочем, идея фальшивого пропуска казалась ЦРУ притягательной. Если все получится, это будет великолепный обманный ход, который поможет их самому ценному агенту{163}.

В письме Гилшер также составил для Толкачева новый график встреч на следующий год и привел новые инструкции, как подавать сигнал о готовности к встрече после долгой паузы. Инструкции отражали внимание куратора к деталям. В первый день каждого месяца Толкачев должен ставить метку в определенном месте “тем желтым восковым карандашом, который я передал вам, – это надежнее, чем метка мелом, который может смыться или стереться. Напоминаю, что сигнал – это горизонтальная черта длиной 10 сантиметров на уровне талии”.

Вечером 11 февраля 1980 года Гилшер долго сбрасывал хвост. Он

прибыл на место своей шестой встречи с Толкачевым на 20 минут раньше. Это было рядом с Ленинградским проспектом, одной из главных транспортных магистралей, ведущей на северо-запад из центра Москвы. Гилшер покружил вокруг, тщательно осматриваясь. Когда подошел Толкачев, они двинулись вперед, разговаривая на ходу и кратко обсуждая пункты своей повестки. Гилшер передал Толкачеву два 35-миллиметровых фотоаппарата *Pentax*. Толкачев в ответ отдал четыре камеры *Tropel* – синюю, золотистую, серебряную и зеленую, на которые фотографировал документы. Он также вручил Гилшеру оперативную записку на девяти страницах.

Толкачев сказал, что теперь для подтверждения даты встречи он будет включать свет на кухне в своей квартире между полуднем и двумя часами дня. Свет был хорошо виден с улицы. Они договорились встретиться еще раз в мае. Гилшер предупредил Толкачева об усиленном наблюдении со стороны КГБ.

Затем Толкачев спросил о таблетке для суицида. Гилшер с большой неохотой ответил, что штаб-квартира отклонила “особый запрос”.

Толкачев был потрясен. Он пробормотал, что для него это большой психологический удар. Гилшер увидел, как внезапно изменился Толкачев, который до того держался прямо и энергично. Он выглядел подавленным и вялым.

Гилшер немедленно стал исправлять положение. Он настоятельно посоветовал Толкачеву обратиться к “высшему руководству” ЦРУ с просьбой пересмотреть решение.

Потом Гилшер рассказал Толкачеву, что его служба заканчивается и в конце лета он покинет Москву. Они расстались, проговорив всего 20 минут. Гилшер шагал в темноте с камерами и письмом в кармане, и перед его глазами стояла фигура Толкачева, совсем павшего духом^{164}.

На следующее утро Гилшер рано пришел в резидентуру. Его ждал Гербер. Гилшер рассказал, как Толкачев был раздавлен известием об отказе в его просьбе о таблетке. Его реакция оказалась намного болезненнее, чем Гилшер ожидал. В телеграмме в штаб-квартиру Гилшер и Гербер доложили,

что агент “перенес серьезный психологический удар, который отрицательно повлияет на будущее операции, если мы не отменим решение”. Но они мало что могли сделать, пока Толкачев не напишет собственное обращение. Они сообщили в штаб-квартиру, что проблему усугубляет просьба Гилшера “ограничить выработку и залечь на дно”, а также приближающийся отъезд Гилшера. Ведь Гилшер был единственным человеком из ЦРУ, с которым Толкачев контактировал вот уже больше года.

Гилшер открыл оперативную записку Толкачева. Она была составлена в деловом тоне, имела четкую структуру и содержала педантичные подробности об использовании разноцветных фотоаппаратов *Tropel* для съемки документов. Толкачев указывал все до мелочей, например: “Документ PE 10 сфотографирован золотистым фотоаппаратом”. Он также напомнил ЦРУ о том, как сильно рискует из-за длинного списка документов, которые вынес из первого отдела. Если в Соединенных Штатах произойдет утечка, писал он, “тогда моя ситуация станет безнадежной”. Гилшер был полностью с этим согласен.

В записке Толкачев вернулся к спорной теме денег, но на этот раз в примирительном тоне. Он писал, что произошло недопонимание, “моя ошибка”. Он винился в том, что “начал говорить о шестизначном числе, хотя имел в виду шесть нулей”. Толкачев объяснил, что был уверен, что Беленко получил шесть миллионов долларов, и это повлияло на его настрой, но он никогда не требовал конкретной суммы. Он предложил ЦРУ самому решать, сколько заплатить ему, исходя из ценности его разведанных. Однако он продолжает ожидать крупных выплат. Он попросил ЦРУ разместить его деньги в твердой валюте на депозитном счете, но чтобы он мог снять их в любое время^{165}.

Гилшер в записке для штаб-квартиры отметил, что сочувствует позиции Толкачева по денежному вопросу. “Легко представить, в каком трудном положении оказывается “Сфера”, пытаясь договориться о достойном вознаграждении за свои труды, – писал Гилшер. – Он, очевидно, боится, что им воспользуются (большое правительство против одного беспомощного человека), когда он уже совершил измену и передал нам бесценные материалы”. Гилшер добавил, что Толкачев по-прежнему говорит “о миллионах”.

Весной из ВВС сообщили, что материалы Толкачева согласуются с другими данными по советским комплексам вооружений и что значительная их часть наносит Москве серьезный ущерб. В ВВС сказали, что научно-технологическая информация Толкачева представляет собой настоящее сокровище, ее главная ценность – подробное описание новых комплексов вооружений, которое невозможно было бы получить из других источников еще много лет, а то и вообще никогда. В марте Гилшер и Гербер поставили перед штаб-квартирой вопрос: какова реальная ценность Толкачева? Они указали в телеграмме, что предыдущие оценки армии были хвалебными. Материалы Толкачева называли “впервые полученной информацией” (об отдельных видах вооружений), а также “единственной информацией” и “первой надежной информацией”. В отзывах говорилось: “Время, сэкономленное на разработке мер противодействия со стороны США против этих систем, составило как минимум восемнадцать месяцев, а для одной системы – не менее пяти лет”. В другом документе данные Толкачева были названы “золотой жилой” и “разворотом на сто восемьдесят градусов в проекте на 70 миллионов долларов”.

Гилшер и Гербер спрашивали, может ли разведка оценить результат всей этой работы в долларах:

К примеру, какой экономии мы можем ожидать по части НИР? Обнаружили ли мы в наших системах уязвимые места, которые теперь можем исправить? Можем ли мы разработать новые меры противодействия советским комплексам? Есть ли у нас подлинная картина советского потенциала в этой области? Предоставил ли “Сфера” информацию о системах, о которых у нас прежде не было данных?{166}

Ответ на все эти вопросы состоял в том, что данные Толкачева были, по выражению штаб-квартиры, “по сути, бесценными”. Оттуда также писали: “Мы подозреваем, что сам “Сфера”, полностью понимая необычайную ценность своих материалов, осознает, что мы не в состоянии заплатить ему точную стоимость его работы, даже если мы сможем ее подсчитать”{167}.

Затем из штаб-квартиры прислали в московскую резидентуру результаты внутренней оценки материалов Толкачева, проведенной ЦРУ. В записке указывалось: “Своевременность этих донесений особенно значительна в плане экономии разведывательных усилий. Во многих других сферах такая скрупулезность и такой уровень понимания не достигаются даже спустя годы после начала деятельности. Существенные данные из этих донесений сэкономят разведывательным службам многолетние обсуждения и аналитическую работу”{168}.

Хотя 150 тысяч рублей, которые Гилшер выдал Толкачеву в декабре 1979 года, умерили его беспокойство, ЦРУ так никогда и не смогло решить, сколько платить агенту в долгосрочной перспективе. А Толкачев ждал решения. В марте 1980 года Гербер написал Хэтэуэю, теперь главе “советского” отдела, что до следующей встречи с Толкачевым им необходимо “составить реалистический план на будущее” и “определиться с обязательствами, которые мы будем соблюдать”{169}. Московская резидентура предлагала общий объем выплат на уровне 3,2 миллиона долларов. Это была лишь крохотная доля тех сумм, которые сэкономили данные Толкачева правительству США, но гораздо бомльшая, чем все, что ему выдали до сих пор.

Хэтэуэй хорошо понимал, насколько трудным был вопрос. Он сам пытался разрешить его, когда был начальником резидентуры. В начале апреля он ответил: “Проблема, по существу, не в том, сколько стоит эта информация, а в том, на какую сумму он готов согласиться и, откровенно говоря, сколько мы в разумных пределах можем заплатить ему. Я говорю “в разумных пределах”, потому что, если взять общую стоимость этой информации, речь пойдет, честно говоря, об астрономических числах. Я не хочу, чтобы это прозвучало жестоко, но мы – не коммерческая компания, и мы можем разумно вознаградить его, не платя по максимуму”.

Хэтэуэй также хотел, чтобы Толкачев умерил активность. “Мы здесь обязаны сделать все, чтобы замедлить его, – писал он. – Разумная сумма, я считаю, поможет его “притормозить”, тогда как крупные (и оправданные) суммы могут лишь подзадорить”. ЦРУ действительно готово переводить Толкачеву на счет деньги, но “мы все же полагаем, что ваша последняя цифра – 3 200 000 – велика”.

Вскоре после этого ответа Хэтэуэй сообщил Герберу, что пойдет к

директору ЦРУ и предложит ему заплатить Толкачеву 200 тысяч долларов за его работу в течение 1979 года, 300 тысяч за 1980 год, 400 тысяч за 1981 год и полмиллиона долларов за каждый следующий год. Это будет, говорил он, “самая высокая зарплата, которую когда-либо платили какому бы то ни было человеку в этой организации”^{170}.

И снова Тернер притормозил процесс. 10 мая 1980 года он одобрил урезанный пакет: 200 тысяч долларов за 1979-й и 300 тысяч за каждый следующий год. Хэтэуэй сообщил Герберу и Гилшеру, что понимает – они будут разочарованы. “Я разделяю ваше разочарование, – писал он. – Но и это – огромные суммы”. Он выразил уверенность в том, что Гилшер сможет “воспользоваться своим даром убеждения и своими особыми отношениями со “Сферой”, чтобы донести эту мысль”^{171}.

Перед Гилшером встала еще одна проблема – эвакуация. Сначала Толкачев сказал, что и думать не будет о выезде из Советского Союза. Но в февральской оперативной записке он внезапно выказал интерес к этой идее. “Я никогда не думал о возможности покинуть СССР, – писал он, – но если возникнет реальный шанс эвакуировать меня и мою семью, тогда, каким бы ни был связанный с этим риск, я бы хотел воспользоваться такой возможностью. Моя семья не знает о моей деятельности”. Толкачев хотел знать подробности: как долго им нужно будет готовиться?^{172} Гилшер увидел в этом интересе к эвакуации сигнал, что Толкачев все более пессимистично смотрит на свое будущее в Москве^{173}. Возможно, думал Гилшер, если ЦРУ даст добро на эвакуацию, это смягчит миллионные требования Толкачева. В мае 1980 года Тернер согласился дать Толкачеву “обязательство эвакуировать и обустроить на Западе его, его жену и сына, если и когда этого потребуют обстоятельства”^{174}.

Гилшер начал составлять оперативную записку, которую собирался отдать Толкачеву на следующей встрече. Он знал, что Толкачев был сокрушен решением относительно L -таблетки. Теперь следовало проговорить и другие неприятные новости. У Гилшера не было “абсолютно никаких сомнений”, что Толкачев будет “потрясен и удручен” программой выплат^{175}. Гилшер попытался преподнести это известие мягко. “Оценка ваших материалов очень высока, и было решено назначить вам самую большую оплату, какую когда-либо платили в нашей организации”, – писал Гилшер, перечисляя одобренные Тернером суммы. Там было много нулей, но это были не миллионы. Гилшер хотел смягчить удар обещанием

эвакуации, но эта тема тоже была проблематичной. Само ее обсуждение увеличивало ожидания Толкачева в отношении отъезда. А ЦРУ не хотело эвакуировать Толкачева, пока ситуация не станет чрезвычайной. Они хотели, чтобы такой результативный и глубоко внедренный агент был активен как можно дольше. Гилшер не обещал быстрых решений. Он напомнил Толкачеву, что тому придется рассказать об эвакуации семье, и если те будут колебаться, “могут возникнуть проблемы”. Он обрисовал Толкачеву, что именно ЦРУ готово сделать для него в плане обустройства в Соединенных Штатах.

Операция становилась все более запутанной: в ней перемешались нерешенные вопросы эвакуации, денег, фотосъемки, безопасности и суицидальной пилули. Московская резидентура и штаб-квартира без конца пережевывали их в телеграфной переписке, но при этом каждый шаг был чреват ошибкой и выведением Толкачева из равновесия, как это было в случае с *L*-таблеткой. ЦРУ пыталось управлять Толкачевым с помощью тщательно выверенных денежных предложений и разговоров об эвакуации, но неизменным оставался тот факт, что Толкачев не всегда слушал своих кураторов. У него было неколебимое стремление выкрасть как можно больше секретов. Он не хотел, чтобы его “тормозили”.

Весной 1980 года напряженность между Советским Союзом и Западом значительно обострилась. Соединенные Штаты бойкотировали Московскую летнюю Олимпиаду в ответ на вторжение в Афганистан, что глубоко обидело советское руководство. Физика-диссидента Андрея Сахарова, выступившего против вторжения, арестовали и сослали в Горький^{176}. Олимпийские игры должны были открыться в июле, но за много недель до того на улицы высыпали дополнительные милицейские силы. Многих милиционеров привезли в Москву из провинции. Для Джона Гилшера все это делало следующую встречу еще более затруднительной и рискованной.

Вечером 12 мая Гилшер загримировался. Это был его первый опыт “перевоплощения” – так назывался этот трюк, в котором американцы использовали недоработки КГБ. Хотя эта организация тщательно проверяла всех американцев в Москве, она не могла установить наблюдение за каждым. Так, КГБ не следил за теми, кого считал обычными служащими,

не связанными с разведкой. И сотрудник ЦРУ мог загримироваться под одного из тех работников посольства, кем КГБ не интересовался, и выйти с территории посольства, не привлекая внимания. В этот раз трюк тоже сработал. Гилшер покинул здание неузнанным. Он собирался позвонить Толкачеву экспромтом, без предварительной договоренности, а затем встретиться с ним на улице. Но, набрав номер, Гилшер услышал незнакомый голос и не стал продолжать{177}.

Следующая попытка ускользнуть от КГБ строилась на очередной уловке. Гилшер предупредил советские власти, что планирует ненадолго выехать из страны. Он, следуя плану, вылетел из Москвы, но вернулся раньше, чем предупреждал. Он надеялся встретиться с Толкачевым до того, как КГБ поймет, что он уже здесь. Однако когда Гилшер стоял на паспортном контроле, он заметил, что ему уделяют особое внимание, и решил не проводить встречу.

Две пропущенные встречи и плотное наблюдение на улицах не расхолодили Гербера. После второй неудачи Гилшера, 21 мая, он отправил Хэтэуэю телеграмму. Хотя он несколько “не надеется” на ослабление слежки, он считает, что Гилшеру крайне важно еще раз встретиться с Толкачевым. Летом Гилшеру предстояло завершить свою службу в Москве. Имея в виду деликатные вопросы денег и эвакуации, писал Гербер, “мы предпочитаем, чтобы “Сфера” обсудил эти важные темы со знакомым человеком, а не с абсолютным незнакомцем осенью”. Хотя Гербер полагал, что оперативники резидентуры должны быть взаимозаменяемы, на эту встречу он мог отправить только Гилшера, единственного известного Толкачеву человека{178}.

Две провалившиеся попытки встретиться с Толкачевым в мае повлекли за собой некоторые важные изменения в проведении операции. Технологический уровень ЦРУ рос, и управление мечтало о том, чтобы с помощью электроники переигрывать КГБ и заниматься шпионажем безо всяких помех. В 1960-е годы связь с агентами во враждебных зонах осуществлялась главным образом с помощью нескольких испытанных приемов, таких как тайнопись, микрофотосъемка, радиопередачи и тайники. Но начиная с 1970-х благодаря революции в микроэлектронике новые технологии начали менять методы коммуникации кураторов с агентами, и ЦРУ старалось идти в ногу со временем. Одним из технологических новшеств было миниатюрное электронное устройство

SRAC, первое из большого семейства (*short-range agent communications*, или “коммуникации с агентами на близком расстоянии”). Раннюю версию устройства под названием “Бастер” (*Buster*) выдали Дмитрию Полякову, генералу советской военной разведки (ГРУ), который сам предложил свои услуги в Нью-Йорке и получил от ФБР кодовое имя “Цилиндр”. Потом ЦРУ курировало его в Рангуне и Нью-Дели, а затем он вернулся в Москву, где его повысили до начальника академии ГРУ. В ЦРУ надеялись, что новое устройство облегчит Полякову связь с ними и позволит не попасть в поле зрения КГБ. Это была переносная система связи, состоящая из двух портативных базовых станций, каждая размером с коробку для обуви, и аппарата для агента, который можно было спрятать в кармане. С помощью крохотной клавиатуры, размером в 4 квадратных сантиметра, агент должен был сначала зашифровать текст, а затем ввести это цифровое сообщение. Как только данные были загружены – в “Бастер” помещалось полторы тысячи символов, – агенту следовало оказаться в радиусе 300 метров от базовой станции и нажать кнопку отправки. Базовая станция была переносной, ее можно было ставить возле окна или в машине, агенту только следовало сообщить, где примерно она находится. В сущности, “Бастер” был примитивной системой обмена текстовыми сообщениями. Его преимуществом была безопасность: агент мог связываться с куратором, не встречаясь с ним лично. Но на практике использование такого оборудования имело свои минусы. “Бастер” был очевидным шпионским оборудованием, и попасться с ним было для агента приговором.

Хэтэуэй, теперь ставший шефом “советского” отдела, был энтузиастом технического прогресса и горел желанием задействовать новые технологии для борьбы со слежкой КГБ. В идеале “Бастер” мог свести на нет риск личных встреч с агентами где-нибудь в парке или в темных закоулках. “Только представьте, что мы избавим этих бедолаг от опасности ходить на встречи с нашими людьми”, – писал Хэтэуэй, имея в виду не только Толкачева, но любого агента ЦРУ, которому пригодилось бы такое устройство.

Со временем “Бастер” был усовершенствован. Следующая модель называлась “Дискус”. Она тоже была портативной, но ею было гораздо проще пользоваться и агенту, и куратору. “Дискус” не нуждался в объемистой базовой станции и позволял передавать сообщения оперативнику, держащему второй маленький аппарат и находившемуся на расстоянии 100 или более метров. Еще важнее было другое: на “Бастере”

агент сначала сам шифровал сообщение, превращая его в код, а потом набирал этот код на клавиатуре. В “Дискусе” шифрование было автоматическим. Клавиатура была крупнее, и “Дискус” мог передавать значительно больше данных. Более того, у “Дискуса” была система подтверждений, благодаря которой агент мог узнать, что сообщение получено. Это устройство намного опередило свое время; ведь тогда на рынке не существовало потребительских портативных устройств, ничего даже отдаленно похожего на *BlackBerry* или *iPhone* {179}.

В июне Хэтэуэй предложил резидентуре подумать о том, чтобы выдать “Дискус” Толкачеву. Он писал, что Толкачев с его помощью может подавать сигналы ЦРУ о возможности встречи, а может быть, “выбирать отдельные важные фрагменты документов и передавать их нам”. Он предположил, что Толкачев может через “Дискус” уведомлять московскую резидентуру о том, из какого тайника нужно забрать пленку или другие материалы. Хэтэуэй выражал уверенность, что “Дискус” “повысит надежность и результативность всей операции”. “Дискус” казался каким-то волшебным ковром-самолетом, на котором можно пролетать над головой КГБ. Традиционный метод работы с тайниками требовал целого дня, а то и больше, чтобы подать сигнал, поместить материалы и забрать их. Электронный коммуникатор позволял передавать срочные сообщения практически мгновенно {180}.

Гербер, однако, считал, что “Дискус” плохо подходит для Толкачева. Он экспериментировал с устройством и понял, что обращение с ним не сводится к простому нажатию кнопки. Он испытал “Дискус” на московском рынке, пока искал огурцы и помидоры; его жена Розали держала второй аппарат на другом конце рынка. Для обмена сообщениями требовалось, чтобы и отправитель, и получатель стояли на месте. Гербер попытался отправить сообщение и тут же понял, что агенту придется смотреть в карман, пока не загорится красная лампочка подтверждения, иначе он не узнает, что сообщение дошло. А лампочка начинала мигать только после паузы. Не выдаст ли агента такое поведение – наблюдение за своим карманом в ожидании сигнала? Окупится ли риск? Затем Герберу пришло на ум, что агенту понадобится как-то дополнительно предупредить ЦРУ, что он собирается передавать информацию через “Дискус”. Так появлялось еще одно звено операции. Кроме того, площадки для передачи данных нужно было выбирать и опробовать заранее. Радиоволны отражались от зданий, и не любое место подходило для передачи. Наконец, при

тестировании в эфире на короткое время возникал сигнал, который могли заметить в КГБ, и при испытаниях оперативники оказывались на виду. Стоило ли все это такого риска?

Гербер сомневался в том, что “Дискус” снизит опасность для Толкачева, и считал, что устройство может скорее увеличить риск. “Не думаю, что сейчас подходящее время, чтобы обсуждать с ним эту тему, – отвечал Гербер Хэтэуэю и добавлял: – Ценность работы “Сферы” состоит в объемном и детальном воспроизведении документов во всех подробностях, а не в извлечении отдельных фрагментов”, для чего пригоден “Дискус”. Гербер настаивал на продолжении личных встреч для передачи основной массы материала, собранного Толкачевым. Гербер хотел, чтобы процесс был отлаженным и не подвергался изменениям. Он писал, что если выдать Толкачеву “Дискус”, это может заставить его действовать интенсивнее и идти на больший риск. Он также указал, что Толкачев сам предпочитал встречи, а не тайники. У него “настоятельная психологическая потребность в прямом личном контакте”^{181}.

11 июня Гербер отправил Хэтэуэю еще одну резкую телеграмму, в которой сообщил, что обсуждал использование “Дискуса” с оперативниками московской резидентуры. “Мы пришли к выводу, что в этой операции больше теряем, чем приобретаем”, – писал он. Устройство было не особенно полезно для отправки и получения сложных сообщений, например “запросов” от ЦРУ или секретных материалов, которые мог найти Толкачев. Более того, “Дискус” требовал от Толкачева и кураторов из ЦРУ часто находиться неподалеку друг от друга на улице, и КГБ мог заподозрить в этом некую систему. Чтобы не привлекать внимания КГБ, нужно было для каждой передачи выбирать разные площадки. Все это просто не стоило риска. Про себя Гербер думал, что, может быть, Тернер хочет вовсе отказаться от агентов и положиться исключительно на технологии. Но это было невозможно.

Нужно было иметь возможность заглянуть агенту в глаза. А Толкачеву было нужно пожать руку куратору, которому он мог доверять^{182}.

Глава 9

Шпион, стоящий миллиард долларов

17 июня 1980 года Гилшер снова загримировался и вышел на улицу. Наблюдатели из КГБ не опознали его, маскировка сработала. Тем не менее он попетлял, как было положено, и встретился с Толкачевым в 10.55 вечера. Это была их седьмая встреча. Небо было освещено. Толкачев, в хорошем настроении, рассказал Гилшеру, что никаких трудностей у него не было. Для него стало большим облегчением, что им удалось встретиться перед его летним отпуском, до этого он был очень занят. Толкачев принес хорошие новости: в феврале от усиленных мер безопасности внезапно отказались. Необходимость оставлять пропуск, расписываясь за документы, снова отпала. Возник бюрократический коллапс: служащие отдела, в основном женщины, из-за горы оставленных пропусков не могли отлучиться в обеденный перерыв – а в это время они обычно ходили по магазинам. Поэтому директор института решил вернуться к старому порядку: документы можно было взять утром и принести назад во второй половине дня, не оставляя пропуск^{183}.

С обычным для него усердием Толкачев воспользовался прорехой в системе контроля. С февраля по июнь он унес домой несколько тысяч страниц секретной документации и сфотографировал их на *Pentax*. Он сказал Гилшеру, что в портфеле у него 179 кассет с пленкой. Но Гилшеру не во что было их положить.

Правда, у него был пластиковый пакет, и он вытащил его из кармана.

Толкачев покачал головой. Кассеты туда не поместятся. Он протянул Гилшеру свой портфель, набитый катушками 35-миллиметровой пленки. “Возьмите его”, – настойчиво сказал он.

Гилшер вручил Толкачеву новые, улучшенные фотоаппараты *Tropel* и сказал, что в управлении надеются: с их помощью получится фотографировать документы при слабом освещении – возможно, на

рабочем месте. Но Толкачев это сразу отверг: на работе использовать эти миниатюрные камеры нет никакой возможности. У него нет столько времени ни в начале рабочего дня, ни в конце, а только в эти промежутки рядом нет других людей. Он отдал Гилшеру старые фотоаппараты *Tropel* и сказал, что новые ему не нужны^{184}. 35-миллиметровая камера *Pentax* оказалась, по-видимому, для него максимально удобным инструментом. Гилшер сообщил в штаб-квартиру, что *Pentax* пригоден для “массированной фотосъемки” в гораздо большей степени, чем *Tropel* ^{185}. Именно *Pentax* стал самым грозным оружием Толкачева в его борьбе с Советским Союзом.

Гилшер кратко рассказал о последнем предложении ЦРУ насчет вознаграждения Толкачева. Он подчеркнул, что предлагаемое жалование выше, чем у президента Соединенных Штатов, и напомнил, что ЦРУ понесет значительные расходы при его переселении в Америку, если дело дойдет до эвакуации. Толкачев слушал с каменным лицом и не выказал никаких эмоций. Такое лицо Гилшер уже видел.

Для Гилшера, в чьих семейных легендах хранились рассказы о дивных русских летних вечерах, эти минуты были полны горькой радости. Вся его служебная деятельность была направлена на борьбу с советской властью – с тех пор как он начал слушать записи из берлинского туннеля и допрашивать перебежчиков и агентов. У него было преимущество – знание языка. А теперь, став куратором Толкачева, он отвечал за операцию, позволившую внедриться так глубоко в Советский Союз, как никогда прежде.

Пришло время прощаться, и Гилшер понимал, что может больше никогда не увидеть Толкачева. Они встретились впервые полтора года назад, холодным вечером на углу московской улицы. И теперь, когда у них оставались считанные минуты, оба они, сдержанные и мужественные люди, не могли найти нужных слов^{186}.

Толкачев спросил, вернется ли Гилшер в Москву. Тот ответил, что все хорошее когда-нибудь кончается. Маловероятно, что он когда-либо вернется сюда. Толкачев сказал, что читает книги диссидентов, которые принес ему в подарок Гилшер, – читает медленно, когда есть возможность. Они пожали друг другу руки и в последний раз попрощались. Толкачев, казалось, нервничал и хотел поскорее закончить встречу. На следующий

день Гилшер сообщил в штаб-квартиру, что “главная причина, похоже, заключалась в его желании вернуться домой в разумное время”.

Была уже почти полночь.

Разведывательный “улов” со встречи с Толкачевым был колоссален. На пленке оказалось около 6400 страниц секретных документов. Хэтэуэй отправил директору ЦРУ Тернеру обобщение последних данных с пометкой “СЕКРЕТНО/КОНФИДЕНЦИАЛЬНО”. Там говорилось:

Встреча со “Сферой” состоялась 17 июня 1980 года, в это время он предоставил 179 кассет 35-миллиметровой пленки с засекреченной информацией о советских бортовых радарх и системах управления оружием. В частности, материал включает:

- первую документацию с параметрами рабочего проекта новой советской АВАКС[197] (именно “Сфера” первым предупредил нас о существовании этой системы и позволил нам установить ее местоположение посредством воздушно-космической фотосъемки);

- обширную документацию по новой модификации МиГ-25, первого советского самолета, который будет оборудован системой обнаружения и поражения в нижней полусфере; этот самолет в совокупности с АВАКС позволит расширить периметр советской противовоздушной обороны против самолетов НАТО и крылатых ракет воздушного базирования;

- документацию по нескольким новым моделям авиационных ракетных комплексов и технические характеристики других советских истребителей и истребителей-бомбардировщиков, вводимых в эксплуатацию с нынешнего момента до 1990 года.

В записке Хэтэуэя также говорилось: “Этот документальный материал удваивает общий объем того, что “Сфера” предоставил за все 18 месяцев нашего сотрудничества”^{187}.

Вместе с документами Толкачев передал Гилшеру невеселую

оперативную записку. Он сообщал, что список секретных документов на его читательском требовании к этому моменту в несколько раз длиннее, чем у других работников. “До тех пор пока у КГБ нет подозрений насчет утечки информации о советских РЛС для самолетов-перехватчиков, моя работа в НИИР и мой “читательский бланк заказа” могут, вероятно, никого не интересовать. Но если будет получен подозрительный сигнал из Америки, – писал он, – мой бланк будет первым, которым займется КГБ”. Он продолжал: “Я предполагаю, что прежде чем спрашивать меня, почему мне понадобился такой объем документов, КГБ обыщет мою квартиру. И то, что я могу скрыть дома от членов моей семьи, я никогда не смогу скрыть от КГБ”. Толкачев имел в виду тайник для шпионского оборудования, который обустроил в своей квартире.

И далее он со всей определенностью потребовал эвакуации. “Сегодня я обращаюсь к вам с конкретной просьбой о том, чтобы моя семья и я были вывезены из СССР. Так обстоят дела”. Страхи Гилшера сбылись: с тех пор как ЦРУ предложило эвакуацию, Толкачев все больше полагался именно на такой исход. Однако он ничего не сказал о том, обсудил ли этот важнейший шаг с семьей, так что, возможно, еще оставалось время.

Толкачев писал, что “нависшая над ним угроза растет” и что с его подписями на читательском требовании его “будущее можно считать решенным”. Он хотел, чтобы планирование эвакуации началось “как можно скорее”. Он писал: “Я прекрасно понимаю, что для вас эвакуация моей семьи и меня равнозначна смерти агента, который передавал высококачественную информацию. К сожалению, эта утрата неизбежна. Это лишь вопрос времени. Таким образом, ваш искренний ответ о том, предпримете ли вы попытку нашей эвакуации или предоставите все на волю судьбы, очень важен для меня”.

Оперативная записка Толкачева была окрашена в грустные тона. Можно было понять, что он считает – конец уже близко. По поводу следующей встречи, запланированной на осень, он приписал: “Если она состоится и я все еще буду функционировать”, а также “если меня не раскроют к тому времени”^{188}.

Вместе с оперативной запиской Толкачев приложил письмо, озаглавленное “Руководству Центра”, – это была его просьба о таблетке для суицида.

Он указывал, что их “отношения развивались не просто и не быстро”, напоминал о долгих задержках перед встречей с ЦРУ, о разногласиях по поводу оплаты и о том, что “почти все полтора года” он добивался таблетки от ЦРУ, “но всегда получал отказ”.

Толкачев также писал, что с тех пор, как он начал заниматься шпионажем, прошло несколько лет. “В течение этого времени, несмотря на то что у меня было много поводов приходить в уныние, я ни разу не отклонялся от намеченного плана. Я напоминаю вам обо всем этом, чтобы вы поняли, что у меня достаточно крепкие нервы. У меня достаточно терпения и самоконтроля, чтобы отложить использование средств самоубийства до последнего момента. Я настаиваю на том, чтобы средства самоубийства были переданы мне в ближайшем будущем, потому что ситуацию с моей безопасностью следует считать угрожающей”{189}.

Кроме того, напоминал Толкачев ЦРУ, причиной, по которой он затребовал так много документов, была необходимость отвечать на их вопросы. Затем он перечислил те “следы”, что оставила его разведывательная деятельность, и сказал, что его самоубийство помешает КГБ обнаружить эти следы. “Самоубийство, без всякого сомнения, позволит защитить работу, которую я начал, а именно позволит сохранить в тайне масштабы моей деятельности и методы, которыми я пользовался”.

Шли последние недели Гилшера в московской резидентуре, и он вместе с Гербером написал длинную телеграмму в штаб-квартиру с оценкой результатов операции. Они могли позволить себе передышку, поскольку Толкачев уезжал на лето в отпуск. В телеграмме, посланной 24 июня, они отметили, что Толкачев находится в “колоссальном напряжении и стрессе”, в ситуации “далеко не безопасной”. Они обрисовали несколько вариантов развития событий. “Утечки с нашей стороны представляют серьезную угрозу” и могут спровоцировать расследование, при “котором его быстро раскроют”, писали они. Или же его может изобличить рутинная проверка читательских требований. “Бдительный служащий первого отдела” может обратить внимание на слишком длинный список его запросов. Сорвать операцию может и “случайное обнаружение” того, как Толкачев выносит документы под пальто, или даже обнаружение некой системы в том, что он каждый день уходит домой в обед после того, как

получил документы, – предупреждали они. Помимо всех этих “серьезных факторов”, грозящих безопасности Толкачева, “без сомнения, есть и другие”.

“Мы с тяжелым сердцем признаем, что мало что можем сделать, – писали они в штаб-квартиру. – Мы имеем дело с целеустремленным человеком, твердо намеренным нанести как можно больший ущерб советскому режиму. Он будет продолжать копировать секретные материалы, будь то из первого отдела или из закрытой библиотеки, и, вероятно, не отреагирует на наши призывы умерить активность”.

Имея в виду ситуацию с безопасностью, “можем ли мы реалистично ожидать, что операция будет продолжаться еще несколько лет?” – спрашивали Гербер и Гилшер. Они так не считали. Они писали: “Похоже, “Сфера” близок к выполнению плана выработки, который он предложил нам, а мы приняли”. Поэтому, говорили они, “критически важно” иметь “предельно четкую позицию” по поводу проделанной Толкачевым до сих пор работы и той разведывательной деятельности, которую он может выполнить в будущем. Что касается требований об эвакуации, Гилшер спрашивал у штаб-квартиры, какими могут оказаться последствия, если Толкачева больше не будет в Москве? Будет ли это огромной потерей? Гилшер напрямую предупреждал штаб-квартиру: “Операция не может продолжаться бесконечно долго”.

“Мрачное” – так Гилшер охарактеризовал письмо Толкачева с просьбой о таблетке для суицида. “Если Толкачева раскроют, – предупреждал он, – ему предстоит тяжелое разбирательство с органами безопасности, а затем он наверняка будет расстрелян. Поскольку смерть в случае провала неизбежна, “Сфере” следует предоставить выбор, чтобы он мог использовать “запрошенный предмет” и избавиться от мучений в руках властей”. Наличие таблетки “в случае крайней нужды” обеспечит Толкачеву “столь необходимую психологическую и моральную поддержку”. Гилшер вновь предупреждал штаб-квартиру, что “дополнительные задержки и отказы в “особом запросе” оттолкнут “Сферу” в критической фазе операции и могут привести к серьезным проблемам в работе с ним или даже к ее прекращению”^{190}.

Хэтэуэй был согласен с этими доводами. В отличие от прошлого раза, когда Тернера просили дать добро на выдачу таблетки для суицида –

тогдашний шеф “советского” отдела облек запрос в более обтекаемую форму, – Хэтэуэй не стал ходить вокруг да около. Он написал жесткий меморандум, приводивший аргументы начальника резидентуры и куратора. Предоставление Толкачеву L -таблетки будет “значительной психологической помощью для него”, писал Хэтэуэй, характеризуя Толкачева как “зрелого, разумного и осторожного человека”, который нуждается в “аварийном выходе” на случай, если КГБ его арестует{191}.

В июле Хэтэуэй ответил на более ранние вопросы московской резидентуры о ценности разведданных Толкачева. Он сказал, что даже если Толкачев покинет Советский Союз, “ценность его продукции не станет меньшей еще как минимум 8–10 лет”. Почему? Потому что комплексы вооружений, документацию по которым Толкачев уже выдал Соединенным Штатам, либо только вводятся в эксплуатацию, либо находятся в стадии проектирования, и заменить их нелегко. С другой стороны, если бы Толкачев продолжил свою шпионскую работу в Москве, отдача могла бы быть еще большей, поскольку год за годом через его стол проходили разработки все новых комплексов вооружений.

Потрясающая добыча Толкачева – документы, чертежи и диаграммы – в оригинальном, непереуведенном виде была доступна лишь очень узкому кругу людей в Вашингтоне. Одним из них был помощник по специальным вопросам из ВВС, который на основе этой информации принимал решения об “остановке или переориентации” исследовательских и конструкторских программ армии США. Толкачев снабдил Соединенные Штаты “дорожной картой”, благодаря которой они знали, как найти слабое место и обойти два крайне важных советских комплекса вооружений – радары на земле для защиты от нападения и РЛС военных самолетов, позволявшие атаковать противника. Это было несравненное преимущество в гонке холодной войны. Хэтэуэй попросил ВВС США оценить хотя бы приблизительно, сколько стоит информация Толкачева. Могут ли они выразить в долларах, сколько сэкономили на разработках? Ответ был: “где-то в районе двух миллиардов долларов”, – сообщил Хэтэуэй Герберу. И это еще до того, как они ознакомились со 179 кассетами, которые Гилшер принес в портфеле Толкачева{192}.

Работа Толкачева стоила миллиарды.

Глава 10

Побег “Утопии”

Новый куратор Дэвид Ролф прибыл в Москву в июле 1979 года. В тот же день он поднялся на лифте на девятый этаж посольства США, прошел мимо охранников – морских пехотинцев – через канцелярию, а затем спустился по лестнице на седьмой этаж. Справа на лестничной площадке была дверь в политический отдел. Слева – дверь без опознавательных знаков, с кодовым замком. Ролф набрал код. За первой дверью он увидел вторую, похожую на вход в банковское хранилище. На ней был кодовый замок с комбинацией, но днем, когда внутри находились люди, эта дверь была открыта. Ролф пересек небольшой холл, миновав слева нишу, где стоял измельчитель для бумаг. Повернул направо и взялся за ручку еще одной двери. Ролф открыл ее и услышал, как с легким шипением, как из шлюзовой камеры, выходит воздух. Он вошел в квадратную комнату без окон, с низким потолком, похожую на коробку. Комната была экранирована с помощью слоя гофрированного металла и изолирована от стен посольства, чтобы не допустить прослушивания и любого проникновения. Это и была московская резидентура ЦРУ.

Дэвиду Ролфу был 31 год, и он был полон нетерпения. Это была его первая в ЦРУ зарубежная командировка, и он жаждал приступить к собственной операции – работать на улице, со своим агентом.

В одном конце резидентуры, за загородкой, находился тесный кабинет с письменным столом, сейфом и коротким столом для переговоров, за которым едва умещались оперативники. Там сидел начальник резидентуры. Оставшаяся часть помещения была забита столами оперативников, выстроившимися вдоль всех стен, печатными машинками и шкафами с кодовыми замками. На стенах висели карты Москвы. Одна большая карта была усеяна цветными пронумерованными точками, обозначающими места встреч, подачи сигналов, тайников, и именами тех, кто за это отвечал. Из кассетного магнитофона лилась музыка. На досках были пришпилены последние телеграммы. Ролфа посадили за ближайший к кабинету

резидента стол. У противоположной стены сидел Гилшер, работавший с Толкачевым. Гилшер всегда имел солидный вид, на работу он часто надевал блейзер с галстуком. “Гилшер вечно выглядел как президент”, – вспоминал один из его коллег. Ролф и молодые оперативники, напротив, часто появлялись на работе в джинсах, если не должны были заниматься посольской работой, которая была их прикрытием. Поначалу Гилшер показался Ролфу несколько чопорным и официальным, но это впечатление исчезло, как только он увидел Гилшера в деле. Он был целиком поглощен своей работой с Толкачевым и часто после встреч, несмотря на неудобства, усталость и напряжение, возвращался в резидентуру, чтобы подробно изложить все, что сказал агент. Когда Гилшер рассказывал, Ролф сосредоточенно слушал. Тут было чему поучиться.

Путь Ролфа в московскую резидентуру начался в очень юном возрасте и на самом опасном участке холодной войны в Европе. Ему было десять лет, когда его взял с собой отец, подполковник Артур Ролф, командовавший батальоном 6-го бронетанкового полка США, который отвечал за безопасность границы Западной Германии с Чехословакией. Артур привез сына посмотреть на границу, которая наглядно демонстрировала враждебность двух лагерей: сторожевые вышки, патрули с собаками, простреливаемые зоны, гнезда пулеметчиков. Если бы в Европе развязалась настоящая война, этот участок границы стали бы прорывать танки и пехота стран Варшавского договора. На Ролфа граница произвела сильнейшее впечатление: земля за ограждениями казалась таинственной, она притягивала и страшила. Потом, когда семья вернулась в Соединенные Штаты, Ролф стал изучать русский язык в Кентуккийском университете и планировал поступить в аспирантуру, чтобы заниматься историей России. Но началась война во Вьетнаме. В лотерейном розыгрыше выпала его дата рождения, ему грозил призыв[204], и он решил сам записаться в армию. В качестве начальной подготовки он выбрал изучение русского языка. Позднее он был произведен в офицеры и не раз оказывался рядом с солдатами, направляемыми во Вьетнам, но сам туда не попал. Командование отправило его в Западный Берлин в качестве оперативного сотрудника разведки.

Ролф носил гражданскую одежду и сидел в небольшом кабинете Берлинской бригады – гарнизона оккупационных сил США. Его задачей было составлять списки беженцев, недавно прибывших из Восточной Германии, Чехословакии и Венгрии, а затем обходить их всех, собирая

крохи информации об армиях Советского Союза и стран Варшавского договора. Это была тяжелая и часто бесполезная работа. “По сути, я собирал всякий мусор, – вспоминал он потом. – Мы пытались как-то склеить незначительные фрагменты тактической информации. И когда мы находили кого-то – а они охотно шли на контакт, – тогда, конечно, вставал большой вопрос: а готов он отправиться назад ради нас? Может быть, он хочет навестить тетю и дядю в Праге? Может, согласится проехать мимо базы и сделать кое-какие снимки?” Иногда попадался хороший источник, но всегда ненадолго. Перспективных кандидатов быстро передавали ЦРУ. База ЦРУ находилась в здании рядом с Берлинской бригадой. “Про все рутинные случаи они говорили: “Хорошая работа, разрабатывай!” А как только всплывал кто-то стоящий, они его забирали”.

Но Ролф все равно наслаждался разведывательной работой. Азарт игрока побуждал его разгадывать секреты в “запретных районах”, в тех сумрачных восточных землях, которые мальчиком он видел по ту сторону стены. Однако он пришел к выводу, что в армии те, кто работает с агентурной сетью, всегда будут на вторых ролях и карьеру сделать не получится. Прослужив несколько лет, он уволился из армии и вернулся в Соединенные Штаты, где поступил в аспирантуру Индианского университета, чтобы написать диссертацию по русской истории и потом стать профессором. Однако при ближайшем рассмотрении и это оказалось тупиком: с работой было плохо. Из прагматических соображений – у него должен был скоро родиться второй ребенок – Ролф пошел на юридический факультет, полагая, что это хотя бы окажется прибыльным делом. Он получил диплом юриста в Индианском университете и начал заниматься юридической практикой, но через год работы адвокатом понял, что сердце у него к этому не лежит. Его не оставляли воспоминания о том мальчишеском переживании. Когда он узнал, что в соседний город приедет вербовщик из ЦРУ, он поехал на собеседование и заполнил заявку. Целый год ничего не происходило, а потом вдруг ему предложили работу. В 1977 году он явился в ЦРУ для обучения.

Это было время, когда многие стали испытывать сомнения по поводу роли Америки в мировом сообществе, но Ролф этих сомнений не разделял. Он глубоко верил в справедливость борьбы с коммунизмом и в необходимость защиты свобод. Эта вера родилась у него не из идеологических соображений, а скорее из личного опыта. Он знал, что Советский Союз в первые десятилетия своего существования выстроил

обширную систему лагерей, куда были отправлены десятки тысяч людей исключительно за свои взгляды. Он слишком хорошо знал, как отвратительно такая реальность выглядит – это Берлинская стена, с грязной полосой вспаханной земли перед ней, сторожевыми вышками, минами, колючей проволокой, самострельными устройствами, сигнальным ограждением под высоким напряжением, злобными псами и шарящими прожекторами. В холодной войне предстояло воевать, и Ролф хотел в этом участвовать.

Во время начальной подготовки в ЦРУ у Ролфа спросили, есть ли у него предпочтения – где он хочет служить. ЦРУ было устроено по географическому принципу. Многие молодые курсанты не хотели ехать в московскую резидентуру, потому что знали – там трудно работать с агентами. Некоторые презрительно называли эту работу “сунул-вынул”, имея в виду устройство и закладку тайников без всякого личного контакта с агентами. Но Ролф повторял всем, кто его слушал: он хочет попасть в советский отдел.

Иногда ЦРУ отправляло в московскую резидентуру молодых сотрудников, которые никогда не служили в заграничных миссиях. Так было меньше шансов, что КГБ идентифицирует их. Но в то время в Москве была всего лишь одна вакансия – в офисе военного атташе, где надо было работать под прикрытием. В ЦРУ колебались. Два года назад эта должность была за оперативником ЦРУ, которого потом раскрыли и выслали. Если на нее придет новый человек, КГБ немедленно решит, что он сотрудник разведки. Но, несмотря на эти опасения, Ролф получил работу. Он прошел базовый курс обучения в ЦРУ, а затем дополнительную подготовку по ведению шпионских операций в “запретных районах”, оттачивая умение уходить от слежки КГБ.

Тогда он узнал, что московская резидентура проводит одну из самых необычных технических операций против Советского Союза. Снимки высокого разрешения со спутника-шпиона показали, что рабочие копают канаву и прокладывают линию кабельной связи вдоль загородного шоссе между Институтом ядерных исследований в Троицке, в 35 километрах к юго-западу от Москвы, и министерством обороны. ЦРУ планировало поместить на линию прослушивающее устройство – электронный обруч, который будет отслеживать и перехватывать секретную информацию. Устройство предполагалось установить через канализационный люк. Ролфа

назначили на это задание, когда он еще проходил обучение. В пригороде Вашингтона подрядчик ЦРУ соорудил для тренировок точную копию советского люка. Сначала нужно было научиться поддевать тяжелую крышку люка. Ролфу объяснили, как снять ее с помощью лома и крюка. После того как оперативник спустится в люк, его выдержка и навыки должны будут подвергнуться серьезному испытанию. Курсанты упражнялись с завязанными глазами, чтобы убедиться, что смогут залезть в люк и провести операцию исключительно на ощупь.

Ролф был взбудоражен, оттого что его выбрали для этого задания. Однажды на тренировке он ломом и крюком поднял тяжелую крышку люка – и вдруг уронил ее. Крышка упала ему на руку, на большой палец. Ролфа окатила волна боли. Он повернулся к инструктору, стараясь не подать вида.

Инструктор бросил взгляд на его раздавленный палец и отправил в больницу. Палец был сломан.

Несколько дней спустя Ролф с загипсованным пальцем вернулся в штаб-квартиру. Он вызвался продолжить обучение в люке, как только снимут гипс – через несколько недель. Но начальство отмахнулось: на это уже не было времени; им не хотелось откладывать его отправку в Москву. Ролф, хоть и злился на себя, и стеснялся своего промаха, задерживаться на этих переживаниях не стал. Его выбрали для службы в Москве, и он гордился тем, что едет туда. Он чувствовал себя астронавтом, выбранным для полета на “Аполлоне”. Вскоре гипс был снят, обучение закончено – и он вошел в двери московской резидентуры.

Когда Ролф прибыл в Москву, времена робости – когда у резидентуры не было агентов, достойных такого названия, – были уже позади. В резидентуре, когда-то притихшей после приказа Тернера о прекращении операций, теперь кипела бурная жизнь. Толкачев поставлял кипы секретных документов, к тому же вот-вот предстояло поместить прослушивающее устройство на кабельную линию и подключить его. И как раз когда Ролфу показали его рабочее место, началась еще одна дерзкая операция, и он стал одним из ее участников^{193}.

Тем летом Виктор Шеймов с женой Ольгой часто выходили теплыми вечерами погулять по городу. Тридцатитрехлетний Шеймов был одним из самых молодых майоров КГБ. У него была чрезвычайно деликатная работа

в управлении, ответственном за шифровальную связь комитета с резидентурами по всему миру. Шеймов работал в “Башне” на Лубянской площади, где располагалось 8-е Главное управление КГБ. Это было мрачное дореволюционное каменное здание, ставшее символом власти КГБ и его советских предшественников. До прихода в КГБ Шеймов работал над системами наведения ракет. Его отец был военным инженером, а мать – врачом. У него была репутация молодого гения, спеца по электронике. Незадолго до того его отправили в Китай разобраться со случаем прослушки, который всем остальным оказался не по зубам. Шеймов “расколол” его. Но внутри у него все клокотало от негодования^{194}.

Трудно сказать, когда именно Шеймов начал разочаровываться в своей работе. Его продвигали по службе так стремительно, что он не успел заразиться равнодушной покорностью, которую демонстрировало старшее поколение. Он был достаточно молод, чтобы чувствовать себя оскорбленным, когда становился свидетелем чего-то неправильного. Еще в начале службы в КГБ его назначили в секретное подразделение, готовившее справки и аналитические записки для Политбюро. Справки затем корректировались в соответствии с указаниями сверху и содержали много вранья и фальсификаций.

Шеймов был шокирован. Он видел пропасть между докладами начальству и реальностью вокруг себя. Однажды он пошел в библиотеку КГБ и спросил сотрудницу, может ли он прочесть историю КПСС. Он видел себя исследователем, инженером, человеком, который уважает факты. Возможно, в такой книге нашлись бы ответы на его вопросы. Каждый, кто учился в университете, должен был изучать курс по истории партии. Что может быть лояльнее, чем интерес к этой истории? Библиотекарша попросила показать ей его удостоверение, возможно, чтобы потом доложить начальству. На ее лице был написан вопрос: зачем кому-то это читать? Шеймов, не моргнув глазом, сделал вид, что заинтересовался другой книгой, и как можно скорее ушел.

Потом один его друг из КГБ, по имени Валентин, внезапно и загадочным образом умер. Это был молодой и здоровый парень, лыжник-гонщик. Его отец был членом ЦК. Но Валентин был нонконформистом, он говорил Шеймову, что презирает отца и партийных руководителей. Он называл их “мерзкой шайкой” даже в присутствии отца. Потом Шеймов узнал, что его друга, вероятно, убили головорезы из КГБ.

На похоронах Валентина он стоял у гроба и про себя поклялся отомстить.

Следующие несколько месяцев Шеймов обдумывал, что можно предпринять. Он испытывал все более горькое разочарование. Среди молодых людей в то время были модны циничное отношение к системе, увлечение западной одеждой и культурой, язвительные шутки в адрес Брежнева и дряхлеющего, неработоспособного партийного руководства. Но большинство лишь говорило об этом между собой, ничего не предпринимая. А Шеймов в 1979 году решил действовать и начал планировать побег. Он был намерен нанести системе удар, болезненный удар. Ольге было страшно – их дочери Елене только исполнилось четыре года, – но она обещала поддержать его.

Сначала Шеймов составил план – вступить в контакт с сотрудником американской разведки. Он никогда не был в Соединенных Штатах и не питал иллюзий. Из шифрограмм он знал, что Соединенные Штаты – враг, и его логика была простой: враг моего врага – мой друг. Он хотел отомстить, отправившись в Америку.

Он знал, что это рискованный путь. У него был допуск к совершенно секретным документам. Если бы его раскрыли, то немедленно арестовали бы и, наверное, казнили. Но Шеймов хорошо ориентировался в Москве – он был сотрудником разведки, которого учили передвигаться незаметно. Он часами искал машину с американскими дипломатическими номерами. Но автомобиль с номерами на D-04 никак найти не удавалось. Тогда он решил написать записку на случай, если столкнется с сотрудником американской разведки. “Здравствуйте, – начиналась она, – я сотрудник КГБ с доступом к чрезвычайно конфиденциальной информации”. Он отмечал, что его недовольство системой требовало “действий”, и предлагал встретиться у табачного киоска рядом со станцией метро. Но Шеймов никак не мог найти человека, которому можно было бы передать записку. Как-то вечером он признался Ольге, что ни одна из его четырех идей, как вступить в контакт с американцами, не сработала. Он даже придумал повод, чтобы сходить на совещание в МИД, надеясь, что у министерства окажется машина американского дипломата. Он планировал устроить небольшую бамперную аварию: стукнуть американский автомобиль, выбраться под шумок из машины и отдать водителю записку. Однажды Шеймов таки заметил американскую машину, но когда попытался столкнуться с ней, водитель вовремя отвернул в сторону. В тот день у Шеймова в руке была записка, но

отдать ее он не смог.

Наконец он составил гораздо более масштабный план.

В октябре 1979 года Шеймов поехал в командировку, чтобы решить проблемы со связью в советском посольстве в Варшаве. Он привез с собой очки отца с толстыми стеклами, зашел в оптику и поинтересовался, можно ли их починить. Это была неплохая маленькая легенда – очки должны были сыграть другую роль. Однажды ближе к вечеру Шеймов пошел в кино с коллегами из КГБ. Как только фильм начался, он извинился, вышел и поймал такси до американского посольства. План был подойти к дверям посольства, используя очки как маскировку. Но кое-что он плохо рассчитал. Линзы в отцовских очках были настолько сильными, что он практически ничего не видел. Почти вслепую, но без смущения Шеймов доковылял до охранника и сказал: “Мне нужно поговорить с представителем американской разведки”. Охранник посмотрел на него и ответил: “Я и есть представитель американской разведки”. Шеймов ответил запасным предложением, которое заучил: “Тогда мне нужно поговорить с дежурным дипломатом”.

Вскоре Шеймов сидел напротив американцев, уже без очков, и рассказывал им, что хочет получить политическое убежище в Соединенных Штатах. На листке бумаги он написал: “КГБ”. Его отвели в комнату без окон. Разговор шел трудно: американцы говорили по-польски, а не по-русски, познания же Шеймова в английском были обрывочными. Американцы сняли копию с его паспорта и задали ему несколько вопросов, например, кто глава резидентуры КГБ в Варшаве. Ответы Шеймова убедили их, что он действительно служит в КГБ.

“Чем вы занимаетесь?” – спросил один из американцев.

“Шифрованная связь”, – сказал Шеймов. Американцы посмотрели друг на друга в изумлении.

“Вы шифровальщик?” – спросил один из них.

“Нет, я отвечаю за безопасность шифрованной связи КГБ за границей”, – отвечал он.

Американцы были ошарашены. Перед ними сидел человек с “ключами

от королевства” – суперсекретными кодами советской связи, – и он хочет стать перебежчиком! Они спросили, хочет ли он, чтобы его вывезли из Варшавы немедленно. Нет, ответил Шеймов, он хочет привезти в Соединенные Штаты жену и дочь. Он сказал американцам, что скоро вернется в Москву. Они ответили, что он сошел с ума, но Шеймов стоял на своем. Он написал на листке свое предложение о встрече в начале 1980 года и отдал листок одному из американцев.

Тогда ЦРУ составило план связи с Шеймовым в Москве. Он дал им адрес, по которому сам не жил. Ему велели ждать письма обычной почтой. Если его откроет кто-то еще, там окажется письмо как будто от старого друга, человека с безобидной фамилией, допустим Смирнов, который вспоминает их совместные учения много лет назад. Получив письмо, Шеймов должен был смочить его. Тогда на оборотной стороне проявится текст, написанный невидимыми чернилами, с указаниями, как подать сигнал о готовности к встрече с ЦРУ.

На выходе один из американцев спросил Шеймова, слышал ли тот о Хэллоуине. Нет, ответил он, а что это? Американец объяснил, что это праздник и что его будут отмечать как раз этим вечером.

“Чертовски ловко вы тут свою “сладость или гадость”[207] провернули”, – заметил он.

“Что-что?” – переспросил Шеймов.

“А, не важно. Потом узнаете”. В машине его довезли до кинотеатра и высадили за десять минут до окончания фильма.

Когда до московской резидентуры дошли вести о Шеймове, Хэтэуэй завершал свою службу. Ему предстояло решить: кто будет куратором нового агента? Он не мог передать его Гилшеру, который был занят Толкачевым. Вполне подходил на эту роль другой старший оперативник, Джеймс Олсон, но он плотно занимался важной операцией с прослушкой на кабеле. Другие возможные кандидаты, все – опытные оперативники, владели русским не блестяще. Хэтэуэй поручил дело Дэвиду Ролфу, новичку, который хорошо говорил по-русски и жаждал показать, на что способен.

Из штаб-квартиры в московскую резидентуру прислали кодовое имя для Шеймова: SKUTOPIA (“Утопия”).

Это кодовое имя намекало на их повышенные ожидания, хотя о Шеймове к тому моменту мало что было известно. Действительно ли он заведует заграничной связью КГБ? Как это можно проверить? Как увидеть хоть малую долю информации, которой он может поделиться? Чего он хочет? Правила Гербера, выработанные за девять лет до того, все еще работали.

Шеймов хотел, чтобы его самого и его семью эвакуировали из СССР. В московской резидентуре были документы, помеченные кодовым словом SKGO (“Вперед”), в которых содержались сценарии вывоза агента из страны. Но у резидентуры пока не было такого опыта – из Советского Союза еще никого не вывозили. Сотрудник КГБ с таким уровнем допуска не мог просто пойти в аэропорт и улететь. Да и поездки обычных советских граждан за границу жестко контролировались. А за Шеймовым к тому же, возможно, наблюдала контрразведка КГБ в Москве. И в случае любых подозрений его бы арестовали.

Ролф предложил Хэтэуэю довольно нестандартную идею. Он сказал, что на одной из первых встреч стоит выдать Шеймову пару новых фотоаппаратов *Tropel*. Они попросят Шеймова сфотографировать самые конфиденциальные документы на своем столе, а потом вернуть камеры. Проявив пленку, они увидят, правду ли он рассказал о своем уровне допуска и стоит ли вывозить его и его семью. В штаб-квартире немедленно возразили против выдачи камер совершенно неизвестному и непроверенному агенту. Что, если это ловушка? Что, если он выдаст драгоценную технологию КГБ? И что, если его поймают с фотоаппаратом? Но Хэтэуэю идея понравилась, и он поддержал Ролфа. Он даже написал в штаб-квартиру резкую телеграмму, в которой говорил, что и он, и Ролф, и все остальные оперативники в резидентуре считают хорошей идеей выдать камеры новому агенту. Они что, все ошибаются? В главном управлении уступили. Вскоре фотоаппараты подготовили к отправке.

Когда новым резидентом в январе стал Гербер, Шеймову отправили письмо, написанное бесцветными чернилами. Сигнал, говорилось в письме, следовало подать в воскресенье в месте, которое ЦРУ условно обозначило как “Булочная”. Каждое воскресенье Ролф ездил на церковную

службу мимо этого места. Всякий раз он внимательно вглядывался в бетонную опору на углу многоквартирного дома. В одно воскресенье в конце февраля он заметил черную букву V, нарисованную от руки. Прохожие шли мимо, не обращая на нее внимания, как будто это ничего не значило. Но это был сигнал от Шеймова. Скоро предстояла встреча.

Перед каждой операцией куратор разрабатывал маршрут для сбрасывания возможного хвоста. Ролф хотел быть абсолютно уверенным, что КГБ за ним не наблюдает. С помощью других оперативников и технических специалистов резидентуры он составил план куда более смелый, чем обычно. Он основывался на идее, которую однажды безуспешно пытался реализовать Гилшер. Ролф прошел по этому плану с Гербером, минута за минутой, и тот жестко допрашивал его о каждой возможной ошибке: “А что будет, если?.. А что, если?..” Наконец шеф был удовлетворен его ответами.

Ролф купил билет “Аэрофлота” из Москвы во Франкфурт и обратно. Улететь он должен был в пятницу, а вернуться в следующий четверг. Он, как полагалось, сообщил в советский орган, обслуживавший дипломатов, что вернется в четверг. Он был уверен, что те доложат в КГБ. Затем Ролф упаковал чемодан и вылетел из Москвы. В субботу он сел на поезд из Франкфурта в Вену. Он так волновался, что никак не мог заснуть. В понедельник он поехал в аэропорт и за наличные купил билет в одну сторону до Москвы на следующий рейс *Austrian Airlines*. КГБ ожидал, что он вернется в четверг “Аэрофлотом”. Приземлившись в Москве днем в понедельник, он прошел паспортный контроль. Он знал, что в КГБ сообщат о его прибытии не сразу, и это был тот самый временной зазор, который он пытался использовать, – простейший бюрократический недосмотр, который даст ему несколько часов. Он стал “невидимкой”, то есть за ним не было наблюдения.

В тот момент, когда Ролф приземлился в Москве, жена другого оперативника принесла его жене, учительнице, на работу небольшую спортивную сумку. Супруга Ролфа после конца уроков взяла сумку и села в машину, чтобы проделать свой обязательный маршрут для ухода от слежки. В сумке были грим для Ролфа, а для Шеймова – оперативная записка и вопросы ЦРУ.

В аэропорту Ролф сел в такси и поехал в город, в центр. Примерно на

половине пути, у станции метро “Динамо”, он неожиданно попросил остановиться. С беспечным видом Ролф прошелся вокруг троллейбусных и автобусных остановок, а потом двинулся к зданию с вывеской “Аэрофлот”, все время поглядывая вокруг в поисках “наблюдателей”. У здания “Аэрофлота” его подхватила жена. Они снова отправились по длинному маршруту, чтобы сбросить слежку. Наконец, убедившись, что хвоста за ними нет, и заgrimировавшись, Ролф выбрался из машины. Жена умчалась на запланированный ужин с друзьями.

В 8 вечера Ролф прохаживался у памятника Александру Грибоедову, русскому драматургу и дипломату, убитому беснующейся толпой в Тегеране в 1829 году, когда он служил послом в Персии. Статуя Грибоедова возвышалась на пьедестале рядом со станцией метро “Кировская” на Чистых прудах. Этот широкий тенистый бульвар, окаймленный аллеями, находится в старом районе Москвы, где сохранилось много узких переулков и проходных дворов.

Поравнявшись с памятником, Ролф заметил человека, которого ждал, – тот вышел из метро, держа в руках журнал.

Ролф заговорил первым: “Виктор Иванович?”

“Да”.

“Добрый вечер. Я Миша”, – Ролф протянул ему руку.

Шеймов пожал ее, но подумал, что стоит проверить – действительно ли это сотрудник американской разведки. Вдруг это ловушка? Они двинулись вперед.

Обоим было чуть за тридцать. Ролф вглядывался в приятное, чистое, мальчишеское лицо Шеймова. Тот был в кепке в армейском стиле. Шеймову показалось, что Ролф говорит по-русски с акцентом, хотя не обязательно американским. Он заметил, что Ролф, в отличие от русских, был без перчаток.

Тело Ролфа было напряжено: он думал о том, что в любую секунду могут включиться прожекторы, сотрудники КГБ выпрыгнут из кустов и их с Шеймовым скрутят.

Шеймов на встречу ехал в метро кружным путем, с пересадками, чтобы избежать слежки, но и он был встревожен и напряжен. Он больше Ролфа знал о методах работы КГБ, о “подвижных” группах наблюдения, которые перемещались по городу и появлялись в случайных местах. Он заметил, что ближайшая телефонная будка пуста; хотя бы это было хорошим знаком.

Обоих учили проводить операции, опираясь на базовый принцип: как только операция начинается, никаких колебаний. Оба знали, что в их деле нужно тратить многие часы на планирование, но исполнение операции должно быть коротким и безупречным. В представлении Ролфа, это было сродни выходу актера на сцену: занавес поднимают, и ты выкладываешься. Шеймов считал, что худшая ошибка профессионала-разведчика – поддаться страху. Это означало потерять контроль.

“Вы ведь можете быть из КГБ”, – сказал Шеймов Ролфу.

“Я не могу быть из КГБ, я говорю по-русски с акцентом”, – запротестовал Ролф.

“Да, но они тоже могут говорить по-русски с акцентом”, – сказал Шеймов.

Они шли по бульвару, оставив позади метро и памятник. Вокруг них была темнота. Они задавали и задавали друг другу вопросы, стараясь понять, нет ли поводов для тревоги.

Шеймов повторял, что хочет, чтобы его и его семью эвакуировали. Ролф отвечал, что это задача серьезная и для ее подготовки может понадобиться от года до полутора. Он сказал Шеймову, что тот сначала должен предоставить некоторую информацию. Ролф считал, что стоит встретиться еще раз через месяц-два, но Шеймов спросил: чего ждать? Он подготовится за неделю. Шеймов также настаивал на личных встречах. Он не хотел связываться с американцами через тайники. Он сказал Ролфу, что контрразведка КГБ составила длинный список людей, арестованных за работу со шпионами, – все были задержаны у тайников или обнаружены, потому что использовали рацию. Ни одного не схватили на личной встрече. Шеймов хотел лично видеть своего куратора из ЦРУ. Ролф согласился.

Они расстались, и Ролф проехал на метро пару станций к центру

города. Жена подобрала его на машине, и они направились домой. На следующее утро все столпились вокруг стола в кабинете Гербера, чтобы услышать, как все прошло.

Ролф думал, что у него будет месяц на подготовку следующей встречи, но теперь у него была лишь неделя. Он исходил из того, что КГБ раскусил его трюк с поездкой за границу и повторить его уже не получится. Московская резидентура составила тщательный план следующей встречи. Ролф будет главным оперативником по делу, но если он попадет под наблюдение КГБ, рядом на улицах будут еще двое – ушедшие от слежки и готовые в случае чего занять его место. Работу, требовавшую месяца, они проделали всего за несколько дней.

Как оказалось, Ролф был чист, и встреча началась без помех. Ролф задал Шеймову несколько вопросов от штаб-квартиры, которые касались математических расчетов и криптологии. Шеймов наговаривал ответы в маленький диктофон Ролфа. Они снова обсудили эвакуацию. Шеймов хотел по прибытии в Соединенные Штаты получить один миллион долларов, немедленное оформление гражданства и пожизненной медицинской страховки для всей семьи. Ролф ничего не обещал. Он попросил Шеймова сообщить прозаические, но необходимые детали о его семье: размеры одежды и обуви, перенесенные заболевания, вес. И ему нужны были свежие фотографии всех членов семьи, чтобы сделать новые удостоверения личности, которые они получают после эвакуации, на той стороне.

На одной из первых встреч Ролф выдал Шеймову миниатюрные фотоаппараты *Tropel*. Ролф попросил: “Сфотографируйте самые засекреченные документы, какие у вас есть. Не рискуйте, когда рядом другие люди. Но вам нужно доказать, что вы тот, кем себя называете”. Шеймов согласился. Он вернул камеры с отснятой пленкой и получил новую порцию.

Шеймов предложил ЦРУ изобразить, будто его семья утонула в реке, чтобы в КГБ не заподозрили, что те сбежали. Ролф ответил, что у ЦРУ и Шеймова есть более важная забота – подготовить все так, чтобы эвакуация увенчалась успехом. Но на самом деле Ролф много думал о том, что произойдет, когда Шеймов и его семья исчезнут. Он обсуждал с

сотрудниками резидентуры, как сделать, чтобы Шеймов “исчез бесследно”. Они должны покинуть квартиру, ничего не трогая – оставив недопитую чашку чая на столе, незастеленную кровать, раскрытую газету, одежду, висящую в шкафах. Ролф обсуждал с оперативниками, можно ли будет объяснить их исчезновение тем, что они утонули, но они не стали на этом заикливаться. Такое нельзя было спланировать, оно должно было как-то сложиться само. КГБ, вероятно, будет искать объяснения в несчастном случае или преступлении, и может пройти немало времени, прежде чем они поймут, что Шеймов перешел на сторону врага.

Ролф и Шеймов шли по одному из переулков, когда одновременно увидели их. Это был кошмар: двое мужчин сидели у песочницы. Они могли быть кем угодно, но оба сотрудника разведки мгновенно заподозрили слежку.

В узком переулке некуда было деться: если это и правда были люди из КГБ, то улица уже была заблокирована с обоих концов. Подойдя ближе, Шеймов инстинктивно почувствовал, что это не КГБ – наверное, милиционеры. Может быть, грубые и раздраженные, может быть, захотят проверить документы – но ничего особенно страшного. Шеймов попросил у одного из них спички. Вернувшись к Ролфу и проходя с ним мимо песочницы, Шеймов выругался, словно продолжая перебранку с родственником. Так они благополучно миновали мужчин. Шеймов заметил, что они были в одинаковых зимних пальто и шапках, отороченных пыжиком. Они с Ролфом повернули за угол.

И посмотрели друг на друга.

“Уголовный розыск, – сказал Шеймов. – Милиция”.

“Как вы узнали?”

“Догадался”.

“Ну и ну, еле пронесло, – сказал Ролф. – И что, вам еще нравятся личные встречи?”

“Конечно, так на чем мы остановились?”

Фотоаппараты *Tropel*, которые Шеймов вернул Ролфу, доставили курьером в Соединенные Штаты. Тем временем в московской резидентуре Гилшер переводил аудиозапись ответов Шеймова на криптологическую тему. Когда пленку проявили и увидели более сотни страниц с информацией, а ответы перевели, в резидентуру пришло срочное сообщение: Шеймов говорит правду. Данные были секретными и чрезвычайно важными – такие советские власти не стали бы использовать в ловушке. Советский Союз устанавливал по всему миру новое шифровальное оборудование. Шеймов мог расшифровать эти сообщения. Ролф сказал Шеймову, что эвакуация может занять от года до полутора лет, но теперь дело стало срочным. Агентство национальной безопасности хотело, чтобы его переправили в США, и быстро.

Шеймов дал американцам одним глазком заглянуть в свои материалы, но информации у него было гораздо больше. И он знал, что отсчет пошел: чем дольше он остается в Москве, тем выше шансы, что его раскроют. Да и информация, которую он хотел предоставить Соединенным Штатам, была куда масштабнее, чем можно передать через тайник или другими средствами в Москве. У него не было выбора: чтобы нанести ущерб Советскому Союзу и спастись самому, он должен бежать.

ЦРУ и АНБ также понимали, что информация Шеймова будет иметь колоссальную ценность до тех пор, пока в СССР не узнают, что она похищена. Как только это обнаружится, советские власти поменяют коды. Так что им нужно было вывезти Шеймова таким образом, чтобы КГБ как можно дольше не узнал, что тот выехал в США.

Ролф взялся за документы резидентуры с кодовым словом “Вперед”. Это была первая операция не только для него – она стала одной из самых дерзких операций за всю историю ЦРУ.

На третью встречу Шеймов принес фотографии своей семьи, которые ЦРУ могло использовать для подготовки документов, и прочую информацию, о которой спрашивал Ролф. Главную проблему в ходе эвакуации представляла маленькая дочка Шеймова. Двое взрослых могут сидеть тихо в течение примерно сорока пяти минут, пока их будут провозить через границу в фургоне, но как быть с четырехлетней девочкой? Как сделать, чтобы и она молчала? Ролф добыл в ЦРУ пять образцов снотворного, подходящего для маленького ребенка. Он волновался, думая,

что Шеймов откажется брать их. У Ролфа самого была дочь того же возраста, и он ни за что не дал бы ей какие-то таблетки, полученные от КГБ. Но, к его удивлению, Шеймов согласился. Позже он передал ЦРУ составленные им от руки графики дыхания и пульса дочери, когда ей давали таблетку. Так они выбрали одно средство на день эвакуации.

Примерно за десять недель московская резидентура провела пять встреч с Шеймовым. Это был беспрецедентный темп.

Хотя Шеймов предпочитал личные встречи, однажды он подал сигнал, что хочет использовать передачу особого рода: когда агент ее оставляет, а оперативник тут же забирает. Ролф отследил первый сигнал, дождался второго, что тайник заложен, а затем вышел на вечернюю прогулку. Он извлек пакет Шеймова и, не разворачивая, отнес в резидентуру на следующее утро. Внутри он среди прочего нашел оперативную записку, которую Шеймов засунул в стеклянную бутылочку с пробкой, примерно пяти сантиметров высотой. Ролф подумал, что Шеймов проявил особую осторожность, положив записку в закупоренный флакон, чтобы она не промокла. Но Шеймов имел в виду другое. На этикетке было написано, что в ней содержится 50 таблеток экстракта валерианы, известного успокаивающего средства. Так он хотел дать понять Ролфу, что все идет хорошо и волноваться не надо. Но в резидентуре никто намек не понял.

Приближался финал. Шеймов должен был ждать сигнала от ЦРУ, что все готово, – знака на фонарном столбе. Они с Ольгой доехали до места на трамвае, стараясь вести себя обычно и не таращиться на каждый столб. Но, доехав до остановки, они увидели, что из-за дорожного ремонта все фонари были выкопаны.

“Что же нам делать?” – спросила Ольга.

“Едем, – сказал Шеймов. – Думаю, теперь уже опаснее ждать, чем ехать”. На самом деле он был не так уж уверен.

По плану, им следовало добраться на поезде до глухого лесистого местечка, находящегося на полпути от Ленинграда к финской границе, откуда ЦРУ могло вывезти их, спрятав в автомобиле. Эвакуацию назначили на субботу 17 мая 1980 года, и это была чрезвычайно рискованная

операция. Белый дом был в курсе, но Гербера проинструктировали не предупреждать ни о чем тогдашнего американского посла Томаса Уотсона-младшего. Если план провалится, всю вину возложат на ЦРУ. Но в резидентуре об операции знал каждый. Все оперативники участвовали в разработке этого сложного плана.

Ролф хотел просидеть в резидентуре всю субботу, чтобы знать, как все прошло, но Гербер сказал, что в этом нет смысла. Он не хотел, чтобы КГБ обратил внимание на их хоть сколько-то повышенную активность. Гербер сказал дежурному связисту в тот день, что ждет сообщения об операции. Если она прошла успешно, связист должен повесить лист бумаги с написанной от руки цифрой единицей на внутреннюю дверь резидентуры – ту самую, с кодовым замком, что напоминала дверь в банковское хранилище. Если провал – нужно написать 0.

Вечером в субботу Гербер поехал в здание посольства, якобы за фильмом, который собирался посмотреть дома. Он открыл внешнюю дверь в резидентуру и посмотрел на внутреннюю дверь.

К ней была приклеена большая единица. Шеймов выбрался! Побег агента “Утопия” завершился. Более того, Шеймов оставил улики, чтобы сбить КГБ со следа. Многие месяцы там думали, что его и семью убили, хотя никаких свидетельств не было.

Операция Ролфа была краткой, но чрезвычайно успешной. Несколько месяцев спустя, вернувшись в Соединенные Штаты, Ролф встретился с Шеймовым на временной конспиративной квартире на севере Виргинии. Они обнялись. Шеймов сказал Ролфу: “Все время, что мы встречались, я не был уверен, что вы действительно из ЦРУ. Меня убедило, что вы из ЦРУ, а не из КГБ, когда вы мне передали снотворное для моей дочери. Потому что КГБ не стал бы церемониться. Мне просто дали бы одну таблетку и сказали: “Вперед”. Когда вы дали пять пилюль, я понял, что работаю с гуманной организацией”.

Теперь Ролф был готов к следующему заданию – Адольфу Толкачеву.

Глава 11

Невидимки

Ранним вечером 14 октября 1980 года Дэвид Ролф вышел из московской резидентуры ЦРУ и отправился домой. Час спустя он вернулся в посольство вместе с женой; они были одеты по-вечернему. Советский милиционер, дежуривший в будке у посольства, видел, как они вошли в ворота. Ролф и его супруга зашли в здание и двинулись по узким коридорам в одну из квартир.

Дверь была приоткрыта. Ролф распахнул ее.

Они не проронили ни слова. Квартира принадлежала заместителю начальника технической службы московской резидентуры, мастеру на все руки, помогавшему оперативникам с оборудованием и реквизитом – от изошренных радиосканеров до муляжей веток. В резидентуре было два таких специалиста – начальник и его заместитель. Они прошли в ЦРУ интенсивную подготовку, схожую с той, что получали оперативники, но набор навыков был иной: обычно они не работали с агентами в городе.

Наблюдение за техническим директором велось лишь каждый четвертый день, и в эти дни он старался следовать одной и той же схеме поведения, приучая к ней, как считали оперативники, КГБ. Распорядок был рутинный и неинтересный: он ходил по магазинам и авторемонтным мастерским, пополняя запасы и повторяя один и тот же маршрут изо дня в день. Как и предполагалось, интерес КГБ к нему увял. Но при этом технари играли ключевую роль в разведывательных операциях резидентуры.

Заместитель молча помахал рукой Ролфу, когда тот вошел. Они были приблизительно одного роста и телосложения. В полном молчании Ролф начал гримироваться под хозяина квартиры. У того была длинная лохматая шевелюра. Ролф надел парик с такой шевелюрой. У технаря была длинная борода – Ролф приклеил такую же. Хозяин квартиры помог Ролфу приладить и закрепить маскировку, а затем снабдил его сканером

радиочастот, антенной и наушником, чтобы отслеживать переговоры КГБ на улице. Наушник изготовила швейцарская компания *Phonak*, производившая слуховые аппараты. И это была самая деликатная деталь оборудования, скрыть которую помогал разработанный в ЦРУ силикон телесного цвета, повторявший все ушные изгибы и впадины{195}.

Ролф услышал, как у двери прогудел голос. Это был технический директор, который только что появился и специально говорил громко, рассчитывая на прослушку КГБ. “Ну что, сходим поглядим на эту новую мастерскую?” – спросил начальник. Его зам громко ответил: “Отлично! Пошли”.

Но настоящий заместитель из квартиры не вышел. Вышел человек, похожий на него, – Дэвид Ролф. Настоящий хозяин квартиры придвинул кресло и приготовился к долгому ожиданию. Жена Ролфа, в вечернем платье, тоже села, ей предстояло пробыть здесь следующие шесть часов. Они не должны были издавать ни звука, потому что их мог прослушивать КГБ, а сейчас разыгрывалась сложная мистификация – началась операция по перевоплощению. Ролфу предстояло в первый раз встретиться с Толкачевым – если ему удастся избавиться от уличной слежки{196}.

Смысл перевоплощения был в том, что оперативник получал возможность выйти за пределы посольского комплекса и вернуться обратно, оставаясь неузнанным. Ролф знал, что КГБ мало интересуется их техническими специалистами и обычно не обращает на них внимания, когда те выезжают на своем стареньком болотном “фольксвагене” за продуктами, цветами или запчастями. Тем вечером фургон выехал в сгущающихся сумерках. За рулем сидел технический директор, Ролф – на пассажирском сиденье. Окна фургона были грязными. Милиционеры только пожалы плечами: похоже, два завхоза опять куда-то поехали заготовиться.

На улице фургон поехал медленно и без определенного маршрута. Главный технарь хорошо ориентировался – за ним редко наблюдали и он часто колесил по городу на машине. Ролф следил за всем, что было вокруг, в поисках хвоста. Технический директор тоже наметанным глазом посматривал в зеркало заднего вида. Они искали автомобили с характерным треугольником грязи на решетке, который оставляла автомойка КГБ. А также обращали внимание на грузовики, стоящие у

тротуаров. Но у КГБ была масса обманных трюков, например откидное сиденье, скрывавшее одного из сотрудников, или специальное устройство в машине без опознавательных знаков, позволявшее выключить одну фару, так что автомобиль выглядел иначе при повторной встрече.

Ролф подумал, что у него есть преимущество: он здесь режиссер, он единственный знает, куда едет. Они могли лишь реагировать на его действия. Обычные водители не стали бы обращать внимания на “фольксваген”. На светофоре они могли пристроиться рядом или сзади. Ролф же следил за тем, чего обычный водитель не станет делать. Если включился красный свет, зачем было третьей машине за ними перестраиваться и прятаться за автобусом? Это могло быть признаком слежки, и Ролф такие приметы отмечал и анализировал.

Выходя из посольства в гриме, он преследовал только одну цель – обман: ему надо было ни в коем случае не привлечь к себе внимания. Но в следующие несколько часов он переходил к другой тактике. Он вел себя более открыто, почти дразня своих противников. Он пытался выманить КГБ из засады. Главной же его задачей было раствориться, стать “невидимым” для наблюдения. Это достигалось часами изматывающего нервного напряжения – еще до того, как он сможет впервые заглянуть Толкачеву в глаза.

Сбрасывая возможную или действительную слезку, оперативник должен действовать изящно, как танцор балета, хитро, как фокусник, и так же внимательно, как авиадиспетчер. Ролф много тренировался на учебных курсах ЦРУ и еще с первых дней работы в военной разведке понял, как важно овладеть этими навыками, чтобы научиться оценивать время и расстояние и использовать оптический обман для действий во “временных зазорах”. Ролф также тщательно планировал маршрут, чтобы избегать опасных участков и скрытых камер на московских улицах. Однажды он совершал четырехчасовой маневр по сбрасыванию слезки и где-то в середине него был уже уверен, что чист. И вдруг вокруг замелькали “жигули” и “Волги” явно служебного вида, пронесившиеся туда и обратно. Ролф выругался: “Угодил в улей!” Позже он узнал, что наткнулся на тренировку курсантов закрытой академии КГБ. Московская резидентура по возможности отслеживала такие опасные участки, отмечая их на карте

красными кнопками.

При последнем разборе плана с Гербером несколькими часами ранее Ролф прошелся по маршруту и по возможным не штатным ситуациям – на каждом повороте, на каждой остановке, которые были необходимы для прикрытия. Ролф помнил, как Гербер относится к любой операции – как к своей собственной. Он вникал в мельчайшие детали: жесты, мимику, внешний вид и обманки. Ролф когда-то думал, что никогда больше не встретит шефа резидентуры уровня Гаса Хэтэуэя, неутомимого организатора операций. Но теперь он работал с Гербером – усердным и введливым постановщиком шпионских спектаклей.

Фургон остановился у цветочного магазина. Ролф остался в машине. Покупка цветов была рутинной процедурой и первой остановкой в ходе операции прикрытия. Это была возможность проверить, не обнаружат ли себя по какой-нибудь оплошности машины наблюдения или пешие оперативники. Ролф оставался в гриме на случай, если к ним возникнут вопросы, но в цветочный магазин заходить не стал, понимая, что при резком дневном освещении недостатки его перевоплощения будут слишком заметны. Лучше было оставаться в тени, за грязным окном фургона.

Первая остановка выполняла важную функцию: здесь можно было прервать операцию. При обнаружении наблюдения Ролф мог все отменить и вернуться назад с минимальными потерями. В КГБ и не заподозрили бы, что он собирался на встречу с агентом. По опыту Ролф знал, что всегда лучше отловить КГБ в начале процедуры, когда наблюдение проще заметить. Видишь одну и ту же красную машину третий раз подряд – это уже знак. Но чем дальше, тем сложнее выявить слежку. Если у КГБ появлялись подозрения, он мог направить дополнительные группы наблюдения и новые машины. В этом Москва отличалась от других городов. У Ролфа действительно было преимущество – только он знал, куда направляется, но у КГБ были неограниченные ресурсы, которые спецслужба могла бросить в дело, если возникали подозрения. Они могли посадить ему на хвост с десятков машин, и ни одну он не увидел бы дважды.

Первая часть сбрасывания слежки всегда проводилась в движущемся автомобиле, так было легче контролировать ситуацию. Рольф и технический директор, сидя в фургоне, имели обзор почти в 360 градусов и

большое пространство для маневра. Они могли нажать на газ, вынуждая машины слежения сделать то же самое и таким образом обнаружить себя. А могли резко развернуться на 180 градусов – тогда, если их вели, они оказывались лицом к лицу с преследователями. КГБ всегда направлял для наблюдения по три-четыре машины, и важно было, маневрируя и провоцируя их, выявить их присутствие на самом раннем этапе. И тут время и расстояние работали на Ролфа. Эта закономерность была обнаружена Хэвилендом Смитом и его коллегами еще в 1960-х.

За те полтора часа, что они колесили, в городе совсем стемнело, и Ролф должен был оценить их готовность перейти к следующему этапу. Нужно было принимать решение, основываясь на наблюдениях и на чутье. Существовало неписаное правило: приступать к следующему этапу, только если ты на 95 процентов уверен, что “невидим”. Объяснялось это просто: в машине преимущество было на твоей стороне. Пешком, один, ты был гораздо уязвимее. Ролф знал оперативников, которые не смогли сделать следующий шаг. Они “чувствовали” слежку, даже если не видели ее, и поворачивали назад. За это их никогда не критиковали: они могли оказаться правы. Решать двигаться дальше, рисковать, встречаясь с агентом, было куда труднее. На кону стояла жизнь агента. Ролф прокрутил в уме все, что видел на вечерних улицах, взвесил ситуацию. Он был на 95 процентов уверен, что за ним не следят. Он поглядел на технического директора, и тот кивнул. Они еще двигались. Ролф быстро отлепил накладные волосы, положил их в маленький мешок на полу. Подхватил хозяйственную сумку, подготовленную для Толкачева, накинул шерстяную куртку. Фургон на мгновение притормозил, Ролф выскользнул наружу и энергично зашагал прочь. Технический директор поехал дальше, подыскивая укромное место, чтобы припарковать машину, а самому прогуляться в парке.

Ролф быстро прошел несколько кварталов и очутился на другом широком проспекте. Он влился в толпу на остановке, ждущую один из троллейбусов, курсирующих по главным магистралям Москвы. Он вошел в троллейбус через заднюю дверь. Стороннему наблюдателю Ролф мог казаться обычным трудягой, устало возвращающимся домой с работы в набитом троллейбусе. В действительности он был собран и следил за малейшим движением вокруг. Незаметное для окружающих маленькое радиоустройство в его ухе было беспроводным способом подключено к приемнику размером с тонкую пачку сигарет, этот приемник в под сумке был примотан хлопковой лентой к его телу. Обернутый вокруг шеи провод

служил антенной и был подсоединен к приемнику. В прежние годы оперативникам приходилось подключаться к громоздким транзисторным приемникам, которые ловили переговоры КГБ; иногда это получалось, иногда нет. На Ролфе же была новая модель, которая автоматически сканировала несколько радиодиапазонов КГБ. Он мог слышать, как переговариваются на улице разные группы наблюдения. Неудобство было в том, что чувствительный аппарат улавливал все стуки, скрипы и хрипы, которые производили десятка полтора групп, оказавшиеся в километре от него; эти группы могли быть ни при чем и даже не догадываться о его существовании. Аппарат был чудом техники и секретности, но все же он играл второстепенную роль. Он мог предупредить о слежке, но не гарантировал, что слежки нет. Удостовериться в ее отсутствии было важнейшим условием в предстоящем деле.

Ролф оглядел пассажиров, внимательно всматриваясь в тех, кто сел в троллейбус вместе с ним. На следующей остановке он резко шагнул к двери и спрыгнул на тротуар, наблюдая за теми, кто сходит вслед за ним. Пока ничего подозрительного не было.

Последний этап избавления от хвоста был пешим. Ролф был тренированным человеком, у него была ясная голова, но за этот год в Москве он успел понять, что процедура сбрасывания слежки может вымотать кого угодно. Стояла поздняя осень, погода была холодная, промозглая и унылая. После нескольких часов ходьбы на открытом воздухе у него болели легкие. Во рту пересохло, но останавливаться было нельзя. Любой проходной двор или общественное заведение могли оказаться ловушкой, и Ролф знал, что камеры КГБ, установленные в окнах верхних этажей, отслеживают движение на тротуарах и проезжей части. Наблюдением занимались тысячи людей.

В наушнике не было слышно ничего, кроме обычной болтовни и помех. Дойдя до небольшого театра, Ролф резко развернулся и вошел. Это была вторая остановка в операции прикрытия. Он молча изучил репертуар и афиши на стенах. В этот театр он прежде почти не заглядывал. Он напряженно слушал эфир, но все было тихо. Его целью было вынудить людей из КГБ сделать что-то нетипичное, оплошать, чтобы он заметил их, прежде чем они вызовут подкрепление и оцепят улицы. Ролф вышел из театра с билетами на спектакль, на который не собирался идти. Но настоящее шоу должно было вот-вот начаться. В театре он не заметил

никаких признаков слезки.

Следующая остановка должна была точно взбудоражить КГБ, если Ролфа пасли. Он не стал спускаться в метро – на большинстве станций стояли камеры наблюдения, – а подошел к антикварному магазину, что никак не вписывалось в его обычный распорядок. Он был там однажды с семьей, но никогда не пошел бы в антикварный магазин в одиночку, вечером, в рабочий день. Идея была в том, чтобы бросить КГБ серьезный вызов и вынудить их действовать.

И опять-таки ничего.

Ролф вошел в соседний жилой дом и начал взбираться по лестнице. Если бы сотрудники КГБ следовали за ним, тут они точно должны были его задержать. Они не могли позволить ему скрыться в одной из квартир. На самом деле Ролфу некуда там было заходить, в этом доме он не знал ни души. Он пытался спровоцировать КГБ. Он сел наверху на лестничной клетке и стал ждать.

Но никто не бежал вверх по лестнице.

Ролф стал спускаться. В течение трех с половиной часов КГБ не давал о себе знать. И все же для верности он зашел еще в небольшой сквер рядом с домом. Вдоль ограды тянулись ряды скамеек, и обступившие сквер многоэтажные дома отбрасывали на них густую тень. Ролф рассчитывал, что его присутствие в сквере, так далеко от дома и от посольства, должно подействовать на оперативников КГБ как красная тряпка на быка и если они тут, то должны выпрыгнуть из кустов и схватить его. И лучше, чтобы это произошло сейчас, а не когда он приведет их к Толкачеву. У него не было с собой ни паспорта, ни другого удостоверения личности, но он не боялся задержания. Он мог бы объяснить свое пребывание здесь, и это им ничего не дало бы. Но он не должен привести КГБ к Толкачеву. Ролф посмотрел на часы. До встречи оставалось 12 минут.

Пора идти. Он был на 100 процентов уверен. Ролф встал со скамейки.

И вдруг его передернуло от хлюпающего звука в наушнике, потом еще одного и еще. Это были громкие звуки, явно исходившие от группы наблюдения КГБ. Ролф не понимал, что произошло. Они увидели, как он встал? Он замер, окаменевший и напряженный. Хлюпанье иногда служило

сигналом, который один оперативник КГБ посылал другому. Но звуки могли объясняться и чем-то другим, каким-то уличным шумом, может быть в километре отсюда. А может быть, просто криворукий оператор случайно ткнул не в ту кнопку.

Ролф часто повторял слова: “Когда ты невидим, ты невидим”. Для него это значило, что если ты “растворился”, то можешь делать все что угодно – за тобой никто не следит.

Ничего. Никаких признаков людей в сквере. Ролф расслабил плечи и сделал глубокий вдох.

Когда ты невидим, ты невидим.

Ролф обошел кругом место встречи, все еще выглядывая признаки слежки. Место получило кодовое название “Ольга”, оно находилось недалеко от посольства Германии. Он вспомнил свой испуг при виде двух мужчин в песочнице во время первой встречи с Шеймовым; это было полгода назад. Но теперь он никого не видел. Ролф подумал, что место для встречи выбрано удачно: жилых домов рядом мало, какие-то низкие ветхие гаражи, на улице почти безлюдно.

И тут он увидел Толкачева. Ролф изучил его досье вдоль и поперек, а Гилшер подробно его проинструктировал. Он считал, что безошибочно узнает Толкачева в первую же минуту, и представлял, как они тепло поздороваются, увидев друг друга. Но сейчас Ролф шел не навстречу этому человеку, а за ним. Тот выглядел похожим на Толкачева. Ролф почти поравнялся с ним. Мужчина немного сутулился. По плану, они должны были обменяться приветствиями, и в случае правильного ответа Ролф понял бы, что перед ним и вправду Толкачев. Ролф колебался, как поступить. Возможно, перед ним не тот человек, но что мешает поздороваться? Если это другой человек, он, наверное, изумленно посмотрит на него и спросит, о чем вообще речь.

Ролф сказал громко, все еще находясь позади: “Привет от Кати!”

Мужчина повернулся и четко ответил: “Передайте привет от Бориса”.

Это был правильный отзыв. Ролф слегка улыбнулся, посмотрел на Толкачева и протянул руку. Тот пожал ее. Толкачев был в черной куртке и шляпе с полями; он оказался ниже ростом, чем представлял Ролф, – не более 167 сантиметров. У него было лицо крупной лепки, нос с горбинкой, вдавленный у переносицы. На часах Ролфа было 9 вечера. Это была восьмая встреча Толкачева с представителями ЦРУ.

Ролф понимал: сейчас его главная цель – установить доверительные отношения, какие у Толкачева были с Гилшером. Он старался, чтобы его слова звучали тепло и ободряюще. Он передал Толкачеву оперативную записку, которую тщательно готовил, сидя в резидентуре^{197}. Он сразу заметил, что Толкачев эмоционально никак не отреагировал. Его лицо осталось бесстрастным.

Затем Ролф сообщил хорошую новость: ЦРУ одобрило “особый запрос” Толкачева на таблетку для суицида после его июньского письма. Гербер давил на штаб-квартиру. “Чего мы не должны допустить, – настаивал Гербер, – так это чтобы от этого вопроса зависел ход всей операции, и мы откровенно обеспокоены, потому что чем дольше откладывается удовлетворение “особого запроса”, тем вероятнее мы с этим столкнемся”^{198}. Услышав эту новость, Толкачев, похоже, наконец расслабился. Ролф сказал, что передаст ампулу на следующей встрече. ЦРУ может поместить ее в ручку или во что-то еще, что Толкачев обычно носит в кармане. В резидентуре серьезно беспокоились насчет маскировки. Она должна быть хорошей – чтобы таблетку не могли найти – и простой, чтобы предмет можно было брать с собой при необходимости. Когда Ролф спросил об этом, Толкачев ответил индифферентно: предпочтений у него нет. В оперативной записке Ролф так говорил о таблетке: “Я могу лишь надеяться, что она принесет вам то спокойствие, которого вы желаете”^{199}. Он также составил список вопросов для Толкачева: для составления плана его эвакуации нужно было знать размеры одежды и обуви, лекарства, которые принимают он и его семья, список городов и местностей, где ему разрешено бывать, сроки его отпуска.

Толкачев извинился: в летние месяцы ему было труднее выносить документы из института, потому что он не носил пальто. С момента последней встречи с Гилшером в июне он отснял только 25 катушек пленки и теперь передал их Ролфу вместе с запиской на 9 страницах.

Толкачева по-прежнему очень беспокоил вопрос о длинном списке запрошенных им секретных документов на его читательском требовании, там везде стояла его подпись. Он понимал, что этот список является уликой, и выдвинул новую идею. Когда-то он предлагал ЦРУ изготовить ему поддельный пропуск, чтобы обойти систему безопасности. Теперь он спрашивал, не сможет ли ЦРУ изготовить дубликат его читательского требования всего с несколькими запросами? Он тогда найдет способ заменить настоящее требование фальшивым. Толкачев вручил Ролфу нарисованные от руки схемы, пояснения и фотографию, чтобы помочь ЦРУ изготовить такую копию.

Минуты бежали быстро, но у Толкачева еще было о чем рассказать. Он сообщил Ролфу, что приобрел автомобиль – желтые “жигули”, машину рядового советского человека, скопированную с приземистого “фиата”. Толкачев хотел использовать машину во время следующих встреч. Так они смогут разговаривать дольше, не привлекая к себе внимания. Кто заподозрит в чем-то двух приятелей, болтающих в машине? Толкачев также коротко сказал Ролфу, что по-прежнему недоволен теми деньгами, которые ему выплатило ЦРУ, и пообещал написать об этом позже. Однако он напомнил ЦРУ о своей терпеливости уже в письме, переданном Ролфу. “Но хочу лишний раз заметить, – писал он, – что выплаты порциями и затягивание решения финансовых вопросов с вашей стороны не влияет в целом на мое сотрудничество с вами”.

Прошло 15 минут. У Толкачева была еще одна просьба. Он передал Ролфу листок бумаги. Взглянув на него, Ролф увидел, что там по-английски печатными буквами написано:

11. LED ZEPPELIN

12. PINK FLOYD

13. GENESIS

14. ALAN PARSONS PROJECT

15. EMERSON, LAKE AND PALMER

16. URIAH HEPP

17. THE WHO

18. THE BEATLES

19. THE YES

10. RICH WAKEMAN

11. NAZARETH

12. ALICE COOPER

Толкачев хотел, чтобы ЦРУ передало записи альбомов рок-музыкантов для его сына Олега. Он скопировал названия от руки, хотя, очевидно, не очень хорошо их знал. “Мой сын, как и многие его ровесники в школе, увлекается западной музыкой, – пояснял Толкачев в записке. – Я и сам, несмотря на мой возраст, люблю слушать эту музыку”. Он писал, что записи доступны на черном рынке, но он не хочет “обращаться на черный рынок, потому что там всегда можно попасть в непредсказуемую ситуацию”. Он также сказал, что список отражает “вкусы сына”, и просил подобрать для него записи “самых популярных музыкальных групп на Западе, включая США”{200}.

Ролф нервничал из-за хлюпающих звуков, которые слышал в наушнике перед встречей. Он понимал, что они с Толкачевым проговорили совсем недолго, но решил закончить встречу. Толкачев не возражал. Они пожали друг другу руки и расстались. Ролф быстро ушел. В этот час на улицах было немного людей. Он вернулся к припаркованному “фольксвагену”, ждавшему его в назначенном месте. Технический директор сам провел короткую операцию по избавлению от хвоста, чтобы убедиться, что их нигде не стережет КГБ. Сев в фургон, Ролф без слов поднял большой палец вверх. Директор нагнулся и достал по бутылке пива – небольшой ритуал в конце каждого задания. Было так холодно, что пиво почти заледенело. Они открыли бутылки, и Ролф, у которого горло пересохло после нескольких часов на улице, смаковал ледяное пиво. Затем он надел бороду и парик, и они поехали назад в посольство. Этот последний штрих в мистификации с

перевоплощением был важен: нужно было замкнуть круг, вернуться в посольство неузнанным. Дежурные не обратили на них особого внимания. Ворота открылись, и задание завершилось.

Чуть позднее советские милиционеры в будке отметили, что Дэвид Ролф и его жена вышли с посольской вечеринки и поехали домой.

Глава 12

Средства и стремления

Толкачеву наконец прислали ампулу с ядом. Она прибыла в московскую резидентуру через несколько недель после октябрьской встречи, с регулярной секретной почтой, в посылке размером с коробку для сигар. Ролф открыл ее. Внутри в гнезде из пенопласта, вырезанном в форме пистолета, лежала перьевая ручка с *L*-капсулой{201}.

Он опасливо изучил ручку, потом положил ее назад и запер коробку в ящике стола. Вскоре из штаб-квартиры пришла телеграмма с инструкциями на русском языке – как извлечь из ручки хрупкую капсулу и раздавить ее зубами{202}.

В сплоченной московской резидентуре секретов не было. В маленьком кабинете Гербера оперативники вместе обсуждали планы ухода от слежки и новые места для встреч, которые нашли в прошедшие выходные. Иногда мелом чертили на доске схемы или репетировали телефонные разговоры с агентом на русском языке. В преддверии крупной операции в тесную комнату резидентуры приходили и жены оперативников. Они сидели на столах и на полу, вместе с мужьями еще раз проверяли грим и передачи, изучали карты и маршруты.

Когда Ролф рассказал коллегам о просьбе Толкачева насчет музыкальных записей, те понимающе закивали. Они сами видели, как молодые люди в Москве охотятся за западными товарами: кассетами для магнитофонов, журналами, лаком для ногтей и жидкостью для его снятия, фотоаппаратами “Полароид”, скотчем, футболками с английскими надписями, водолазками, кроссовками и бесчисленным множеством других вещей, которые в СССР найти было невозможно{203}.

Толкачев также запросил каталог западной аудиоаппаратуры. Почему бы и нет? Это казалось совершенно незначительной услугой для агента, выдававшего колоссальный объем разведанных. Но Гербер смотрел на

вещи трезво и не спешил соглашаться. Что, если сосед заметит Толкачева, ведущего разработчика сверхсекретного советского военного института, с альбомами *Uriah Heep*? Или если кто-то увидит эти записи в его квартире? Не будет ли это выглядеть подозрительно?

Ролф написал в штаб-квартиру, что “внезапное приобретение” записей может вызвать у окружающих удивление и потребовать “неудобных объяснений”. Он писал: “Мы знаем, что подобные записи иногда доступны в Москве (на черном рынке), но цена их обычно высока. Если бы мы знали, что у его сына уже имеется какая-то коллекция, то появление в ней еще нескольких альбомов (выпущенных европейскими компаниями), вероятно, не навредит. Однако нам не следует быть единственными поставщиками его сына”. Каталог стереоаппаратуры, возможно, будет легче скрыть, отмечал он, но “как его сын справится с таким “негаданным счастьем” – большой вопрос”. Не попросит ли Толкачев вслед за этим еще проигрыватель и динамики? В ЦРУ хорошо помнили борьбу вокруг *L*-таблетки. Резидентура не хотела отказывать Толкачеву в такой простой просьбе, но они тревожились насчет его безопасности. Они решили повременить, рассказать Толкачеву о своих опасениях в декабре и узнать у него, как он будет управляться с записями и где их хранить. Если ему удастся купить пленочный магнитофон, ЦРУ сможет предоставлять ему пленки с записями. Их будет труднее отследить^{204}.

День за днем Толкачев копировал документы, прикрепляя фотоаппарат *Pentax* к спинке стула. На катушках пленки, которые он передал Ролфу в октябре, содержалось 920 кадров с 817 страницами. Но вскоре штаб-квартира начала требовать от Москвы еще больше, по просьбе своих “клиентов” из разведки, прежде всего из ВВС, ВМФ, Агентства национальной безопасности и разведывательного управления министерства обороны. При встрече с Гилшером в 1979 году Толкачев передал пять печатных плат, относящихся к проекту РЛС РП-23, и чертежи к ним. Чертежи спешно отправили в штаб-квартиру для перевода, а электронику еще куда-то – для изучения и анализа.

Теперь, осенью 1980 года, в штаб-квартире хотели, чтобы Ролф попросил у Толкачева и другие печатные платы или электронные детали. Аппетиты военных растут, думал Ролф. Он беспокоился, что их запросы поставят под угрозу безопасность Толкачева. Ролф был высокого мнения об избранном Толкачевым методе: брать бумаги и в тот же день возвращать их.

Комар носа не подточит, раз документы на месте. Но с оборудованием была совсем другая история: если какой-то детали не будет – а ее ведь ничем не подменишь, – почти наверняка начнется внутреннее расследование. Требования электроники и электронных деталей могли провалить всю операцию.

Гербер решительно возражал против передачи Толкачеву запроса на электронные детали. Хотя Толкачев и “передал нам когда-то один фрагмент оборудования, это не свидетельствует ни о постоянном доступе к такому оборудованию, ни о возможности его безопасно изымать, ни о степени риска”, – писал он. Если они запросят у Толкачева новые запчасти, рассуждал Гербер, “он может посчитать, что мы слишком давим на него, и, как следствие, сам станет более требовательным и более трудным в работе”. Или же, предполагал Гербер, Толкачев, забыв про осторожность, погонится за новыми печатными платами и поставит под угрозу свою безопасность. “Такой список весьма специальных требований может спровоцировать “Сферу”, и так склонного изобретать прозрачные и слишком небезопасные способы получения материалов”. Гербер предлагал просто спросить у Толкачева на следующей встрече, может ли он завладеть какой-то еще электроникой. Он отмечал: “Мы считаем, что крайне важно убедиться, что [Толкачев] не предпримет ничего угрожающего его безопасности”{205}.

В понедельник 8 декабря 1980 года в 8.25 вечера Ролф отправился на встречу с Толкачевым в небольшой парк поблизости от московского зоопарка. Это было совсем рядом с домом Толкачева, тот часто проходил мимо этого места по пути на работу. Встреча была запланирована несколькими месяцами ранее, и Ролф не хотел отступать от графика, хотя напряженность в отношениях между сверхдержавами вновь нарастала. 4 ноября Рональд Рейган был избран 40-м президентом США. В начале декабря началась паника по поводу возможного советского вторжения в Польшу. В конечном счете советские войска так и не пересекли границу, но московская резидентура оказалась под плотным наблюдением КГБ. Ролф все же был твердо намерен не отменять встречу. “Только сделай все правильно на улице”, – напутствовал его Гербер.

Тем вечером в парке было совсем безлюдно. Ролф собирался

пообщаться с Толкачевым подольше, не так, как во время торопливой октябрьской встречи. Он пришел с хозяйственной сумкой, с какими обычно ходят советские граждане, и упаковал передачу так, чтобы она выглядела как свертки с покупками какого-нибудь москвича, раздобывшего продукты или промтовары.

Толкачев казался безмятежным. Они прогуливались по парку, как старые приятели. Ролф внимательно слушал свой приемник SRR-100 – нет ли слежки, но ничего слышно не было, – а взглядом ощупывал парк в поисках кого-нибудь, кто проявлял бы к ним повышенный интерес; однако все было тихо. Парк находился так близко к высотке, где жил Толкачев, что ее было видно из-за деревьев.

Ролф достал из хозяйственной сумки сверток и передал Толкачеву. Внутри была ручка с *L*-капсулой и инструкция к ней. “Это то, что вы хотели, средство самоуничтожения”, – сказал он. Ролф не видел смысла еще раз подчеркивать, что надеется – Толкачеву никогда не придется ее использовать. Толкачев казался довольным: теперь таблетка была у него в кармане. Ролф попросил его попозже изучить маскировочное средство и сообщить ЦРУ, если он хочет не перьевую ручку, а что-то другое.

Технические службы ЦРУ несколько месяцев работали над тем, чтобы изготовить для Толкачева дубликаты пропуска в здание и библиотечного формуляра с его запросами и подписями. Ролф отдал Толкачеву подделки, выполненные на основе рисунков и фотографий, которые тот принес в октябре. Было слишком темно, чтобы их рассматривать на месте, и Ролф попросил Толкачева оценить их позже и написать им. ЦРУ изготовило читательский формуляр всего с несколькими подписями. Особой нужды в фальшивом пропуске теперь не было, но Ролф полагал, что он может пригодиться. Он также не забыл захватить батарейки для фотоаппарата *Pentax*, маленькие кругляши, которые в Москве найти было трудно. Толкачев был очень обрадован. Эта реакция многое говорит о нем, подумал Ролф. Толкачев намеревался сфотографировать как можно больше документов, и новые батарейки позволяли ему работать без перерыва.

Тревожась за безопасность Толкачева, Ролф предложил принять дополнительные меры предосторожности. В день запланированной встречи Толкачев теперь должен был сначала подать сигнал о своей готовности: включить свет на кухне между 12.15 и 13.00. Для проверки московская

резидентура будет отправлять туда кого-нибудь, например жену одного из оперативников. Сигнал, видимый с улицы, получил кодовое название “Свет”. Если света в окне не будет, то ЦРУ не придет на встречу. Ролф также передал Толкачеву новые планы “экстренного вызова” раз в месяц – их можно использовать для незапланированной встречи, но только в случае крайней необходимости. Это было опасно, но при появлении экстренной новости или при возникновении реальной угрозы для Толкачева риск был оправдан. Ролф также предложил новое место для подачи другого сигнала – ближайший к зоопарку рынок. Если машина Толкачева будет припаркована там в условленном месте в заранее оговоренное время, это значит, что он готов к встрече.

Ролф также впервые рассказал Толкачеву о возможностях “Дискуса” – устройства, разработанного в ЦРУ для коммуникации оперативника с агентом. Он объяснил, что эти портативные аппараты позволяют обмениваться пакетными сообщениями на улице, находясь на некотором расстоянии друг от друга, например в нескольких сотнях метров. Устройство давало возможность передавать информацию, не переговариваясь и не встречаясь лично. Толкачев оживился, узнав о таком способе общения. Ролф сказал, что попытается получить “Дискус” к следующей встрече.

Между делом Ролф спросил Толкачева, может ли тот раздобыть еще печатные платы или электронные детали вроде тех, что он передал Гилшеру год назад. Возможно ли это в принципе? Безопасно ли это? Вместо того чтобы сразу отклонить эту просьбу – а Ролф не исключал такой реакции, – Толкачев будничным тоном сказал, что это возможно. Он спросил Ролфа, может ли ЦРУ подготовить список. Но список у Ролфа как раз уже был, его прислали из штаб-квартиры несколькими неделями ранее. Он передал его Толкачеву. Ролф не стал просить взглянуть на список немедленно – в темноте почти ничего не было видно.

Затем Ролф перешел к теме сомнений, которые возникли у ЦРУ по поводу записей рок-музыки; он заговорил об этом очень мягко, чтобы никак не рассердить и не огорчить Толкачева. Если альбомы обнаружат, сказал Ролф, не будет ли у Толкачева неприятностей? Как он объяснит их наличие? Доступны ли они на черном рынке? Где он планирует хранить их? Придется ли ему прятать их от друзей и гостей? Не станут ли друзья сына задавать неудобные вопросы?

Толкачев оживился, на лице его не было ни тени сомнений. Он ответил Ролфу, что ему не составит труда объяснить наличие альбомов в квартире. Все они доступны на черном рынке в Москве, просто он сам ходить туда опасается. Но он добавил, что в случае чего кассеты с музыкой тоже годятся – у него есть магнитофон *Hitachi*, выпущенный три года назад и купленный в комиссионном магазине, куда люди сдают свои вещи, обычно одежду, но иногда и электронику.

Время встречи было на исходе. Толкачев передал Ролфу 10-страничную записку от руки, в которой предлагал окончательно решить вопрос с оплатой его труда{206}.

В последний момент Ролф вспомнил, что есть еще один срочный вопрос из штаб-квартиры. В августе 1980 года Соединенные Штаты объявили о создании стелс-технологии, благодаря которой самолеты становились практически невидимы для радара. Что известно Толкачеву о советской реакции на американские самолеты, созданные с применением этой технологии? И есть ли у СССР своя стелс-технология? Толкачев сказал, что слышал о “невидимом самолете”, но у него нет ответов на эти вопросы и он не хочет сообщать Ролфу информацию, в которой не уверен.

Они гуляли уже 20 минут. Ролф достал из сумки две небольшие книги на русском – новогодние подарки от ЦРУ. Одной из них была брошюра Андрея Сахарова, физика-ядерщика, ставшего диссидентом, которым Толкачев восхищался. Другая – тонкая книжица Анатолия Федосеева, видного советского специалиста по электронике, разработчика РЛС. Созданные им электровакуумные приборы использовались в наземных радарах по всему периметру Советского Союза. Федосеев был удостоен звания Героя социалистического труда и высоких государственных наград, включая Ленинскую премию. В мае 1971 года он поехал на Парижскую авиационную выставку в качестве высокопоставленного члена советской делегации. Оттуда он бежал в Великобританию. Его разочарование советской системой во многом напоминало недовольство Толкачева: дефицит, неэффективность, несостоятельность социализма. Федосеев описал все это в книге “Западня”, которую Ролф теперь вручил Толкачеву.

Сахаров совершил побег из советской системы идеологически. Федосеев бежал физически. Толкачев тоже стал своего рода перебежчиком: он наносил удары системе изнутри.

Толкачев стал благодарить Ролфа, но у него прервался голос. Было уже поздно. Они пожали руки, и Толкачев исчез{207}.

Начало 1981 года для штаб-квартиры ЦРУ стало поворотным моментом. Вступивший в должность президента Рейган был полон решимости вдохнуть новые силы и энергию в ЦРУ – его инструмент в глобальной кампании активного противостояния Советскому Союзу. В отличие от картеровского периода с его сомнениями, Рейган во внешней политике опирался на бесцеремонную силу и веру в американскую исключительность, в то, что Соединенные Штаты – “последняя и лучшая надежда человечества”, как он часто заявлял. Те, кто рисковал жизнью ради Соединенных Штатов по всему миру, – моряки, солдаты, летчики и разведчики – в глазах Рейгана были окружены ореолом таинственности. Он верил в то, что за поколение до него сформулировал один из первых авиаторов, генерал Джеймс Дулиттл: ради защиты свободы от тоталитаризма можно пойти практически на все. На пост директора ЦРУ Рейган выбрал Уильяма Кейси, нью-йоркского юриста и стойкого республиканца, который служил в Управлении стратегических служб в Лондоне во время Второй мировой войны, а в правление Никсона возглавлял Комиссию по биржам и ценным бумагам. Кейси, руководивший избирательной кампанией Рейгана в 1980 году, был мешковатым, с сутулой спиной и редкими седыми волосами на лысеющей голове. Говорил он довольно невнятно, часто его речь было трудно понять. Но он твердо знал, чего именно хочет от ЦРУ. Назначение Кейси свидетельствовало о запросе на более смелые и перспективные разведывательные операции. Там, где Тернер стремился минимизировать риски, Кейси готов был азартно рисковать. И если Тернер не доверял агентам, то Кейси требовал вербовать новых и новых{208}. Кейси также разделял стойкую антипатию Рейгана к советскому коммунизму, что определяло ход его мыслей и принимаемые им решения.

Холодным утром 15 января 1981 года, за пять дней до инаугурации Рейгана, Тернер, которому предстояло покинуть пост директора ЦРУ, прибыл в Блэр-хаус – гостевой дом через дорогу от Белого дома и историческую резиденцию избранных президентов, где в это время остановился Рейган. Его встретил сам Рейган, а также новый вице-президент Джордж Буш, который был директором ЦРУ до Тернера, и

Кейси. Тернеру предстояло в последний раз сделать короткий доклад и поделиться с новым президентом самой закрытой, совершенно секретной разведывательной информацией. Они сидели в президентском кабинете, и Тернер представлял план тайных операций в Афганистане по поддержке боевиков, сопротивлявшихся советскому вторжению. Он рассказывал, как подводные лодки американского флота тайно прослушивают советские подводные кабели связи. Это были и вправду дерзкие операции. Но ценнейшим приобретением управления, сказал он Рейгану, был агент, работающий в московском военном исследовательском институте. Он не только предоставил надежную документацию по советскому потенциалу в области РЛС и авиационной электроники на текущий момент, но и передал планы разработок на десять лет вперед. Его зовут Адольф Толкачев, и его информация стоит миллиарды{209}.

Два месяца спустя, 10 марта 1981 года, старый, потрепанный болотный фургон “фольксваген” выехал, тарахтя, из посольства США в Москве. Ролф, снова загримированный, проплыл за стеклом мимо охраны. Его задание – встретиться с Толкачевым – было в этот раз особенно деликатным, потому что с собой у него был “Дискус”, устройство для обмена электронными сообщениями. Меньше всего Ролф хотел, чтобы его поймали с этим устройством и оно оказалось бы у КГБ. Поэтому он 50 минут кружил по городу, отслеживая возможное наблюдение. По радио он слышал какие-то переговоры сотрудников КГБ, но они, похоже, его не касались. Тогда он снял накладные волосы, вышел из машины и около часа шел пешком, внимательно вслушиваясь и смотря по сторонам. Никаких признаков слежки не было. В 9.05 вечера он прибыл в парк, на место встречи под кодовым названием “Анна”, и заметил Толкачева у телефонной будки. Разговаривая, они пошли бродить по парку, наугад выбирая тропинки. Встречавшиеся им люди, гулявшие с собаками или сами по себе, не обращали на них внимания{210}.

Ролф сообщил Толкачеву, что ЦРУ согласилось на предложенный им план выплат. Всё – больше у них вопросов не будет. Толкачев выглядел довольным и к этой теме не возвращался.

Толкачев сказал, что копия его библиотечного формуляра, изготовленная ЦРУ, превосходна. Он ее уже подложил. Но с пропуском

получилось хуже: корочка не того цвета, она не сработает. Кроме того, корочка и страница с фотографией изготовлены из разных материалов, которые ЦРУ не удалось точно воспроизвести, да и цвет разводов на внутренней стороне пропуска тоже.

Ролф вручил Толкачеву еще один пакет. В нем, сказал он, “электронный прибор”, то есть “Дискус”. Ролф настаивал, чтобы Толкачев был очень осторожен и прочитал все инструкции перед его использованием. “Прочитайте инструкции”, – повторил он; Толкачев ответил, что все понял. Ролф также подчеркнул, что “Дискусом” нужно пользоваться, когда появилась срочная новость, которая не может ждать до следующей встречи. Но он старался говорить это бодрым и уверенным тоном: мы хотим, чтобы вы этим пользовались – может быть, летом, когда нет регулярных встреч{211}.

Ролф не рассказал Толкачеву, что у него с Гербером были серьезные сомнения насчет полезности “Дискуса”. Одним из главных принципов в московской резидентуре было не совершать никаких оперативных действий без серьезных оснований. “Дискус” был пригоден как раз для оперативных действий, но для чего? Ценность работы Толкачева состояла в передаче тысяч скопированных им документов, а не в способности посылать короткие электронные сигналы. К тому же у ЦРУ не было возможности ни обучить Толкачева работе с устройством, ни попрактиковаться вместе с ним{212}.

Гербер и Хэтэуэй месяцами спорили по поводу “Дискуса”. Хэтэуэй упорно отстаивал прибор. Ценнейший агент ЦРУ в Варшаве, Рышард Куклинский, получил его более раннюю версию, под названием “Искра”. Несмотря на некоторые сбои, в январе 1981 года Куклинский с его помощью предупредил ЦРУ, что польские военные готовят планы на случай введения военного положения. В ответ Хэтэуэй отправил в варшавскую резидентуру поздравительную телеграмму. “Надеюсь, за этим первым опытом последует множество других”, – писал он. Потом, когда Куклинский передал еще одно сообщение, из штаб-квартиры телеграфировали в Варшаву, что шпиону “явно нравится его новая игрушка”{213}.

Хэтэуэй считал, что и Толкачеву она понравится. Эту мечту – применять новые технологии для конспиративной связи – разделяли

многие сотрудники в главном управлении. Они были в постоянном поиске областей, куда КГБ со своей слежкой еще не проник. А для конспиративной связи это означало, что приходилось опробовать в действии технологии, которые находились в стадии разработки, вроде “Дискуса”. Мотивация была в том, что самая секретная технология – та, о существовании которой не подозревают{214}.

На это Гербер отвечал, что все не так просто. В Москве за оперативниками наблюдают гораздо более плотно, чем в Варшаве. Зачем рисковать сотрудником резидентуры ради сообщения, в котором, может быть, говорится: “Привет, все в порядке”?

Несмотря на эти сомнения, резидентура выполнила требование Хэтэуэя. Теперь “Дискус” был на руках у Толкачева. Ролф также вручил ему 42 “пальчиковые” батарейки.

Толкачев в обмен передал 55 катушек 35-миллиметровой пленки, которые он отснял после предыдущей встречи. Он сказал, что к июню у него будет, наверное, только 5–10 новых кассет и что летом особых результатов ждать не стоит: в теплую погоду он не мог носить пальто, под которым прятал документы, вынося их в обеденный перерыв, а кроме того, он планировал на месяц уехать в отпуск.

Ролф знал, что многие из тех данных, которые Толкачев изначально планировал похитить для ЦРУ, он уже передал. Он шел с большим опережением собственного графика, рассчитанного на семь этапов и 12 лет{215}. Но именно теперь, когда Толкачев успел выполнить многое из намеченного, аппетиты Лэнгли стали неудержимо расти. Похоже, там хотели, чтобы Толкачев каждый раз выдавал по 50 или 100 кассет с пленкой. Ролфа раздражали эти требования, хотя он понимал, отчего это происходит. Материалы Толкачева были настолько ценны, что ЦРУ благодаря им “зарабатывало на хлеб”, то есть оправдывало свой бюджет, а заодно удовлетворяло запросы своих армейских клиентов. Поэтому, естественно, штаб-квартира была склонна перебарщивать. Они спрашивали: а может, он еще кое-что для нас посмотрит? Ролф представлял, что Толкачев в одиночку возвел Бруклинский мост, а теперь от него хотят, чтобы он построил еще и мост Золотые Ворота[229]. И все же Ролф взял с собой письмо из штаб-квартиры с 45 разнообразными вопросами о советских комплексах вооружений. Теперь он передал его

Толкачеву и попросил ответить на следующей встрече.

Толкачев сказал Ролфу, что маскировка для ампулы с ядом – ручка – вполне годится и ничего менять не нужно.

Ролф заметил, что в этот раз Толкачев был гораздо приветливее. Встретившись в парке, они даже приобняли друг друга за плечи. Толкачев был разговорчив. В семье и на работе все хорошо, сказал он. “Наверное, он начинает доверять мне”, – подумал Ролф.

Штаб-квартира предложила Ролфу избегать разговора об эвакуации. Там хотели, чтобы Толкачев оставался в Советском Союзе как можно дольше. Но Толкачева идея побега не покидала. Думая об этом, он успел нарисовать себе совершенно фантастическую картину, которой поделился теперь с Ролфом, а тот не мог поверить своим ушам. “Слушайте, – сказал Толкачев, – если у вас будет специальный самолет, чтобы забрать меня, он может сесть куда-нибудь на поле среди леса, а мы из леса быстро выбежим, сядем в самолет, и вы нас вывезете”. Какая-то химера, подумал Ролф. Мы в вооруженном до зубов Советском Союзе. Нет такого американского самолета-шпиона, который мог бы спланировать на поле и вывезти Толкачева. Но зато, думал Ролф, Толкачев с ним разговаривает и вообще стал проявлять человеческие свойства.

Ролф вытащил из сумки последний пакет – семь кассет с музыкальными записями, которые просил Толкачев. ЦРУ купило кассеты в Восточной Европе, так что отследить их было нельзя. Толкачев пришел в восторг. Они разговаривали всего 15 минут, но у Ролфа было ощущение, будто время замедлилось и они болтают целый час. Они договорились встретиться в следующий раз после летнего отпуска Толкачева, осенью. Толкачев вручил Ролфу написанную от руки оперативную записку на семи страницах.

И снова Толкачев растворился в темноте, а Ролф в образе лохматого технаря отправился обратно в посольство на пассажирском сиденье “фольксвагена”.

На следующий день Ролф составил для штаб-квартиры донесение о встрече. Он больше, чем когда-либо, чувствовал необходимость обратиться

внимание на реакцию Толкачева, на то, как у него загорелись глаза, когда он говорил о музыке, и подчеркнуть важность этого для операции. Ролф отмечал: “чрезвычайно интересно и показательно”, как меняется бесстрастная манера Толкачева, когда речь заходит об этом. “Его заинтересованность в музыке всегда объяснялась увлечениями сына, – писал Ролф. – Это, безусловно, нельзя назвать навязчивой идеей, но его беспокойство по поводу выполнения данной просьбы было чрезвычайно сильным. Возникает ощущение, что он как отец не всегда был способен обеспечить сыну все, что хотел, и теперь увидел возможность сделать что-то особенное, о чем не мог и мечтать прежде”. Если ЦРУ сможет помочь Толкачеву с этим, продолжал Ролф, вероятно, “наши акции в его глазах заметно поднимутся”. Толкачев был так воодушевлен, что попросил у ЦРУ “английские тексты всех песен, записанных на кассетах”. Ролф отметил, что “просьба несколько необычная и, безусловно, эксцентричная”, но Толкачев попросил об этом “со всей серьезностью” и выполнение этой просьбы почти не связано с дополнительными рисками^{216}.

В своей оперативной записке Толкачев извинялся, что не смог достать новые печатные платы и электронные детали РЛС: у него не было к ним доступа, а если бы был, риск был слишком велик.

Ролф, как прежде Гилшер, считал своим долгом объяснять штаб-квартире, что за человек Толкачев, и выступать его адвокатом. Получая нескончаемую череду запросов от главного управления, Ролф хотел донести до начальства, что Толкачев – не робот с фотоаппаратом *Pentax*. Он – человек, который ощущает свое одиночество, которому часто нужно выпустить пар и чувствовать, что ему воздают должное. 2 апреля 1981 года Ролф отправил в штаб-квартиру пространное объяснение. Он писал, что “при обсуждении с Толкачевым его личных запросов были явственно слышны ноты разочарованности и уныния”. В представлении Толкачева, пояснял Ролф, раз ЦРУ доверяет ему сложную технику вроде мини-фотоаппаратов *Tropel* и “Дискуса”, то следует “доверять и его чувству ответственности в том, что касается важных для него вопросов, то есть его личных просьб”. Такими просьбами, в частности, являются кассеты с музыкой и пара западных стереонаушников, о которых Толкачев упоминал в своей оперативной записке. Наушники и кассеты не привлекают к себе особенного внимания – они встречаются в московских квартирах. “Мы все

больше приходим к выводу, что, помимо мотива “достать систему”, “Сферой” движут определенные материальные интересы, в частности желание порадовать сына тем, что доступно немногим”, – писал Ролф{217}.

Коротко говоря, он писал: не устраивайте возню из-за пары наушников для шпиона, который принес вам миллиарды.

В июне 1981 года из Лэнгли, где всегда мечтали, что технологии дадут ЦРУ дополнительное преимущество перед КГБ, отправилось в московскую резидентуру совершенно новое устройство связи. Предположительно, оно было даже лучше “Дискуса” и должно было наконец обеспечить ЦРУ незаметную и надежную связь для обмена сообщениями с агентами. Эта система соединяла напрямую наземный передатчик с американским спутником. “Дискус” работал исключительно на земле, на расстоянии нескольких сотен метров, передавая сигнал от человека к человеку. Новое устройство, при всей своей пока недоработанности, могло отправлять сообщение прямо на спутник, откуда оно попадало в Соединенные Штаты. Для этого использовалась система спутников *Marisat*, запущенных в 1976 году для связи морских судов с берегом. Штаб-квартира предлагала московской резидентуре передать Толкачеву новейшее устройство.

Предложение поступило в тот момент, когда появились новые донесения о возможном советском вторжении в Польшу. В ЦРУ были очень встревожены тем, что кризис в Польше может привести к разрыву советско-американских отношений и, возможно, к срочному закрытию московской резидентуры. Как они тогда будут поддерживать контакт с Толкачевым? В штаб-квартире настаивали, чтобы резидентура думала наперед и подготовилась к такому развитию. Гербер был уверен, что до разрыва отношений дело не дойдет, но не мог игнорировать настойчивые послания из Лэнгли.

Гербер глубоко сомневался в пользе нового устройства, как прежде сомневался в “Дискусе”. Вся операция вокруг Толкачева “выстраивается на долгую перспективу”, настаивал он в телеграмме Хэтэуэю. Уже существует график встреч на следующие 15 месяцев, и этого более чем достаточно, даже учитывая рост напряженности или плотность наблюдения. Толкачев предоставляет информацию, имеющую “долгосрочное значение для нашего

правительства, это не оперативные разведданные”. Гербер твердо заявлял: “Хотя мы не можем прогнозировать, что способность резидентуры функционировать здесь не будет прервана более чем на год, мы не видим ничего, указывающего на то, что вторжение в Польшу приведет к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом”{218}.

Внутри Гербер кипел. У него были хорошие личные контакты в Москве, он разговаривал с польским дипломатом. Он был уверен, что СССР не станет вторгаться в Польшу. Но штаб-квартира заставляла его сделать хоть что-то. Поэтому 24 июня в резидентуре были составлены план действий в чрезвычайной ситуации и письмо для Толкачева, которое в этом случае следовало ему передать. Предполагалось снабдить его также новым устройством связи.

Два дня спустя штаб-квартира предложила серьезные изменения. Новое устройство вызывало там такой энтузиазм, что Толкачеву было рекомендовано вернуть “Дискус” и использовать спутниковую связь для всех коммуникаций в промежутке между личными встречами, “невзирая на то, останется ли резидентура в Москве или закроется”.

Вообще-то, Толкачев за все время ни разу “Дискусом” не воспользовался. И даже никогда не сигнализировал о таком намерении{219}. Гербер и Ролф тут же отправили в штаб-квартиру энергичный протест. Они повторили, что не считают высылку резидентуры вероятным событием. И у них есть “серьезные сомнения” по поводу использования нового спутникового устройства для всех коммуникаций; начать хотя бы с того, что еще ни одного успешного испытания в Москве не было. Две попытки провалились. Кроме того, указывали они, не так просто забрать “Дискус” назад. Они не могут просто взять и позвонить Толкачеву домой и попросить его принести устройство на встречу! Гербер и Ролф испытывали раздражение. Они писали, что Толкачев так поступает, вероятно, потому, что точно следует их инструкции – использовать “Дискус” только в чрезвычайных обстоятельствах. Толкачев – “разумный и изобретательный человек, который способен оценить риск, проистекающий из частых контактов и излишней операционной активности”, – писали они. Он проявляет осторожность. Вскоре, впрочем, энтузиазм по поводу нового устройства увял так же внезапно, как возник: система не прошла и следующие испытания. Из резидентуры сообщили в главное управление, что они “с меньшим оптимизмом” смотрят на пригодность устройства для

Толкачева. Надо думать, что не в последнюю очередь потому, что оно, похоже, вообще не работало{220}.

Когда в штаб-квартире проявили 55 катушек пленки, которые Толкачев отдал Ролфу в парке, 6 из них оказались пустыми. Возможно, возник какой-то сбой. Ролф не хотел беспокоить этим Толкачева, но наметил на следующей встрече выдать ему новый фотоаппарат *Pentax* {221}. На остальных кассетах ЦРУ обнаружило абсолютно новые, драгоценные сведения, сокровища из советских тайников. На 7 из них описывалась совершенно секретная ракета класса “земля – воздух” под кодовым названием “Штора”, которая “не могла быть обнаружена самолетом-мишенью” благодаря “передовой и сложной защите от помех и надежным эксплуатационным процедурам”. На других пленках были документы по компьютерной логике для систем радиолокации. Так ЦРУ получило доступ к секретным техническим отчетам, составленным в институте Толкачева в 1978, 1979 и 1980 годах, что позволило американцам правильно оценивать состояние советских высокотехнологичных военных разработок{222}.

Шпион, принесший миллиарды, снова продемонстрировал, на что способен.

Штаб-квартира ЦРУ направила в московскую резидентуру пару немецких стереонаушников, каталоги стереосистем и альбомы групп Элиса Купера, *Nazareth* и *Uriah Heep*.

Глава 13

Тени прошлого

Родные и друзья называли его Адик. У него были серые глаза, широкий лоб и густые каштановые волосы, а переносица искривлена из-за несчастного случая во время игры в хоккей в детстве. Ростом он был примерно метр шестьдесят семь. Тем, кто его знал, Толкачев казался тихим парнем. Он любил ковыряться в электронике, с удовольствием что-то мастерил, работал паяльником и рубанком, мог починить радио или склотить раму для парника. При этом он был очень замкнутым человеком – настолько, что никогда не рассказывал сыну о своей работе и не приводил его в институт.

Но изнутри его грызло беспокойство. Его преследовали мысли о страданиях его семьи в мрачный период советской истории, и он хотел мести^{223}.

В 1981 году Толкачеву было пятьдесят четыре года. Он страдал гипертонией и старался заниматься своим здоровьем: весной, летом и осенью бегал, а зимой ходил на лыжах. Выпивал он редко. Согласно его письмам, составленным для ЦРУ, вставал он обычно до рассвета, особенно во время долгой зимы. Каждый второй рабочий день он выбирался из кровати в пять утра и выходил на уличную пробежку, если на улице не было дождя или сильного мороза. Обычно он спускался на главном лифте на первый этаж и распахивал тяжелую дверь, выходящую на сквер на площади Восстания, в чьем названии были увековечены бунты против русского царя и Октябрьская революция. День за днем он бегал по одному и тому же маршруту: сперва через сквер к Садовому кольцу, потом направо, в сторону посольства США, мимо милицейских будок у посольства, затем еще раз направо, по переулку и мимо того места, где три года назад у стен маленького православного храма он вручил письмо Хэтэуэю^{224}. Толкачев хорошо знал эти улицы – он без усталости ходил и пробегал по ним несколько лет в поисках автомобилей с номерами, принадлежавшими американскому посольству, надеясь просунуть записку в приоткрытое окно.

В письме ЦРУ Толкачев описал себя как “жаворонка”. “Вы, вероятно, знаете, – писал он, – что людей иногда делят на два типа личности: “жаворонки” и “совы”. У первых нет проблем с тем, чтобы встать утром, но с наступлением вечера их клонит в сон. У вторых все наоборот. Я принадлежу к “жаворонкам”, моя жена и сын – к “совам”.

После пробежки, писал Толкачев, он обычно будил жену и сына и готовил им завтрак. Наташа, полная женщина, работавшая в отделе антенн того же института, часто уходила на работу раньше Толкачева, чтобы успеть на автобус. Толкачев же любил идти до работы пешком, через проходные дворы.

Их сын быстро рос и был уже на двенадцать сантиметров выше отца. Олег не был бунтующим подростком, его интересы лежали скорее в той же области, что и у матери: искусство, культура, музыка и дизайн, – в отличие от отца, который увлекался электроникой и инженерным делом. Олег ходил в спецшколу с углубленным изучением английского. Он уже читал Киплинга и Азимова и запоем слушал западную рок-музыку. Адику нравилась музыка сына, хотя английские тексты он понимал совсем плохо. Сам он любил джаз, который в советские времена считался подозрительной музыкой.

Адик пытался преодолевать поколенческий барьер между собой и сыном. Зимой они вместе бегали на лыжах, а летом семья часто ходила в турпоходы по стране. Как-то раз они отправились на Балтийское море, на следующий год – на озеро Валдай. Толкачев не мог получить разрешения на поездки за границу, потому что у него был допуск к секретным сведениям. “Я всегда езжу с женой и сыном, – рассказывал Толкачев ЦРУ о том, как проводит отпуск. – Мы обычно останавливаемся где-нибудь в лесу у реки или озера “дикарями”, то есть живем в палатке, готовим на костре и т. д. В этом году мы тоже планируем турпоход с палаткой и рюкзаками”. Он писал: “Я считаю, что привязан к семье так же, как это вообще свойственно людям”.

Высотка, где жил Толкачев, была внушительным зданием: 24-этажная главная башня со шпилем и два 18-этажных крыла по бокам от нее. В свое время в доме жили Михаил Громов, поставивший мировой рекорд при перелете через Северный полюс, Георгий Лобов, заслуженный летчик-истребитель, воевавший во Второй мировой и корейской войнах, а

также ас Сергей Анохин, заслуживший известность новаторскими авиаиспытаниями – так, при пикировании на МиГ-15 он достиг сверхзвуковой скорости. Там же жили генеральный конструктор советских ракетных двигателей Валентин Глушко и Василий Мишин, руководивший советской программой (в конечном итоге провальной) создания ракет для полетов к Луне. Это была элита советской авиации и ракетной отрасли^{225}. Но Толкачев был одиночкой. Когда-то он общался с сотрудниками в своей лаборатории, но теперь, как он рассказывал ЦРУ, “вероятно, из-за возраста все эти дружеские разговоры начали меня утомлять, и я практически прекратил общение”. Он писал: “За последние десять-пятнадцать лет число моих личных друзей резко сократилось. Они никуда не делись... но мои контакты с ними стали совсем редкими и случайными”.

Толкачев жил в довольно комфортабельной двухкомнатной квартире с маленькой кухней, ванной и туалетом. Над входом в кухню находилась дверца антресолей. На этих антресолях длиной четыре метра и шириной немногим менее метра Толкачев хранил палатку, спальные мешки и свои стройматериалы, а также шпионское оборудование, полученное от ЦРУ. Его жена была ниже ростом и менее подвижна и наверх не залезала, у сына не было в этом нужды. Там же на антресолях Толкачев хранил свои инструменты: амперметр для измерения силы тока, паяльник и провода, а также дрель, рубанок и пилу для работ по дереву. В квартире было еще три кладовки, их он построил сам.

Адик женился в тридцать лет, довольно поздно для молодого мужчины его поколения в Советском Союзе. Жене его было тогда двадцать два. Толкачев писал в ЦРУ: “Я, очевидно, принадлежу к однолюбам”^{226}.

Адик и Наташа жили и работали в закрытом мире советского военно-промышленного комплекса – разветвленной сети министерств, институтов, заводов и испытательных полигонов. У Толкачева был доступ к государственным тайнам наивысшего уровня. Поведение их обоих на людях было обусловлено желанием выжить в советской партийно-государственной системе, что требовало конформизма. Днем они играли по этим правилам. Вечером, оставаясь одни, они испытывали совсем другие чувства. Их мировоззрение сформировалось под влиянием трагических событий – утрат в Наташином детстве, во времена сталинских репрессий 1937 года. Эти утраты стали толчком, побудившим Адика стать шпионом.

Отец Наташи, Иван Кузьмин, работал главным редактором газеты “Легкая индустрия”. В номере, вышедшем 1 января 1937 года, он поместил на первой странице крупную фотографию, демонстрирующую безмятежную радость, – в принципе, подобная фотография могла быть снята в любой семье, включая его собственную: сияющая мать высоко поднимала младенца, который широко улыбался и держал куклу. На заднем плане была видна новогодняя елка.

Фотография излучала уверенность в завтрашнем дне, но она была постановочной, и веселье на ней выглядело ненатурально. А вытянутая рука ребенка указывала путь в будущее подобно руке Ленина. Снимок сопровождался витиеватым комментарием, в котором утверждалось, что Советский Союз “направляют жизнеутверждающая сила социализма, большевистская партия и сталинский гений”^{227}. Газета являлась ежедневным отраслевым изданием, публиковавшим в большом количестве статьи рабочих и директоров заводов, иногда партийных чиновников. В основном это были просто письма рабочих корреспондентов, рабкоров, – короткие заметки об их текстильных фабриках и заводах, рационализаторские предложения о повышении производительности труда и использовании технологий и оборудования. На первую полосу часто помещали большую фотографию молодой ткачихи и историю ее успеха: как она начала свою карьеру на фабрике, приобрела опыт и навыки и в один прекрасный день предложила и внедрила метод, который колоссальным образом повысил производительность труда. Бесхитростные соображения рабочих перемешивались в газете с партийными наставлениями. Советская централизованная экономика тогда вошла в фазу форсированной индустриализации. Один из заголовков гласил: “Добьемся решительного прорыва в выполнении плана!” Когда высокопоставленный партийный функционер или министр выступал с речью, газета часто печатала на первой полосе ее стенограмму. На второй странице ежедневно публиковались таблицы с производственной статистикой: сколько и где было произведено хлопка, льна, пеньки, джута, шерсти, шелка, кожи и других материалов. Третья страница почти целиком отводилась под идеи и предложения рабочих о том, как увеличить производительность труда, и газета старалась охватить все возможные аспекты, связанные с легкой промышленностью.

Кузьмин – ему было тогда тридцать шесть – никогда не публиковал статей за своей подписью. Он, скорее, выступал модератором

альтернативных точек зрения, отбирал заметки рабкоров и, возможно, сочинял неподписанные передовицы. Он был членом партии и занимал пост главного редактора четыре года. Газета была основана в 1932 году как орган текстильщиков, в котором публиковались статьи и письма самых разных людей: ткачей, инженеров и директоров заводов. Но прежде всего она была партийным рупором.

В январе 1937 года читатели не могли не заметить, что тучи сгущаются. На первой полосе газеты в подробностях освещался второй из трех московских показательных процессов. Сталин жестоко расправлялся со своими соперниками поодиночке. Это были предвестники грядущего “Большого террора”. На первом процессе в августе 1936 года шестнадцать подсудимых, в том числе большевики Лев Каменев и Григорий Зиновьев, были обвинены в измене родине и сговоре со Львом Троцким, еще одним изгнанным из страны соперником Сталина. Всех подсудимых приговорили к смерти и расстреляли. По второму процессу шли семнадцать партийцев, которые были объявлены заговорщиками более мелкого разряда, тринадцать из них казнили, остальных отправили в лагерь. Газета Кузьмина публиковала все материалы второго процесса, в том числе полные стенограммы допросов и отклики читателей. “Уничтожить злодеев!” – призывал один из них. “Расстрелять фашистских наймитов, позорных предателей! Это единодушное требование рабочих людей СССР!” – заявлял другой. 30 января, в день объявления приговора, газета опубликовала его текст. 1 февраля в газете сообщалось, что советские рабочие “с глубоким удовлетворением приветствовали приговор банде Троцкого”^{228}.

В действительности все было совсем иначе. “Ночью – страх, а днем – бесконечное притворство, лихорадочные усилия доказать свою преданность Системе Лжи. Таково было “нормальное” состояние советского гражданина”, – писал историк Роберт Конквест^{229}. “Террор 1936–1938 годов был почти исключительно ударом властей по собственному населению, и практически все обвинения против миллионов жертв были фальсифицированы. Сталин лично отдавал приказы, вдохновлял и организовывал эту операцию”^{230}.

С лета 1937 года началась чистка московской административной и партийной элиты. “Партийные и правительственные учреждения окутала атмосфера ужаса, – писал Конквест. – Народных комиссаров арестовывали по дороге на работу по утрам. Каждый день исчезал кто-нибудь еще из

членов ЦК, или заместителей наркомов, или других крупных сотрудников”{231}.

После того как чистки прошли в партийной элите, летом и осенью 1937 года круги начали расширяться: прокатывались все новые волны подозрительности, доносов, арестов и казней. Одной из крупнейших стала кампания против кулаков – состоятельных крестьян, которых согнали с их земли во время катастрофической насильственной сталинской коллективизации. Более 1,8 миллиона кулаков отправили в лагеря. Теперь, когда заканчивался стандартный восьмилетний срок их заключения, Сталин боялся массового возвращения домой этих рассерженных и ожесточенных людей. Роковым стал секретный приказ НКВД № 00447 в июле 1937 года, определивший характер проведения массовых репрессий в следующие два года. Документ устанавливал квоты на аресты – тысяч за раз – людей определенных категорий, а именно “кулаков, преступников и других антисоветских элементов”. Категории эти были настолько широки, что к ним можно было причислить кого угодно. Арестовывали и казнили за малейшую оплошность, так что люди стали чрезвычайно осмотрительны в публичных высказываниях. Одно неосторожное слово могло стать поводом для доноса и ареста по совершенно надуманному обвинению. Десятки тысяч людей самых разных профессий без всяких причин были внезапно вырваны из жизни{232}. НКВД, предшественник КГБ, делил всех считавшихся “врагами народа” на две категории: одних расстреливали, других отправляли в лагеря на десять лет. Это была крупнейшая массовая операция того периода, на которую пришлось половина всех арестов и более половины казненных – 376 202 человека – в течение двух лет{233}. Увольнениям, арестам и расстрелам подвергся и правящий класс. В 1937 году были сняты с постов и арестованы министры (тогда они назывались наркомы – народными комиссарами) внешней торговли, внутренней торговли, тяжелой промышленности, просвещения, юстиции, водного транспорта и легкой промышленности{234}. В разгар этого безумия любого, кто бывал за границей или знал кого-то, кто живет за границей, могли счесть врагом народа. Доносы часто писались в запале или со злым умыслом и могли привести к скорой гибели человека. “Нынче и с женой-то свободно поговоришь разве что ночью, под одеялом”, – говорил писатель Исаак Бабель, который сам был арестован весной 1939 года. Его обвинили в антисоветской деятельности и шпионаже и в 1940 году расстреляли{235}.

В 1937 году Иван Кузьмин, редактор газеты, и его жена Софья

Ефимовна Бамдас жили в доме 14 по Старопименовскому переулку, в самом центре Москвы. Их квартира была в полчаса ходьбы от Кремля. Софья была членом партии и работала начальником сектора сводного планирования в Наркомате лесной промышленности СССР. Она родилась в 1903 году в состоятельной еврейской семье в Кременчуге – городе на Днепре, когда-то находившемся в черте оседлости^{236}. Город поставлял на экспорт древесину и зерно. Отец Софьи Ефим перебрался в Европу и стал преуспевающим бизнесменом в Дании. Две его дочери, Софья и Эсфирь, жили в Москве.

В 1937 году Софья поехала к отцу в гости, и это стало началом конца. Он был капиталистом и иностранцем – более чем достаточно, чтобы вызвать подозрения. 17 сентября сотрудники НКВД пришли в квартиру № 35 и арестовали 34-летнюю Софью. Ее обвинили в принадлежности к диверсионно-террористической троцкистской организации, созданной в Наркомате лесной промышленности^{237}.

Когда ее забрали и дверь за ней закрылась, в квартире оставалась дочь Софьи, ее единственный ребенок. Ей было два года.

Шесть дней спустя сотрудники НКВД пришли за Иваном, который отказался оговорить Софью. Дома его не застали, нашли на квартире у друга. Его отвезли в печально известную Бутырскую тюрьму и обвинили в участии в антисоветской террористической организации^{238}.

Софья и Иван больше никогда не увиделись. Ее поездка к отцу в Данию стала поводом для доноса. Кто его написал и что там говорилось – неизвестно. Но вероятно, того, что ее отец был “капиталистом” и жил за границей, было достаточно. Суд над Софьей состоялся 10 декабря 1937 года, ее обвинили в диверсионной деятельности и в тот же день расстреляли. Приговоры приводили в исполнение обычно по ночам.

В вакханалии террора ежедневно приговаривали и расстреливали огромное число людей, до нескольких сотен в день. По данным Конквеста, 12 декабря 1937 года, через два дня после казни Софьи, Сталин и председатель Совета народных комиссаров Вячеслав Молотов одобрили 3167 смертных приговоров – и отправились смотреть кино. Но не все расстрелы требовали одобрения на столь высоком уровне. Так, за один октябрьский день нарком Николай Ежов и член комиссии НКВД вынесли

решения по 551 делу и приговорили всех к расстрелу{239}.

Ивана арестовали за “участие в антисоветской террористической организации” и осудили за “саботаж” и отказ донести на других. Он упрямо отказывался дать показания на кого-либо еще и признать свою вину. В марте 1939 года его приговорили к десяти годам лагерей, с зачетом почти двух лет, проведенных в тюрьме. Его, крестьянского сына, отправили в лагерь – на угольные шахты в Воркуту, в 1900 километрах от Москвы и в 150 километрах от Северного полярного круга. И без права переписки.

Их маленькую дочь забрали в детприемник. В те годы врагами народа объявили такое множество людей, что детские дома были переполнены{240}. Девочке повезло в одном отношении: ее родители держали няню, по имени Дуня. Из сострадания, а может быть, от ужаса Дуня ездила за маленькой девочкой из учреждения в учреждение в течение многих лет после ареста и казни ее матери{241}.

В 1947 году Ивана выпустили из лагеря, но в Москву он не стал возвращаться. Опасаясь нового ареста, он переезжал из города в город. Лишь после смерти Сталина в 1953 году он счел безопасным вернуться домой и смог воссоединиться с дочерью, которой было уже восемнадцать лет. Они прожили вместе меньше трех лет. 23 марта 1955 года Ивана Кузьмина реабилитировали за “недоказанностью обвинений”. Но прожил он после этого недолго – умер от заболевания головного мозга в Москве 10 декабря 1956 года{242}.

Дочь Софьи и Ивана, оставшаяся без родителей из-за сталинского террора, вышла замуж за Адольфа Толкачева через год после смерти отца. Наталья Ивановна Кузьмина не переставала терзаться из-за участи своих родителей. И хотя ей удавалось избегать опасных ситуаций, те, кто работал с ней, знали о ее чувствах. Она читала запрещенных Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Когда в 1962 году в литературном журнале “Новый мир” была опубликована повесть Александра Солженицына “Один день Ивана Денисовича”, она первой в семье жадно проглотила ее. Позже, когда хранить неопубликованные сочинения Солженицына стало опасно, она не боялась давать знакомым читать самиздатовские экземпляры. В 1968 году, после вторжения СССР в Чехословакию, в советских учреждениях спешно составлялись обращения в поддержку этого решения. Она единственная в своем отделе проголосовала “против”. Она, по словам начальника, “была не

способна к лицемерию”{243}.

Лишения и мытарства Натальи, ее враждебное отношение к советскому государству стали для Толкачева своими.

Адику было четырнадцать, когда ночью 21 июля 1941 года немецкие бомбардировщики совершили первый налет на Москву. Тогда столица могла вспыхнуть, как спичка, – большинство строений были деревянными. Немецкие самолеты сбросили 104 тонны взрывчатых веществ и 46 тысяч зажигательных бомб. Погибли 130 человек. Это была первая из бомбардировок, которые продолжались до следующего апреля. Советскую столицу защищали более 600 прожекторов и 800 зенитных орудий – но радары были примитивными{244}.

Бомбардировки показали, как отчаянно Советский Союз нуждается в улучшении своих РЛС, и новая технология радаров стала главным направлением карьеры молодого Толкачева.

Адольф Георгиевич Толкачев родился 6 января 1927 года в Казахской ССР (ныне Казахстан). Когда ему было два года, семья переехала в Москву. О его родителях и брате, который после школы работал электромехаником на железной дороге, мало что известно. Адик пошел в профтехучилище, где изучал электронику, и закончил его в 1948 году. Потом он поступил в Харьковский политехнический институт на радиотехнический факультет, где изучал в основном радары, и закончил учебу в 1954 году. В те годы студенты не могли выбирать, где им предстоит работать. В плановой экономике их распределяли на рабочие места{245}.

Толкачева распределили в военное исследовательское учреждение – Научно-исследовательский институт радиостроения, сокращенно НИИР. Потом оно получило еще одно название: научно-производственное объединение “Фазотрон”. Институт состоял из двух-трех десятков строений, скученных на четырех гектарах земли недалеко от Белорусского вокзала, в трех километрах от Кремля. Вдоль восточной стороны комплекса, выходящей в Электрический переулок, стоял длинный ряд старых кирпичных зданий с барочными завитушками на фасадах – обычный декор в русской архитектуре конца 1880-х. Именно в этих зданиях

в 1917 году был размещен институт, в чьи задачи входило конструировать авиационные приборы, в том числе – простой и надежный прибор для измерения скорости ветра. Впоследствии предприятие, получившее название “Авиаприбор”, выпускало часы, тепловые измерительные приборы и граммофоны, а потом – радары{246}. В январе 1942 года, когда немецкие самолеты все еще сбрасывали бомбы на Москву, здания в Электрическом переулке получили новое название: завод № 339. Это была первая фабрика по выпуску радаров в Советском Союзе. В 1950-е годы завод занялся разработкой военных РЛС, которые постоянно усложнялись и из простых устройств слежения превратились в комплексные авиационные и оружейные системы наведения.

Это было единственное место работы Толкачева на протяжении всей его жизни. Радары для советских военных самолетов, выпускаемые “Фазотроном”, назывались “Орел”, “Смерч”, “Сапфир”. Как и во многих других технологических областях, здесь Советскому Союзу трудно было угнаться за Западом. В начале 1970-х бортовые советские РЛС не были способны различать низколетящие объекты, то есть могли не заметить прижимающийся к земле бомбардировщик или крылатую ракету. Эта уязвимость стала серьезным конструкторским вызовом для “Фазотрона”: от инженеров потребовали построить радары, способные “смотреть вниз” с высоты и распознавать низколетящие объекты на фоне земли. Соединенные Штаты планировали использовать низколетящие бомбардировщики глубокого проникновения для нападения на Советский Союз в случае войны{247}.

Вначале “Фазотрон” изготовил бортовую РЛС, названную РП-23, или “Сапфир-23”, которая обеспечивала ограниченное обнаружение целей в нижней полусфере для истребителей МиГ. Потом институту поручили разработать более сложную модель для установки на МиГ-31 – проектируемый сверхзвуковой перехватчик. Но задача оказалась слишком трудной для института Толкачева. По некоторым данным, институт много чего обещал, но не все из обещанного смог выполнить. Несмотря на громадный опыт, “Фазотрон” был не в состоянии решить проблему отслеживания и уничтожения низколетящего объекта на фоне земной поверхности, так же как и отслеживания одновременно нескольких целей. В 1971 году “Фазотрон” был вынужден передать разработку в конкурирующий НИИ приборостроения (НИИП). После нескольких лет работы НИИП и несколько других институтов решили бомльшую часть

проблем с новым радаром, получившим название “Заслон”. Он весил полтонны, был вдвое больше, чем крупнейшая бортовая РЛС в США, но все-таки работал – и на нем был установлен первый в истории советский бортовой компьютер. В 1976 году прошли первые испытания “Заслона” в воздухе, а к 1978 году он был способен отслеживать сразу десять целей. Первые самолеты МиГ-31 с радаром “Заслон” стали вводить в эксплуатацию в советских силах ПВО осенью 1981 года^{248}.

К этому моменту Толкачев уже передал ЦРУ сотни страниц с чертежами и спецификациями РЛС “Сапфир-23” и пять печатных плат. Он также передал проекты и чертежи “Заслона”.

Трагическую историю семьи Кузьминых Наташа – а позже Адик – узнала от отца в последние годы его жизни. Иван рассказал дочери все, ничего не приукрашивая и не смягчая: об ужасе арестов, неумолимости приговоров, внезапном разорении их дома. Она узнала, что Иван пострадал из-за отказа доносить на свою жену Софью.

В 1957 году, через год после смерти Ивана, когда Адик и Наташа поженились, угрозы массового террора уже не было. Но воспоминания о репрессиях были еще слишком остры, и их действительный масштаб еще предстояло осознать. Хрущев выступил с речью о сталинских злоупотреблениях властью 25 февраля 1956 года на XX съезде партии. Он обвинил Сталина в противоправных арестах и казнях членов партии во время чисток, в неподготовленности страны к гитлеровскому нападению на Советский Союз и в других провалах, однако не упомянул ни массовые репрессии, ни насильственную коллективизацию и организованный голод, за которые сам отчасти нес ответственность. Тем не менее Хрущев сделал первый шаг: он осудил “культ личности”, позволивший Сталину захватить такую неограниченную власть. С этой речи начался период либерализации, известный как “оттепель” – от названия повести Ильи Эренбурга 1954 года. Покончив с многолетним вынужденным подчинением диктату соцреализма, некоторые свободомыслящие писатели и художники осмелились раздвигать рамки дозволенного, и родилась надежда, что после “Большого террора” и военных утрат страна станет другой. Запуск спутника в октябре 1957 года также дал повод для оптимизма, особенно среди молодежи. Историк и правозащитница Людмила Алексеева

вспоминала, что в годы, следовавшие за речью Хрущева, “юноши и девушки перестали испытывать страх перед тем, чтобы делиться друг с другом мыслями, знаниями, надеждами, сомнениями. По вечерам мы собирались в тесных комнатах, читали стихи и неподцензурную литературу, рассказывали об известных нам событиях, и все это вместе складывалось в реальную картину того, что происходит в стране. Это было время нашего пробуждения”. Эти настроения, несомненно, коснулись и Адика с Наташей{249}.

Толкачев рассказывал ЦРУ, что в его молодости политика играла “значительную роль”, но потом он потерял к ней интерес, а позже стал относиться с презрением, как к “беспросветной лицемерной демагогии” советского партийного государства. Он не обсуждал ни с кем эту перемену, но в середине 1960-х, когда оттепель закончилась и Хрущева сместили, Толкачев, похоже, задумался над тем, как дать выход своему недовольству.

В мае 1965 года родился его сын Олег. Толкачев говорил, что тогда не стал предпринимать никаких действий, потому что не хотел подвергать опасности семью. “Я ждал, когда мой сын вырастет”, – писал он в ЦРУ о своем решении затаиться. По его словам, он сознавал: “В случае провала моя семья может серьезно пострадать”.

В течение нескольких лет, до середины 1970-х, Толкачева вдохновляли фигуры Андрея Сахарова и Александра Солженицына – людей совести, которые в одиночку вели титаническую борьбу с советским тоталитаризмом. У Сахарова, как и у Толкачева, был допуск к государственной тайне, но у него хватило мужества выступить с открытым протестом. Толкачев не знал Сахарова лично, но знал, за что он борется.

В начале 1968 года Андрей Сахаров работал один допоздна в своем двухэтажном доме с остроконечной крышей среди густой зелени Арзамаса-16 – колыбели ядерного оружия, поселка ученых, расположенного в городе Сарове, в 370 километрах к востоку от Москвы (по прямой). Сахаров, один из создателей советской водородной бомбы и выдающийся представитель научного сообщества, ставший академиком в тридцать с небольшим лет, испытывал глубокие сомнения по поводу этических и экологических аспектов своей работы. Он помог убедить

Хрущева подписать с США в 1963 году договор о запрещении испытаний ядерного оружия. Теперь совесть побуждала его к действиям, далеко выходящим за пределы закрытого мира Арзамаса-16, где он столь успешно работал и был признан как блестящий физик.

Каждый вечер, с семи часов до полуночи, Сахаров, сидя в одиночестве в своем доме, окруженном деревьями, работал над трактатом о будущем человечества. Это было его первое открытое выступление против советской системы. Трактат, законченный в апреле, назывался “Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”. Сахаров мыслил широко, предупреждая, что планета столкнулась с угрозами термоядерной войны, голода, экологической катастрофы и диктатуры, но также выдвигал идеалистические и утопические идеи о спасении мира. Он предполагал, что социализм и капитализм будут сосуществовать – в трактате он называл это “сближением” – и что супердержавы оставят попытки уничтожить друг друга. Он открыто писал о преступлениях Сталина и призывал к полной десталинизации страны, к запрету цензуры, освобождению политических заключенных, к свободе слова и демократизации. Текст был ошеломительным, провидческим и взрывоопасным. Сахаров переписал и отредактировал текст, а затем в какой-то момент показал его Юлию Харитону, научному руководителю режимной лаборатории и одному из руководителей советской ядерно-оружейной программы. Они ехали тогда вдвоем в личном вагоне Харитона. “Ну, как?” – спросил Сахаров Харитона. “Ужасно”, – ответил тот. “Форма ужасная?” – спросил Сахаров. Харитон усмехнулся: “О форме я и не говорю. Ужасно содержание”. Но Сахаров уже начал давать читать свою рукопись, отпечатанную под копирку, и сообщил Харитону, что ее содержание полностью соответствует его убеждениям и что “изъять” брошюру он уже не может. В июле его манифест был опубликован за границей, сначала в голландской газете, а затем, 22 июля, в *New York Times*. Брошюра также получила широкое распространение в самиздате – она передавалась из рук в руки в самом Советском Союзе. Затем Сахарова отстранили от работы в лаборатории, фактически уволили{250}.

Всего несколько недель спустя, 20–21 августа 1968 года, советские танки и войска стран Варшавского договора подавили реформаторское движение в Чехословакии, известное как Пражская весна. Сахаров с энтузиазмом относился к этому демократическому эксперименту, но советское вмешательство разбило вдребезги его оптимистические

упования. “Надежды, внушенные Пражской весной, рухнули”, – говорил он. Ожидания многих на либерализацию в Советском Союзе не оправдались. Оттепель закончилась.

Среди тех, кто читал в самиздате “Размышления” Сахарова, был и Солженицын, в чьих ярких, пронзительных произведениях описаны темные стороны советского тоталитаризма. Его повесть “Один день Ивана Денисовича”, о жизни человека в лагере, была опубликована во время оттепели, но более поздние сочинения “Раковый корпус” и “В круге первом” были запрещены, и автор становился все более неудобной фигурой для властей. Через неделю после подавления Пражской весны Солженицын и Сахаров впервые встретились. Сахаров вышел из советского истеблишмента, Солженицын никогда не входил в него; ученый в костюме и галстук и писатель в поношенной простой одежде. Они сидели у общего друга, в комнате с зашторенными окнами, чтобы избежать слежки КГБ. На Солженицына Сахаров произвел “обаятельное впечатление” – “высокий рост, совершенная открытость, светлая, мягкая улыбка, светлый взгляд, тепло-гортанный голос и значительное грассирование”. Сахарову Солженицын тоже запомнился: “С живыми голубыми глазами и рыжеватой бородой, темпераментной речью (почти скороговоркой) не обычно высокого тембра голоса, контрастировавшей с рассчитанными, точными движениями, – он казался живым комком сконцентрированной и целеустремленной энергии”. Оба они, каждый по-своему блестящий, стали для Толкачева вдохновляющими примерами{251}.

В начале 1970-х правозащитная деятельность вышла для Сахарова на первый план. Он изучал отдельные случаи незаконного преследования и вместе с двумя молодыми физиками создал Комитет прав человека. Он начал расширять личные контакты с людьми с Запада, что привело в бешенство советских чиновников, прежде обращавшихся с Сахаровым сдержанно{252}. В июне 1973 года Сахаров дал интервью Олле Стенхолму, корреспонденту скандинавского радио и телевидения. Его соображения были опубликованы 4 июля в шведской газете. Сахаров уничтожающе критиковал советское государство за его монополию на власть – политическую, экономическую, идеологическую – и особенно за “отсутствие свободы”. Интервью попало на первые полосы газет по всему миру. Партийное государство решило не церемониться. Против Сахарова была открыта затяжная и отвратительная пропагандистская кампания. Сорок академиков подписали письмо, в котором осуждалась деятельность

Сахарова, “порочащая честь и достоинство советского ученого”. Солженицын, которому присудили Нобелевскую премию по литературе, но который не имел возможности получить ее лично, советовал Сахарову “притихнуть” на время; режим пошел в наступление на него и на правозащитное движение в целом{253}. Но Сахаров не мог хранить молчание. В КГБ предупредили его, что не следует встречаться с иностранными журналистами, но несколько дней спустя он пригласил иностранных корреспондентов в свою квартиру, где дал пресс-конференцию и говорил о демократизации и правах человека{254}. Между тем на Западе готовилось к изданию солженицынское обличение советских лагерей – “Архипелаг ГУЛаг”. Сахаров и Солженицын раздували пламя, и КГБ в своей кампании начал ставить их имена рядом. Юрий Андропов, председатель КГБ, в сентябре 1973 года рекомендовал подумать о “более радикальных мерах пресечения враждебных выступлений Солженицына и Сахарова”{255}. В январе 1974 года Солженицына арестовали и депортировали из Советского Союза. В 1975 году Сахаров получил Нобелевскую премию мира, но ему запретили выезжать из страны для ее получения.

Эти события произвели на Толкачева сильное и глубокое впечатление. Позднее, когда он вспоминал о своем разочаровании, чтобы объяснить свои действия ЦРУ, он обозначил 1974 и 1975 годы как поворотные. После долгих лет ожидания он решил действовать. “Я могу лишь сказать, что значительную роль в этом сыграли Солженицын и Сахаров, хотя я и не знаком с ними лично и читал лишь те произведения Солженицына, которые публиковались в “Новом мире”, – писал он в ЦРУ.

“Какой-то внутренний червь начал точить меня, – вспоминал он. – Что-то нужно было делать”.

Диссидентские намерения Толкачева сначала имели скромное выражение: он писал короткие протестные листовки. Он рассказал ЦРУ, что какое-то время думал рассылать их по почте. “Но впоследствии, – добавлял он, – обдумав это хорошенько, я понял, что это было бы бесполезным делом. А устанавливать контакт с диссидентскими кругами, у которых есть связи с иностранными журналистами, мне казалось лишенным смысла ввиду характера моей работы”. У него был допуск к гостайне: “При малейшем подозрении меня бы полностью изолировали или, для большей надежности, ликвидировали”.

Толкачев решил, что найдет другие способы навредить системе. В сентябре 1976 года он узнал, что летчик Беленко бежал в Японию на МиГ-25. Когда власти потребовали от “Фазотрона” переделать конструкцию радара для МиГ-25, Толкачева осенило: его самое действенное оружие против Советского Союза не какие-то диссидентские листовки, а то, что лежит у него прямо на столе – совершенно секретные чертежи и доклады, составлявшие гостайну. Он мог серьезно навредить системе, разгласив эту тайну – передав важнейшие планы “главному противнику”, Соединенным Штатам.

Толкачев сообщил ЦРУ, что никогда не думал продавать секреты, например, в Китай. “А что касается Америки, то, может, она очаровала меня или я безумно влюбился в нее? – писал он. – Но я никогда не видел вашу страну собственными глазами, а чтобы любить, не видя ее, мне не хватает ни фантазии, ни романтизма. Однако исходя из некоторых фактов у меня сложилось впечатление, что я предпочел бы жить в Америке. И именно по этой причине я решил предложить вам свое сотрудничество”{256}.

Обычно Толкачев приходил на работу в “Фазотрон” в восемь утра, но многие удачные идеи приходили ему в голову за пределами института. Иногда это бывало дома, иногда в Ленинке, где он часто сидел вечерами. Он набрасывал заметки, потом приносил их на работу и копировал в специальный секретный блокнот, который затем передавал машинисткам.

Его стол в институте находился в большом зале на пятом этаже. Там, кроме него, сидели еще двадцать четыре человека. С высокого потолка свисали флуоресцентные лампы. Прямо перед ним и боком к нему сидели две женщины. На его столе стояли два телефона, один для внутренних звонков (номер 159), другой городской; лежали бумага для заметок, блокнот со списком задач, которые предстояло решить, блокноты для черновиков и справочники по радарам. В одном ящике стола лежали графики работы и копии официальных писем, которые Толкачев отсылал в другие институты. В другом ящике хранились электронные узлы и детали, необходимые для контрольной проверки оборудования, над которым он работал.

Уходить в обеденный перерыв домой, засунув секретные документы во

внутренний карман пальто, Толкачеву было легко и приятно. В 1981 году на московских центральных улицах было не много машин. Часто он, выйдя из института, срезал путь, проходя насквозь кварталы многоэтажек с их внутренними дворами и сквериками. Миновав детский сад и игровую площадку, он сворачивал в узкий Новопресненский переулок. Потом шел по тихому Волкову переулку вдоль ограды зоопарка, за которым виднелась его высотка. Чтобы дойти до дома, ему было достаточно двадцати минут. В обеденное время в квартире никого не было. Он доставал фотоаппарат *Pentax*, прикреплял его к спинке стула, размещал рядом лампу и снимал копии с документов.

В один из таких дней в 1981 году Толкачев повел себя беспечно. Обычно он по окончании работы засовывал камеру и зажим на антресоли, где их не было видно. Но в этот раз в спешке оставил их в ящике стола. Наташа обнаружила их и сразу догадалась, чем занимается Адик. Когда они остались одни, она потребовала объяснений.

Наташу волновал не ущерб, который будет нанесен советскому государству. Она ненавидела систему еще больше Адика. Она боялась за них. Она не хотела, чтобы ее семья пострадала так, как пострадали ее родители. Она не хотела навлекать на семью гнев КГБ.

Толкачев признался ей во всем. Наташа потребовала, чтобы он прекратил этим заниматься, чтобы пожалел семью, и он пообещал ей все бросить. Но свое слово не сдержал{257}.

Глава 14

“Все это опасно”

Дэвид Ролф не встречался с Адольфом Толкачевым восемь месяцев. Толкачев не включал свет на кухне – сигнал, который он должен был подать, чтобы показать, что в запланированные даты готов встретиться. Окно на кухне оставалось темным. 10 ноября 1981 года – это была дата следующей встречи – Ролф отправился в назначенное место, в парк неподалеку от дома Толкачева, и с облегчением увидел его ждущим у фонтана. Было довольно холодно. Ролф быстро сбежал по каменным ступеням и тепло поприветствовал Толкачева. Лицо Толкачева просветлело, он сказал, что купил машину и жестом предложил Ролфу пойти и посмотреть на нее.

Движущийся автомобиль – рискованное место для встречи с агентом: Ролф не смог бы контролировать их маршрут. Припаркованная машина – тоже не лучший вариант: она может привлечь внимание любопытного прохожего или милиционера. Не стоило забывать и о дружинниках – организованных властями отрядах, патрулировавших улицы. Они не всегда готовы были проявить бдительность, но дружинник с красной повязкой на рукаве мог постучать в окно машины и потребовать документы. И все же не стоило огорчать Толкачева, который говорил о машине почти с детским возбуждением. И они пошли к автомобилю, разговаривая на ходу, наверстывая пропущенное время^{258}.

Когда Ролф заговорил о молчании Толкачева в последние месяцы и сказал, что резидентура следила за светом на кухне, Толкачев перебил его. Он сказал, что не готов был встретиться в сентябре, а в октябре был готов и подал сигнал, припарковав свою машину рядом с рынком, как предлагал Ролф. ЦРУ выдало ему карту и инструкции насчет этого места, обозначенного как “Машина”: встать напротив рынка между 12.45 и 13.00, припарковавшись задом к обочине, и пятнадцать минут походить по рынку^{259}. Толкачев точно выполнил инструкции, но Ролф не появился. Толкачев счел, что дело в инциденте, о котором он прочел в газетах. В

сентябре КГБ застал советского гражданина во время встречи с американцем и обвинил американца в шпионаже. Ролф знал об аресте: резидентура и вправду потеряла агента, а оперативника выслали, но он заверил Толкачева, что это не было причиной. Просто Ролф не думал, что площадка “Машина” будет задействована раньше ноября, и не проверил ее. Он извинился за путаницу{260}.

Они дошли до компактных “жигулей” Толкачева, втиснутых между плотно припаркованными машинами, и залезли внутрь. Толкачев сел за руль. Ролф подумал, что это не самый удачный шаг, но у них было много дел. Толкачев был расслаблен, в хорошем настроении и, похоже, был настроен говорить. Вскоре Ролф с облегчением заметил, что окна запотевают. Их встречи обычно так и начинались: Толкачеву, жившему в постоянном напряжении, не с кем было поговорить, кроме своего куратора. Ему нужна была разрядка{261}.

Толкачев передал Ролфу 23 кассеты с пленкой – меньше, чем в прошлый раз, но на них могли быть сотни страниц секретных документов. Одна из камер *Pentax* барахлила, и он вернул ее. Ролф в обмен выдал ему запасной фотоаппарат, который прихватил, вспомнив о шести пустых катушках пленки в марте. Также он вручил Толкачеву новые стереонаушники, музыку для сына и пакет с 32 400 рублями.

Ролф рассказал, что принес Толкачеву новое надежное устройство связи, которое называли IOWL – временная односторонняя линия. В систему входили обычный коротковолновый радиоприемник, маленький электронный прибор под названием “демодулятор” и одноразовые шифроблокноты. Настроившись на определенную короткую волну в определенное время и подключив демодулятор, Толкачев мог получать и читать зашифрованные сообщения. Устройство его, похоже, заинтересовало. Еще в одном из первых писем в ЦРУ он предлагал использовать для передачи секретных сообщений модифицированное радио{262}.

Поначалу казалось, что все в порядке, но по ходу разговора Ролф понял, что это не так.

Институт снова ужесточил порядок получения секретных документов. Как и прежде, по новым правилам требовалось сдавать пропуск. Толкачев хмуро сообщил Ролфу, что, значит, не может теперь забирать документы

домой для фотографирования, чем так успешно занимался два года подряд. Пропуск, изготовленный ЦРУ, пока Толкачева не удовлетворил. Цвета и бумага отличались.

Толкачев сказал, что летом он пытался поработать с “Дискусом”, но ничего не вышло. Он передал Ролфу устройство и инструкции к нему. Не похоже, что он был этим огорчен: у Толкачева имелся опыт по части электроники и он понимал, что техника может давать сбой. Ролф смотрел на это жестче. Он подумал, что от “Дискуса” пока не было ни капли пользы.

После этого случая с пропущенными сигналами Толкачев предложил новый способ уведомлять о своей готовности к встрече – не зажигая свет на кухне, а открывая кухонную форточку. В день встречи, в полдень, она будет некоторое время открыта, если Толкачев готов встречаться. Ролф дважды уточнил: уверен ли он, что открытая форточка на его высоком этаже будет видна с улицы? Толкачев заверил, что будет – она будет выглядеть черным квадратом по сравнению с отражающей поверхностью оконного стекла.

У Толкачева было несколько личных просьб. Он просил ЦРУ передать ему карманный диктофон, информацию о последних событиях в Польше и книгу “Моя жизнь” Льва Троцкого, запрещенную в Советском Союзе. Когда прошли 20 минут, Ролф выбрался из машины и попрощался.

Толкачев уехал. Это была его одиннадцатая встреча с ЦРУ. Он умолчал о том, что жена узнала о его шпионской работе и что он обещал ее прекратить.

На следующее утро в резидентуре Ролф открыл оперативную записку, которую передал ему Толкачев. В ней тот ответил лишь на 11 из 45 вопросов, которые ЦРУ задало в марте, и извинялся за это. Он писал, что его доступ к информации не безграничен, что он “расстроен”, поскольку не имеет возможности что-то сообщить по “широким темам”, о которых его спрашивало ЦРУ. Толкачев пояснил, что он вряд ли сможет отвечать на технические вопросы о комплексах вооружений, “с которыми напрямую не связан”.

Ролф предложил штаб-квартире быть осторожнее в своих пожеланиях.

Он выразил беспокойство тем, что они “перегружают” Толкачева вопросами из таких “областей, в которых он недостаточно хорошо ориентируется”. После двух лет “плодотворного сотрудничества”, писал Ролф, они могли точнее кроить по мерке, а не получать 11 результатов из 45, задавая вопросы, о которых Толкачев не может иметь представления. Но поток запросов не иссякал.

Осенью 1981 года Гербер полетел в главное управление для встречи с Кейси, новым директором ЦРУ. Большую часть своей карьеры Гербер посвятил шпионажу против СССР, а Кейси восхищался такими резидентами, как он. После своего назначения Кейси в докладной записке Рейгану делился своими впечатлениями: “Я получаю более профессиональные оценки от опытных, работающих в поле” оперативников, чем от “академичных” аналитиков из штаб-квартиры^{263}. В разговоре с Кейси Гербер заметил, что хотя СССР – ядерная сверхдержава, с экономикой там швах. “Это страна, которая даже тостеры не может выпускать, – сказал он. – И хотя ракеты они могут делать, они не в состоянии накормить свое население”. Гербер основывался на своем опыте работы в Москве, но Кейси отмахнулся от его слов. Директор сказал, что СССР наступают в Латинской Америке и Африке и ему нужно противостоять повсюду^{264}. Кампания Рейгана 1980 года строилась на обещании бороться с Советским Союзом, и теперь он претворял это обещание в жизнь.

На саммите в Оттаве в июле 1981 года французский президент Франсуа Миттеран сообщил Рейгану поразительные новости: французская разведка работает с секретным и весьма результативным агентом из КГБ, 48-летним полковником Владимиром Ветровым. Операция идет полным ходом. Ветров передал французам четыре тысячи страниц документов КГБ по программе промышленного шпионажа, в задачу которого входило похищение западных, особенно американских, высоких технологий. Для таких заданий в КГБ существовал специальный отдел, так называемая “линия X”. С одобрения Миттерана французы привезли весь массив документов, известный как “Досье *Farewell* ”^[279], в ЦРУ. Документы в подробностях показывали механизм действия советских спецслужб по добыванию секретных разработок Запада в области электроники и других новейших технологий для использования их в военной промышленности.

После одобрения Рейгана Кейси, в сотрудничестве с американскими промышленниками, запустил секретную программу, частью которой была продажа в Советский Союз быстро выходящего из строя оборудования, если оно значилось в списках, составленных КГБ. Среди такого оборудования были модифицированные электронные компоненты (чипы) и дефектные турбины. Список советских запросов возглавляло нефтегазовое оборудование, предназначенное для управления новым газопроводом, идущим в Европу. Поскольку эти технологии не удалось получить в Соединенных Штатах, КГБ раздобыло программное обеспечение у канадской фирмы.

С согласия Рейгана ЦРУ настроило программу для автоматизированного управления таким образом, что через некоторое время оборудование вышло из строя: изменение скорости работы насосов и параметров для клапанов создало чрезмерное давление на швы трубопровода. Последовали взрыв и пожар. Это был самый масштабный из неядерных взрывов, когда-либо наблюдавшихся с космических спутников[280]. В операции “Досье *Farewell*” была задействована московская резидентура. Это укрепило убеждение штаб-квартиры, появившееся во время работы с Толкачевым, что глубокие разведывательные операции можно проводить прямо под носом у КГБ{265}.

7 декабря 1981 года Толкачев удивил московскую резидентуру, подав сигнал, что хочет срочно встретиться. Ролф поехал на встречу с ним на следующий вечер в 9.05. Толкачев был расстроен из-за усиленных мер безопасности в институте и своей неспособности выдавать новые документы. Он отдал Ролфу 6 катушек 35-миллиметровой пленки – заметно меньший улов, чем прежде. Выглядел Толкачев подавленным. Он настойчиво просил, чтобы ЦРУ еще раз попыталось изготовить фальшивый пропуск, и даже предложил отдать на время свой собственный, чтобы в ЦРУ могли сделать копию, – во время январских каникул пропуск ему все равно не понадобится. Ролф устоял перед искушением согласиться на это, сообразив, что вернуть пропуск в конце месяца не получится. Он уверил Толкачева, что ЦРУ готово ждать, сколько потребуется, и отдал ему четыре книги советских диссидентов. Встреча продлилась всего 15 минут.

И это был последний раз, когда они виделись{266}.

Шесть кассет Толкачева были проявлены полностью, на них оказались в том числе и материалы, потерянные в марте. Кроме того, на 23 катушках, которые он передал в ноябре, был снят список всех технических документов, появившихся в закрытой институтской библиотеке в первой половине 1980 года. Это были полезные данные, характеризующие состояние передовых советских технологий, но не настолько ценные, как прежде, когда Толкачев передавал чертежи конкретных комплексов вооружений. В телеграмме из главного управления отмечалось: “Ценность последних приобретений хотя и значительна, но в целом уступает предыдущим подробным документальным сообщениям источника о системах “Эшелон”, “Горизонт” и “Шмель”, часть которых позволяет представить советскую конструкторскую работу вплоть до середины 1980-х или середины 1990-х годов”. Было похоже, что Толкачев в своей шпионской работе выработал все доступные ему ресурсы{267}.

Тем не менее ЦРУ, чтобы ободрить Толкачева, отправило ему зашифрованное сообщение по временной односторонней связи. В нем говорилось, что декабрьские пленки сняты идеально.

Но Толкачев этого сообщения не получил. Он не включал свой радиоприемник{268}.

Прикрытием Ролфа была работа в отделе военного атташе в посольстве США. Он сам был на должности атташе, но в КГБ знали, что он разведчик. И все же Ролфу удавалось ускользать от наблюдения во время двух крупных операций – “Утопия” и “Сфера”, уходя от слежки, вылетая из страны, используя грим и рацию SRR-100, а также тщательно планируя, проявляя терпение и выдержку и полагаясь на удачу. Ему повезло, что его наставниками были Хэтэуэй, Гербер и Гилшер. Но в нынешней операции, возможно, самое главное было то, что Ролф завоевал доверие Толкачева. Для него Ролф стал приятным и привычным собеседником, который выслушивал его опасения и пожелания и с которым у него установилась прочная личная связь.

В начале 1982 года московская резидентура начала менять

традиционную тактику работы оперативных сотрудников, таких как Ролф, предполагавшую отработку всех деталей операции, установление доверительных отношений с агентами и пр. Новый подход был задуман шефом резидентуры Гербером, когда он только появился в Москве. Для этого резидентуре потребовались новые люди – “глубоко законспирированные” оперативники, находящиеся полностью вне поля зрения КГБ. Им следовало оставаться “невидимками” на протяжении всего времени службы – так было надежнее. Нужного эффекта предполагалось добиться, определив этих сотрудников на незначительные должности с таким ежедневным расписанием, которое не могло привлечь внимания КГБ.

У большинства оперативников ЦРУ в Москве было какое-то официальное прикрытие. Они могли быть в ранге дипломатов или военных атташе, но при этом они проводили много времени в резидентуре и занимались оперативной работой. “Глубоко законспирированным” оперативникам, напротив, следовало держаться от резидентуры на расстоянии. Им там не полагалось своих столов, они не могли печатать там отчеты и участвовать в важных и оживленных обсуждениях в кабинете Гербера. Несмотря на высокие ставки и постоянный риск, это должны были быть новонабранные сотрудники ЦРУ, для которых это было первое задание и которых агенты КГБ не могли прежде видеть ни в одной точке мира. Ради конспирации им следовало появляться в резидентуре очень редко и очень ненадолго, заходя через отдельный вход. Резидентура намеревалась поддерживать с ними связь, используя тайники, растворимую в воде бумагу и посредников. Все эти неудобства перевешивало одно большое преимущество: такие сотрудники могли избежать слежки.

Операции под глубоким прикрытием начались в Москве лишь после продолжительной подготовки и бюрократических препирательств в Вашингтоне. ЦРУ нужно было договариваться с другими ведомствами, прежде всего с Госдепартаментом, о “чистых вакансиях” – должностях, которые прежде не использовались разведкой. Госдепартамент и ЦРУ как ведомства часто конфликтовали. Дипломаты традиционно возмущались присутствием среди них шпионов, и в Госдепартаменте терпеть не могли отдавать ЦРУ драгоценные заграничные ставки. Информация о тех, кто будет работать под глубоким прикрытием, была доступна очень узкому кругу лиц, куда входили посол и шеф резидентуры. Первого “глубоко законспирированного” сотрудника штаб-квартира отправила на

дипломатическую учебу, чтобы он выглядел как обычный работник Госдепартамента. Он приехал в Москву летом 1981 года, и после нескольких месяцев подготовки Гербер решил опробовать с ним новую схему. 15 февраля 1982 года он отправил этого сотрудника на встречу с Толкачевым{269}.

Толкачев держал в левой руке опознавательный знак – книгу в белой обложке. Он без колебаний поздоровался с новым сотрудником. Было 9.05 вечера, и они забрались в “жигули”. Оперативник передал Толкачеву для изучения четыре варианта институтского пропуска, изготовленные ЦРУ, а также новый “Дискус”, заверив Толкачева, что тот прошел проверку в лабораториях ЦРУ и в этот раз должен сработать. В посылке ЦРУ также были зарядное устройство для коротковолнового приемника, расписание западных передач на русском языке, которые можно было по нему слушать, автобиография Троцкого, информация о кризисе в Польше, маленький портативный кассетный диктофон, батарейки, перечень вопросов из штаб-квартиры и записка со словами пылкой признательности. “Ваше мужество – пример для нас всех”, – говорилось там{270}.

Встречи с глубоко законспирированными сотрудниками предполагались краткими, но Толкачев этого не знал, ему хотелось общения – как часто бывало прежде с Гилшером и Ролфом. Он посетовал, что ЦРУ пользуется неправильным обменным курсом при расчете выплат в рублях и что ему должны гораздо больше денег. Он также сказал, что ему нужна пленка для *Pentax* ; в московских магазинах она была в дефиците, ее продавали не больше пяти кассет в одни руки. Он хотел получить у ЦРУ сотню катушек.

Толкачев также признался, что не включал радиоприемник и демодулятор, чтобы получить секретные сообщения от ЦРУ. Он не был уверен, сможет ли поймать передачу, и по вечерам не бывал дома один. Он сказал, что семья по-прежнему не знает о его шпионской деятельности.

Несмотря на все эти неурядицы, сказал Толкачев, он твердо намерен не бросать свое дело. Он передал оперативнику чертеж и одну печатную плату – это был второй раз, когда он вручил ЦРУ ценную советскую электронику.

Затем он передал глубоко законспирированному агенту 13 катушек пленки. Оперативник удивленно спросил, как ему удалось это сделать, если

в институте введены ограничения.

Толкачев ответил, что у него есть друг в первом отделе, который иногда по его просьбе выдает ему документы.

“А разве это не опасно?” – спросил оперативник.

Толкачев рассмеялся.

“Да все, чем мы занимаемся, опасно”, – ответил он{271}.

Три недели спустя, 8 марта 1982 года, московская резидентура получила сигнал от Толкачева: приготовьтесь получить первую передачу с помощью “Дискуса”. Как Гербер и предчувствовал, резидентуре пришлось напрячься. Оперативники уже наметили несколько мест, которые обозначили как “Сброс электронных писем”. В одном случае предполагалось, что Толкачев сможет передать сигнал с одного берега Москвы-реки на другой, где оперативник получит его, стоя у вокзала, в нескольких сотнях метров от Толкачева. Расстояние должно быть достаточным, чтобы не вызвать подозрений у КГБ.

Хотя в резидентуре не знали, почему Толкачев решил выйти на связь, ЦРУ подготовило для него ответное сообщение, в котором говорилось, что последние пленки получились превосходно и что ему заплатят гораздо бо́льшую сумму в рублях{272}.

Содержание первого успешного сообщения Толкачева с помощью “Дискуса” было не слишком увлекательным. Он написал, что хочет дать оценку четырем копиям пропуска, изготовленным ЦРУ, – они “слишком легкие”, – и провести незапланированную встречу через три дня{273}. 16 марта глубоко законспирированный агент отправился на встречу с Толкачевым. В Москве было 9 вечера, Толкачев пришел в хорошем настроении, но все же его лицо выражало тревогу. В институте еще больше ужесточили режим секретности. Теперь он уже не мог ни выносить с работы документы, ни получать их от друга из первого отдела. Поэтому у него не было отснятых пленок для передачи.

Не видя выхода, расстроенный неудачами ЦРУ с изготовлением копий,

Толкачев теперь вручил оперативнику отрезанные от пропуска полоски бумаги: одну цветную, с внутренней страницы, вторую – от обложки. “Отправьте это в ЦРУ, – сказал он, – и пусть они сделают с этого дубликаты!” Оперативник призвал Толкачева быть осторожнее и не рисковать. Толкачев выглядел беспокойным, но и более замкнутым, чем прежде. Потом оперативник доложил в штаб-квартиру, что Толкачев “признал, что он вел себя довольно беспечно в начале своих контактов с нами, и согласился не предпринимать дальнейших попыток фотографировать документы”, пока проблемы не будут решены хотя бы частично. Толкачев, “как кажется, действительно решил взять паузу и подумать о необходимости вести себя осторожнее”{274}.

Встреча была короткой, всего 15 минут. На следующий день в резидентуре прочли оперативную записку Толкачева. Он “скрепя сердце” перечислил несколько новых личных просьб: плеер *Sony Walkman* для сына и наушники с дугой над головой, а также карандаши разной жесткости для занятий Олега по черчению. Еще он просил польские лезвия для своей безопасной бритвы, пояснив, что “бриться советскими лезвиями – малоприятное” занятие. Он извинялся, что просит о таких мелочах, но заметил: “К сожалению, наша частная жизнь состоит из всяких неважных мелочей, которые иногда начинают влиять на наше настроение в целом”{275}.

Гербер понимал, о чем тот говорит. Советский Союз умел выпускать ракеты, но не тостеры – и не бритвенные лезвия.

24 мая двое оперативников по отдельности отправились на встречу с Толкачевым, надеясь, что одному из них удастся ускользнуть от слежки. У них были с собой одинаковые пакеты. Один из них оказался удачливее и встретился с Толкачевым недалеко от его дома в 9.35 вечера. Он доставил объемистую посылку: 20 упаковок лезвий, 40 кассет с западной фотопленкой, которую ЦРУ переложило в советские коробки, магнитофон *Sanyo M6600F*, плеер *Sony Walkman*, наушники, дополнительные батарейки и 26 коробок с карандашами для Олега. Пакет получился таким большим, что в последний момент в резидентуре вынули из него 20 катушек пленки – нужно было уместить еще 98 850 рублей.

В пакете также была новая копия пропуска{276}.

Летом 1982 года работа Ролфа в Москве закончилась, ему поручили другое задание. В конце сентября и Гербер уехал в штаб-квартиру на новую должность. На прощание коллеги из резидентуры сделали ему небольшой подарок в виде огромной цифры 1 с приделанной спереди металлической сферой. Это было напоминание о единице, приклеенной к двери резидентуры в день эвакуации Шеймова. Сфера же была намеком на Толкачева, агента с кодовым именем “Сфера”. В московской резидентуре стало традицией вешать на дверь цифру 1 после успешного завершения всякой крупной операции.

Тем же летом в резидентуру прибыл Билл Планкерт, которому поручили курировать в целом операцию Толкачева. Во время учебы в Бостонском колледже Планкерт был спортсменом, выступал в университетской бейсбольной и футбольной командах и по-прежнему с удовольствием играл в теннис, когда находилось время и корт. Планкерту особенно удавались задания, где следовало встречаться с людьми и рекрутировать их; Москва была для него первым опытом работы в “запретных районах”. Но он специализировался на Советском Союзе и считал, что нет ничего лучше, чем, по его собственному выражению, “бороться с медведем в его собственной берлоге”. Планкерт собирался работать не личным куратором Толкачева, а координировать операцию из резидентуры. Но в первые же месяцы его работы с этой операцией начались серьезные проблемы.

Московская резидентура посылала на встречу с Толкачевым глубоко законспирированных агентов – иногда по двое или по трое зараз. Но затем пять запланированных встреч не состоялось. Планкерт чувствовал, как у людей растет напряжение. Пропуск одной-двух встреч случался и раньше – но не пяти подряд.

В декабре в резидентуре уже были встревожены не на шутку. Во всех предыдущих случаях оперативники изо всех сил старались встречаться с Толкачевым только в безопасной обстановке, когда были максимально уверены, что за ними нет слежки. И отказывались от встречи, если видели хотя бы малейший намек на наблюдение. Но теперь ставки были высоки как никогда – и Планкерт начал планировать встречу с Толкачевым, которую следовало провести во что бы то ни стало, даже если за каждым

человеком на улице будет вестись наблюдение. Они просто обязаны были сделать так, чтобы все получилось. Резидентура вообще была местом беспокойным, тесным сообществом амбициозных и успешных людей, но сейчас всех их сплотили общее напряжение и тревога. Никто не хотел потерять Толкачева в свой срок службы.

Планкерт решил сам идти на встречу с Толкачевым. Он понимал, что если они потеряют контакт с агентом, это будет колоссальным ударом для ЦРУ. А если он допустит ошибку, из-за которой Толкачева арестуют и казнят, это будет преследовать его до конца жизни.

Планкерт считал, что неплохо изучил Толкачева по описаниям: человек средних лет, с быстрым летящим шагом, как будто он шел, не касаясь земли. Оперативники, встречавшиеся с Толкачевым, советовали Планкерту не волноваться о ходе встречи: агент – настоящий профессионал, он позаботится о том, чтобы все прошло гладко, надо просто позволить ему делать по-своему. Планкерт также прочитал, что у Толкачева была замечательная способность сливаться с толпой. Он выглядел “как все”^{277}.

Вечером 7 декабря, используя “Джека из коробочки” и выпрыгнув из машины, Планкерт заметил Толкачева. Шпион выглядел точно так, как его описывали: неприметный человек в фетровой шляпе, коричневом пальто, коричневых перчатках, черных ботинках и сером шарфе, надетом под пальто. Когда они встретились, падал снег. Они обменялись паролями. “Ну что, пройдемся”, – сказал Толкачев.

Планкерту сразу показалось, что у Толкачева измученный и усталый вид. В его голосе чувствовалось некоторое напряжение. Планкерт также заметил, что Толкачев выглядит старше, чем на своей фотографии. Толкачев сказал, что некоторое время провел в постели – у него был гипертонический криз. Тем не менее он успел затребовать совершенно секретные документы из институтской библиотеки и сфотографировать их дома, в одиночестве. По мере прогулки Толкачев заговорил оживленнее – он рассказывал о новых правилах безопасности, с которыми имел дело. Но он по-прежнему готов был преодолевать любые препятствия и был столь же целеустремленным.

Планкерт по-русски объяснил, почему они пропустили предыдущие

встречи: они заметили слежку со стороны КГБ.

Толкачев резко остановился и с расширенными глазами повернулся к Планкерту: “За вами следят?”

“Нет-нет!” – ответил Планкерт. Речь шла о предыдущих встречах. Толкачев успокоился, и они пошли дальше.

Планкерт понял, что в разговоре важно каждое слово, и спросил, можно ли включить диктофон. Толкачев согласился. Планкерт нажал на кнопку спрятанного под одеждой диктофона, чтобы потом в резидентуре прослушать запись и отправить ее в штаб-квартиру. Они обменялись пакетами: пленка, батарейки и книжки для агента; 16 кассет отснятой пленки для оперативника{278}.

Встреча подходила к концу, когда они услышали чьи-то шаги по хрустящему снегу. Толкачев и Планкерт тревожно оглянулись: к ним приближался высокий пожилой армейский офицер в форме. Они замерли. Но военный прошел мимо, и оба перевели дух.

После всего 20 минут разговора они расстались. Когда Планкерт обернулся назад, чтобы проверить, все ли с Толкачевым в порядке, тот уже растворился в темноте.

Планкерт вышел на Садовое кольцо и сел в троллейбус. Он прошел на заднее сиденье и сел за спинами остальных пассажиров. Быстро снял свое российское пальто и очки, запустил руку в сумку, достал американскую верхнюю одежду и надел ее. Все произошло за считанные минуты, на следующей остановке он соскочил. Никто не обратил на него внимания, но он был настороже. Вдруг КГБ сейчас ищет его? У дверей посольства, как всегда, стояли два милиционера. Увидев американца, возвращавшегося после прогулки с собакой, Планкерт быстро догнал его и вошел в ворота сразу вслед за ним. Двое коллег ждали его в своей квартире. Он молча передал им пакет от шпиона, который следовало принести утром в резидентуру. Планкерт не мог ничего говорить – квартиры, скорее всего, прослушивались. Но он поднял большой палец вверх и взял предложенный ему стакан с виски. Он чувствовал облегчение и азарт.

ЦРУ неоднократно пыталось подделать институтский пропуск Толкачева, вплоть до ажурных синих разводов на бумаге. Наконец Толкачев сказал, что самый последний вариант, который ему передали в мае 1982 года, годится. И затем в течение пары месяцев ему удавалось с помощью этого фальшивого пропуска выносить документы. Но в августе правила безопасности опять внезапно изменились. Теперь для запроса документов требовалось новое удостоверение.

Подделка ЦРУ, над которой так долго работали, оказалась бесполезной.

“Теперь для “Сферы” крайне затруднительно, если вообще возможно, забирать документы домой, – докладывал Планкерт. – Для разрешений введены специальные бланки, которые “Сфера” может использовать, но слишком активное их использование, несомненно, навлечет на него подозрения”. Планкерт писал, что он чувствует “нутром”: Толкачев, “ввиду положения на работе и состояния своего здоровья, озабочен тем, что жизнь становится труднее и что лучшие дни, возможно, уже позади”.

Оценка Планкерта вызвала новый приступ сомнений в ЦРУ. В телеграмме московской резидентуры в штаб-квартиру перечислялись факторы, создающие тревожный фон для Толкачева: новые правила безопасности, его душевное состояние и мысли о копировании документов более рискованными способами, например с помощью шпионских фотоаппаратов *Tropel*. Из штаб-квартиры ответили, что, возможно, стоит взять тайм-аут на полгода – дать Толкачеву передышку. В резидентуре согласились. Оттуда написали, что Толкачев, похоже, был обеспокоен своей безопасностью, когда разговаривал с Планкертом. “Если он видит признаки опасности – а мы считаем, что он их видит, – то возможно, они более зловещи, чем он готов признать”, – писала резидентура{279}.

С пленками, которые Толкачев передал Планкерту 7 декабря, все прошло прекрасно: было получено еще 499 страниц секретной документации.

Для шпиона, который сэкономил Соединенным Штатам миллиарды долларов, Толкачев с его личными просьбами был чрезвычайно скромен. Его сын Олег поступил в архитектурный институт, а чертежное

оборудование в Советском Союзе было низкого качества. Не может ли ЦРУ найти более качественный чертежный набор в Восточной Европе или на Западе? Даже ластик в Москве дрянной, жаловался Толкачев: они оставляют на бумаге грязные следы. Может быть, ЦРУ удастся найти четыре-пять более приличных резинок? “Чешские ластик довольно хорошего качества, – писал Толкачев. – Моему сыну удалось раздобыть половинку такого ластика у своих знакомых, и мы сейчас пользуемся им, но его надолго не хватит”. Он также хотел получить два или три больших брикета китайской сухой черной туши и три или четыре высококачественных чертежных пера{280}.

Толкачев сообщил ЦРУ, что готов принять вместо наличных денег драгоценности, от которых прежде отказывался. Вскоре после этого сообщения Томас Милз, глава отдела СССР в ЦРУ, получил весьма необычное задание. Милза и его жену Джоби попросили поехать в Нью-Йорк и подобрать для Толкачева какие-нибудь драгоценности – за счет управления. Джоби, которая изучала в Нью-Йорке историю искусств, ужасно обрадовалась. Они отправились на Пятую авеню в *A La Vieille Russie* [297] – антикварную и ювелирную галерею, основанную в 1851 году. В этом изысканном месте сотрудник ЦРУ и его жена купили маленькую, но весьма дорогую булавку Фаберже и тяжелое золотое ожерелье. Они привезли их в штаб-квартиру для отправки в московскую резидентуру вместе с почтой. Милзу сказали, что если возникнут вопросы, пусть Толкачев говорит, что драгоценности оставила ему мать{281}.

Беспокойство резидентуры по поводу Толкачева после его встречи с Планкертом побудило снова задуматься, не возникнет ли необходимость его экстренной эвакуации из Советского Союза. К началу 1983 года резидентура составила подробный план вывоза Толкачева, его жены и сына. До этого времени ЦРУ только один раз осуществило подобное в Москве, когда эвакуировали Шеймова с женой и дочерью, однако в других странах такие операции успешно проводились. ЦРУ даже разработало специальные контейнеры для тайной переправки людей. Но в штаб-квартире относились без энтузиазма к идее эвакуации Толкачева. План резидентуры в Лэнгли завернули: резидентура слишком забегает вперед, заметили в главном управлении. Эвакуация вместе с семьей потребует от Толкачева “пристального самоанализа”, а эту тему с ним вообще не обсуждали уже больше двух лет{282}.

Тем не менее резидентуру это не остановило – возможно, из-за перестраховки. Были составлены два плана, один на долгосрочную перспективу, а другой – для чрезвычайной ситуации. Резидентура сочинила длинный личный опросник для Толкачева, который следовало ему передать при очередной встрече. Толкачева просили предоставить фотографии для паспорта, а также рассказать о размерах одежды, перенесенных заболеваниях, местонахождении друзей и родственников, о том, как он проводит отпуск и как берет больничный на работе. “Знает ли ваша семья о ваших отношениях с нами? – задавало вопрос ЦРУ. – Если нет, то как вы планируете им рассказать?”

Они не знали, что он уже пообещал жене бросить шпионаж{283}.

“Глубокое прикрытие” стало главным методом оперативной работы ЦРУ в Москве. Но функции глубоко законспирированного агента сильно отличались от того, чем занимались Гилшер и Ролф. Те для Толкачева играли роль советчиков и доверенных лиц. Законспирированные сотрудники, напротив, дистанцировались как от резидентуры, так и от агента. Их работа была одинокой, сверхнапряженной и рискованной. Роберту Моррису эти стресс и изолированность напоминали скорее работу полицейского под прикрытием.

Моррис приехал в Москву с портфелем-дипломатом, по документам он был всего лишь чиновником Госдепартамента, одним из многих неприметных административных служащих, необходимых в посольстве. Эту роль он выполнял со всем усердием, но прибыл ради другого. Моррис стал вторым глубоко законспирированным сотрудником московской резидентуры и надеялся осуществить свою честолюбивую мечту – оказаться на передовом крае в холодной войне с Советским Союзом.

Моррис, сын школьного спортивного тренера, выросший в долине Шенандоа в Виргинии, ходил в частную школу для мальчиков в Новой Англии, готовившую воспитанников к колледжу, а потом поступил в Джорджтаунский университет. Промаявшись первый семестр, он бросил учебу и записался добровольцем в армию в разгар войны во Вьетнаме. Ретивый новобранец, набравшийся опыта за три года суровой практики, он был повышен до старшего лейтенанта спецназа и стал заместителем

командира отряда (команды “А”) “зеленых беретов”, элитного воинского формирования мирового уровня. В 1971 году ему предстояло отправиться во Вьетнам, но война пошла на спад, и его туда не послали. Во время разносторонней подготовки – боевые действия в воздухе, под водой и в джунглях – Моррис познакомился с сержантом из разведки, иммигрантом с Украины, который рассказывал увлекательные истории про жизнь в Советском Союзе. Морриса рассказы заинтриговали, и он записался на занятия по русскому языку. В 1972 году, уйдя со службы, он вернулся в Джорджтаунский университет, чтобы изучать русский – и играть в футбол.

Моррис мечтал о приключениях. И после окончания университета и пары лет в бизнесе он был завербован в ЦРУ. В октябре 1980 года, когда он прибыл в Лэнгли, ему только-только исполнилось тридцать. Он носил стильную прическу с пышной челкой, падающей на лоб, и очки-“авиаторы”, делающие из него модника. Моррис был одним из лучших на учебных курсах ЦРУ. Он приехал в Москву в начале июля 1982 года. После того как он несколько месяцев старательно занимался своей бюрократической работой, КГБ клюнул на его легенду и потерял к нему интерес. Моррис был готов приступить к разведывательным операциям.

Перед каждой встречей с Толкачевым и Гилшер, и Ролф по многу часов планировали ее в резидентуре. Но Моррис, как глубоко законспирированный агент, был предоставлен сам себе. Набросав свой маршрут ухода от слежки, он должен был передать его в резидентуру, используя грубое подобие тайника. Обычно он писал на водорастворимой бумаге и оставлял листок в каком-нибудь укромном месте – например, прикреплял магнитом к огнетушителю в коридоре посольства, откуда его забирал другой оперативник. Тем же способом он получал ответ из резидентуры. Ему почти ничего не перепало от духа товарищества, царившего в московской резидентуре. Ему не надо было писать письма агентам. Он не готовил им передачи. Он просто доставлял их.

Когда предстояла операция, Моррис через потайную дверь приходил в резидентуру для короткого инструктажа, не более чем на 10–15 минут. Он запоминал инструкции и, если передача была замаскирована под кирпич или деревяшку, клал ее в свой дипломат и уносил к себе в офис, где было полно советских сотрудников. Там он плотно сидел на месте, не спуская глаз с дипломата, пока не наступал конец рабочего дня.

Идеальный курьер – вот какова была его роль. КГБ не обращал внимания на Морриса, месяцами перемещавшегося по Москве и закладывавшего тайники для различных операций резидентуры. Но ему приходилось контролировать каждое свое слово и каждый жест. Это напоминало игру актера, выходящего на сцену много месяцев изо дня в день, не имеющего права забыть хоть строчку. Весной 1983 года он был особенно занят. Как-то вечером он проявил невероятную ловкость, заложив сразу два тайника в разных концах города и нигде не попав в поле зрения КГБ. Но Моррис чувствовал свою изолированность. У него не было возможности расслабиться. Верный своей легенде, он и дома не мог ни о чем говорить, хотя его жена участвовала в большинстве его вечерних вылазок. После долгих месяцев такой оперативной деятельности, ни разу не привлеченной внимания КГБ, Моррис получил намного более деликатное задание – встретиться с Толкачевым лично^{284}.

16 марта, уходя от слежки, Моррис проделал длинный маршрут – сначала на машине, потом на автобусе, а потом пешком. Поскольку его прикрытием была работа чиновника Госдепа, он не носил с собой радиосканер, который помогал Ролфу прослушивать переговоры КГБ: было бы слишком трудно объяснить наличие у него такого аппарата, если бы его на чем-то поймали. Не имея радио, Моррису приходилось судить о наличии слежки, опираясь только на собственный инстинкт и наблюдательность. Два часа спустя, без хвоста, он добрался до места встречи – трамвайной остановки. Там стояло около десятка людей. Моррис чувствовал возбуждение, прилив адреналина. С Толкачевым он встретился, когда уже стемнело, и они вместе дошли до его автомобиля, припаркованного у соседнего жилого дома. В машине Моррис был напряжен, а Толкачев спокоен и вел себя так, будто занимается этим всю жизнь. Они обменялись пакетами. Моррис передал Толкачеву письмо, в котором поднимался вопрос об эвакуации, описывалось, как должна пройти эта операция, и перечислялись вопросы. Толкачев же вручил Моррису 17 катушек пленки и очень длинную записку – на 42 страницах. Среди материалов были неожиданные новые данные о “системе обнаружения целей” для истребителя МиГ-29.

Моррису показалось, что Толкачев выглядит хорошо, настроен он бодро, к тому же он улыбнулся, когда Моррис презентовал ему чертежные материалы для сына. Моррис сказал, что ЦРУ хочет получить ответы насчет эвакуации довольно скоро, желательно в апреле. Толкачев

заколебался, но согласился на встречу в начале апреля. Они попрощались, проговорив 12 минут.

Добравшись домой в 10 вечера, Моррис оставил катушки с пленкой в кармане пальто. Доставать их он не хотел, потому что КГБ мог установить в квартире скрытую видеокамеру. Уже ночью он проскользнул в стенной шкаф, скрючился там на полу и при свете фонарика написал на водорастворимой бумаге докладную записку в резидентуру. В ней он изложил ход встречи и свои наблюдения. Это было нормально для работы глубоко законспирированного оперативника – прятаться в собственном шкафу.

Оперативная записка Толкачева гласила, что у него случились три гипертонических криза и он чувствовал себя изможденным. “Мне стало труднее работать интенсивно, я быстрее устаю”, – писал он. Если прежде он часто ходил после работы в Ленинскую библиотеку и сидел там в тишине по несколько часов, то теперь, говорил он, “я не всегда на это способен”. Он просил у ЦРУ немного корня женьшеня, который, как он слышал, имеет стимулирующий эффект, а также русские препараты растительного происхождения.

В записке были и другие личные просьбы, в основном книги для него и для сына. Он хотел получить материалы по западной архитектуре, не только с фотографиями, но и с английским текстом, чтобы помочь Олегу в изучении языка. Толкачев также попросил ЦРУ поискать для сына “популярные детективы”, объяснив, что детективами в мягких обложках обмениваются приятели Олега, чьи родители привозят книжки из-за границы. Просил он и новые книги о Советском Союзе – не с рассуждениями, а с фактами. Главный интерес для него представляли Ленин, Октябрьская революция и сталинская эпоха, когда репрессиям подверглась семья его жены. “Вообще, мне был бы интересен объективный взгляд на Октябрьскую революцию и русскую жизнь в двадцатые и тридцатые годы”, – писал Толкачев. Он отметил, что запоем прочел воспоминания Троцкого (“Моя жизнь”), но не проявляет любопытства к другим, более пропагандистским книгам о первых годах советского государства. Он также писал: “Меня интересуют мемуары знаменитых мировых политических и военных деятелей, писателей, актеров, художников, архитекторов и т. д.” Он бы хотел получить книги авторов с разными политическими взглядами, как прогрессивными, так и

реакционными, а также “самые важные речи, выступления, декларации западных политических лидеров”, которые часто было не найти в Советском Союзе.

Толкачев составил список своих пожеланий:

1. Библия (на русском).
2. Брошюра “О советской военной мощи”, опубликованная в Вашингтоне (предпочтительно на русском).
3. Выступление Рейгана, в котором он упоминает ленинские десять принципов.
4. Воспоминания Голды Меир.
5. Книга Гитлера “Майн Кампф” (на русском).
6. Книга Солженицына “Август Четырнадцатого”^{285}.

Поначалу в штаб-квартире обрадовались сообщению Морриса, что Толкачев вроде бы в хорошем состоянии, и немедленно начали собирать книги, которые он просил. “С большим удовольствием услышали, что “Сфера” снова стал самим собой, в бодром настроении, что здоровье его поправилось и что он, похоже, рвется продолжать работу для нас”, – говорилось в телеграмме из главного управления от 22 марта^{286}.

Но при более внимательном прочтении длинной оперативной записки Толкачева картина складывалась иная. В считанные часы из резидентуры пришло ответное сообщение, в котором говорилось, что Толкачев “измучен”, испытывает проблемы со здоровьем и “напрягается изо всех сил”. В резидентуре также были удивлены количеством пленок, переданных Моррису. Если правила безопасности так ужесточились – а Толкачев не сообщал о послаблениях, – то как ему удалось отснять 17 катушек?^{287}

1 апреля из штаб-квартиры сообщили, что пленка проявлена, кадры распечатаны и “результаты отличные”: там приблизительно 525 страниц секретной документации. “Мы используем слово “приблизительно”, поскольку там есть несколько страниц развернутых диаграмм, – писали из главного управления. – Но в любом случае “Сфера” еще раз проделал хорошую работу”{288}.

Толкачев обещал ответить ЦРУ насчет эвакуации и подал сигнал об очередной встрече 23 апреля. К нему отправился Моррис, они встретились в 8.55 вечера. В этот раз рядом с машиной играли и шумели дети, поэтому Толкачев отъехал на несколько кварталов и припарковался в тихом месте на соседней улице. Времени было мало, но Толкачев ответил твердо: эвакуация не обсуждается. Он отдал Моррису конверт с планом эвакуации. Моррис, в свою очередь, вернул Толкачеву секретные материалы по системе обнаружения целей для МиГ-29, которые тот передал в марте. Это была стандартная практика – возвращать Толкачеву оригинальные документы, как только ЦРУ с ними ознакомилось.

Толкачев, несмотря на свои сетования об ужесточении порядков, передал 14 кассет с пленкой. Он сказал, что нашел способ “обойти” систему, но подробности изложил в своей 12-страничной оперативной записке. “Крайне трудно просто сидеть и никак не действовать”, – заметил он. Через 15 минут Моррис вышел из машины и отправился назад{289}.

Вскоре в резидентуре поняли, что Толкачев рискует гораздо серьезнее, чем раньше. В записке он объяснял, что двери в лабораторию отпирают примерно в 7.30 утра, но работа начиналась лишь около 8.00. В течение пяти минут после открытия в комнате не бывает сотрудников. “Вот этим я и пользуюсь”, – писал он. Тем не менее ему пришлось приносить камеру на работу трижды, “поскольку лишь на третий раз я смог улучшить пять минут, когда в лаборатории никого не было”. Толкачев описал также свою “уловку”: он сказал коллегам, что начальник собирается изучить секретный документ в полдень, а на деле он унес его домой и сфотографировал. “Эта уловка, конечно, очень рискованна, – признавал он, – и ею невозможно пользоваться больше двух или трех раз”.

В записке Толкачев объяснял также, почему поменялось его отношение к эвакуации. У него с женой были близкие друзья, которые эмигрировали в Израиль, а потом в Соединенные Штаты. И они написали, что все больше

испытывают ностальгию по Москве. Толкачев цитировал свою жену: “Как это люди могут взять да уехать неизвестно куда? Что касается меня, то я точно знаю, что сразу же начну страдать от ностальгии. Я не только в другой стране жить не смогу, я даже в другом городе здесь жить не смогу”.

Толкачев добавил, что его сын, возможно, захочет когда-нибудь куда-то съездить, попутешествовать, но не станет покидать страну насовсем.

“Таким образом, вопрос о моем отъезде из Советского Союза вместе с моей семьей с практической точки зрения закрыт. Конечно же, я никогда не поеду один”{290}.

В резидентуре и в штаб-квартире неделями спорили о том, как ответить на письмо Толкачева. “Мы крайне обеспокоены, – писали из Лэнгли 13 июня по поводу рисков, которые принимает на себя Толкачев. – Уловки, о которых он рассказал нам в апрельской записке, уже пугают. Другие, об использовании которых он также говорит, но которые не описал, могут оказаться еще опаснее”. В штаб-квартире признавали, что они попали в тупик, который был очевиден с самого начала операции. “Как заставить “Сферу” контролировать свою склонность к риску и в то же время удовлетворить и его стремление работать, и наше желание получать от него продукт?” В штаб-квартире скептически отнеслись к идее выдать Толкачеву мини-фотоаппараты *Tropel*, поскольку когда он использовал их в 1979 и 1980 годах, отпечатки вышли не слишком качественными из-за недостаточного освещения и слабой техники съемки. Освещение у него в офисе было всего лишь на уровне 20 фут-кандел – едва ли достаточно для копирования документов. Может быть, лучше попросить Толкачева просто выписывать самое важное?

И все же ЦРУ хотело всего сразу: и чтобы Толкачев оставался в безопасности, и чтобы он выкачивал всевозможные секреты. Из штаб-квартиры прислали в Москву новый список тем, о которых следует расспросить Толкачева. “Главные системы, сейчас представляющие интерес для нас, – писали они, – это Ту-22М, Ту-160, Як-41, системы опознавания “свой-чужой” и крупные модификации радара “Сапфир”. Приоритетны для нас технические характеристики указанных систем, предполагаемые или действительные, или любых новых электронных

систем и комплексов вооружений, включая ракеты. Другие подробности о потенциале, функционировании и внедрении также будут ценны, но могут оказаться слишком пространными”. Это многое говорило о состоянии операции спустя четыре года. Самолеты Ту-22М и Ту-160, по классификации НАТО соответственно *Backfire* и *Blackjack*, – это сверхзвуковые стратегические бомбардировщики, и ни один из них не относился к направлениям работы Толкачева, как и Як-41, самолет вертикального взлета и посадки, который так и не дошел до стадии производства. Система “свой – чужой” и РЛС “Сапфир”, конечно, находились в области разработок “Фазотрона”, но Толкачев и так уже предоставил обширные материалы по “Сапфиру”. Его подталкивали к погоне за секретами, далеко выходящими за пределы того, с чем он мог столкнуться по работе{291}.

В ЦРУ препирались о том, стоит ли выдавать Толкачеву новые миниатюрные шпионские фотоаппараты для работы в офисе. Резидентура отмечала, что мини-фотоаппараты *Tropel* удалось несколько усовершенствовать: теперь минимально требуемое освещение составляло 25 фут-кандел. Но в штаб-квартире волновались, что рано или поздно какой-нибудь сотрудник “Фазотрона” увидит, пусть даже однажды, как Толкачев горбится над столом, опираясь на локти и держа что-то в руках, и у него возникнут подозрения. Толкачеву “придется вести любую фотосъемку в присутствии других людей”, – предупреждали из штаб-квартиры. “Это, разумеется, чрезвычайно рискованное предприятие, которое потребует от “Сферы” колоссальной осторожности и осмотрительности и едва ли пойдет на пользу его кровавому давлению”{292}.

Но в конце концов штаб-квартира сдалась. Было решено отправить фотоаппараты *Tropel* в Москву{293}.

Глава 15

“Живым не дастся”

Утром 26 апреля 1983 года главный конструктор института Юрий Кирпичев вызвал Толкачева к себе в кабинет, чтобы обсудить какие-то рабочие вопросы. Кирпичев был начальником Толкачева. Во время разговора зазвонил телефон. Кирпичев поднял трубку и после нескольких минут молчания спросил: “Для какой цели вам это нужно?”

А потом сказал: “Хорошо, я это сделаю”.

На другом конце провода был Николай Балан, глава режимного отдела – службы безопасности всего института. Служба, подчинявшаяся КГБ, отвечала и за первый отдел, и за закрытую библиотеку, и за допуски всех работников. Раз в десять лет каждый сотрудник должен был заполнить длинную анкету. Эти анкеты затем отправляли в КГБ для проверки и принятия решения о том, кто получит допуск к совсекретным данным. У Толкачева был высший уровень допуска.

В ведении режимного отдела находились также охрана и пропускная система. Такие службы действовали в каждом секретном советском институте.

После звонка Кирпичев вызвал к себе ведущего инженера института, работавшего над системой обнаружения цели для РЛС № 19, которую планировалось устанавливать на истребители МиГ-29.

Толкачев в ужасе слушал, как Кирпичев пересказывает свой телефонный разговор. К концу дня, сказал он, Балан хочет получить “список лиц, знакомых с системой опознавания или имеющих доступ к информации о системе опознавания РЛС № 19”.

Именно эту информацию Толкачев передал ЦРУ в марте.

“Зачем это понадобилось?” – спросил ведущий инженер. Он

недовольно заметил, что их никогда прежде не просили составлять такие списки.

Кирпичев ответил, что задал Балану такой же вопрос, а тот “не ответил ничего внятного”.

Толкачев вернулся в свою комнату, голова его кружилась. Он чувствовал, что цепенеет от ужаса. Он снова и снова прокручивал разговор в голове, пытаясь понять, раскрыли ли его. Прежде всего его тревожили рукописные заметки о системе опознавания цели, которые он передал ЦРУ. Заметки ему вернули, но не совершили ли в ЦРУ какого-то промаха? Видел ли их кто-то еще?^{294}

Толкачев пытался проанализировать услышанное. Если Балан требует список сотрудников, это говорит об очень серьезной утечке информации по системе опознавания цели. Но что они знают о ее источнике? Есть ли у КГБ подозреваемые или они просто забросили удочку наудачу?^{295}

Он заключил, что вполне возможно, что КГБ не представляет, откуда появилась информация. Потенциальных источников были десятки: несколько московских институтов, включая “Фазотрон”, а также авиа- и электронные заводы в Казани, Рязани и Хмельницком, где производили РЛС и детали для них. В таком случае расследование займет немало времени.

Другой вариант, более зловещий и пугающий, – что они выходят на него. В таком случае, прикинул Толкачев, им понадобится день или два. К вечеру у службы безопасности будет список сотрудников, имеющих доступ к материалам. На следующий день список отправят в КГБ.

Если им удалось перехватить документы, которые Толкачев передавал ЦРУ, – а он переписывал информацию от руки, – тогда не составит труда сравнить почерк с его ответами в анкете, которую он тоже заполнял от руки. Это можно сделать за несколько часов. В последний раз он сдавал анкету на допуск к гостайне в 1980 году.

Толкачев поспешно принял несколько решений. Он уничтожит все, что получил от ЦРУ и что может изобличить его. И он ни при каких обстоятельствах не дастся в руки КГБ – по крайней мере, живым.

Он сказал начальнику, что на следующий день не придет на работу. Почему, объяснять не стал.

На следующее утро, 27 апреля, когда жена и сын ушли, Толкачев собрал все свое шпионское оборудование и все материалы, спрятанные на антресолях: фотоаппараты *Pentax* и зажим для них, инструкции о тайниках и сигналах, книги диссидентов, пачки рублей, “Дискус”, демодулятор для коротковолнового радио – все, включая таблетку для суицида и график следующих встреч. Он загрузил все в “жигули” и выехал из Москвы. Времени подавать сигналы ЦРУ или запрашивать встречу не было.

Проехав МКАД, он двинулся на север по Рогачевскому шоссе. Вскоре бетон и асфальт сменились густыми лесами и открытыми полями. Толкачев свернул с шоссе на проселочную дорогу на восток, потом поехал на северо-восток по другой проселочной дороге, которая через восемь километров выводила к небольшой деревушке Доронино. Вдоль дороги стояло всего шесть домов. Одним из них была дача, которую Толкачев и его жена сняли в 1981 году.

Когда Толкачевы были моложе, они много путешествовали по Советскому Союзу с палатками и рюкзаками. Теперь, когда у них появилась машина, дача оказалась полезнее. Городские жители часто приобретали дома в полузаброшенных деревеньках и ремонтировали их. Права собственности были под большим вопросом – покупать или продавать недвижимость строго запрещалось, – но обходные пути находились. Толкачев заключил сделку, которая представляла собой что-то вроде договора аренды^{296}. Сами дома стоили недорого, но ремонт требовал немало времени и усилий. Толкачев искал дефицитные стройматериалы и собственноручно занимался ремонтом – от этого он получал удовольствие. Дача находилась примерно в 80 километрах от города^{297}.

В центре дома стояла старая железная печь. Толкачев вытащил из “жигулей” шпионскую технику, развел огонь в печке и сжег все: рубли, которые ему выдало ЦРУ, инструкции, книги, фотоаппараты. Все, кроме графика встреч и ампулы с ядом, спрятанной в перьевой ручке.

Когда печка остыла, Толкачев увидел, что некоторые металлические детали “Дискуса” не прогорели. Он собрал их и по пути назад в Москву выбросил из окна в придорожную канаву. Обломки самого изощренного

устройства ЦРУ для связи с агентами смешались с сорняками.

Вернувшись домой, Толкачев взял график встреч с ЦРУ и с помощью шифра перенес его в журнал “Наука и жизнь”, а потом уничтожил сам график.

28 апреля, прежде чем отправиться на работу, Толкачев достал ручку с L -таблеткой и положил ее в карман, чтобы при необходимости быстро вытащить. Он подумал, что наиболее вероятным местом его ареста будет кабинет Кирпичева. Его вызовут туда, и когда он откроет дверь, сотрудники КГБ заломят ему руки за спину, так что достать ручку он уже не сможет.

Поэтому в следующие несколько дней Толкачев на всякий случай вытаскивал из ручки хрупкую капсулу и клал ее под язык перед каждым походом в кабинет Кирпичева.

Но его так и не арестовали.

Толкачев не стал подавать ЦРУ сигнал о встрече, но написал длинный и подробный отчет обо всем, что случилось, чтобы передать его на следующей встрече осенью. Он писал, что если у КГБ уже есть его рукописные заметки по системе опознавания МиГ-29, то “никакие меры мне уже не помогут”. Но он добавлял: “Поскольку я успешно и вовремя избавился от моих материалов, КГБ не сможет найти документальных подтверждений моей связи с вами”. Если КГБ начнет масштабное расследование источника утечки, то ни дома, ни на даче у него не будет найдено ничего компрометирующего.

Когда прошло сколько-то времени и ареста так и не последовало, Толкачев заключил, что расследование КГБ не было направлено конкретно против него. Его паника улеглась. Но на всякий случай он решил впредь всегда носить в кармане ампулу с ядом, если будет отправляться на встречу с оперативником ЦРУ или выносить с работы секретные документы.

Толкачев был гордостью московской резидентуры, если говорить о работе с агентами. Но у московских оперативников был еще один совершенно секретный источник, иного рода. Это было не живое существо, а электронное устройство, ставшее зримым свидетельством того, как

далеко продвинулась работа ЦРУ по сбору информации в Москве после пребывания в параличе в 1960-е годы.

Операция получила кодовое название SKELBOW, “Коленчатая труба”, и ее можно назвать одной из самых блестящих и дерзких за все время холодной войны. Она заключалась в подземном прослушивании секретной линии связи между ядерной лабораторией в Троицке и министерством обороны в Москве. ЦРУ и Агентство национальной безопасности проникли в один из технических люков вдоль линии связи и поместили там подслушивающее устройство. Все московские оперативники тренировались на макете люка, еще будучи в Соединенных Штатах; Дэвид Ролф во время такой тренировки сломал на руке большой палец. В августе 1979 года, когда операция началась, первым в люк спустился Джеймс Олсон. Он осмотрелся и сделал фотографии. Позднее туда спустился технический специалист, чтобы проверить, к какому именно освинцованному кабелю нужно подключить датчик съема информации. После этого другой технический сотрудник произвел собственно установку датчика. ЦРУ ловко замаскировало его, чтобы ремонтные рабочие, обслуживающие кабель, ничего не заметили. Датчик отсылал данные с кабеля на записывающее устройство, ящик с которым сотрудники ЦРУ закопали между двумя деревьями в четырех метрах от люка. Периодически резидентура отправляла оперативника заменить записывающее устройство и забрать данные. Перед этим заданием необходимы были все те же предосторожности, что и перед встречей с агентом. У записывающего устройства был свой блок питания, а его память была рассчитана на огромные объемы информации. Чтобы отвлечь любопытных, ЦРУ поместило на ящик предупреждение на русском: “Убьет! Высокое напряжение!”. Кроме того, у устройства имелась защита от вмешательства. Оно беззвучно подавало сигнал тревоги сотруднику ЦРУ, если кто-то пытался его вскрыть. Операция обошлась Соединенным Штатам примерно в 20 миллионов долларов^{298}.

При всей технической изощренности операция “Коленчатая труба” все же требовала человеческого участия. В приятный субботний день в июне 1983 года Бобу Моррису поручили осторожно извлечь контейнер из земли и привезти его в резидентуру. Для них с женой задание началось с того, что они отнесли в автомобиль ящик содовой для пикника на лоне природы. В ящике был спрятан рюкзак, а в рюкзаке – сменный датчик, складная лопата и репеллент от грызунов. После длинной процедуры избавления от слезки

они пересели на автобус, потом на троллейбус, а затем двинулись пешком. Моррис нес на спине тяжелый рюкзак, оба были одеты по-походному, как одеваются москвичи, выбравшиеся на свежий воздух. Они шли несколько часов, пока не добрались до двух рядов деревьев – лесозащитной полосы, за которой открывалось широкое поле. Сгущались сумерки. Пока жена, тоже работавшая по контракту с ЦРУ, караулила, Моррис искал место – зазор между деревьями, где было спрятано записывающее устройство. Он никогда не был здесь прежде, но внимательно изучил спутниковые снимки. Место он нашел быстро и начал копать. Жена стояла в дозоре. Моррис вытащил старое записывающее устройство и начал устанавливать новое, когда вдруг увидел, что его жена задрожала, едва не вскрикнув.

Она судорожно глотнула, Моррис повернул голову. И увидел причину жениного испуга: из кустов с шумом выскочили два диких котенка. Котятам было всего несколько недель, им хотелось играть. Моррис с женой крепилась, чтобы не издать ни звука, а главное, не расхохотаться.

Моррис установил контейнер в яме, обсыпал репеллентом, подключил провода и забросал землей. Репеллент был нужен для отваживания грызунов. В свое время ЦРУ попробовало использовать в этих целях тигриные экскременты, привезенные из Индии, полагая, что запах тигра отпугнет любое животное. Не сработало: грызунам, похоже, было наплевать, есть в окрестностях тигр или нет.

Моррис засунул старый прибор в рюкзак и подчистил вокруг, чтобы не оставлять следов. Они двинулись назад по тому же маршруту: автобус, троллейбус, припаркованная машина, в которой они сняли одну одежду и надели другую – для пикника. Моррис положил рюкзак в ящик с газировкой, закрыл его, и они поехали домой. Ящик он пронес мимо дежуривших милиционеров в свою квартиру. На следующий день другие оперативники отнесли снятый передатчик в резидентуру.

Моррис мог облегченно выдохнуть. К московскому стрессу и напряжению работы под прикрытием невозможно было подготовиться заранее.

По большей части Моррис избегал внимания КГБ, но осенью 1983 года за ним установили наружное наблюдение. Следующая плановая встреча с Толкачевым была намечена на 20 сентября, но Моррису пришлось

отменить ее из-за слезки. 4 октября, хотя форточка была открыта – сигнал о встрече, Толкачев на встречу не пришел. Он подал еще один сигнал 21 октября, но тогда на улицах велось активное наблюдение, и теперь уже ЦРУ отменило встречу. Перед встречей 27 октября Толкачев просигналил, что хочет поговорить по телефону, и оперативник с улицы трижды звонил в его квартиру, но всякий раз наткнулся на его сына или жену. 3 ноября форточка была открыта, но Толкачев опять не пришел. Моррис, по-прежнему работавший под глубоким прикрытием, начал отчаиваться. Для каждой встречи было установлено еще и резервное время – на час позже. Всякий раз, когда Толкачев на встречу не являлся, Моррис уходил, около часа бродил где-то, оставаясь “невидимым”, и возвращался, но безрезультатно. После долгой процедуры ухода от слезки адреналин зашкаливал, а потом – ничего. И безо всякого объяснения. Одна пропущенная встреча – это нормально. Но с сентября по ноябрь 1983 года пять попыток встретиться с Толкачевым закончились ничем.

Наконец вечером 16 ноября свидание состоялось. Моррис встретился с Толкачевым на той же трамвайной остановке, где они когда-то познакомились. Оба испытали колоссальное облегчение. По пути к “жигулям” Моррис спросил о пропущенных встречах. Толкачев объяснил, что он дважды приходил, но не видел Морриса. А в те три раза, когда он не приходил, форточку открывала жена. Телефонном пользоваться нет смысла, сказал он, – сын и жена все время его занимают, да и уединиться для разговора невозможно.

Пленок у Толкачева не было, он сообщил, что на работе все еще действуют жесткие правила безопасности. Все это объяснялось в его оперативной записке. Еще некоторое время он не будет даже пытаться что-то фотографировать.

Оба были взволнованы встречей. Моррис передал Толкачеву посылку из московской резидентуры, в которой были два фотоаппарата *Tropel*, замаскированных в футлярах для ключей, и новый экспонометр. В записке ЦРУ говорилось, что эти крохотные камеры несколько улучшены и теперь могут работать при освещении в 25 фут-кандел. Но Моррис не хотел долго обсуждать содержимое передачи – важнее было узнать о здоровье и самочувствии Толкачева. В конце встречи Моррис сказал: “Я и выразить не могу, как рад был увидеть вас сегодня”. “Да, я чувствую то же самое”, – отвечал Толкачев.

Это была восемнадцатая встреча Толкачева с ЦРУ{299}.

Сначала резидентура отправила в штаб-квартиру бодрую телеграмму. “Встреча прошла превосходно во всех отношениях, и “Сфера” в порядке, – говорилось в ней. – Беседа во время встречи была живой и благожелательной; “Сфера”, похоже, находился в хорошем настроении”.

Но как только оперативную записку перевели, стало ясно, что новости плохие. В ней Толкачев подробно описал весеннюю панику: расследование, уничтожение всех материалов на даче в железной печке, ампулу с ядом под языком. Его рассказ возродил все прежние тревоги. “Совершенно очевидно, – писали из резидентуры, – что “Сфера” считает себя в большой опасности, и его положение продолжает ухудшаться”.

“Вы будете потрясены так же, как мы, когда прочтете это”.

Толкачев сообщил ЦРУ, что осенью пришел к выводу: КГБ проводил расследование общего порядка, не нацеленное конкретно на него. И он предполагает, что они могут все еще искать кого-то. Поэтому Толкачев занял “выжидательную позицию” и какое-то время не сможет предоставлять ЦРУ материалы о системе опознавания МиГ-29. Он также сообщил, что работники первого отдела начали без предупреждения устраивать проверки в его лаборатории, чтобы выяснить, не хранятся ли секретные документы в неположенных местах. Также всех сотрудников попросили принести свежие фотографии – готовятся новые пропуска для входа в здание.

Извиняющимся тоном Толкачев писал, что “был вынужден принять максимальные меры безопасности” в такой чрезвычайной ситуации и что он все еще не понимает, что послужило поводом для расследования. Он сообщал, что не сможет предоставлять новые документы вплоть до следующего года. Толкачев выразил готовность копировать фрагменты секретных документов от руки, хотя это непросто. Прежде он переписывал документы после работы в тишине читального зала Ленинки, но в последнее время стал слишком уставать, чтобы ходить туда по вечерам, да и трудно объяснять родным, почему он так задерживается. А учитывая проверки первого отдела, говорил он, переписывать секретную информацию в блокнот у себя на рабочем месте слишком рискованно.

Толкачев также рассказал, что у него возникла новая проблема со здоровьем. Его переносица, поврежденная в юности во время игры в хоккей, прежде никак его не беспокоила, но теперь он с трудом мог дышать носом – “это начинает причинять мне сильное неудобство”. Он не может нормально спать и потом весь день чувствует себя усталым. Он предупредил ЦРУ, что, быть может, сделает операцию, из-за которой его внешность несколько изменится. Но они будут узнавать его по условленной примете. Отправляясь на встречу с оперативником, говорил он, “я всегда буду держать в левой руке” книгу в светлой обложке, как правило в белой{300}.

В ЦРУ испытали шок, прочитав отчет Толкачева. В штаб-квартире его рассказ назвали “леденящим”. В телеграмме в московскую резидентуру говорилось: “Мы разделяем ваше потрясение и можем лишь вообразить себе кошмар, в котором живет “Сфера” с конца апреля 1983 года”. Но мало что можно было сделать в сложившейся ситуации. Следующая встреча была намечена через пять месяцев, в апреле 1984 года. В резидентуре задумались: не стоит ли посоветовать Толкачеву пока закопать где-нибудь фотоаппараты *Tropel*? Но у Толкачева больше не было устройств связи, так что передать ему сообщение было затруднительно, разве что он сам попросил бы или согласился бы встретиться, не дожидаясь апреля{301}.

Произошла ли утечка? В штаб-квартире настаивали, что нет. Проверка показала, что материалы по системе опознавания целей были распространены среди американских ведомств только в июне, так что они не могли спровоцировать апрельское расследование{302}. Два года назад, в августе 1981 года, ЦРУ встревожила статья в журнале *Aviation Week and Space Technology*, у этого издания были хорошие источники в правительстве США и среди оборонных предприятий. В статье говорилось о “значительных технологических достижениях” в СССР в области военной авионики. Со ссылкой на анонимные источники в военно-морской разведке, журнал описывал наличие в новом истребителе системы “обнаружения целей в нижней полусфере дальнего действия”. Однако крайне маловероятно, что эта статья спровоцировала расследование в институте Толкачева почти два года спустя{303}.

Письмо Толкачева передали сотруднику штаб-квартиры, который свободно владел русским и имел доступ ко всем документам досье. Его попросили оценить душевное состояние шпиона, сэкономившего

Соединенным Штатам миллиарды. На эксперта произвело впечатление чувство ответственности Толкачева. Он написал: “Нет никаких сомнений, что “Сфера” пережил шок, присутствуя при разговоре в кабинете главного конструктора, это был серьезный шок, наступивший, когда он осознал, что КГБ может в ближайшее время разоблачить его. Однако, похоже, причиной этого потрясения стало ожидание не столько вероятной и скорой физической гибели, сколько гибели дела всей его жизни. Самосохранение как таковое, по-видимому, не играет здесь серьезной роли; напротив, в самый момент шока у него возникает твердое намерение “принять все меры, потому что живым он в руки КГБ не дастся”. Согласно оценке этого специалиста, Толкачев был озабочен не спасением своей жизни, но спасением своей разведывательной работы. Это проявление “очень прагматичной и упрямой решимости выдержать бурю и продержаться как можно дольше, чтобы причинить как можно больше ущерба советскому правительству”.

Толкачев “демонстрирует фантастическое упорство и силу, – замечал эксперт. – Несмотря на катастрофический характер событий и действий, которые он описывает, его настрой остается позитивным и твердым. Он излагает происходившее практически без эмоций, в повествовательном тоне, как будто рассказывает о закончившемся отпуске”. Аналитик также писал:

Он рассматривает все объективно, и прежде всего – собственные слабости. Хотя он считает свои выводы логичными и обоснованными, он признает, что его оценка событий была “несомненно, поспешной”, и далее усиливает это суждение о себе, выделяя эти слова. Он бесстрастно препарирует свой анализ и показывает, как охвативший его страх (разоблачения) повлиял на него... приведя в состояние, близкое к панике. Однако, несмотря на этот страх и панические ощущения, его последующие действия были результатом хладнокровного расчета.

Таким образом, “Сфера” уничтожил все оборудование и компрометирующие материалы не из страха за свою жизнь, поскольку такой страх не имел места, но с твердым намерением лишить КГБ даже самых крох удовлетворения – если не считать того, что им удастся разоблачить его.

В заключение аналитик писал: “Сфера” демонстрирует полное небрежение страхом смерти, но он без колебаний демонстрирует свой единственный настоящий страх: что КГБ застанет его врасплох... Острая ненависть к КГБ доминирует над описанием всех воображаемых контактов “Сферы” со спецслужбой. И хотя он вынужден в данный момент воздержаться от любых действий и “залечь на дно”, похоже, что “Сфера” твердо намерен продолжать и “живым в руки КГБ не дастся”{304}.

Глава 16

Ростки предательства

Томас Милз был знатоком в проведении тайных операций. Лысеющий, худощавый Милз, многим запомнившийся своей мягкой манерой общения, руководил в штаб-квартире ЦРУ отделом, отвечавшим за разведывательные операции в Советском Союзе. Помимо прочих обязанностей, в его работу входило знакомство с молодыми оперативниками во время их учебы, до отправки в Москву. Обычно они приходили в “советский” отдел примерно раз в неделю, чтобы почитать накопившиеся телеграммы. Милз также был занят на учебных курсах для новобранцев по ведению наблюдения и методике агентурной работы.

Как-то вечером в конце мая 1984 года Милз и его жена Джоби принимали у себя дома в Вене, штат Виргиния, дипломатов из Восточной Европы. Вдруг в дверь постучали, и Милз, извинившись перед гостями, пошел открывать.

У двери стоял Эдвард Ли Ховард, с горящим от ярости лицом. Ховард был стажером в “советском” отделе в 1982 и 1983 годах, Милз курировал его. Ховард готовился поехать в Москву, где должен был стать новым куратором Толкачева. Но ЦРУ утратило к нему доверие, и его выставили из управления.

Милз спустился на дорожку и увидел, что с Ховардом приехала его жена Мэри. Она держала на руках их малыша. Рядом стоял сосед Милзов, сокурсник Ховарда.

Ховард был ростом метр восемьдесят, у него были карие глаза и волнистые черные волосы. Настроен он был мрачно и был взвинчен.

Милз не мог пригласить Ховарда войти – тот испортил бы гостям ужин. Поэтому он сказал, что сейчас неподходящее время для разговора.

Но Ховард был слишком взбудоражен и умолял Милза помочь ему,

выслушать его, может быть, отменить решение ЦРУ. Милз повторил, что сейчас разговаривать не может.

Ховард в ответ выругался: ЦРУ просто поимело его!

Мэри с трудом сдерживала слезы.

Милз вернулся в дом, расстроенный инцидентом. Ховард был никомушным стажером. Милз был рад, что его не отправили в московскую резидентуру. ЦРУ не хотело больше иметь с Ховардом ничего общего, и психиатры сказали, что разрыв должен быть полным, никакого сюсюканья, никаких надежд на возвращение. Но появление Ховарда у Милза было дурным знаком.

Ховард был в курсе некоторых данных, которые в ЦРУ хранились в строжайшем секрете. Его вышвырнули из агентства, что само по себе создавало проблему. Теперь он становился неуправляемым^{305}.

Эдвард Ли Ховард был сыном служащего ВВС. Его отец был сержантом, техническим специалистом по электронике управляемых ракет, а мать происходила из семьи испанцев, осевших на западе Нью-Мексико. Пока отец служил за границей, миром маленького Ховарда было ранчо деда в Аламогордо. Потом он поколесил по свету, каждые два-три года переезжая с родителями на новую военную базу. Закончив Техасский университет со специализацией в области бизнеса, он пошел добровольцем в “Корпус мира” в Колумбии, но там ему не слишком понравилось. Затем Ховард работал в Агентстве международного развития, управлял кредитными программами в Перу. Он получил степень магистра делового администрирования в Американском университете в Вашингтоне и затем возглавил чикагский офис консалтинговой фирмы *Ecology & Environment Inc.*, специализировавшейся на проблемах экологии. В 1976 году Ховард женился на Мэри Седарлиф, с которой познакомился в Колумбии – она тоже была волонтером в “Корпусе мира”. Ховард купил дом в пригороде Чикаго^{306}.

Все шло хорошо, но Ховарду было скучно. Он слишком много пил и ссорился из-за этого с Мэри. Он тосковал по заграничным поездкам. В 1979 году он заполнил анкету на вакансию в ЦРУ. Ему было двадцать восемь, он

объездил много стран, у него были способности к языкам, среди его предков были испанцы, он работал в ряде коммерческих компаний. ЦРУ тогда стало шире смотреть на отбор кандидатов и рекрутировать, по традиции, не только выпускников “Лиги плюща” – управление пыталось конкурировать с частными компаниями за лучших и умнейших молодых людей. Ховард прошел серию экзаменов и проверку службы безопасности. В декабре 1980 года ему предложили позицию в секретной службе. Он интересовался экономикой и надеялся получить приятную работу в Европе – например, собирать экономические разведданные в Швейцарии{307}.

Ховард прибыл на службу в штаб-квартиру ЦРУ в январе 1981 года и прошел стандартный тест на полиграфе. Он признал, что употреблял алкоголь, а также кокаин и марихуану в Латинской Америке, но это не стало поводом для дисквалификации. Его только предупредили, что он больше не должен употреблять наркотики или он будет отчислен. Вскоре Ховард с головой погрузился в занятия по базовой программе подготовки. Планировалось, что первое его задание будет в Европе, в Восточной Германии.

В феврале 1982 года ему внезапно предложили место в Москве. Почему это произошло, не ясно. Журналист Дэвид Уайз предполагал, что другой кандидат вышел из игры, а Ховард был в состоянии быстро его заменить{308}. Ховард, по его собственным словам, “никогда не проявлял никакого интереса” к Советскому Союзу, но принял назначение, решив, что для него это будет “прыжок по карьерной лестнице в ЦРУ”{309}. Он начал изучать русский в Джорджтаунском университете и по субботам ездил в штаб-квартиру ЦРУ, где читал переписку с резидентурой.

Ховард работал в “советском” отделе с 7 февраля 1982 года по 30 апреля 1983 года. У него был доступ к ежедневным оперативным телеграммам из московской резидентуры, в которых Толкачев обозначался как “Сфера”. Неизвестно, смог ли Ховард узнать настоящее имя Толкачева. Однако он стоял “на очереди” в Москву, готовился к работе с Толкачевым, так что, возможно, подробнее изучил материалы операции, в том числе письмо Толкачева 1978 года, в котором тот рассказывал о себе и своей профессии{310}.

Мэри также устроилась на работу в ЦРУ и прошла учебные курсы. В Москве ее задачей было бы прикрывать оперативные вылазки Ховарда –

преимущественно отслеживать появление наружных наблюдателей. Оба прошли интенсивную подготовку по работе в “запретных районах”, научились обнаруживать наблюдение КГБ и уходить от него. Курс предполагал много недель непростых упражнений на улицах Вашингтона. Специальные агенты ФБР играли роль групп наблюдения КГБ и заставляли молодых оперативников оттачивать свои навыки. Милз, который вместе с женой прошел через такие тренировки поколением ранее, иногда участвовал в занятиях. Как-то он наблюдал за Ховардом и отметил, что тот слишком медлителен. Мэри же выглядела робкой и напуганной. Упражнение, в ходе которого вооруженные агенты ФБР изображали группу захвата КГБ, довело Мэри до слез.

Ховарда также учили спускаться в люк и обслуживать “коленчатую трубу” – подземное прослушивающее устройство в окрестностях Москвы. Во время учебы нужно было пройти 16 километров с 15-килограммовым рюкзаком, чтобы воспроизвести в деталях процесс скрытной замены датчика. Обычно во время подготовки рюкзак набивали камнями, но Ховард сжульничал и затолкал туда картон. Инструкторы узнали об этом случае, но тогда не доложили о нем начальству.

Ховарда и его жену обучали приему избавления от слезки с помощью “Джека из коробочки”, они практиковались выпрыгивать из автомобиля в нужный момент. Ховард репетировал свой прыжок на газоне около Центра Кеннеди в Вашингтоне{311}.

К началу 1983 года Ховард уже был на полпути в Москву. Чтобы подкрепить свою легенду – он должен был работать сотрудником бюджетного отдела посольства США, – он прошел учебный курс для дипломатов за счет Госдепартамента. Он получил документ, подписанный президентом Рейганом и госсекретарем Джорджем Шульцем, датированный 11 марта 1983 года и подтверждавший, что Ховард – новоиспеченный сотрудник дипломатической службы США. В том же месяце родился его первый сын, Ли. Паспорта всей семье выслали для получения многоразовых дипломатических виз в Советский Союз. Им предстояло выехать в Москву в конце июня. В московской резидентуре Ховард должен был стать глубоко законспирированным агентом. Его выбрали в том числе потому, что он был молод и “чист”, а значит, в КГБ не должны были обратить на него особого внимания{312}.

Перед отъездом Ховард должен был пройти стандартную проверку на детекторе лжи. Он вспоминал, что после проведения теста (это было в апреле) экзаменатор пожал ему руку и пожелал удачи. Но в результатах теста обнаружились аномалии, которые привлекли внимание службы безопасности. Ховарда попросили пройти еще одну проверку на полиграфе. Ее результаты показали, что он солгал насчет какого-то преступления, совершенного в прошлом. Ховард признал, что однажды в самолете, будучи пьяным, стащил сорок долларов из косметички, оставленной на соседнем сиденье пассажиркой. Тогда от него потребовали пройти еще один тест, и он так разнервничался, что заранее выпил успокоительное, чем привел экзаменатора в бешенство. 29 апреля его попросили пройти четвертую проверку. Тесты один за другим показывали, что он обманывает экзаменаторов насчет какого-то уголовного проступка, а также в ответах на вопросы о злоупотреблении наркотиками и алкоголем. ЦРУ практически сразу же решило не отправлять Ховарда в Москву. Комиссия из высокопоставленных чиновников управления собралась, чтобы решить его судьбу. ЦРУ могло отправить его на должность, где бы не требовалось работать с секретными данными, но комиссия приняла решение о его немедленном увольнении. Дэвид Форден, в то время руководивший отделом ЦРУ по СССР и Восточной Европе, вспоминал, что комиссия (в ней состоял и сам Форден) приняла решение быстро. Форден охарактеризовал Ховарда как “неудачника”: “Я сказал: давайте избавимся от этого парня. Он бездельник”{313}.

3 мая Ховарду сообщили в штаб-квартире, что в Москву он не поедет. Ему поставили ультиматум: он или сам уйдет в отставку, или будет уволен. Причины увольнения не назывались. Его жена Мэри, которая тогда находилась в декретном отпуске, но оставалась сотрудницей ЦРУ, потребовала объяснений, но ЦРУ ничего объяснять не стало. Ховард сказал жене: “Они убеждены, что я врал”{314}. Так и было. ЦРУ считало, что нельзя доверять стажеру, только что провалившему четыре теста на полиграфе подряд, деликатнейшие операции в Советском Союзе. Директор ЦРУ мог своей властью снять с сотрудника все допуски, по сути, положив конец его работе в управлении. Ховард подписал документ об увольнении. Но до того, как его вывели из офиса, он снял копию со своего пропуска, где была его фотография и табельный номер, и скопировал еще кое-какие заметки{315}.

В ЦРУ сказали, что он будет получать зарплату еще полтора месяца,

что ему следует сходить на прием к главному психиатру управления Бернарду Маллоу, а также явиться на медицинский осмотр{316}. Управление подготовило резюме, которое он в дальнейшем мог использовать для трудоустройства. Там говорилось, что он в течение двух с половиной лет состоял на “внешнеполитической службе” в Госдепартаменте. ЦРУ никак не упоминалось{317}.

Ховард был “ошарашен”. Потом он вспоминал: “Я был ошеломлен – у меня внезапно выбили почву из-под ног – и разгневан тем, как бессердечно меня уволили и выкинули на улицу”{318}. Он решил вернуться в Нью-Мексико и устроился экономическим аналитиком в финансовом комитете законодательного собрания штата. На работе он занимался оценкой нефтегазовых доходов штата. Если его спрашивали о прошлом, Ховард отвечал, что в Госдепартаменте готовился к назначению в Москву, но передумал туда ехать с маленьким ребенком, поэтому уволился{319}. Он купил саманный фермерский дом по адресу: Верано-Луп, 108, в городке Эльдорадо, к югу от Санта-Фе, и намеревался “собраться с силами и начать новую жизнь”, вспоминала Мэри{320}.

Ховард подписывал бумагу, давая клятву о неразглашении государственной тайны. Предполагалось, что это клятва бессрочная, действительная и после увольнения из ЦРУ. ЦРУ могло его уволить, но не имело полномочий заниматься правоохранительной деятельностью в пределах Соединенных Штатов. Если Ховард представлял угрозу национальной безопасности, это был вопрос контрразведки, которой ведало ФБР. Но ЦРУ не проинформировало ФБР, что стажера, имевшего доступ к секретным оперативным материалам, вынудили уволиться. ЦРУ предпочитало не выносить сор из избы. Впрочем, даже если бы ЦРУ и предупредило ФБР, трудно сказать, предприняло бы что-то бюро или нет{321}.

А Ховард был в бешенстве и жаждал мщения. Через несколько недель после увольнения он пришел в консульство СССР на улице Фелпс-плейс в вашингтонском районе Калорама и оставил у дежурного записку за подписью “Алекс”. В ней он упомянул, что готовился к отправке в московскую резидентуру и что у него есть информация, которую он хочет продать за 60 тысяч долларов. К записке прилагалась копия его пропуска из ЦРУ. Ховард оставил инструкции насчет следующей встречи, в Капитолии, и случайным образом выбранный цифровой код. Он сказал Мэри, что

безопаснее было оставить записку в консульстве, чем в посольстве на 16-й улице, где у ФБР установлены камеры наблюдения^{322}.

Ховард назначил встречу с советскими представителями в туалете на верхнем этаже Капитолия на 20 октября 1983 года. Во время учебы в ЦРУ он узнал, что ФБР запрещен вход в Капитолий, а значит, его не могли бы там заметить. Кроме того, в Капитолии было полно туристов. Ховард несколько часов просидел в парке напротив советского консульства, обдумывая дальнейшие действия, но в конце концов решил не ходить на встречу в Капитолий. Вернувшись домой, он сказал Мэри, что просто не смог этого сделать^{323}. Виктор Черкашин, второй по старшинству офицер КГБ в Вашингтоне в то время, рассказывал, что в КГБ получили письмо Ховарда, но тоже решили не ходить в Капитолий, опасаясь, что это ловушка федералов^{324}.

После этого Ховард начал делать странные звонки в Москву. Поздно вечером, часто уже сильно пьяный, он набирал телефонный номер, который узнал в ЦРУ, – специальный канал связи с московским посольством, по которому дипломаты могли звонить в США и принимать звонки оттуда в обход ненадежных советских телефонных сетей. Этот канал связи не был защищен, его, скорее всего, прослушивали в КГБ, и он использовался для личных разговоров и официальных звонков по мелким рабочим вопросам. Однажды вечером, когда в Москве уже начиналось утро следующего дня, Ховард позвонил в посольство. К телефону подошел охранник, морской пехотинец. Ховард скороговоркой зачитал записанную на листке серию цифр и повесил трубку^{325}. В другой раз он представился и попросил передать шефу московской резидентуры сообщение, что он “не прибудет на медосмотр”. В этом не было никакого смысла, поскольку резидент и так уже знал, что Ховард не приедет. Шеф доложил о звонке в главное управление, те вызвали Ховарда и отчитали его.

На самом деле Ховард пытался с помощью этих звонков привлечь внимание КГБ. “Мой звонок в резидентуру ЦРУ насчет медосмотра, по сути, сообщал Советам, что мне предстояло выполнять роль глубоко законспирированного сотрудника ЦРУ”, – писал потом Ховард, пояснив, что “сделал тот звонок намеренно и потому что был сердит”^{326}. В другой раз Ховард позвонил в Москву и попросил к телефону русскую сотрудницу Раю, высокую блондинку, которая занималась оформлением виз для дипломатов, их жильем и наймом советских сотрудников. Она рассказала о

звонке руководству посольства и, без сомнения, КГБ. “Ему важно было дать о себе знать”, – пояснил сотрудник ЦРУ, который изучал запись. Ховард “в тактическом отношении был весьма изобретателен”.

Осенью 1983 года Ховард написал открытое письмо в советское консульство в Сан-Франциско. Казалось, это было банальное письмо от американского гражданина, выразившего озабоченность отношениями США и СССР. Ховард подписался своим именем. Мэри он сказал, что сделал это, чтобы “подразнить” ЦРУ и ФБР; они увидят это письмо и будут недовольны его прямым контактом с советскими властями^{327}.

Проблемы Ховарда с алкоголем усугублялись. 26 февраля 1984 года он сцепился с тремя парнями возле бара в Санта-Фе. У Ховарда имелось огнестрельное оружие и лицензия на его покупку и продажу. Под сиденьем джипа он держал револьвер *Smith & Wesson* 44 калибра. Он вошел в раж и нацелил пистолет на открытое окно их машины. Один из троих оттолкнул оружие, и пуля пробила крышу автомобиля. Ховарда скрутили и отняли пистолет. От стрельбы никто не пострадал, но Ховард был избит и провел ночь за решеткой. Потом он признал себя виновным по трем обвинениям в нападении с применением смертоносного оружия. Ему выписали штраф в 7500 долларов, направили к психиатру и условно осудили с пятилетним испытательным сроком^{328}.

Его психическое состояние было явно неустойчивым. В Нью-Мексико он приехал с бодрым намерением начать все сначала и даже, возможно, пойти в политику и баллотироваться на какой-нибудь пост. Но, как вспоминала Мэри, после пьяной драки он расстался с этой надеждой.

Он “начал говорить о том, чтобы сдать советским властям”^{329}.

В мае 1984 года Бертон Гербер, шефа московской резидентуры с 1980 по 1982 год, представителя нового поколения разведчиков, настаивавших на более агрессивных методах шпионажа в СССР, назначили главой отдела ЦРУ по СССР и Восточной Европе. И почти сразу он столкнулся с проблемой Эдварда Ли Ховарда. Гербер не нанимал Ховарда и не увольнял его, но теперь именно ему предстояло решить, что делать с этим человеком. Визит его к Милзу был дурным знаком. Изучив досье

Ховарда и поговорив с коллегами, Гербер выяснил, что на разрыве всяческих контактов с Ховардом после его увольнения настаивал штатный психиатр ЦРУ. Гербер заключил, что это было ошибкой. Если Ховард обладал конфиденциальной информацией, не следовало обращаться с ним так резко. И когда Ховард попросил возместить ему половину расходов на психиатра, утверждая, что его проблемы были спровоцированы работой в ЦРУ, Гербер одобрил эти выплаты.

В сентябре 1984 года два сотрудника ЦРУ вылетели в Санта-Фе, чтобы проверить состояние Ховарда. Это были Милз, глава “советского” отдела, и Маллой, психиатр ЦРУ. За завтраком в местном мотеле Ховард казался восстановившимся и возвращающимся к жизни. Он был хорошо одет и вроде бы оптимистически настроен. Сотрудники ЦРУ сообщили Ховарду, что ЦРУ оплатит его консультации с психиатром.

Во время разговора Ховард сделал пугающее признание. Он сказал, что сидел в парке у советского консульства и размышлял о том, что будет, если он пойдет туда. И что он подумал, что в КГБ сидят прижимистые люди и ему вряд ли хорошо заплатят, так что в итоге он решил не заходить{330}.

Это была ложь. На самом деле он успел сделать гораздо больше. За несколько дней до этого завтрака Ховард и его семья вернулись из поездки в Европу. Уже после его увольнения ЦРУ по недосмотру выслало Ховарду дипломатические паспорта для него и его семьи; с этими паспортами они и поехали. Они побывали в Италии, Швейцарии, Германии и Австрии.

Как-то ночью в Милане Ховард, совсем пьяный, ушел из гостиницы около полуночи и вернулся в четыре утра. На обратном пути его остановил полицейский, заметивший, что он пьян. Ховард показал свой дипломатический паспорт, и его отпустили{331}. Вероятно, в эти часы он установил контакт с КГБ. Что именно тогда произошло, неизвестно, но потом Ховард хвастался приятелю, что Милан был “прикрытием” для встречи с советскими представителями и что там он сделал закладку в тайник. Мэри во время поездки не заметила ничего необычного{332}.

И это было только начало.

В октябре 1984 года ему домой позвонил мужчина с мягким, приятным голосом, говоривший с легким акцентом. Мужчина поинтересовался

рукописью, которую Ховард якобы выставил на продажу. По формулировке вопроса Ховард понял, что речь идет о письме, которое он оставил в советском консульстве в 1983 году. Ховард ответил, что продавать ему нечего и чтобы тот больше ему не звонил. Но мужчина повел себя настойчиво. Он сказал, что может устроить Ховарду серьезные неприятности, а может, наоборот, сделать его жизнь гораздо более приятной. Он сказал, что, возможно, готов заплатить вдвое больше предложенной Ховардом суммы в 60 тысяч долларов. Собеседник попросил Ховарда подумать об этом и сказал, что перезвонит позже{333}.

Черкашин, второй человек в руководстве КГБ в Вашингтоне, писал в своих воспоминаниях, что это он звонил тогда Ховарду и что тот “с энтузиазмом отнесся к перспективе работать на нас”. Черкашин также писал: “Я сказал ему, что ему нужно будет поехать в Вену, чтобы встретиться со своим куратором, и что мы свяжемся с ним позже и проинформируем, когда и как поехать туда. Он согласился”{334}.

После звонка Ховард отправил в советское консульство в Сан-Франциско открытку за подписью “Алекс”. Так он должен был подтвердить встречу в январе 1985 года в Вене. Месяц спустя ему еще раз позвонили по поводу поездки{335}.

Ховард сказал Мэри: “Я достану этих ублюдков” из ЦРУ. “Я их так прижму, как им и не снилось”{336}.

Глава 17

“Осилить”

Толкачева расследование в его институте сильно подкосило. Даже год спустя он все еще прокручивал в уме все случившееся. Вечером 19 апреля 1984 года на встрече с оперативником ЦРУ Толкачев передал оперативную записку на 13 страницах, где извинялся за свою панику. “Сегодня, перебирая в уме все события, случившиеся в конце апреля 1983 года, я должен признать, что мои действия были слишком поспешными”, – писал он. Он опять просил прощения “за то, что уничтожил так много всего в тот момент” и “за то, что не передавал никакой новой информации в течение целого года”^{337}. Толкачев вручил оперативнику заметки и чертежи советских радаров на 26 страницах – их он составил по памяти – и вернул два полностью использованных фотоаппарата *Tropel*. Оперативнику он рассказал, что меры безопасности в институте не поменялись, они по-прежнему очень строгие, хотя с осени внезапные проверки прекратились. Он не был уверен, дурной это знак или свидетельство того, что опасность миновала. Он писал, что, возможно, КГБ узнал об утечке, но выяснил недостаточно, чтобы отследить ее. А может быть, там просто заранее готовили списки людей с указанием, кто о чем осведомлен, – на случай, если они понадобятся^{338}.

Эта встреча была первым контактом Толкачева с московской резидентурой после осенней встречи, когда он рассказал им о своей панике. ЦРУ не имело связи с ним много месяцев и тревожилось о его настроении. В оперативной записке его заверяли, что он поступил правильно. “В опасной ситуации вы проявили большую смелость, разумную осторожность и самообладание, достойное восхищения, – писали они. – Мы понимаем ваше желание не оставлять КГБ никаких улик и полностью поддерживаем решение уничтожить все свидетельства вашей связи с нами”.

Кроме того, чтобы успокоить Толкачева по поводу его безопасности, ЦРУ приложило отдельную записку из штаб-квартиры, в которой

рассказывалось, как ведется работа с его материалами в Соединенных Штатах. В ней говорилось, что с самого начала операции ЦРУ ввело особые правила, в том числе правила хранения документов в тех немногих ведомствах, которые их получали. “Никакие материалы, кроме ваших, не могли содержаться в этих хранилищах. Ни материал целиком, ни отдельные его части не могли быть вынесены из мест хранения”. Каждый, кто читал эти материалы, должен был ставить личную подпись. “Таким образом, мы всегда знаем, кто читал какой документ и когда именно”. Кроме того, писали из ЦРУ, распространялись только переводы, а не оригиналы, и были введены жесткие ограничения даже насчет того, кто мог обсуждать разведанные Толкачева. В ЦРУ подчеркивали, что информацию о “системе опознавания цели”, которую Толкачев передал в марте 1983 года, показывали специалистам в правительстве США много позже институтской проверки, так что утечки в Соединенных Штатах быть не могло.

Эти успокоительные слова были верны – поскольку они перечисляли ограничения на передачу информации Толкачева вовне. Но там не было и намека на возможность предательства изнутри.

В оперативной записке ЦРУ рекомендовало Толкачеву при появлении малейшей угрозы или новых проверок прекратить работу и затаиться. “Несмотря на ценность вашей информации и сугубо важное значение, которое придают ей высокопоставленные лица в нашем правительстве, ваше благополучие для нас стоит на первом месте”. В случае опасности, писали из ЦРУ, “без колебаний уничтожайте все материалы и прекращайте любую деятельность в наших интересах на любое, сколь угодно долгое время”.

При этом ЦРУ и его армейские “клиенты” по-прежнему хотели по возможности получать от Толкачева новые материалы. Оперативник передал Толкачеву еще два фотоаппарата *Tropel*, спрятанных в футлярах для ключей, а также 120 тысяч рублей как частичное возмещение сожженных на даче денег. В резидентуре также положили в посылку немного женьшеня и дали Толкачеву медицинские советы: призвали его научиться расслабляться и уменьшить потребление соли. “Мы считаем вас не просто коллегой, но и другом. И мы дружески просим вас позаботиться о своем здоровье”{339}.

Во время апрельской паники Толкачев уничтожил 35-миллиметровый

фотоаппарат *Pentax* , так что он располагал только теми двумя миниатюрными камерами *Tropel* , которые Моррис дал ему прошлой осенью. В оперативной записке он пояснил, что рискнул взять их с собой на работу, чтобы скопировать документы, которые теперь не мог выносить из здания из-за жестких ограничений. Однако выражался он довольно туманно. Он написал, что “с точки зрения безопасности мне удобнее выполнять всю процедуру стоя, а не сидя”. Непонятно было, где именно он стоял и почему. При этом оказалось, продолжал Толкачев, что стоя ему трудно держать крохотную камеру точно в 28 сантиметрах от страницы. Поэтому он расплющил на нужном расстоянии вязальную спицу и привязал к ней камеру резинкой. Получился фактически штатив. Толкачев боялся, что спица отбрасывает на страницу тень, поэтому некоторые страницы он решил переснять. “К сожалению, – писал он, – когда я фотографировал повторно, я так спешил, что мог забыть снять крышку с объектива”. В будущем, сказал он, я не буду снимать каждую страницу дважды из-за времени – “его совершенно не хватает”{340}.

Больше ничего про фотографии он не сказал, а у ЦРУ не было возможности уточнять. Он повторил свою просьбу передать ему еще одну 35-миллиметровую камеру *Pentax* .

27 апреля штаб-квартира сообщила, что съемка с двух фотоаппаратов *Tropel* , которые Толкачев передал оперативнику, “в целом превосходна”, а один из этих документов – настоящая “победа”. Его заметки от руки, сделанные по памяти, оказались “очень ценны и содержат чрезвычайно много мелких деталей”.

“Наше первоначальное впечатление после предварительного прочтения материалов заключается в том, что “Сфера” вполне восстановился после прошлогоднего стресса, – заключали в штаб-квартире, – и снова идет на риск (например, фотографирует в лаборатории) в своем стремлении нанести как можно больше ущерба системе”.

В своей оперативной записке Толкачев в этот раз уделял больше внимания своим личным проблемам. Он все еще думал об операции по исправлению переносицы. “Не удивляйтесь, если я приду на одну из встреч с прямым носом”, – написал он ЦРУ.

Он также рассказал, что у него возникла еще одна проблема со

здоровьем. “Хорошо известно, что с возрастом здоровье не улучшается”, – заметил он, описывая приступ острого “хронического анацидного гастрита”, случившийся с ним в марте. “У меня была высокая температура, я болел две недели и не ходил на работу, – писал он. – После этого приступа боли в желудке продолжались больше месяца. Я был вынужден сесть на строгую диету”. Советский врач прописал ему плоды шиповника и облепиховое масло, но аптечные полки в Москве почти опустели: “Практически невозможно раздобыть эти масла даже по рецепту”. Лекарства можно было найти на черном рынке, но им Толкачев пользоваться не хотел. “Было бы прекрасно, если бы вы смогли найти для меня немного шиповника и облепихового масла”, – писал он. Толкачев также страдал периодонтитом – его зубы болели от холодной пищи. Он хотел получить французское лекарство, которое в Москве тоже было не найти, с инструкцией на русском языке. Также ему и его жене нужны были новые очки; он приложил рецепты. А сыну требовались еще шесть-восемь пузырьков чертёжной туши и бутылка очистителя для той техники, что ЦРУ переслало ему раньше^{341}.

ЦРУ все эти запросы успокоили. В телеграмме из штаб-квартиры отмечалось, что к Толкачеву “вернулась его энергия и он снова намерен собирать для нас информацию согласно составленному им самим графику”. Толкачев, “судя по всему, с прежним упорством стремится к безотлагательному выполнению принятой на себя задачи”. В Лэнгли начали собирать посылку по списку Толкачева, положив туда немецкие аналоги *Di-Gel* и *Maalox* [359] ^{342}.

Летом 1984 года ЦРУ сменило Толкачеву кодовое имя. Это, по словам штаб-квартиры, была стандартная процедура безопасности, потому что слово “Сфера” использовалось уже шесть лет.

Его новое кодовое имя было SKVANQUISH – “Осилить”.

К осени Толкачев, похоже, поправился. 11 октября он встретился с сотрудником ЦРУ, они проговорили 20 минут, и оперативник счел его “более здоровым и энергичным”, чем весной. Оперативник пришел с объемистыми посылками, в которых находились 168 750 рублей и большая часть предметов из его списка. Толкачев передал оперативнику два

фотоаппарата *Tropel* с отснятой пленкой и 22 рукописные страницы, в том числе оперативную записку. Он сразу спросил о фотоаппарате *Pentax*: не принес ли его оперативник? Толкачев в нем очень нуждался. Но ЦРУ решило не выдавать камеру, опасаясь, что тот пойдет на слишком серьезный риск.

Толкачев настаивал, что к зиме вновь сможет выносить документы из института, пряча их под пальто, невзирая на риск. Он сказал оперативнику, что обстановка в институте вроде бы спокойная, новых расследований не ведется. Когда тот заметил, что ему это все равно кажется опасным, Толкачев повторил: “Все, чем мы занимаемся, опасно”.

Потом Толкачев объяснил, почему он фотографировал документы стоя. Он брал их с собой в мужской туалет, запирался там, выкладывал документы на узкую полку под крохотным окошком и снимал их на мини-камеру^{343}.

В оперативной записке Толкачев убеждал ЦРУ передать на следующей встрече фотоаппарат *Pentax*, чтобы работать так же продуктивно, как раньше. Конечно, он может просто делать заметки, это безопасно. Но, как он писал:

Таким способом невозможно выработать много, тогда как я всегда, с самого начала, стремился собирать и передавать максимально большие объемы информации. И теперь, в обстоятельствах более трудных по сравнению с ранним периодом моей деятельности, мой настрой не изменился. Я чувствую, что уже не в состоянии стать умереннее, что это до некоторой степени часть моего характера. И в этом случае я на собственном опыте и в который раз убеждаюсь в точности и справедливости таких присловий, как “натуру не переделаешь”^{344}.

Фотографии, сделанные Толкачевым в туалете, оказались четкими, за исключением нескольких кадров, когда он не до конца нажал на кнопку затвора. Из штаб-квартиры написали, что его записка “впервые настолько

ярко рисует портрет человека, чей “настрой”, обусловленный его твердым характером, побуждает его пренебрегать очевидным риском, чтобы собрать как можно больше информации”. Но все-таки штаб-квартира противилась выдаче Толкачеву *Pentax*. Они приняли компромиссное решение – передать ему больше мини-фотоаппаратов *Tropel* {345}.

Октябрьская встреча – уже двадцатая по счету – прошла вполне по-деловому. Но Толкачев не выказывал той личной теплоты и открытости, какую демонстрировал при общении с Джоном Гилшером и Дэвидом Ролфом. Так, он не сказал оперативнику, что его сын Олег, о котором так много говорилось в его сообщениях, 1 августа женился (ему было 19 лет) и переехал жить к родителям жены {346}.

Заметки Толкачева вновь внушили штаб-квартире оптимизм по поводу всей операции. Впервые с 1982 года он ответил на конкретные вопросы ЦРУ о советских комплексах вооружений. Сотрудники отдела, к которым поступали донесения от агентов, а также запросы для агентов, отметили, что материалы Толкачева “видимо, свидетельствуют о том, что он вполне пришел в себя после кризисных событий” {347}. ЦРУ подготовило для Толкачева оперативную записку, где подчеркивалось, насколько ценны его материалы, и повторялась просьба избегать ненужного риска. “Вы должны понимать, – говорилось в записке, – что информация, которую вы предоставляете нам, считается буквально бесценной” не только экспертами в области вооружений, но и лицами, формирующими политику национальной безопасности.

“Лишиться такой информации, – писало ЦРУ, – будет тяжелым ударом для нашего правительства, ударом, который серьезно ослабит наши национальные позиции как сейчас, так и на годы вперед” {348}.

Вечером 18 января 1985 года Толкачев на пять минут опоздал на встречу с оперативником ЦРУ. На улицах лежали горы снега, температура упала до минус пятнадцати, и ему долго не удавалось припарковаться. Когда он добрался до места, они обменялись словесными паролями, несколькими любезностями и пошли в машину Толкачева, чтобы поговорить в тепле.

Толкачев сразу спросил: есть ли у вас *Pentax* ? Оперативник ответил, что нет, это слишком рискованно. Толкачев был огорчен, но сказал, что смиритесь с этим решением, хотя ему бы очень хотелось, как в прежние времена, отщелкивать десятки катушек большим фотоаппаратом, прочно укрепленным на спинке кресла, разложив документы на столе в своей квартире и включив хорошую настольную лампу.

В туалетной кабинке института, где он фотографировал документы фотоаппаратами *Tropel*, окно было покрашено белой краской. Даже в солнечные дни освещение было тусклым, а в пасмурные – того хуже. Этот маленький туалет находился в соседнем здании, соединенном переходом с его лабораторией, и туда ему было легко проносить секретные материалы. Пропуск при переходе из одного здания в другое не проверяли. Но на всякий случай, для прикрытия, Толкачев обычно заглядывал по дороге к приятелю из соседнего отдела, чтобы объяснить свое присутствие в здании. В туалетной кабинке он мог запереться и остаться в одиночестве. Толкачев рассказал оперативнику, что недавно заснял “очень важный документ”. Он воспроизвел название документа по памяти: “Целевая комплексная программа научно-исследовательских, экспериментальных и опытно-конструкторских работ по созданию фронтовых истребителей и истребителей ПВО 1990-х гг.” Документ явно обещал стать очередным информационным сокровищем для ЦРУ – советские планы развития военной авиации на текущее и следующее десятилетие. Но Толкачев сказал, что фотографии были сделаны в пасмурный день, и голос его, когда он говорил о той съемке, звучал неуверенно{349}.

Он передал оперативнику фотоаппараты *Tropel* и рукописные заметки в заклеенном пакете. Оперативник же вручил Толкачеву несколько пакетов: еще пять камер *Tropel*; 100 тысяч рублей; график встреч на следующие три года; инструкции по новым сигналам и местам встреч, в том числе о месте следующей встречи, намеченной на июнь, под кодовым названием “Трубка”. График и инструкции от ЦРУ свидетельствовали о том, что они планируют продолжать операцию еще какое-то время. В передаче также были три книги на русском и оперативная записка с рассказом о том, каким бесценным и важным оказался материал Толкачева для Соединенных Штатов.

Толкачев составил для ЦРУ длинный список личных просьб. Ему нужен был обогреватель для заднего стекла автомобиля. Он по-прежнему

страдал от зубной боли и просил еще французское лекарство. Он также хотел получить альбомы и книги по архитектуре для сына, а еще французские фломастеры с мягким наконечником, вроде тех, что появились прошлым летом в Москве. Он передал оперативнику использованный фломастер как образец.

А еще Толкачев жаждал получать новости, публикуемые на Западе, – вырезки из газет и русскоязычные газеты, выходящие в Соединенных Штатах. Он попросил прислать ему информацию о контроле над вооружениями, важные выступления западных лидеров и пресс-конференции советских беженцев и перебежчиков на Западе. Толкачев сказал, что его сын считает своих преподавателей по английскому “очень плохими”, и попросил ЦРУ записать на кассеты обширный аудиокурс английского языка, с выдержками из юмористических рассказов и политических речей, желательно, чтобы читали разные дикторы. Он предложил оплатить покупку такого курса с его депозитного счета.

В оперативной записке для Толкачева резидентура сообщала, что баланс его счета составляет 1 990 729 долларов 85 центов{350}.

Времени было мало. У оперативника был включен диктофон. Он спросил Толкачева о последних слухах: не известно ли ему что-нибудь о здоровье советского лидера Константина Черненко?

“Нет, ничего”, – отвечал Толкачев.

“А правда ли, что красные почтовые ящики пропадают с московских улиц, и что это может значить?”

Толкачев сказал, что не часто пишет письма, так что не обращал на это внимания.

Прошло 20 минут, оперативник открыл дверь машины и быстро растворился в темноте.

Это была двадцать первая встреча Толкачева с ЦРУ.

Когда в резидентуре на следующий день открыли письменные заметки Толкачева, они заметили одну странность. Со страницами под номерами 1–10 было все в порядке, потом шли страницы 34–35, потом еще скачок в

нумерации – к страницам 52–57. Они не поняли, в чем дело{351}.

Но в целом было похоже, что Толкачев вернулся к работе. Гербер, глава “советского” отдела, прочитал телеграмму из резидентуры с описанием встречи и написал наверху страницы: “Отлично”.

31 января штаб-квартира прислала в Москву сообщение, где говорилось, что они “по-прежнему настроены оптимистично” относительно того, что кризис с проверками 1983 года “миновал”. Они “особенно довольны”, что условия фотосъемки в институте оказались “гораздо лучше, чем могли быть”; также “вселяет надежду то обстоятельство, что ему не требуется проходить через посты охраны” по пути в туалет{352}.

Но несколько дней спустя из главного управления пришли тревожные известия. Последняя пленка оказалась нечитаемой. Негативы были “чрезвычайно недоэкспонированы из-за недостатка освещения”. При слабом свете фотоаппараты *Tropel* попросту не работали. Ценный документ, который Толкачев с таким старанием переснимал в институтском туалете, был потерян. Была и еще одна необъяснимая загадка. На одном конце фотоаппаратов *Tropel* были навинчивающиеся колпачки. “Колпачки на двух камерах явно поменяли местами”, – сообщали из главного управления{353}. Ошибка, сделанная в спешке, или что-то иное?

В феврале в штаб-квартире ЦРУ был составлен и отправлен в московскую резидентуру аналитический отчет, оценивающий уровень безопасности Толкачева на основе всего корпуса телеграмм и сообщений последних четырех лет. Его авторы подробно изучили институтскую пропускную систему и порядок выдачи секретных документов из библиотеки, описанные Толкачевым. Аналитики подчеркивали, что хотя Толкачеву в течение нескольких лет поразительно успешно удавалось выносить документы из института и фотографировать их дома, теперь власти “ввели ряд взаимосвязанных ограничений и проверочных пунктов”, вследствие чего выносить документы из института труднее. Они также писали, что “вселяет оптимизм” известие, “что “Осилить”, очевидно, может свободно перемещаться по территории института”. Тем не менее они рекомендовали ЦРУ оставаться настороже и искать способы уменьшить риски для Толкачева. Однако документ анализировал исключительно риски, которые Толкачев сам создавал своими действиями, и не рассматривал

угрозы от других источников. В ЦРУ исходили из того, что меры безопасности в их собственной штаб-квартире очень строгие. Утечка из Лэнгли или от армейских “клиентов”, которые столь успешно пользовались данными Толкачева, считалась немислимой{354}.

4 марта московские оперативники подали Толкачеву визуальный сигнал с просьбой о внеочередной встрече. В резидентуре хотели рассказать ему о бракованной последней пленке и выдать новый экспонометр и фотоаппараты с другой пленкой, приспособленной для съемки при слабом освещении. “Мы считаем, что есть хороший шанс, что “Осилить” сможет возобновить успешную съемку в относительно безопасных условиях туалета”, – писали из штаб-квартиры{355}. Но Толкачев на сигнал не отозвался.

На следующей неделе оперативник увидел сигнал, однако был в нем не уверен: это была другая форточка, хотя ее и открыли в нужное время.

Так или иначе, но Толкачев не появился.

В конце марта подошла дата дополнительной встречи, но Толкачев на встречу опять не пришел{356}.

Глава 18

Измена

В январе 1985 года Эдвард Ли Ховард полетел в Вену на встречу со своими советскими связными{357}. Жене Мэри Ховард сказал, что КГБ хочет оценить добросовестность его намерений и проверить информацию, которую он предлагает. КГБ компенсировал Ховарду расходы на поездку, но ему сказали, что прежде чем заплатить что-то еще, нужно найти подтверждение его материалам. Что именно произошло в Вене, неизвестно. Сам Ховард рассказывал потом жене, что его подобрали у входа в кинотеатр и возили по городу около получаса, чтобы проверить, нет ли слежки. На него произвели впечатление методы их работы. Затем его провели через заднюю дверь в советское посольство, где два сотрудника – он называл их Борис и Виктор – опрашивали его в течение трех или четырех часов. Он чувствовал себя значимой персоной, с ним обращались уважительно, наливали выпить и поставили перед ним икру. Один из тех двоих прилетел в Вену из Москвы. Ховард говорил, что сотрудники КГБ “все еще не полностью были убеждены в его добросовестных намерениях, потому что не смогли подтвердить часть переданной им информации”. Он рассказывал, что “ему обещали выплатить значительную сумму денег” на следующей встрече{358}.

Из-за границы Ховард отправил другу открытку со словами “Я говорил со своим куратором”{359}.

В апреле он вернулся в Вену, на этот раз вместе с Мэри. Она вспоминала, что Ховард расплачивался дорожными чеками, а не своей кредиткой *American Express*. Они остановились в четырехзвездочном отеле “Бетховен” на два дня. Ховард заполнил заявку на трудоустройство в одном из агентств ООН в Вене и написал, что сможет прибыть на собеседование 25 апреля 1985 года. Жена подвезла его к офису ООН{360}. Но это было лишь прикрытие: Ховард уже позвонил в ООН и отменил собеседование{361}. Очевидно, в этот раз он снова встречался с советскими разведчиками. Потом Ховард писал, что он также ездил в

Цюрих и “исполнил свою давнюю мечту, купив за 600 долларов часы *Rolex*”{362}.

Ховарду было что предложить КГБ. Он знал, что у Соединенных Штатов есть шпион в недрах советского военно-промышленного комплекса, а также подслушивающее устройство на одной из самых секретных советских линий связи. В ЦРУ Ховарда готовили к обеим этим операциям. Он многое знал о методах работы и технологиях ЦРУ, таких как миниатюрные радио, маскировка, приемы избавления от хвоста и “Джек из коробочки”.

В 1984 и 1985 годах Ховард откровенничал со своим другом Уильямом Бошем, бывшим оперативником ЦРУ в Латинской Америке, покинувшим управление из-за подозрений, что он продавал информацию Советскому Союзу. В этот период Ховард несколько раз встречался с Бошем и хвастался своими контактами в КГБ. Он рассказал Бошу, что его отпуск в Милане был “прикрытием”, что он заложил передачу в тайник для советских оперативников, а также вынес секретные документы ЦРУ и спрятал их для последующей передачи КГБ. Ховард как минимум однажды пытался уговорить Боша присоединиться к нему и “повидаться с Борисом, моим куратором”. Позднее Бош выражал тревогу насчет психического состояния Ховарда и утверждал, что не был уверен, шутит тот или говорит серьезно. Но у Боша были свои проблемы с ЦРУ, и он ни о чем не рассказал властям{363}.

Владея информацией, полученной от Ховарда, КГБ начал искать шпиона в обширной сети военных исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов, разбросанных по одиннадцати часовым поясам. Хотя КГБ служил жестоким исполнителем репрессивной политики, с годами эта организация стала в большей степени соблюдать законы и юридические процедуры. Они не могли действовать, опираясь лишь на подсказки Ховарда. Они искали доказательства и хотели застукать шпиона за работой. Очевидно, Ховард передал КГБ какие-то подробности, но не назвал – или не мог назвать – его имени. Ховард потом утверждал, что имени агента не знал{364}. Все, что было у КГБ, – это туманное описание шпиона. Несколько участников операции потом вспоминали, что начиналась она с более общего расследования, в ходе которого искали подозреваемых в авиационной и радиопромышленности. Но затем расследование сузилось до одного института – “Фазотрона”{365}.

После того как КГБ начал работать с Ховардом, еще один сотрудник американской разведки предложил советской спецслужбе свои услуги и сообщил новую информацию. 16 апреля 1985 года Олдрич Эймс, высокий человек с усами и в толстых очках, вошел в бар отеля “Мейфлауэр” в центре Вашингтона. Он возглавлял контрразведку в “советском” отделе в Лэнгли. Коллеги считали Эймса довольно слабым и посредственным сотрудником. В баре он ждал появления советского дипломата. Когда стало ясно, что тот не придет, Эймс прошагал два квартала до советского посольства на 16-й улице. Он вручил дежурному конверт и жестами показал, что хочет передать его резиденту КГБ наверху. В конверте было предложение Эймса стать агентом СССР. Там он описал два-три случая, когда советские люди обращались в ЦРУ и предлагали свои услуги – но Толкачева среди них не было. Эймс также приложил страницу из внутреннего телефонного справочника ЦРУ, где значились его имя и должность. Он попросил за свою информацию 50 тысяч долларов. 15 мая Эймс вернулся в посольство. Во время встречи в звуконепроницаемой комнате ему сказали, что деньги выплатят. Два дня спустя сотрудник КГБ передал ему эту сумму стодолларовыми купюрами в ресторане. До этого момента Эймс лишь намекал советской разведке на свой потенциал и еще не выдал большого объема секретных материалов. Он не раскрыл операции вроде “Осилить” и “Коленчатой трубы”. Но, несомненно, пообещал рассказать больше{366}.

Весной и летом 1985 года штаб-квартира ЦРУ столкнулась с рядом аномалий, связанных с разведывательными операциями против СССР. У них не было единого и убедительного объяснения, и не все из них могли быть связаны с предательством Ховарда и Эймса. В тот момент ЦРУ еще и не знало об этом предательстве. Но события 1985 года разворачивались быстро и произвели в штаб-квартире потрясение. И больше всего тревожили те отклонения от нормы, которые невозможно было объяснить.

В мае Сергея Бохана, давнишнего агента ЦРУ в Афинах, служившего в ГРУ – советской военной разведке, внезапно вызвали в Москву. Бохану сказали, что у его сына неприятности в военной академии, но он знал, что это неправда. Вдруг его разоблачили и в Москве арестуют? Бохан проконсультировался с ЦРУ, и по решению, одобренному главой “советского” отдела Гербером, его буквально через пару дней вывезли в Соединенные Штаты{367}.

В апреле того же года оперативник московской резидентуры Майкл Селлерс познакомился с источником в КГБ, представившимся как “Стас”. Его настоящее имя ЦРУ было неизвестно. Это был грубоватого вида человек, чей рыкающий говор не всегда можно было понять, но Селлерс справился. Они гуляли по улицам, без хвоста, и около полутора часов разговаривали. “Стас” выдал массу ценных данных, в том числе рассказал, что московская резидентура допустила крупную ошибку в одной из своих операций{368}. Когда они уже прощались, “Стас” достал какой-то флакончик с аэрозолем и впрыснул что-то в полиэтиленовый пакет. Он объяснил Селлерсу, что это образец загадочного порошка, с помощью которого КГБ отслеживал сотрудников московской резидентуры. Оперативники КГБ опрыскивали этим химическим веществом дверные ручки автомобилей и другие места. При специальном освещении налет от этого шпионского порошка был виден на дверных ручках, телефонных трубках или стеклах в автобусе. Селлерс замечал что-то подобное в собственной машине, даже на детском кресле, – налет был похож на желтую пчелиную пыльцу. Теперь у США появилось подтверждение. Но почему “Стас” пришел к ним? Кто он такой? Это было не ясно{369}.

Весной оперативник московской резидентуры отправился на плановую проверку к месту прослушки подземного кабеля. С помощью электронного прибора оперативник “допросил” записывающее устройство на предмет вмешательства, и оно в ответ выдало сигнал тревоги. Датчик работал не идеально, и тревога могла оказаться ложной. Но оперативник решил проверку прервать. После некоторых споров в резидентуре решили попробовать еще раз, прикинув, что ради шпионского устройства, обошедшегося в десятки миллионов долларов, стоит рискнуть. Оперативник вернулся на место, без проблем извлек записывающее устройство, и его отослали в США. Но поток ценных данных, годами поступающих с советского кабеля, полностью иссяк. Никто не понимал, в чем дело{370}.

На фоне этих тревожных событий и вопросов, остающихся без ответа, ЦРУ решило не беспокоить Толкачева до следующей встречи, запланированной на июнь. Летом солнечного света будет больше, и ЦРУ сможет выдать ему новую пленку или фотоаппарат получше. В резидентуре и штаб-квартире были уверены, что могут решить проблему с фотосъемкой, пусть Толкачеву и придется снимать только в солнечные дни{371}.

Глава 19

Без предупреждения

Вечером 10 марта 1985 года немощный советский лидер Константин Черненко скончался. На следующий день новым лидером Советского Союза – четвертым за три года – стал самый молодой член Политбюро Михаил Горбачев. Толкачев обычно не интересовался политическими новостями. Дома он погружался в чтение технической литературы и не обращал внимания на новостные программы и заявления партийных властей. Он презирал их всех и вообще редко смотрел телевизор. Он не верил, что советская система может поменяться. Но когда перемены начались, Толкачев их заметил. После избрания Горбачева он не мог оторваться от телевизора. Однажды дома он изумился: “ Ты заметила, что в этом телевизионном концерте не было ни одной пропагандистской песни?!” Он стал часто читать газеты, чего не делал уже много лет. Горбачев с его призывами к новому мышлению вызывал у него интерес и будоражил. Неужели их утраченные надежды времен оттепели все-таки сбудутся?{372}

В среду 5 июня, в день запланированной следующей встречи, оперативник резидентуры проверил состояние форточки. В этот раз было открыто “правильное” окно – сигнал о готовности Толкачева. Но оперативнику пришлось отказаться от встречи, поскольку наблюдение за ним было слишком плотным{373}.

На выходные 8 и 9 июня Толкачев и его жена Наташа поехали к себе на дачу к северу от Москвы. Сын Олег больше не ездил с ними за город. Пока Толкачев с женой отсутствовали, сотрудники КГБ тайно проникли в их квартиру и обыскали ее. Они обнаружили перьевую ручку с таблеткой для суицида. Возможно, они нашли на антресолях и другие материалы ЦРУ, в том числе график и карту предстоящих встреч{374}.

Друг Толкачевых вспоминал, что на даче Адик часто занимался

столярными работами, чинил оконные рамы, а Наташе нравилось возиться в саду. Вечером в воскресенье, 9 июня, они планировали повидаться в Москве со старыми друзьями, Рожанскими{375}. Перед выездом с дачи Адик надел легкую куртку, а его жена – платье в черно-белую клетку, с разрезами на рукавах, предполагая сразу отправиться в гости к друзьям. За руль села Наташа, недавно получившая водительские права. В эти выходные за городом было прохладно, а когда они выехали, заморосил дождь. Наташа включила дворники.

На узкой двухполосной дороге, проложенной сквозь сосновый и березовый лесок, их машину жезлом остановил сотрудник ГАИ в форме и дождевике. Дорожная проверка – дело обычное, но в этих местах гаишники встречались редко. Их болотного цвета “жигули” свернули на обочину и резко затормозили у припаркованного сине-белого милицейского фургона. Сотрудник ГАИ козырнул и попросил владельца машины выйти.

Адик и Наташа на мгновение замерли, а потом Адик вылез с пассажирского сиденья. Кажется, он положил что-то – наверное, документы – в левый внутренний карман куртки, когда вылезал.

Милиционер приказал ему пройти вперед, к другим автомобилям, стоящим у обочины. Толкачев прошел шагов десять, двигаясь вслед за милиционером. Потом поднял левую руку и почесал подбородок справа.

В этот момент на него сзади прыгнул темноволосый усатый парень с белым кляпом в руке. Правой рукой он сделал захват за шею, а левой затолкал Толкачева в рот кляп. Другие – их было еще трое – схватили Толкачева за руки, завели их за спину, подняли его и понесли к фургону. Толкачев с кляпом во рту не издал ни звука. Двери бело-синего фургона распахнулись, и Толкачева затолкали внутрь.

Его жену вывели из “жигулей” и повели к другой машине. Прежде чем сесть, она в замешательстве оглянулась.

Среди остановивших их людей не было ни одного сотрудника ГАИ. Все были из КГБ.

В фургоне с Толкачева, чью шею все еще держал в захвате сотрудник КГБ, стянули всю одежду, чтобы убедиться, что у него нет с собой ампулы с ядом. В КГБ хорошо помнили, как несколько лет назад Огородник обвел

их вокруг пальца, приняв яд, спрятанный в перьевой ручке. Затем Толкачева переодели в спортивный костюм и повезли в том же фургоне в Лефортово – печально известную московскую тюрьму КГБ. Там ему отдали его собственную одежду, которую еще раз прощупали в поисках пилюли{376}.

Рожанские, не дождавшись ни звонка, ни приезда Толкачевых в воскресенье, сами начали названивать в их квартиру на площади Восстания. Ответа не было. В понедельник они позвонили Наташе на работу, но безрезультатно. Утром в понедельник начальник Наташи Владимир Либин заметил ее отсутствие на работе. Либин тоже был другом семьи, он нередко заходил к Толкачевым в гости и в душе относился к системе так же, как Наташа. Либин отнесся к ее отсутствию спокойно и записал, что она “взяла отгул”, полагая, что у нее была веская причина не прийти на работу. Кто-то мог заболеть, машина сломалась – мало ли что. В середине дня Либину позвонила какая-то женщина. Назвавшись соседкой Толкачевых по даче, она сказала, что Адик заболел, его отвезли в местную больницу и что они просят отпустить с работы его жену. Либин проставил ей отгулы еще на два дня.

В среду отчаявшиеся Рожанские поехали на дачу к Толкачевым. Там было заперто. В крохотной деревеньке все знали друг о друге всё, но соседи сказали, что не видели ничего необычного. Толкачев с женой уехали в воскресенье и нарвали с собой букет цветов.

Машина сломалась? Рожанские пошли в местную автоинспекцию и узнали, что в воскресенье в районе не зафиксировано никаких аварий. Они побывали в районной больнице – снова ничего. Тогда они вернулись в Москву и поехали к Толкачевым домой. Болотных “жигулей” на обычном месте не было.

В среду 12 июня Наташа позвонила Либину в институт. Она сказала, что Адика скрутил острый приступ радикулита и неизвестно, когда он сможет выйти на работу. Либин посочувствовал ей. Ее голос звучал слабо и совсем невесело.

День за днем Рожанские звонили Толкачевым домой. Наконец, так и не

дождавшись ответа, они пошли туда вместе с родственниками, у которых был ключ от квартиры. Те открыли наружную дверь. Внутренняя дверь была опечатана, на полосках бумаги были оттиснуты три жирные буквы: КГБ{377}.

Олег тоже искал родителей, когда они не вернулись с дачи. Он тоже пошел к ним домой и тоже увидел опечатанную КГБ дверь{378}.

Следующая по графику встреча Толкачева с ЦРУ приходилась на 13 июня – на следующий день после того, как Наташа позвонила в институт с сообщением, что Адик болен.

В ее преддверии в резидентуре набросали оперативную записку. Она начиналась со слов “Дорогой друг”, далее шли лестные слова об информации, переданной Толкачевым в январе: “она была высоко оценена нашими экспертами по нацбезопасности”. Однако, информировала резидентура, фотографии тех “очень важных документов” не получились по причине “низкого уровня освещения”, видимо из-за “особенно пасмурной погоды” в зимние месяцы. Резидентура сообщала, что в штаб-квартире сейчас идет работа над новым, более светочувствительным фотоаппаратом, а пока Толкачеву выдадут еще пять камер *Tropel*, аналогичных прежним. Его призывали фотографировать исключительно в солнечные дни.

“Нас весьма интересуют те очень важные документы, которые вы засняли к последней встрече”, – говорилось в записке. В ней просили сделать эти снимки снова, “когда будете находиться в условиях абсолютной безопасности”{379}. Была упомянута возможность заново скопировать библиотечную карточку Толкачева, чтобы он мог заменить ею оригинал, “как мы поступили в 1980 году”{380}.

Посылка в этот раз вышла объемистой. В резидентуре все тщательно упаковали: оперативную записку; камеры; оригинальный документ на четырех страницах, который Толкачев передал в январе и который теперь возвращали назад; 20 французских чертежных перьев и 20 немецких; две книги по архитектуре; восемь коробок лекарства для зубов и инструкции к нему; восемь бутылей фторида; восемь тюбиков зубной пасты; дайджест

западных газетных и журнальных статей объемом 250 страниц; 100 тысяч рублей в счет процентов по депозитному счету Толкачева{381}. Однако, объясняли в ЦРУ, они не готовы прислать уроки английского языка для сына, так как беспокоятся, что Толкачеву не удастся объяснить их происхождение. Поэтому кассет в посылке не было{382}.

Форточка была открыта 13 июня в нужный час. Это был сигнал о готовности Толкачева к встрече тем же вечером. Но наблюдение КГБ за сотрудником, которому предстояло провести встречу, было в эти дни таким плотным, что пришлось отправить другого человека. В резидентуре всегда был готов дублер, а то и два дублера для каждой встречи. В этот раз задание поручили Полу “Скипу” Стомбауху, оперативнику, который до ЦРУ работал в ФБР. Коллегам Стомбаух нравился, это был прямой и очень трудолюбивый человек. Русским языком он владел не блестяще, но сослуживцам запомнилось, с каким упорством он его учил. В Москве у него была гибридная роль: Стомбаух работал под прикрытием в политическом отделе посольства, но не был “глубоко законспирированным” агентом. У него был свой письменный стол в резидентуре, и в 1985 году, когда первоначальный интерес КГБ к нему увял, Стомбаух, как вспоминал его коллега, проводил за ним примерно половину рабочего дня{383}.

На той неделе шеф резидентуры улетел на Южный Кавказ. КГБ должны были предупредить об этой поездке, и шеф надеялся, что это отвлечет их от операций в Москве.

Вечером 13 июня Стомбаух проделал долгий путь, избавляясь от наблюдения. При нем были две большие хозяйственные сумки с ручками, одет он был в белую рубашку и спортивную куртку. Многие оперативники старались маскироваться, чтобы выглядеть в таких случаях похожими на русских – одевались неприметно и использовали очки с толстыми стеклами. Стомбаух этого делать не стал и видом скорее напоминал американского дипломата. Первую часть маршрута он проделал на автомобиле, за рулем которого была его жена, а дальше пошел пешком. Стомбаух добрался до места встречи под кодовым названием “Трубка” примерно за час до назначенного времени. “Трубка” находилась в одном из жилых районов на западе Москвы, рядом с кварталом пятиэтажек, километрах в семи от дома Толкачева – дальше, чем обычно. Встретиться предстояло у двух телефонных будок{384}.

Стомбаух прошел мимо места встречи, оглядел его предварительно и не обнаружил ничего необычного{385}. Тогда он сел на скамейку в сквере и стал ждать 9.40 вечера.

К месту встречи вела широкая пешеходная дорожка, обсаженная деревьями, со всех сторон сквер окружали жилые дома. На дорожке еще оставались лужи от недавних ливней. Стомбаух медленно двинулся к телефонам и увидел, что в одной из будок стоит молодая рыжеволосая женщина. Ему показалось странным, что она говорит так громко на этой тихой улочке, но сворачивать он не стал. Одну из сумок для Толкачева Стомбаух нес правой рукой под мышкой, другую взял в левую руку. Он прошел мимо женщины, потом развернулся на сто восемьдесят градусов и сделал несколько шагов назад, все время приглядываясь, не появится ли Толкачев. Он увидел, что в ста или двухстах метрах припаркована машина, похожая на толкачевскую.

И тут на Стомбауха напали три человека в штатском, выскочившие из кустов. Один резко заломил ему руки за спину, два других вырвали сумки. К ним поспешили еще пять человек – все сотрудники КГБ. Стомбауха поспешно затолкали в фургон, который отвез его на Лубянку, в главное управление КГБ.

В фургоне Стомбаух протестовал: он американский дипломат. Сотрудник КГБ велел ему замолчать – он не желает ничего слышать.

На Лубянке Стомбауха препроводили в камеру и обыскали. Сотрудники КГБ извлекли из его карманов диктофон, обычный пластиковый фотоаппарат *Tropel*, немного мелочи, шифрованные заметки о возможных местах для будущих тайников, которые он сделал перед встречей, план встречи, лекарство для Толкачева, лежавшее в правом кармане куртки, черный фломастер, два листка с картой Москвы. Они также забрали его часы, кошелек и ремень. После часа в камере Стомбауха отвели в комнату для допросов и велели сесть. Перед ним были разложены предметы, изъятые из его карманов, и две посылки для Толкачева, до сих пор не вскрытые.

Генерал-майор Рэм Красильников, руководитель контрразведки КГБ, начал допрос: “Вы задержаны за совершение шпионской акции. Назовите свое имя”.

СТОМБАУХ. “Я американский дипломат. Я хочу связаться с посольством. Немедленно”.

КРАСИЛЬНИКОВ. “Вы не дипломат, вы шпион”.

СТОМБАУХ. “Я дипломат”.

КРАСИЛЬНИКОВ. “Вы шпион!”

Через руку Стомбауха была переброшена его спортивная куртка. Он размял затекшие плечи: первый час после задержания руки у него были связаны за спиной. Сотрудники КГБ включили видеокамеру. Красильников открыл по очереди сумки и начал тщательно изучать их содержимое. Когда он открыл вторую посылку, присутствующие уставились на пухлый пластиковый пакет с рублями. Держа его в руках, Красильников произнес: “Огромная пачка купюр, пятидесятирублевых”. Он задал Стомбауху вопрос насчет пластикового фотоаппарата *Tropel*, но тот отказался отвечать. Затем Красильников взял оперативную записку и зачитал вслух первые две строчки, в которых агента благодарили за ценную информацию, переданную на прошлой встрече. Оставшуюся часть письма Красильников читал про себя, кроме последних строчек о нежелании ЦРУ выдать агенту курс английского языка, это предложение он прочел вслух. Красильников также извлек рукописные заметки Толкачева с разведанными – те самые странно пронумерованные страницы, которые он отдал ЦРУ в январе. ЦРУ возвращало их Толкачеву по его просьбе. Красильников заметил, что это “чрезвычайно интересно”{386}.

Советское министерство иностранных дел уведомило посольство США, что КГБ задержал американца. Когда дежурный сотрудник посольства приехал на Лубянку, чтобы забрать Стомбауха, разгорелся ожесточенный спор. Красильников настаивал, что Стомбаух – шпион, а дежурный дипломат требовал, чтобы им разрешили уйти. Красильников сообщил сотруднику посольства, что Стомбаух задержан “в процессе встречи с советским гражданином, предположительно с целью шпионажа” и что “советский гражданин, о котором идет речь, арестован”.

Устраивая засаду, КГБ попыталось использовать загримированного под Толкачева статиста, у которого в левой руке был опознавательный сигнал – книга в белой обложке. Форточку в квартире Толкачева также открыли

сотрудники КГБ, и они же припарковали неподалеку его машину как дополнительную приманку. Стомбаух заметил машину, но не увидел липового Толкачева. Он считал, что за ним нет слежки, а КГБ поджидал его на месте встречи.

В штаб-квартиру ЦРУ ушла срочная телеграмма с сообщением об аресте Стомбауха. После того как его выпустили, резидентура отправила более обстоятельную телеграмму с описанием засады. Стомбауха отпустили после полуночи по московскому времени, объявили персоной нон грата и немедленно выслали из страны{387}.

Зловещее значение всего этого было очевидно для всех, кто знал о самом ценном источнике московской резидентуры. В КГБ были точные данные о времени и месте встречи агента и оперативника. Это значило, что операции пришел конец. Толкачев был в руках КГБ.

В тот же день Олдрич Эймс пришел в бар “Чедвик” в Джорджтаунском парке в Вашингтоне. Перед этим в своем кабинете в ЦРУ Эймс упаковал подборку секретных сообщений и беспрепятственно вынес их из штаб-квартиры. Он принес телеграммы и другие документы в пластиковом пакете в бар, где встретился с сотрудником советского посольства Сергеем Чувахиным и отдал ему все материалы. Это была колоссальная утечка, и это было началом его долгого предательства. КГБ уже задержал Толкачева, и если у них и оставались какие-то сомнения, то материалы Эймса их окончательно развеяли{388}.

Тем вечером Гербер был у себя дома на Коннектикут-авеню в Вашингтоне. Его жена Розали готовила ужин. Они ждали в гости Джеймса Олсона, который работал с ними в московской резидентуре. Олсон был первым из оперативников, кто спускался в люк, где потом установили прослушку, он встречался в Москве с Шеймовым и разрабатывал вместе с Ролфом эвакуацию агента “Утопия”. После обеда Гербер и Олсон должны были поучаствовать в учениях на улицах Вашингтона. Там новое поколение оперативников проходило подготовку по обнаружению, отрыву и уходу от слежки. Герберу предстояло сыграть роль шпиона, а задачей молодых

курсантов было выйти на него, ускользая или убегая от наблюдения, которое обеспечивало ФБР. Был теплый летний вечер, а практические занятия предполагали несколько часов на улице – так новичков обучали строго выверенным приемам, которые Гербер за долгую службу отточил в совершенстве. Олсон приехал к Герберу мрачнее тучи. Первое, что он сказал: “Ужасные новости”. ЦРУ только что получило сообщение от московской резидентуры об аресте Стомбауха.

Гербер мгновенно понял, что это значит: они потеряли Толкачева. Неустанной заботой Гербера было благополучие его страны и благополучие агентов, рискующих ради нее жизнью. Он был ревностным католиком и часто на мессе ставил свечи и молился за тех, кто погиб при исполнении заданий. Но за долгую службу в разведке он выработал себе правило: неудачи не должны останавливать. Он сравнивал свою работу с трудом хирурга или онколога. Он предпринимал все, что было в его силах, чтобы спасти пациента, но если и когда пациент погибал, он брался за спасение следующего. Гербер считал, что следует исполнять должное, даже когда на твоих плечах груз потери. Он не привык растравливать себя мыслями о том, что он должен был сделать что-то иначе. Он знал, что утром возникнет множество самых разных вопросов по поводу Толкачева. А сейчас им с Олсоном надо было отправляться на улицу, чтобы обучать новое поколение оперативников ЦРУ работе с агентами{389}.

В следующие несколько недель московская резидентура и штаб-квартира пытались разгадать, что могло выдать Толкачева. Общий тон телеграмм и писем был в основном оправдывающийся и уклончивый. Подразделение, ответственное за передачу секретной информации “клиентам”, подчеркивало, что “все материалы “Осилить” распространялись среди чрезвычайно ограниченного круга” и что “все клиенты добросовестно старались сократить число людей с допуском к ним”{390}.

8 июля из штаб-квартиры написали в резидентуру: “Мы не можем определенно назвать причину его разоблачения”. Один вариант – что Толкачев был “уличен на работе, когда было обнаружено, что он активно собирает информацию”, другой – что его раскрыли “в результате расследования” в “Фазотроне”. Возможно, расследование, начатое в 1983 году, так напугавшее Толкачева, еще продолжалось в 1985-м и в конце концов вышли на него.

Был еще один, более позорный вариант. Три страницы контрольного экземпляра совершенно секретного, особой важности документа, переданного Толкачевым, пропали в июле 1984 года, когда их отправили в копировальной отдел ЦРУ. Содержание этих страниц было “достаточно конкретным, чтобы указывать на «Осилить»”, отмечала штаб-квартира. Что случилось с этими тремя страницами, никто не знал.

А может, Толкачев выдал себя, как-то распорядившись крупными суммами денег, полученными от ЦРУ? В штаб-квартире так не думали. “Щедрые траты не соответствуют всему, что мы знаем о характере и консервативном образе жизни “Осилить”, и противоречили бы его регулярным заявлениям, что он рассматривает полученные от нас деньги как “заначку”, страховку от неприятностей”, – писали из штаб-квартиры.

А может быть, КГБ уже контролировал Толкачева во время встречи в январе 1985-го, когда он передал фотоаппараты с переставленными колпачками и неразборчивые снимки? Но это, считали в Лэнгли, тоже маловероятно, учитывая высокую потенциальную ценность его разведданных для Соединенных Штатов. КГБ не любил использовать в качестве приманки агентов, которые могли сдать действительно важные секреты.

Все сообщения из штаб-квартиры в то время были спекулятивными и по большей части ошибочными. Ни в одном из них не обсуждалась вероятность, что Толкачева предал кто-то из ЦРУ. Хотя в них содержалось одно очень точное наблюдение. Поскольку в КГБ знали день, время и место июньской встречи, они должны были найти материалы, которые ЦРУ выдало Толкачеву в январе, в том числе места встреч, оперативную записку и график. Все это были однозначно компрометирующие данные.

“Арест, таким образом, грянул без предупреждения”{391}.

Глава 20

В бегах

1 августа 1985 года Виталий Юрченко вышел из советского посольства в Риме прогуляться и обратно не вернулся. Незадолго до этого он был назначен заместителем начальника отдела контрразведки КГБ, работавшего с советскими шпионами в Соединенных Штатах и Канаде. Из уличного автомата он позвонил в посольство США и сказал, что хочет бежать в Соединенные Штаты. Тихого, державшегося с достоинством Юрченко допросили в ЦРУ, а потом вывезли из Неаполя на авиабазу “Эндрюс” в окрестностях Вашингтона.

Узнав о перебежчике, Гербер остался вечером в своем кабинете в Лэнгли, ожидая подробностей. Где-то после восьми вечера позвонили из секретариата и сказали, что прибыли новые сообщения. Гербер спустился за ними и, поднимаясь назад по лестнице, открыл конверт, вытащил свежую телеграмму и стал на ходу читать.

В горле у него встал ком. Согласно телеграмме, Юрченко рассказал сотрудникам ЦРУ, что у КГБ есть очень хороший источник под кодовым именем “Роберт”. Юрченко не знал его настоящего имени, но сообщил, что это недовольный бывший стажер ЦРУ, который должен был отправиться в московскую резидентуру, но затем его уволили.

Гербера кинуло в жар. У него в голове наконец сложилась вся картина: источник КГБ – Эдвард Ли Ховард, он-то и предал Толкачева. После всего, на что они шли для защиты Толкачева, после всех этих маскировок, перевоплощений, многочасовых уходов от слежки, устройств электронной связи, фотоаппаратов *Tropel* и призывов к самому Толкачеву быть осторожнее, этого шпиона, сэкономившего для США миллиарды, уничтожил свой – стажер-неудачник!{392}

После слов Юрченко о загадочном “Роберте” в ЦРУ собрали совещание. Полунезависимая служба безопасности ЦРУ была не до конца

убеждена в личности “Роберта”. По их словам, возможных кандидатов несколько. Но Гербер был непреклонен. “Это, несомненно, Ховард”, – настаивал он. Указание было недвусмысленным: Юрченко говорил о стажере, которого уволили и который ждал отправления в московскую резидентуру. Эта характеристика полностью подходила к Ховарду{393}.

Прошло более двух лет с момента увольнения Ховарда, и все это время ЦРУ придерживалось старой политики – держать свои проблемы при себе. Теперь они, наконец, уведомили ФБР, что у них проблема. Человек, известный как “Роберт”, – это Эдвард Ли Ховард. Но было уже поздно {394}.

Следующая встреча Ховарда с советской разведкой должна была пройти в Мехико. Но он подал им сигнал, что хочет встретиться в Вене. Туда он вылетел 6 августа 1985 года. Ховард взял с собой собственные рабочие заметки на водорастворимой бумаге – этот прием он освоил во время тренировки. По словам его жены Мэри, в этой поездке он получил 100 тысяч долларов. 12 августа он открыл счет в швейцарском банке в Цюрихе и внес на депозит крупную сумму. Советские разведчики предупредили Ховарда: один из их сотрудников бежал в Соединенные Штаты. Ему сказали, что если он почувствует, что начинаются неприятности, пусть идет в любое советское консульство{395}. По возвращении в Нью-Мексико Ховард купил металлическую коробку для патронов и положил в нее 3100 долларов стодолларовыми купюрами, 900 долларов пятидесятидолларовыми банкнотами, дюжину канадских золотых монет весом в унцию каждая, слиток серебра весом в 100 тройских унций[414] и два золотых крюгерранда[415]. Потом он закопал коробку среди островка деревьев в пустыне, примерно в пяти километрах от дома{396}.

ФБР начало расследование и завело досье “Неустановленное лицо, известное как Роберт”. Досье было создано, по словам непосредственно участвовавшего в этом чиновника ФБР, 5 или 6 августа. Через несколько дней досье уже носило имя “Ховард”. Но ФБР не стало сразу вступать в контакт с Ховардом. Они спросили в министерстве юстиции, имеется ли какой-нибудь предлог для его ареста. Оттуда ответили, что нет. В министерстве добивались судебного ордера на прослушку телефонов

Ховарда, и на это ушло некоторое время. В бюро решили не допрашивать Ховарда сразу, чтобы не спугнуть его и не осложнить дальнейшее расследование{397}.

В начале августа из штаб-квартиры ФБР отправили специальных агентов в Альбукерке, чтобы “тайно навести справки” о местонахождении и деятельности Ховарда. Наблюдение за ним было установлено с 29 августа и “проходило в негласном режиме сбора разведданных для получения информации о его образе жизни”{398}. Наблюдением занимались как специальные группы ФБР, состоявшие из сотрудников, которых учили мимикрировать и сливаться с толпой, так и рядовые агенты ФБР. Суд одобрил прослушивание телефона, также за перемещениями Ховарда следили с самолетов. Скрытое наблюдение за Ховардом велось с семи утра до момента его отхода ко сну.

3 сентября Ховард купил казначейский сертификат США на 10 тысяч долларов. Его зарплата в законодательном собрании Нью-Мексико составляла 30 тысяч долларов в год{399}.

10 сентября Ховард выехал в пустыню, проехал примерно пять километров, остановился, затем проехал по тому же маршруту назад. Все это время за ним следило ФБР. В один момент он свернул на обочину и выключил фары, пытаясь обнаружить слежку. В ФБР пришли к выводу, что пора допросить его. ФБР получило заключение психиатра и другие свидетельства, “показывавшие, что Ховард, вероятно, сломается на интервью и признается в шпионаже”. В Вашингтоне дали добро. 18 сентября за Ховардом ввели более интенсивное круглосуточное наблюдение.

На следующий день ему в 14.00 позвонили на работу и попросили прийти в фойе гостиницы “Хилтон” в Санта-Фе, где с ним хотят поговорить сотрудники ФБР. По телефону голос Ховарда звучал озабоченно, но пятнадцать минут спустя он пришел в гостиницу. Агенты ФБР отвели его в номер 327. Ему сообщили, что его допрашивают о сотрудничестве с КГБ и что перебежчик “в Лондоне” изобличил его. Ховард категорически отрицал всякую связь с советской разведкой и возмущенно обвинил ЦРУ в том, что ему решили устроить проблемы на пустом месте. В ответ на вопрос о поездках в Вену Ховард сразу предложил ФБР проверить “бумажный след”, выписку по карте *American Express*, и

убедиться, что он не был в Вене, хотя он упомянул, что бывал в Австрии в 1984 году по делам. Ховард умолчал о том, что специально не пользовался картой *American Express* во время поездки. Примерно через двадцать минут после начала допроса Ховард сказал, что ФБР нарушает его права и он хочет проконсультроваться с адвокатом. Агенты согласились: он может идти. Ховард встал с места и пошел к выходу, но агенты сообщили ему, что если он не будет сотрудничать, начнется полномасштабное расследование, пойдут допросы его жены, родственников, начальства и коллег. Ховард передумал и вернулся на место.

Агенты ФБР сказали, что Ховарду понадобится пройти испытание на полиграфе. Если он невиновен, детектор лжи подтвердит это, и ФБР начнет искать “настоящего” виновника. Ховард решительно отказался, объяснив, что полиграф его уже “подставлял”, еще раз повторил, что ни в чем не виноват, и опять потребовал встречи с адвокатом. Тогда ФБР решило поднажать: Ховард должен пройти полиграф до встречи с адвокатом. Взбешенный Ховард в ответ заявил, что пусть ФБР делает все, что хочет, даже обыскивает его дом. Агенты спросили, подпишет ли он согласие на обыск. Ховард отказался. Сотрудники ФБР сказали, что если он передумает, они еще будут здесь на следующее утро, и дали ему номер, по которому следует позвонить{400}.

Ближе к вечеру на следующий день, в пятницу, Ховард позвонил агентам ФБР в гостиницу и сказал, что проконсультировался с адвокатом. Он согласился все-таки пройти тест на полиграфе, несмотря на свои опасения, – чтобы ФБР “отстало” от него и чтобы доказать свою невиновность. Судя по тону, он был готов сотрудничать – заметная разница по сравнению с предыдущим днем. Он сказал ФБР, что в воскресенье поедет по делам в Остин, штат Техас, и выйдет на связь с ними, когда вернется в понедельник днем{401}. После телефонного звонка ФБР решило вернуться к негласному наблюдению, “чтобы не восстанавливать его” против себя{402}.

ФБР было неудобно следить за домом Ховарда в Верано-Луп: вокруг была пустыня с редкими домами и открытыми пространствами между ними. Никакого строения поблизости не было, чтобы устроить там пункт наблюдения, поэтому они поставили пустой фургон с видеокамерой через дорогу от одноэтажного дома Ховарда. Изображение с помощью микроволнового передатчика транслировалось в трейлер, припаркованный

на некотором расстоянии, в трейлере дежурил один специальный агент ФБР. Машины с группами наблюдения ФБР стояли наготове за пределами территории, прилегавшей к дому Ховарда, готовые последовать за ним, если он куда-то отправится. Но им не был виден ни сам дом, ни выезды с территории. Вся система негласного наблюдения зиждилась на камере в пустом фургоне и на одном-единственном агенте в трейлере, который должен был оповестить остальных. Агент нес 18-часовое дежурство, с 15.00 в субботу до 9.00 в воскресенье. Качество получаемого изображения он считал низким.

Ранним вечером в субботу Ховард и его жена вызвали няню и поехали в местный ресторан “У Альфонсо”. Они взяли свой красный “олдсмобиль”, а вторую машину, “джип”, оставили на дороге. Агент, сидевший в грузовике, не увидел, как отъезжает “олдсмобиль”, и группы наблюдения за Ховардом не последовали. Няня звонила с домашнего телефона Ховарда, и прослушка зафиксировала эти звонки, но группы наблюдения так и не тронулись с места. Они ничего не предприняли даже после того, как Мэри позвонила домой из ресторана и переговорила с няней. Около 7.30 вечера наблюдатели решили проехать мимо дома, потому что не получали совсем никаких сигналов. Но и тогда они ничего особенного не заметили{403}.

ФБР попросту упустило Ховардов. Когда они возвращались домой из ресторана, Мэри села за руль и поехала кружным путем, избавляясь от слежки, как их учили несколько лет назад. Где-то в центре города она остановила машину, ее муж выпрыгнул, а она откинула вместо него самодельного “Джека из коробочки”. Пенопластовую голову они использовали от манекена, а Эд раскрасил ему лицо. Каштановый парик, оранжево-белая бейсбольная кепка с надписью *Navajo* спереди, полуметровая палка и сверху – короткая светло-коричневая куртка. Перед тем как они расстались, Ховард велел жене ехать прямо домой, там открыть гараж с помощью пульта, заехать внутрь и закрыть дверь.

Этим приемам они научились в ЦРУ. Но нужды в этом не было – их никто не преследовал. Одиноким агент ФБР в трейлере, который должен был следить за видео из фургона, так и не увидел возвращения Мэри Ховард с манекеном на пассажирском сиденье. Группы наблюдения тоже не заметили ее “олдсмобиль”. Вернувшись домой, Мэри позвонила психиатру мужа и воспроизвела по телефону запись Ховарда, в которой он просил назначить ему время приема. Это был отвлекающий маневр. Прослушка

ФБР зафиксировала этот звонок{404}.

Выскочив из “олдсмобиля”, Ховард побежал в свой офис в Санта-Фе, написал начальнику просьбу об увольнении и сел на автобус в аэропорт Альбукерке, назвавшись Дж. Престоном. Он вылетел в Тусон, штат Аризона. Там в номере мотеля он перекрасил волосы, но цвет ему не понравился, и он смыл краску{405}. Утром в воскресенье он поехал в аэропорт и купил билеты из Тусона в Сент-Луис, оттуда в Нью-Йорк, Лондон и Копенгаген. Самолет прибывал в Данию в понедельник утром. Ховард оплатил стоимость билетов – 1053 доллара – своей кредитной картой TWA, а затем вылетел в Хельсинки{406}.

Когда самолет Ховарда вылетал из Нью-Йорка, агенты ФБР постучали в дверь его дома в Санта-Фе. Это было днем в воскресенье, в 15.05. Специальные агенты только что получили из Техаса информацию о том, что ФБР допросило там Боша, друга Ховарда. Агенты посчитали, что Бош подтверждает обвинения: Ховард действительно передавал информацию советской разведке{407}.

Агенты ФБР спросили Мэри, где Ховард. Она ответила, что тот вышел на пробежку и вернется через полчаса{408}.

Но он не вернулся.

В понедельник был выписан федеральный ордер на арест Эдварда Ли Ховарда по обвинению в шпионаже{409}. Но он уже ускользнул от ФБР, и поймать его было невозможно. В понедельник Ховард связался с советскими властями уже из Хельсинки, а во вторник пересек границу – в багажнике машины. В 1986 году ему было предоставлено политическое убежище в СССР, и он стал первым в истории перебежчиком из ЦРУ.

В ходе расследования ФБР неоднократно допрашивало Мэри Ховард. Она постепенно рассказывала то, что ей было известно о поездках мужа в Вену и его контактах с советскими спецслужбами. Как свидетельствуют документы ФБР, Мэри “признала свою осведомленность и соучастие в шпионской деятельности Эда” и прошла два теста на полиграфе. С ее помощью ФБР откопало металлическую коробку, которую Ховард закопал в пустыне, нашло самодельного “Джека из коробочки” и узнало о счете в Цюрихе. В конце концов она “сообщила все, что могло быть полезно” ФБР.

Ховард периодически звонил Мэри, потом она ездила к нему в Москву. Ее так и не привлекли к ответственности. А в 1996 году они развелись{410}.

В 1995 году Ховард опубликовал свои мемуары под названием *Safe House* (“Конспиративная квартира”). В них много обмана; в числе прочего он отрицал, что выдал Толкачева{411}.

Он умер в пятьдесят лет в Москве, 12 июля 2002 года, упав у себя на даче{412}.

Глава 21

“Ради свободы”

Адольф Толкачев оказался именно в той безысходной ситуации, которой так боялся, – в руках КГБ. В тюрьме его допросили, и он признался в шпионаже, но твердо настаивал, что его семье ничего не известно. КГБ нашел массу компрометирующих материалов, в том числе пачки рублей, шпионские фотоаппараты *Tropel*, карты, наброски и графики встреч, полученные от ЦРУ, а также библиотечный формуляр, который ЦРУ подделало, чтобы скрыть следы деятельности Толкачева, и ручку с ампулой для суицида{413}.

Военный трибунал из трех судей судил Толкачева по обвинению в шпионаже и приговорил к смертной казни. Во время оглашения приговора Толкачев стоял и держался прямо. Он был в свободном спортивном пиджаке и рубашке с открытым воротом, очки лежали у него в нагрудном кармане. По бокам от него сидели два охранника.

“[Назовите] правильно вашу фамилию, имя, отчество”, – потребовал судья.

“Тол-ка-чев, – продиктовал тот четко, – Адольф Георгиевич”. Он сообщил свой возраст, место рождения и образование.

“Где вы работали до ареста и в какой должности?”

“До ареста я работал в НИИ радиостроения в должности ведущего конструктора”.

Судья зачитал вердикт: признать виновным в измене родине в форме шпионажа и подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу.

Толкачев смотрел прямо перед собой, его лицо не выражало никаких эмоций. Два охранника встали и подхватили его за локти.

Позднее его ходатайство о помиловании было отклонено{414}.

После оглашения приговора Толкачеву разрешили прощальную встречу с сыном Олегом – пятнадцать минут в переполненном тюремном зале для свиданий. Все годы, что Толкачев занимался шпионажем, он больше всего волновался о сыне. Это был трудный момент для обоих. Олег столь же отрицательно относился к советской системе, как и его родители. Он знал, что его мать и отец читают запрещенные книги Солженицына. Но он никогда не спрашивал, откуда берутся западная музыка и чертежные перья. Он не знал, что его отец шпион.

Толкачев попросил у сына прощения. “Нет, нет, нет”, – ответил Олег, имея в виду – не нужно так говорить{415}.

Президент Рейган, которому перед инаугурацией Стэнсфилд Тернер доложил об агенте в Москве, теперь получил полное представление о том, как предали Толкачева. Президентский консультативный совет по внешней разведке изложил подробности в секретном отчете, который Рейган взял в Кэмп-Дэвид 26 сентября 1986 года. В докладе была резкая критика в адрес как ЦРУ, так и ФБР. ЦРУ отчитали за то, что управление не сообщило вовремя ФБР об угрозе национальной безопасности, которую мог представлять Ховард{416}. Консультативный совет собрался в Овальном кабинете 2 октября, чтобы доложить Рейгану о своей работе. В заметках с заседания глава администрации Белого дома Дональд Риган записал, что “всего за год” подготовки в ЦРУ Ховард “успел узнать более чем достаточно”{417}. Все это было теперь потеряно.

22 октября 1986 года советское агентство новостей ТАСС передало, что Толкачев казнен за “государственную измену в форме шпионажа”{418}.

Наташу тоже судили – на том основании, что она знала о шпионской деятельности Толкачева. Либин, ее бывший начальник и друг семьи, потом писал, что она ни в чем не признавалась – ее сдал информатор КГБ в тюрьме. Наташу приговорили к трем годам заключения. Первый год она провела в Потье, в 390 километрах (по прямой) от Москвы, в лагере строгого режима, который была частью системы ГУЛага. На второй год ее перевели в исправительную колонию в Уфе, почти в полутора тысячах

километрах от Москвы, где заключенные работали на кирпичном производстве. Там ее смог навестить Олег. После двух лет в колонии ее отпустили по общей амнистии, и она вернулась в Москву в 1987 году. Она не могла больше работать инженером и устроилась диспетчером котельной. Наташа жила независимо, читала, следила за бурной политической жизнью в горбачевскую эпоху. Она пошла в “Мемориал” – общественную организацию, созданную в эпоху гласности для сохранения памяти о людях, погибших во время сталинских репрессий, – и описала трагическую судьбу своих родителей, отметив, что оба были реабилитированы после смерти Сталина{419}.

В 1990 году у Наташи обнаружили рак яичников. Она написала в американское посольство, что очень больна и просит медицинской помощи. По словам Либина, помогавшего ей набросать это письмо, она сообщила, что была женой Адольфа Толкачева, который “работал на благо Америки и ради свободы в нашей стране много лет”. Либин вспоминал, что из посольства пришел ответ: к ним поступает очень много запросов и они не в состоянии помочь каждому. Там, очевидно, просто не поняли, кто она такая. ЦРУ узнало о ее обращении лишь много лет спустя{420}.

Наташу злило лишь одно: Адик обманул ее и продолжал заниматься шпионажем после того, как обещал все прекратить. Она возражала не против шпионажа – против опасности, грозившей семье. Она умерла от рака 31 марта 1991 года, когда советскому государству, которое они с Адиком ненавидели, приходил конец. Она похоронена рядом с отцом, Иваном Кузьминым, на Донском кладбище в Москве{421}.

11 августа 2014 года в штаб-квартире ЦРУ повесили портрет Толкачева вместе с другими картинами, запечатлевшими величайшие операции управления. На портрете, написанном нью-йоркской художницей Кэти Кранц Фиерамоска, Толкачев изображен в своей квартире с 35-миллиметровым фотоаппаратом *Pentax* в руках: он фотографирует секретный документ, подсвеченный двумя настольными лампами. Часы показывают 12.30 – конец обеденного перерыва. На церемонии открытия высокопоставленный чиновник ЦРУ сказал, что Толкачев запечатлен на картине “абсолютно целеустремленным”, “предельно собранным” и – поскольку он понимал, какая участь ему уготована в случае провала, – “с

тенью страха” на лице.

Эпилог

19 августа 1991 года, на третий день операции “Буря в пустыне”, Ларри Питс встал с кровати в 4.00 утра. Он служил на авиабазе “Король Фейсал” в Табуке, на северо-западе Саудовской Аравии. Питс съел на завтрак яичницу и лаваш, выслушал разведывательную сводку, оделся, закрепил свой спасательный жилет, прихватил сумку со шлемом и отправился на аэродром. В предрассветной тьме там стоял истребитель F-15C, самый передовой самолет Соединенных Штатов и самый смертоносный участник воздушных боев за всю историю. Этот самолет, 19 метров в длину, с размахом крыльев 13 метров, изготовленный из алюминиевых и титановых сплавов, стали и стеклопластика, имел два турбореактивных двигателя *Pratt & Whitney*, позволявших ему взлетать в небо, как ракета. Все в F-15 было вершиной технологических достижений США, от мощной импульсно-доплеровской РЛС с обнаружением целей в нижней полусфере до крыльев, способных выдержать попадание снарядов, и изоциркониевых электронных глушилок в черном ящике, укрепленном за спиной пилота.

Питс готовился отправиться в полет на истребителе, который специально разрабатывался, вплоть до мельчайших деталей, чтобы сражаться с советскими МиГами. Военно-воздушные силы Саддама Хусейна обладали одним из крупнейших в мире парков самолетов МиГ за пределами СССР. В первые два дня войны с Ираком воздушные битвы разыгрывались по сценарию, написанному для битв в небе над Европой – в случае, если холодная война перерастет в активные боевые действия. И Соединенные Штаты, и Советский Союз разрабатывали, строили и вводили в эксплуатацию истребители, предназначенные для получения превосходства в воздухе. Предполагалось, что они могут вступить в бой друг с другом над Германией и Чехословакией. Но бои в Ираке показали, что силы не равны. Американские летчики и их самолеты имели преимущество благодаря интенсивной подготовке и глубоким разведывательным операциям, но в первую очередь – благодаря тем сведениям, которые передал Адольф Толкачев.

Тем утром капитан Питс медленно обошел самолет для внешней

проверки, просмотрел журнал полетов, потом забрался в кабину. Взмывая, пилот имел потрясающий круговой обзор. Самолет словно стекал с его плеч; ощущение было, будто находишься на острие карандаша{422}.

В 5.00 Питс был в небе. Он летел правым ведомым в “четверке” – боевом порядке, состоящем из четырех самолетов F-15C. Целью операции “Буря в пустыне” было изгнание Ирака из Кувейта. 58-й эскадрон тактических истребителей 33-го тактического истребительного авиакрыла ВВС США, получивший неформальное прозвище “гориллы”, уже выполнил в Ираке три миссии. Питсу было тридцать четыре года, и он мечтал летать с детских лет, проведенных в Анкоридже, на Аляске.

Поступив на службу в ВВС США, он сотни часов тренировался летать на F-15C, но эта война была первой в его жизни – и это были первые боевые вылеты.

Питс и самолет, который он пилотировал, воплощали в себе все, чему ВВС и военно-морской флот научились после вьетнамской катастрофы. Тогда летчики из Северного Вьетнама на советских истребителях МиГ добились огневого превосходства над американскими пилотами на F-4 *Phantom*. Пилотам “Фантомов” нужно было повернуть 12 тумблеров, чтобы запустить ракету, и они проигрывали эти драгоценные секунды более ловким МиГам. Теперь летчик в кабине F-15 мог обнаружить подлетающий МиГ, захватить цель и открыть огонь, не отпуская штурвала и рычага газа и не отводя глаз от показаний приборов на дисплее. Ему нужно было лишь нажать пальцами левой и правой руки на кнопки. Летчики называли это игрой на флейте. F-15C имел автомат для выброса дипольных отражателей – отрезков диэлектрического волокна в точности той длины, что требовалась, чтобы ослепить радары МиГов. Система радиоэлектронной борьбы F-15C была запрограммирована на противостояние советской радиоэлектронике. F-15C позволял точно навести и выпустить ракету во вражеский МиГ, даже если он находился за пределами видимости.

Во Вьетнаме американские летчики опирались на жесткую тактику – они летали в плотном строю, что позволяло истребителям Северного Вьетнама легко переигрывать их. После войны Соединенные Штаты перестроили программу подготовки пилотов. Новое поколение летчиков поощряли действовать более гибко, самостоятельно принимать решения в

бою. Советским летчикам обычно давали указания с земли; американцев же теперь тренировали изучать особенности врага и контратаковать на лету. Чтобы помочь летчикам реагировать быстрее, в истребитель была встроена линия связи, по которой на высокой скорости передавалась нужная им информация. Питс воплощал собой эти перемены в системе подготовки. Он участвовал в трех учениях “Красный флаг”, на которых имитировались потенциальные воздушные схватки с противником из советского блока. Он изучал по справочникам уязвимые места МиГ-25 и МиГ-29. Кроме того, у его поколения пилотов был доступ к данным совершенно секретной операции *Constant Peg* [443], в ходе которой летчики ВВС тренировались против старых советских МиГов в пустыне Невада.

Питс и еще три летчика F-15С дозаправились в воздухе и стали ждать. Бомбардировку, которую им предстояло сопровождать, отменили. Но они оставались в воздухе, потому что поступила информация, что Саддам Хусейн может бежать из Ирака. К полудню стало ясно, что Хусейн никуда не собирается, и четыре самолета вернулись на базу в Саудовской Аравии. Питс подумывал о том, чтобы немного поспать.

Но через несколько минут после посадки “гориллам” приказали заправиться и снова взлетать. Их задачей было полетать над Ираком и спровоцировать нерешительных летчиков иракских ВВС подняться с земли. В первые дни войны было важно добиться полного превосходства в воздухе. У Саддама имелось 25 быстрых перехватчиков МиГ-25 и 30 новейших истребителей МиГ-29 с системой обнаружения целей в нижней полусфере, а также несколько сотен более старых советских самолетов. В предыдущее десятилетие Ирак восемь лет воевал с Ираном, так что иракские летчики должны были приобрести опыт. Но они избегали воздушных боев, и летали немногие.

Во время дозаправки над Саудовской Аравией Питс и его группа услышали, что самолет дальнего радиолокационного обнаружения E-3 *Sentry*, или АВАКС, заметил две группы “пугал” – неопознанных самолетов. АВАКС был еще одним технологическим триумфом: система позволяла просматривать небо на сотни километров вокруг. “Четверка” помчалась на север Ирака на скорости чуть больше сверхзвуковой. Питс летел в строю справа.

Затем “пугала” стали отчетливыми “бандитами” – их опознали как

иракские истребители. Среди них было два МиГ-29 и два МиГ-25. Более современные МиГ-29 отлетели в сторону. Но скоростные МиГ-25 неслись прямо на Питса.

Когда-то МиГ-25 внушал на Западе страх. Некоторые эксперты считали его самым быстрым истребителем в мире. Но после того, как Беленко улетел на МиГ-25 в Японию, оказалось, что это перехватчик, а не маневренный истребитель. Во время учебы Питс узнал, что у МиГ-25 мощные двигатели, но он знал и про его слабые стороны. Самолет был неповоротлив на небольшой высоте, а кабина довольно глубоко посажена, поэтому у пилота были трудности с задним обзором. Радиус разворота был большой. Радиус обзора радара – узкий. МиГ-25 больше не был загадкой: Соединенные Штаты изучили в нем каждый проводок и винтик^{423}.

Два F-15С отделились от группы, предоставив Питсу и ведущему, капитану Рику Толлини, разобраться с МиГ-25. Иракские самолеты сделали круг и вернулись, нацелившись прямо на американцев, которые летели на высоте примерно 4500 метров.

Внезапно МиГи развернулись на 90 градусов и резко нырнули – почти к самой земле, скрытой туманом. Это была классическая советская тактика. При повороте на 90 градусов возникала “брешь”, в которой доплеровский радар работал слабее всего и мог не распознать движущуюся цель на фоне земной поверхности. Питс потерял МиГи на экране радара. Он боялся, что они появятся неожиданно и выстрелят по нему, прежде чем он успеет их сбить.

МиГ-25 не выписывал в воздухе фигуры – он был стремительно несущейся пулей. Один из МиГов вернулся практически мгновенно. Питс получил сигнал с радара: самолет был в восьми километрах от него. Самолет Питса находился на высоте примерно четырех километров, а МиГ-25 летел впереди слева направо едва ли не в 150 метрах от земли. Он несся, как ракета, со скоростью 700 узлов, или 1300 километров в час, быстрее скорости звука. Летчик, вероятно, не видел Питса, летящего над ним, а возможно, ему было все равно – он уходил от опасности. От поразительной скорости МиГа радар F-15 “поперхнулся” – точка промелькнула по экрану слева направо и исчезла.

Питс не сдавался. Радар снова потерял цель, но пилот сам видел

МиГ-25. Его подготовка и отработанная реакция дали о себе знать.

“Вижу цель!” – крикнул он Толлини.

“Жми!” – отвечал Толлини. Это означало, что теперь стрелок – Питс, а Толлини его сопровождает.

Питс выполнил на F-15C обратную бочку – вращение вокруг своей оси при помощи крена. Его самолет нырнул вслед за МиГ-25. Сила вращения – в 12 раз больше силы тяготения – на несколько секунд вжала Питса в кресло. F-15C тестировали при девятикратной силе тяжести. В шлеме Питс услышал, как бортовой компьютер выдает предупреждение: “Перегруз! Перегруз!” Но было уже поздно – адреналин зашкаливал, решение принято. Для выстрела ему нужно было выровнять нос самолета с ускользящим МиГом. Питс нырнул на 3600 метров, потом пристроился метрах в 1600 от МиГа, чуть выше него, и ринулся в погоню. В прежние времена американский летчик мог бы попытаться пролететь под своей жертвой, чтобы добиться лучшего захвата цели. Но радар F-15 давал Питсу прекрасный обзор, позволяя оставаться чуть выше и позади. И теперь он был в позиции “на шесть часов”, то есть шел в хвосте МиГ-25, что создавало для иракского пилота смертельную угрозу.

Если бы МиГ стремительно рванул вперед, у него был бы шанс оторваться от Питса. Но этого не случилось. Поняв, что Питс готовится выстрелить, пилот МиГа совершил уклоняющийся маневр – сделал крен вправо. Его самолет сбросил скорость, разворачиваясь в плотных воздушных слоях над землей. Питс тоже накренил F-15, но его радиус поворота был меньше, в целом самолет был более маневренным. Вскоре он уже приблизился к дуге окружности, по которой двигался МиГ, сократив отрыв и заняв позицию позади от базовой линии крыла вражеского самолета – у МиГа это было самое уязвимое место.

У Питса под крыльями и фюзеляжем F-15C было восемь ракет. Он видел вырывающуюся из сопла МиГ-25 мощную струю горячего пара и поэтому левой рукой выбрал 70-килограммовую ракету с тепловой системой наведения AIM-9 *Sidewinder*. Правой рукой он нажал на кнопку пуска на флейте – пульте на приборной панели. Но МиГ-25 столь же стремительно выбросил инфракрасную ловушку. Она отвлекла на себя ракету, и та пролетела мимо цели.

Питс выбрал 228-килограммовую ракету радиолокационного наведения AIM-7 *Sparrow* ; когда она захватила цель, на дисплее замигала подсказка: “ВЫСТРЕЛ”. Питс выстрелил. По программе ракете полагалось взорваться рядом с целью, но у нее не сработал запал. Ракета пролетела прямо над кабиной спасающегося бегством МиГа, не взорвалась и упала.

Питс быстро выбрал еще одну ракету *Sidewinder* с тепловым наведением. Теперь он был в 1800 метрах от МиГа. Он выстрелил, однако ИК-ловушка снова отвлекла ракету в сторону.

Питс еще никогда не выпускал ракеты в бою, теперь он использовал три, и безуспешно. Два самолета, рожденных во времена холодной войны, с воем мчались над иракской пустыней: МиГ-25 на высоте около 100 метров, а F-15C чуть выше и сзади. Оба летели теперь слегка медленнее, но все же их скорость достигала 925 километров в час.

Для четвертого выстрела Питс выбрал ракету AIM-7 с радарным наведением. В этот раз она влетела прямо в выхлопную трубу МиГа, и самолет взорвался. Пилот МиГа катапультировался, Питс видел, как кресло пронеслось мимо его окна.

Сразу же после взрыва в облако вонзилась еще одна ракета – ее выпустил Толлини. Судьба пилота осталась неизвестной, но при катапультировании на такой высокой скорости и небольшой высоте летчики не часто выживали.

Через несколько минут Толлини подбил второй МиГ-25.

Возвращаясь на базу в Саудовскую Аравию, Питс постарался расслабиться. Топлива оставалось мало. После лихорадочного боя у него тряслись руки. С первого захода пристроиться к танкеру не получилось, Питс отстал немного, взял себя в руки и повторил маневр.

Два МиГ-29, которые Питс и Толлини видели перед боем, были сбиты в тот же день. 17 января американцы сбили три МиГ-29 и два МиГ-21. День за днем иракцы теряли все новые самолеты. К концу войны американские ВВС сбили 39 воздушных судов противника, не потеряв ни одного своего {424}. При этом в 16 случаях ракеты выпускались по целям за пределами видимости, в истребители, которых американские пилоты никаким образом не могли видеть. Это было замечательное новшество в воздушном бою, и

оно стало возможным благодаря системе АВАКС, позволившей американским истребителям стрелять практически без риска случайно задеть своих{425}.

В прямых воздушных столкновениях над Ираком ВВС США сбили все советские тактические истребители, с которыми вступали в бой. Причин тому было много: более передовая технология, хорошо отточенная тактика, значительно лучшая подготовка пилотов. Но ко всем этим преимуществам добавлялось кое-что менее заметное. Соединенные Штаты собирали все крохи информации о советских самолетах, летчиках и радарх, какие только могли найти, каждую фотографию, схему и печатную плату, какие можно было получить, – причем любыми средствами.

И для этого им был нужен шпион.

Рассказ о шпионской деятельности Адольфа Толкачева – это история из времен холодной войны, но отголоски ее звучат и сегодня. Разведданные, получаемые от агентов, по-прежнему незаменимы для национальной безопасности. До тех пор пока необходимо лучше знать своего противника – похищать его секреты, раскрывать его намерения, вскрывать сейфы, – будет необходимо и вербовать агентов, способных побороть свой страх и перейти на другую сторону. И будет необходимо смотреть им в глаза, завоевывать их доверие, справляться с их тревогой и делить с ними риски.

Инженер и конструктор Толкачев выделялся в ряду тех, кто предал Советский Союз и стал агентом Соединенных Штатов. Он не состоял в КПСС, не служил в армии или спецслужбе. Большинство завербованных агентов работали в КГБ или ГРУ, советской военной разведке. Среди них были Пеньковский, Попов, Шеймов, Поляков и Кулак. Куклинский, агент в Польше, который передал ЦРУ подробные материалы о военном планировании стран Варшавского договора, был полковником польской армии. Огородник – советским дипломатом.

Шпионская деятельность Толкачева еще более примечательна, поскольку он передавал американцам материалы буквально под носом у КГБ. Оперативники ЦРУ встречались с ним 21 раз, и в большинстве

случаев эти встречи проходили в радиусе пяти километров от главного здания КГБ. Но ни шпиона, ни его связных КГБ ни разу не засек. Тщательно продуманные методы московской резидентуры: перевоплощение, грим и маскировка, уход от слежки, мониторинг радиопереговоров с помощью устройства SRR-100 – в полной мере оправдали себя.

Материалы Толкачева: сложные диаграммы, спецификации, чертежи и печатные платы бортовых РЛС, а также советские военные исследования и планы разработок на десятилетие вперед – были необычайными. Два американских эксперта по разведке и военным вопросам, которые в течение ряда лет изучали тысячи страниц представленной Толкачевым документации, сказали, что не нашли ни одной страницы с дезинформацией. А они, насколько это было возможно, сверяли его данные с другими источниками{426}.

Толкачев приподнял завесу над советскими планами и потенциалом, изучение которых находилось в центре внимания ЦРУ. Для руководства Соединенных Штатов было жизненно важно понимать советские приоритеты в области военных исследований и разработок, а также их потенциал – на что СССР способен, а на что нет. Много десятилетий в представлениях США о советских намерениях и потенциале имелись пробелы, и многие суждения были ошибочными{427}. Данные Толкачева восполняли эти пробелы относительно ПВО, советских тактических истребителей, перехватчиков, РЛС, бортовой электроники и систем наведения, которые противостояли бы американцам в любой “горячей войне”.

Информация от Толкачева стала поступать как раз в тот момент, когда начиналась революция в подготовке пилотов флота и ВВС США. Эта революция проходила в аудиториях элитной школы по подготовке летчиков-истребителей ВМФ в Мирамаре, штат Калифорния, известной как *Top Gun*, и школы пилотов на авиабазе “Неллис” в штате Невада. Не было таких крох информации, которые бы не пригодились людям, готовившимся сражаться в следующей американской воздушной войне. Информацию, почерпнутую из документов Толкачева, доводили до инструкторов и летчиков школы *Top Gun*.

В результате Соединенные Штаты более двух десятилетий имели

почти полное превосходство в воздухе над советскими истребителями: в Персидском заливе в 1991 году, когда Питс сбил над Ираком МиГ-25; в 1995 году, когда США и их союзники вынудили сербов признать независимость Боснии и Герцеговины; и в 1999 году, когда они остановили кампанию этнических чисток в Косово. И иракские, и югославские ВВС пользовались советскими истребителями МиГ. У американцев были потери в результате обстрелов с земли, но в небе Соединенные Штаты доминировали. Статистика разительна: в свое время на каждые шесть вражеских самолетов, сбитых в Корее, Соединенные Штаты теряли один. Во Вьетнаме США теряли один самолет на каждые два сбитых самолета противника. Затем соотношение потерь ВВС (6:1 в Корее, 2:1 во Вьетнаме) изменилось до 48:0 в иракской и балканских войнах. Впечатляющие американские достижения в области технологий и в подготовке летчиков сыграли в этом существенную роль^{428}. Но свой вклад внесла и разведывательная работа Толкачева. Соединенные Штаты имели чертежи РЛС каждого значимого советского истребителя 1980-х.

Толкачев также укрепил уверенность Соединенных Штатов в комплексах вооружений, которые стоили миллиарды долларов и находились в разработке много лет, особенно тех, которые были предназначены для ударов по Советскому Союзу на небольшой высоте. Прижимающиеся к земле крылатые ракеты прошли летные испытания и были введены в эксплуатацию в годы работы Толкачева на ЦРУ. Советские лидеры знали, что это – мощная угроза. 4 июня 1984 года Анатолий Черняев, который впоследствии стал советником Михаила Горбачева по национальной безопасности, побывал на военном брифинге в ЦК КПСС. Лекция называлась “О характере современной войны”, и Черняев после нее записал в своем дневнике, что видел фильмы об американских вооружениях: “Они потрясают: ракеты, которые за сотни и тысячи километров сами находят цель, авианосцы, подводные лодки, танки, способные на все, крылатые ракеты, которые, как в мультфильмах, идут по каньону и за 2500 километров могут поразить цель диаметром 10 метров. Фантастические достижения современного гениального ума и умения. И, конечно, немислимые расходы”^{429}.

Крылатые ракеты не были картинками из мультфильма. Это была реальность. Советские радары были неспособны засечь их приближение, и ЦРУ знало почему.

О разведданных

Шпионская деятельность Адольфа Толкачева создала столь массивный объем разведданных, что военные и разведка США продолжали черпать из них ценные подробности и в 1990-е годы. Эта информация входила в разведывательные отчеты, которые отправляли в Белый дом и тем, кто формирует политику. Многие данные сегодня рассекречены. В отчетах самого высокого уровня – докладах национальной разведки – фактические данные сливаются с анализом и используются детали, почерпнутые из множества разных источников. Имя Толкачева в них не упоминается. Но в них есть след его шпионской работы.

В марте 1976-го, за год до того, как Толкачев впервые предложил свои услуги, в меморандуме разведки США советская ПВО описывалась как неполноценная, в том числе из-за отсутствия системы обнаружения целей в нижней полусфере и слабости вооружений^{430}. Такова была точка зрения штатных аналитиков ЦРУ, но летом и в начале осени ЦРУ запросило альтернативное мнение о потенциале советской ПВО. Это был необычный эксперимент: ЦРУ позволило внешней команде скептически настроенных к нему экспертов и аналитиков раскритиковать его ежегодную оценку состояния советских вооруженных сил. В числе прочего речь шла о системе противовоздушной обороны^{431}. Внешняя команда, которую называли “Группа В”, не сформировала определенного мнения. Ее аналитики нашли доказательства того, что советская ПВО с точки зрения оснащенности становилась “внушительной”. Но если учесть эксплуатационные проблемы, замеченные во время войсковых учений, то система могла иметь “маргинальное значение”. Реальная ситуация была неизвестна из-за отсутствия “надежной информации”^{432}. Таким образом, у ЦРУ было несколько вариантов ответа: советская система ПВО была слабой, сильной или она усиливалась.

Соединенные Штаты нуждались в большей определенности. Советский Союз обладал самой длинной в мире границей – около 63 тысяч километров. Чтобы препятствовать возможным вторжениям, стране требовались системы вооружений и радары как на земле, так и в воздухе. Если в системе ПВО имелись просчеты, их стоило учитывать. И через

несколько лет Толкачев дал определенный ответ: система действительно слаба и ее уязвимость можно использовать.

В 1979 году в докладе национальной разведки повторялось заключение, что СССР испытывает “серьезные технические трудности в перехвате нарушителей на небольшой высоте”^{433}. В 1981 году во внутреннем меморандуме ЦРУ говорилось, что у Советского Союза почти нет средств противодействия низколетящим целям. Советская ПВО технически примитивна и “редко проводит оборонительные операции против целей на низкой высоте”. Система управления ПВО никуда не годится, ее войска “далеко не в блестящем состоянии и часто выступают слабо на учениях”. Таким образом, заключали авторы меморандума, “общее мнение – что Советы довольно беспомощны в этой сфере”^{434}.

В 1983 году в докладе национальной разведки утверждалось, что низколетящие крылатые ракеты и передовые бомбардировщики США “в состоянии обесценить миллиарды рублей советских инвестиций”, вложенные в ПВО, – они могут попросту пролетать ниже поля зрения радара^{435}. В марте 1984 года ежегодный анализ советских вооруженных сил, подготовленный ЦРУ, перечислял трудности, которые испытывает Москва в плане совершенствования противовоздушной обороны, в том числе при попытках разработать улучшенные “линии связи” между новыми советскими реактивными истребителями, РЛС, ракетами класса “земля – воздух” и самолетами дальнего радиолокационного обнаружения^{436}.

Выводы всех этих отчетов отчасти основывались на многих тысячах секретных документов, предоставленных ЦРУ Толкачевым.

К 1985 году ЦРУ имело точное представление о советском потенциале в области бортовых РЛС. В докладе 1985 года говорилось о пяти главных сферах, где советские власти предпринимают какие-то действия, “чтобы укрепить свой потенциал ПВО”. О каждом из этих направлений, включая самолеты дальнего радиолокационного наблюдения и систему обнаружения целей в нижней полусфере, стало известно благодаря фотосъемке и заметкам Толкачева^{437}.

Помимо учета в аналитической работе, материалы Толкачева прямо использовались в программах военных исследований и разработок США. Часто его информация оказывалась особенно ценной для технических

“вундеркиндов”, которые проектировали черные ящики и другие передовые устройства для противостояния советским радарам и бортовой электронике. Среди этих проектов был передатчик помех для РЛС. В конце 1970-х ВМФ и ВВС США совместно разрабатывали глушитель для новейших самолетов-истребителей. Проект был на ранней стадии, когда Толкачев доложил о советских разработках в области импульсно-доплеровских РЛС. Многие годы советские инженеры отставали от Запада в работе над этой технологией, которая позволяет радару фактически смотреть вниз на очень высокой скорости и различать движущуюся цель на фоне поверхности земли. В первоначальном проекте американского глушителя для радаров не было возможности противодействовать импульсно-доплеровским РЛС. После анализа, проведенного научным советом министерства обороны США в 1980 году, передатчик помех решили модифицировать и включить луч, который будет вводить в замешательство импульсно-доплеровские РЛС вроде “Заслона”. Эти изменения были внесены как раз тогда, когда Толкачев предоставлял свою информацию о советских радаров. Бортовая станция помех для системы самозащиты была многообещающим проектом. Предполагалось, что она сможет внушить радару противника, что самолет на самом деле находится в другом месте. Это стало бы важным преимуществом, если бы холодная война когда-нибудь превратилась в “горячую”{438}.

Толкачев передал Соединенным Штатам комплект совершенно секретных документов о радаров, устанавливаемых на советских истребителях и перехватчиках, в том числе на истребителе МиГ-23, высотном перехватчике МиГ-25, перехватчике МиГ-31 и многоцелевых истребителях МиГ-29 и Су-27. В частности, Толкачев “сдал” ЦРУ несколько версий радаров “Сапфир” и “Заслон”. Толкачев также вынес секретные данные по ракетам класса “земля – воздух” и по конфиденциальному проекту “Штора”, технологии которого должны были скрывать такие ракеты от РЛС самолета-цели.

Еще один неожиданный прорыв – Толкачев одним из первых предупредил Соединенные Штаты, что Советский Союз приступает к разработке передовой системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ, или АВАКС), то есть летающей РЛС. Когда Толкачев указал на это, спутники-шпионы позволили подтвердить его информацию. 20-тонный радар под кодовым названием “Шмель” должны были перевозить модифицированные военно-транспортные самолеты Ил-76 с

куполом для РЛС. Этот комплекс не так уж отличался от продвинутой американской системы E-3 *Sentry*, основанной на модифицированном “Боинге-707” и уже введенной в действие. Новая система АВАКС имела критически важное значение для советских программ, направленных на устранение пробелов в обнаружении целей на низкой высоте и на фоне земли. Воздушная РЛС позволила бы значительно эффективнее выявлять такие угрозы и передавать данные и указания летчикам{439}. Документы Толкачева показывали, что для “Шмеля” планировалась возможность обнаружения целей в нижней полусфере. Радар мог бы одновременно отслеживать 50 или более целей, движущихся над землей{440}.

Советская противовоздушная оборона складывалась из тысяч отдельных единиц. В нее входили: 1250 наземных РЛС, около 25 процентов которых поддерживали наземные центры управления, направлявшие пилотов к целям; около 1000 комплексов класса “земля – воздух” и 12 800 зенитных ракетных установок; 3250 истребителей, способных выходить на перехват воздушных целей примерно с 90 аэродромов{441}. Чтобы эти системы могли действовать эффективно, их следовало увязать в единое целое – и они при этом должны были нормально работать. Советский Союз с его твердой установкой на централизацию прежде полагался на перехват с наведением с земли, то есть диспетчеры наземных станций РЛС должны были давать указания истребителям и перехватчикам – куда лететь, когда стрелять. Советские пилоты имели мало самостоятельности, система работала медленно и неуклюже. Большинство диспетчеров наземных радаров не видели ничего за пределами покрытия своей станции. Модернизированная система дальнего радиолокационного обнаружения могла многое изменить. Благодаря Толкачеву Соединенные Штаты смогли пронаблюдать за тем, как развивается советская АВАКС. В докладной записке ЦРУ 1981 года говорилось, что эта технология “все еще на стадии ранних полевых испытаний”, но что радару удалось “обнаружить цели на высоте до 300 метров”. Это помогло бы СССР закрыть пробел в области низколетящих целей, хотя и не полностью. Планировалось, что бомбардировщики США будут летать еще ниже, на высоте 250 метров или даже ниже, а крылатые ракеты могли проскользнуть всего в 15 метрах над землей. Более того, в СССР знали и опасались, что, поскольку крылатые ракеты относительно недороги, Соединенные Штаты смогут выпускать их целыми стаями, и они будут достигать целей незамеченными{442}. В сентябре 1981 года был подготовлен секретный 23-страничный доклад военной разведки США о состоянии советской АВАКС. Доклад должен

был помочь сформулировать контрмеры по борьбе с советской авиацией. В нем отмечалось, что в покрытии советской АВАКС останутся пробелы – в которые могут просочиться западные самолеты, – и что у Москвы по-прежнему серьезные трудности с обнаружением крылатых ракет и будущих американских “стелс”-бомбардировщиков{443}.

Документы Толкачева также показали, что на истребителе МиГ-31, оснащенный РЛС “Заслон”, предусмотрена линия связи “воздух – воздух”, которая позволит ему действовать как мини-АВАКС и делиться информацией РЛС с другими истребителями. Прежде попытки США вскрыть и “прочитать” такую линию связи не закончились бы практически ничем. Но теперь, когда в документах Толкачева рассказывалось, что означает каждый бит информации, возможность взлома стала реальной. Это был невероятный прорыв. Соединенные Штаты могли перехватывать сигналы с советских самолетов АВАКС, обнаруживать и обманывать летчиков, которые на эти данные опирались{444}.

Соединенные Штаты могли читать переписку противника – в реальном времени.

Благодарности

Этому проекту любезно посвятили свое время и усилия два сотрудника ЦРУ в отставке, у каждого из них за плечами десятки лет тайных операций. Бертон Гербер, работавший как начальником московской резидентуры, так и главой “советского” отдела ЦРУ, с одобрения управления потратил многие часы на изучение исходных телеграмм и на получение разрешений для передачи их мне. Он поделился бесценными соображениями и деталями, помогающими понять контекст истории Толкачева. Барри Ройден, написавший внутреннюю монографию ЦРУ об этой операции в 1990-е годы, с энтузиазмом поддержал замысел моей книги и стал источником множества сведений. Оба они помогли мне разобраться с процессом рассекречивания документов и пролить свет на мир шпионажа.

Я хочу выразить особую благодарность Рону, который был главой отдела ЦРУ по Центральной Европе в тот момент, когда этот проект только начинался. Он оказал мне неоценимую помощь в рассекречивании оперативных документов. Он по-прежнему работает в секретной службе, поэтому сказать о нем больше я ничего не могу. Мне также очень помогли воспоминания Сандры Граймс, Томаса Милза, Роберта Морриса, Джеймса Олсона, Марти Питерсон, Уильяма Планкерта, Дэвида Ролфа, Майкла Селлера, Хэвиленда Смита, Роберта Уоллеса, Дэвида Фордена, Роберта Фултона и Гарднера “Гаса” Хэтэуэя. Кэтрин Гилшер любезно поделилась воспоминаниями о жизни Джона и их прошлом. Карин Хэтэуэй столь же любезно помогла с воспоминаниями Гаса. Джон Эрман стал для меня важным каналом связи с управлением. Я также благодарю нескольких сотрудников разведки в отставке, которые согласились поделиться своими знаниями и воспоминаниями, но просили не называть их имен.

В Москве мне помогала Анна Мастерова, которая профессионально просматривала архивные материалы, брала интервью и делала переводы. Я также благодарен Ирине Островской из Международного общества “Мемориал” за архивные сведения о репрессированных членах семьи Кузьмина. Володя Александров и Сергей Беляков, как всегда, самоотверженно помогли мне на каждом шагу. Маша Липман в течение двух десятков лет оказывала мне бесценную помощь, делась своими

знаниями и пониманием России, она также вдумчиво и подробно прокомментировала черновой вариант рукописи.

Мэриэнн Уоррик расшифровывала интервью и занималась исследовательской работой, и я благодарен ей за точность и ее неустанный труд. Карисса Форд и Джули Тейт также помогли мне с исследованиями.

В *Washington Post* мне повезло оказаться в золотую пору ее журналистики, принципы которой заложили Дон Грэм и Кэтрин Грэм, и я благодарен ответственным редакторам Бенджамину Брэдли и Леонарду Дауни за возможность внести в нее свой вклад. Я особенно благодарен за многолетнюю поддержку и советы Филипу Беннету, моему коллеге и другу, вместе с которым мы провели немало прекрасных лет в редакции и который высказал важные критические замечания по поводу моей рукописи. Роберт Кайзер послужил для меня образцом и наставником, а Джоби Уоррик – дорогим другом и советчиком. Майкл Бирнбаум и Питер Финн, талантливые шефы московского бюро, с готовностью оказывали всяческое содействие и помогали мне.

Я в долгу у Кита Мелтона, который поделился изображениями из своей коллекции, и у Кэти Кранц Фиерамоска за разрешение воспроизвести портрет Адольфа Толкачева ее кисти. Я хочу поблагодарить Дика Комбса, Джека Мэтлока и Джеймса Шумейкера за воспоминания о пожаре в московском посольстве 1977 года. За информацию о радарх и ПВО я благодарен Робину Ли, Ларри Питсу, Дэвиду Кеннету Эллису и Уильяму Эндрюсу. Я также получил ценные советы и помощь от Роберта Берлса, Бенджамина Уайзера, Фрица Эрмарта, Чарльза Батталья, Джерролда Шектера, Роберта Монро, Питера Эрнеста, Джорджа Литтла, Луиса Денеса, Мэтью Эйда, Джошуа Поллака и Джейсона Салтун-Эбина. Кэти Кокс из Управления исторических исследований ВВС на базе ВВС “Максвелл” отвечала на мои запросы профессионально и быстро. Я благодарен за доступ к коллекциям Архива национальной безопасности в Вашингтоне, Национального архива в Колледж-парке (штат Мэриленд), Программы устной истории в Военно-морском институте США в Аннаполисе (штат Мэриленд), Президентской библиотеки Рональда Рейгана в Сими-Вэлли в Калифорнии и Российского государственного архива экономики в Москве.

Гленн Франкел был моим наставником в писательском деле на протяжении многих лет, и теперь он также сделал проницательные и

ценные замечания по поводу моей рукописи. Я также благодарен Светлане Савранской за ее комментарии к черновому варианту и за полезные советы о том, как вытаскивать секреты холодной войны из архивов мира.

Во второй раз за десять лет вдумчивая и терпеливая редакторская работа Крис Пуополо направляла меня по пути от туманной концепции и коробки с разрозненными документами к законченному повествованию, и я глубоко это ценю. Мои благодарности и Биллу Томасу, который поверил, что эта книга будет достойна издательства *Doubleday*. Я благодарю Дэниела Мейера за то, что он помогал выдерживать рабочий график проекта. Я благодарен и Эстер Ньюберг за то, что она такой замечательный агент. Ее первый телефонный звонок мне, полный энтузиазма, после прочтения чернового варианта был из тех мгновений, которыми хочется наслаждаться бесконечно.

Моя глубочайшая благодарность – моей жене Кэрол, которая с любовью руководила нашей домашней московской резидентурой вместе с нашими сыновьями, Дэниелом и Бенджамином, когда я был корреспондентом *Washington Post* в конце 1990-х. Она давала мне советы и делилась своими соображениями на всех этапах этого проекта. А еще важнее – стойко выносила беспорядок и непредсказуемые повороты, которые сопутствуют жизни журналиста, но никогда не теряла убеждения, что исследование мира – это стоящее путешествие. Сколько я нас помню, к двери нашего холодильника всегда был приклеен листочек бумаги с афоризмом св. Августина: “Мир – это книга, и те, кто не путешествует, читают лишь одну ее страницу”. С надежной поддержкой и участием Кэрол мир снова стал книгой.

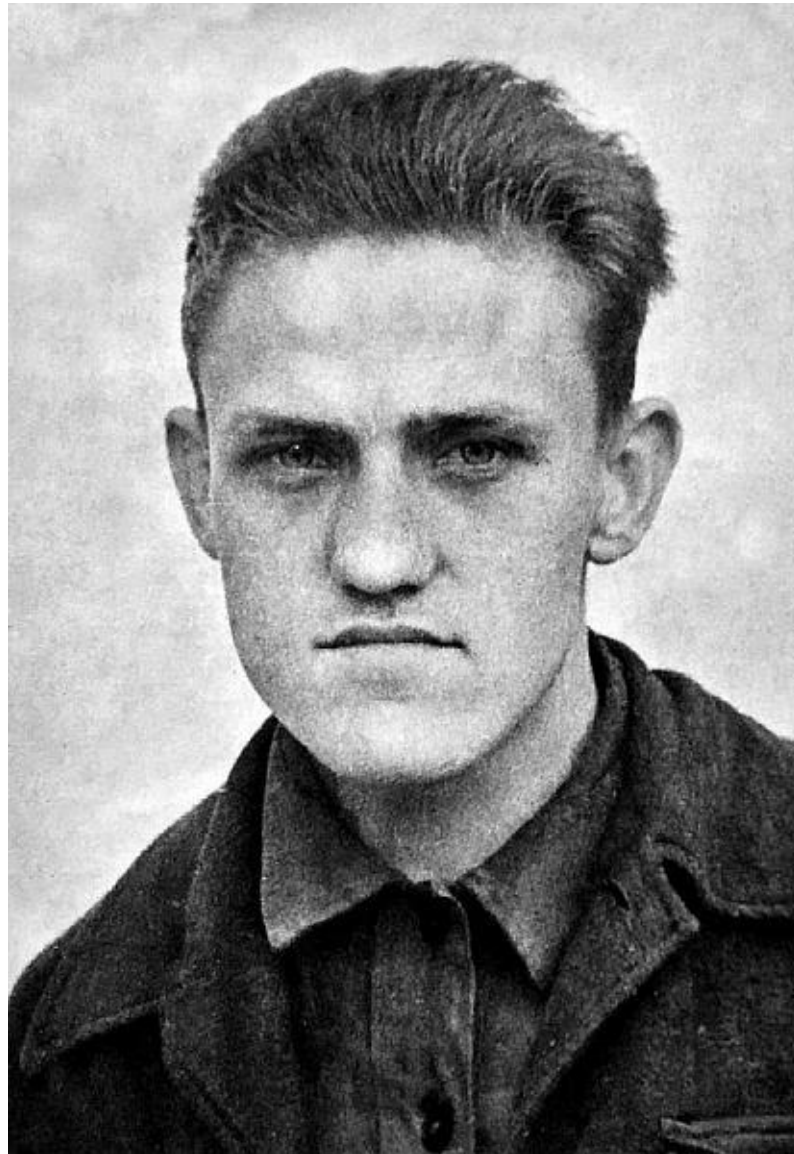
Об авторе

ДЭВИД Э. ХОФФМАН – журналист, ответственный редактор газеты *Washington Post*, где ранее работал редактором иностранного отдела, шефом московского бюро и специальным корреспондентом в Белом доме. Автор книг “Олигархи: богатство и власть в новой России” (2002) и “Мертвая рука: неизвестная история холодной войны и ее опасное наследие” (2009, Пулитцеровская премия в 2010 году).

Фото с вкладки

Адольф Толкачев в Прибалтике во время отпуска. Начало 1970-х годов.
Публикуется с разрешения друга семьи Толкачевых.

А. Толкачев в школьные годы. 1948 год. Публикуется с разрешения
друга семьи Толкачевых.

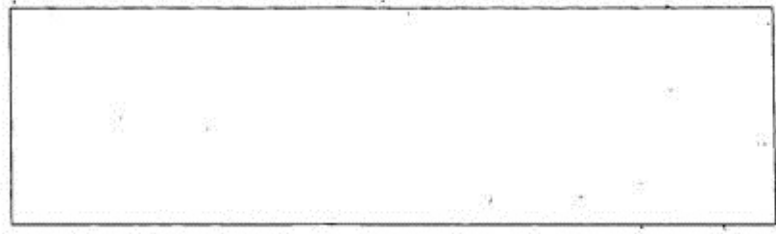
А. Толкачев. 1984 год. Публикуется с разрешения друга семьи Толкачевых.

Московская бензозаправка, где 12 января 1977 года Толкачев в первый раз попытался установить контакт с сотрудником ЦРУ. Публикуется с разрешения Валерия Смычкова.

Роберт Фултон, шеф московской резидентуры ЦРУ в середине 1970-х годов. Публикуется с разрешения Фонда Роберта М. Фултона.

T 520369 EIA385

PAGE 01

TOR:131317Z JAN 77

Immediate

~~SECRET~~ 131150Z JAN 77

CITE MOSCOW [redacted]

TO: IMMEDIATE [redacted]

[redacted]

1st NOTE

1. AT 1800 HRS 12 JANUARY AT DIPLOMATIC GAS STATION SOVIET MALE (SUBJ) APPROACHED [redacted] AND SAID IN ENGLISH: "ARE YOU [redacted] I WOULD LIKE TO TALK TO YOU." [redacted] ANSWERED THAT YES [redacted] THAT IT WOULD BE DIFFICULT TO TALK THERE AND ASKED WHAT HE WANTED. SUBJ QUICKLY SAID: "OH, IT WOULD BE DIFFICULT? (AS IF HE EXPECTED [redacted] TO SO RESPOND)" AND THEN SWITCHING TO RUSSIAN SAID: "EXCUSE ME", LEANED SLIGHTLY INTO [redacted] CAR AND PUT A FOLDED PIECE OF PAPER ON SEAT. (HE HAD BEEN PALMING NOTE AND VERY MUCH PREPARED FOR WHAT HE WAS DOING.) [redacted] WAS GETTING INTO CAR AT TIME OF APPROACH AND ENTIRE EXCHANGE LASTED NO MORE THAN 15 SECONDS. [redacted] HAD NOT NOTICED SUBJ UNTIL LATTER ACTUALLY SPOKE. THERE WERE AT LEAST 5 CARS WAITING TO FILL UP AND PEOPLE STANDING IN AREA. AS SOON AS SUBJ PLACED NOTE IN CAR HE WALKED FROM STATION AND TURNED DOWN SIDE STREET. NOBODY AT STATION PAID ANY PARTICULAR ATTENTION TO SUBJ, AND [redacted] NOTICED NO ONE FOLLOWING SUBJ. [redacted] DID

~~SECRET~~

~~SECRET~~

Телеграмма Фултона в штаб-квартиру ЦРУ о некоем русском, обратившемся к нему на бензозаправке.

В этом здании размещалось посольство США в Москве в годы

контактов с Толкачевым. Резидентура в 1977 году находилась на седьмом этаже. За зданием посольства видна высотка – дом Толкачева. *AP Photo / Tanya Makeyeva.*

Глава московской резидентуры Гас Хэтэуэй с постовым милиционером возле своего дома. Дежурившие милиционеры докладывали оперативникам КГБ обо всех перемещениях американцев. Чтобы уйти от слежки,

сотрудникам ЦРУ иногда приходилось прибегать к “перевоспещению”.
Публикуется с разрешения Карин Хэтэуэй.

Гас Хэтэуэй в помещении резидентуры после пожара в американском посольстве в августе 1977 года. Во время тушения Хэтэуэй не дал “пожарным” из КГБ войти в резидентуру. Публикуется с разрешения Карин

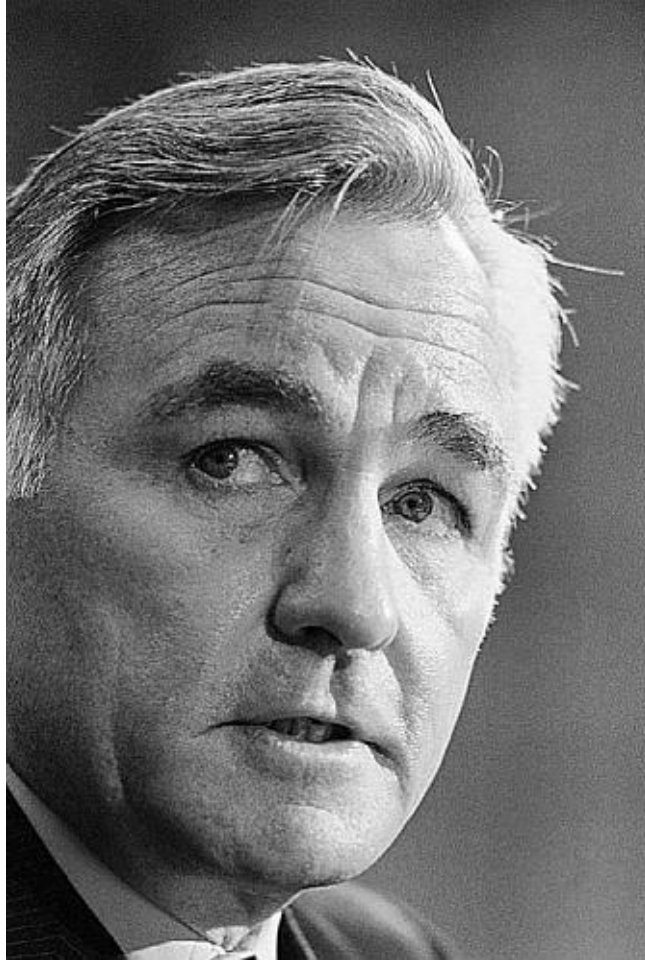
Хэтэуэй.

Хэтэуэй (в плаще) наутро после пожара у здания посольства.
Публикуется с разрешения Карин Хэтэуэй.

Оперативная сотрудница московской резидентуры Марти Питерсон в главном управлении КГБ, 15 июля 1975 года. Питерсон была задержана при закладке передачи для агента Александра Огородника. Публикуется с разрешения Г. Кита Мелтона и архива Мелтона.

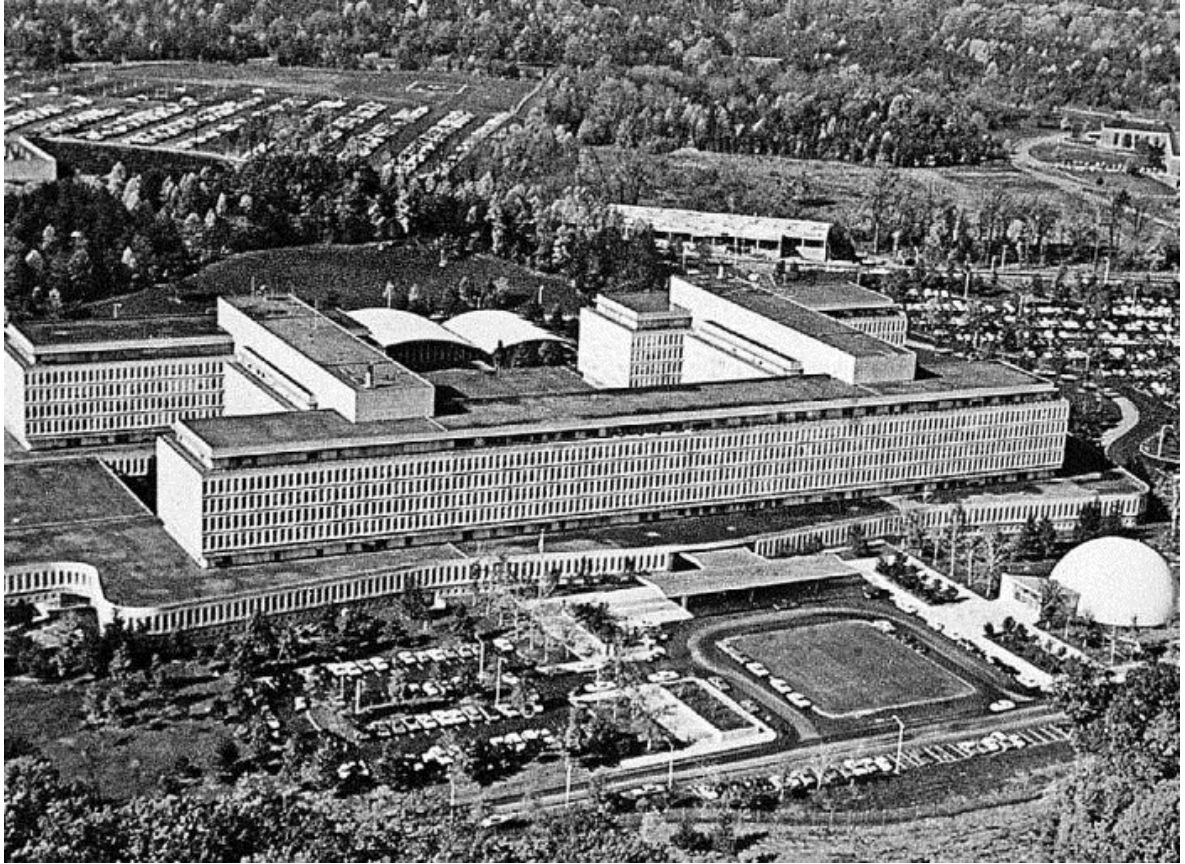
Адмирал Стэнсфилд Тернер, возглавивший ЦРУ в 1977 году, подозревал, что с московской резидентурой что-то не так, и приказал заморозить все операции ЦРУ в Москве. *AP Photo / Bob Daugherty.*

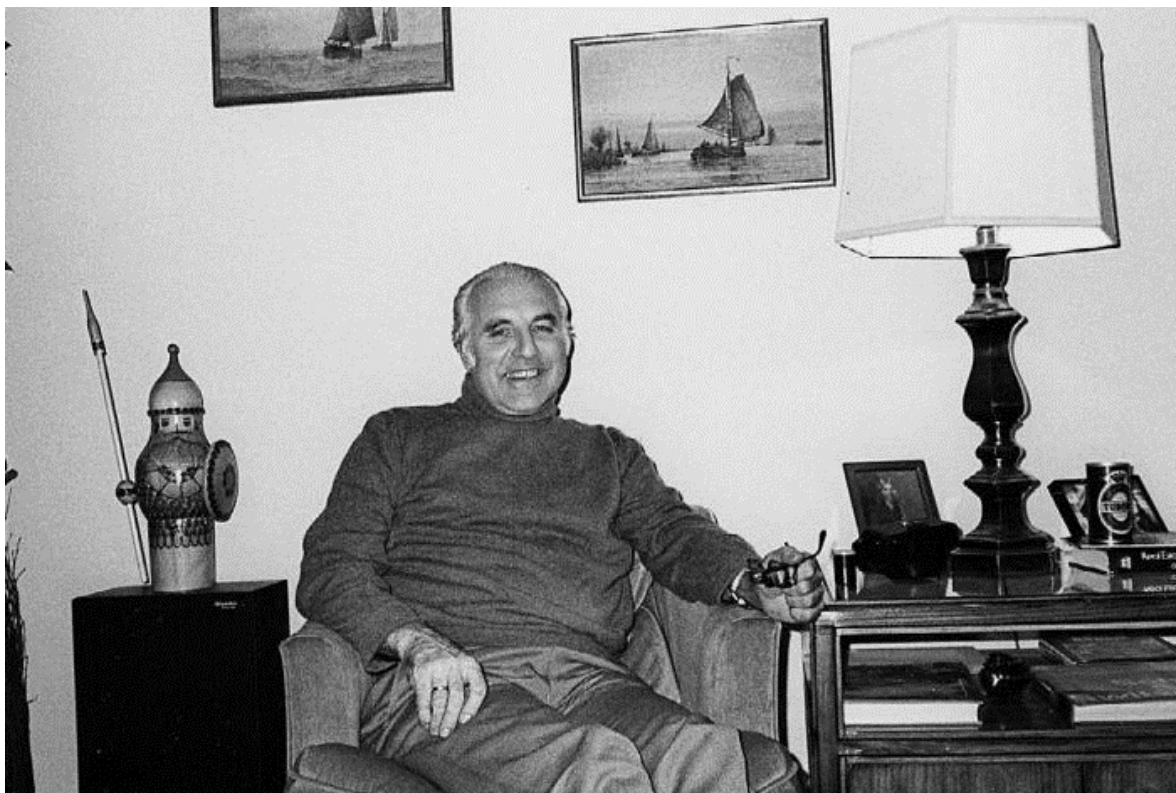
Марти Питерсон сразу после возвращения в США была с докладом у Тернера, а затем у президента Картера. Публикуется с разрешения Марты Питерсон.

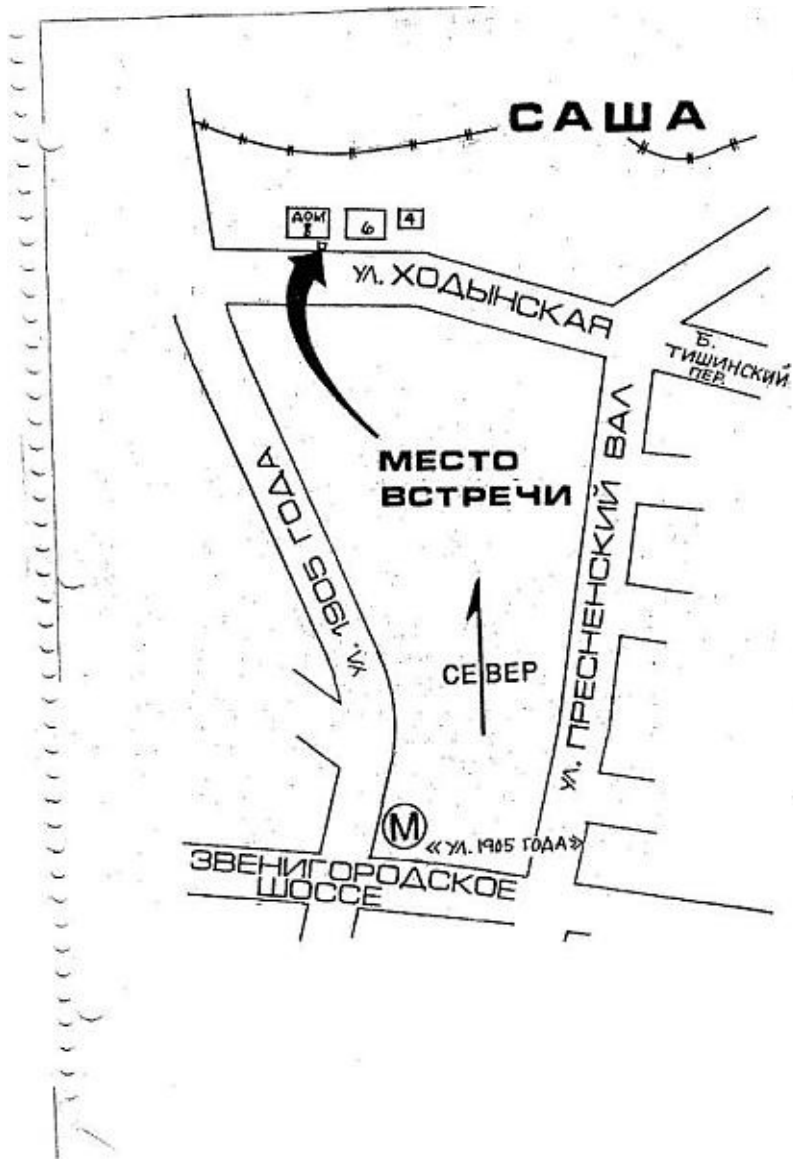
Александр Огородник, советский дипломат, ставший агентом ЦРУ. При аресте он проглотил капсулу с ядом, спрятанную в перьевой ручке. Публикуется с разрешения Марты Питерсон.

Здание ЦРУ. Лэнгли, штат Виргиния. *AP Photo.*

Джон Гилшер в своей московской квартире. Он стал первым куратором Толкачева. Публикуется с разрешения Кэтрин Гилшер.

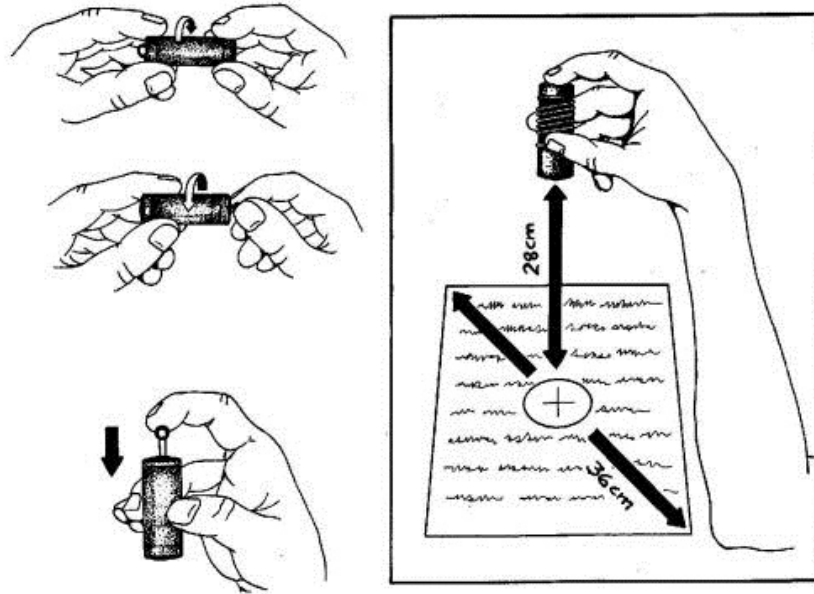

Гилшер и другие сотрудники резидентуры готовили схемы и планы для Толкачева. На рисунке показано место встречи под кодовым названием “Саша”.

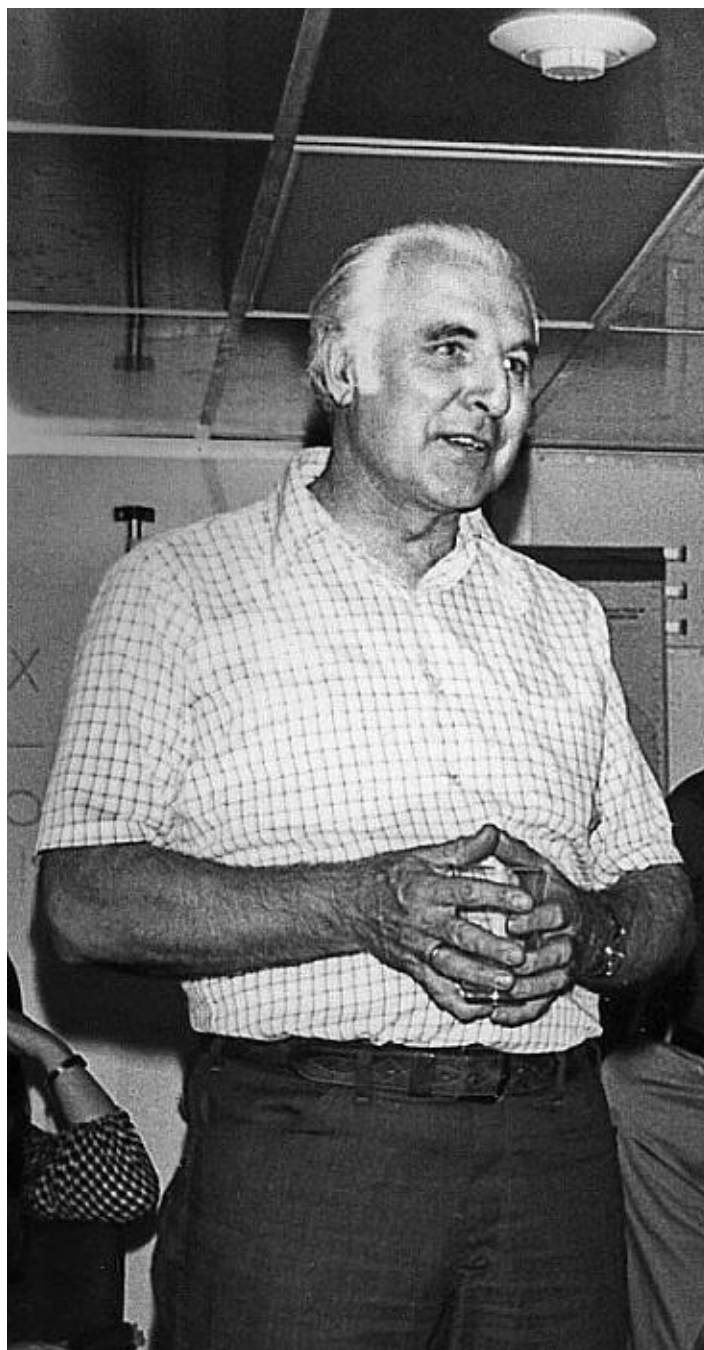
Первая шпионская камера “Молли” (*вверху*), выданная Толкачеву для копирования документов, работала неудовлетворительно. Позже ЦРУ передало Толкачеву миниатюрный фотоаппарат *Tropel*, спрятанный в брелоке для ключей (*внизу*).

SC-73

Страница инструкции для аппарата *Tropel*. Камера была гениальным инженерным изобретением. С ее помощью Толкачев сумел переснять документы, запершись на работе в мужском туалете. Публикуется с разрешения Г. Кита Мелтона и архива Мелтона.

Джон Гилшер в московской резидентуре. Публикуется с разрешения Дэвида Ролфа.

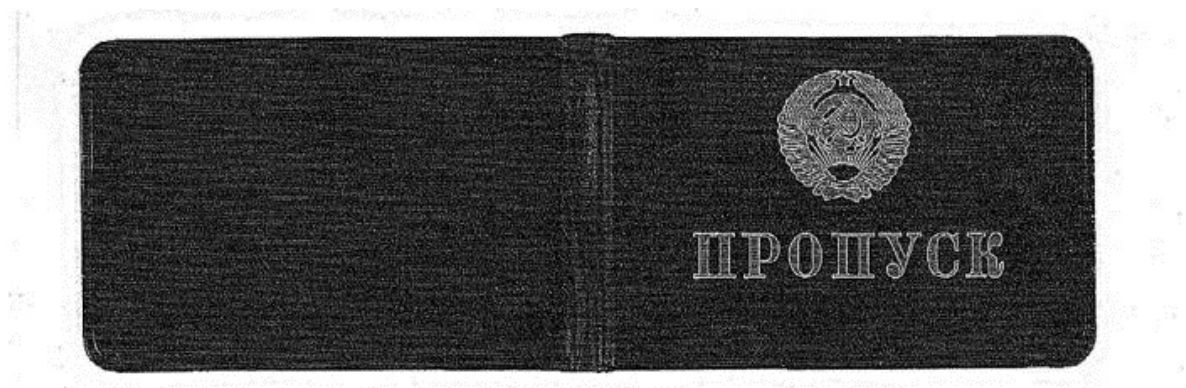

Дэвид Ролф, второй куратор Толкачева. Перед тем как начать работать с Толкачевым, Ролф сумел провести успешную эвакуацию агента *СКУТОРИА* (“Утопия”). Публикуется с разрешения Дэвида Ролфа.

Знак “V”, оставленный агентом *СКУТОPIA* на столбе. Операция по эвакуации агента началась вскоре после того, как в один из воскресных дней в начале 1980 года Ролф увидел этот знак. Публикуется с разрешения Дэвида Ролфа.

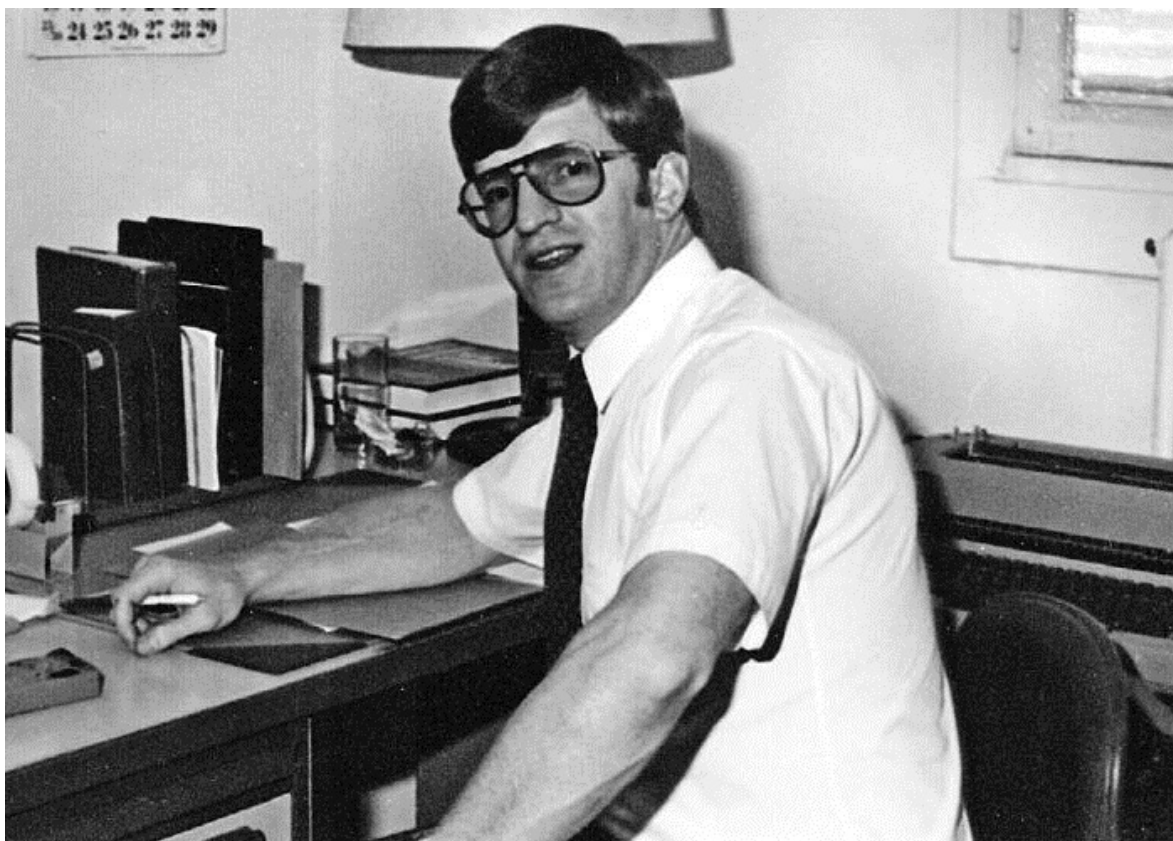
Пропуск Толкачева. В ЦРУ пытались изготовить фальшивый пропуск для Толкачева, чтобы он мог выносить с работы секретные материалы. Несмотря на многие усилия, Толкачев пользовался этим документом очень недолго – всего несколько недель летом 1982 года.

In the propusk B are colored strips of paper and a strip of material, cut out from the cover of my propusk.

Английский перевод записки Толкачева, передавшего образцы для копирования: “В пропуск Б вложены отрезанные от моего пропуска полоски бумаги: одна, цветная, с внутренней страницы, вторая – от обложки”. Публикуется с разрешения Г. Кита Мелтона и архива Мелтона.

Бертон Гербер, шеф московской резидентуры в 1980–1982 годах, позже глава советского отдела ЦРУ, и его жена Розали. Гербер участвовал в разработке правил для отбора новых сотрудников ЦРУ и успешно применил в Москве новый метод работы, используя глубоко законспирированных агентов. Публикуется с разрешения Бертон Л. Гербера.

Роберт Моррис за рабочим столом. Административная служба была его прикрытием. Публикуется с разрешения Роберта О. Морриса.

В высотном здании, где была квартира Толкачева, жили представители советской элиты – деятели авиационной и космической отрасли. Фото автора.

Чтобы сообщить о своей готовности встретиться, Толкачев подавал условный сигнал – открывал кухонную форточку. Фото автора.

Главным шпионским оборудованием Толкачева была 35-миллиметровая зеркальная камера *Pentax ME*. Ею он отснял тысячи страниц секретной документации. *Titrisol / Wikimedia Commons*.

WANTED BY THE FBI

ESPIONAGE; INTERSTATE FLIGHT - PROBATION VIOLATION

EDWARD LEE HOWARD

FBI No. 720 744 CA2

Photograph taken 1983

Aliases: Patrick Brian, Patrick M. Brian, Patrick M. Bryan, Edward L. Houston, Roger H. Shannon

DESCRIPTION

Date of Birth:	October 27, 1951	Hair:	brown
Place of Birth:	Alamogordo, New Mexico	Eyes:	brown
Height:	5' 11"	Complexion:	medium
Weight:	165 to 180 pounds	Race:	white
Build:	medium	Nationality:	American
Occupations:	economic analyst, former U.S. Government employee		
Remarks:	knowledgeable in the use of firearms.		
Scars and Marks:	2-inch scar over right eye; scar on upper lip		
Social Security Number Used:	457-92-0226		
NCIC:	D0540719191108101419		
Fingerprint Classification:	<u>4 0 1 R 10 19</u> S 17 U 10		

CRIMINAL RECORD

HOWARD HAS BEEN CONVICTED OF ASSAULT WITH A DEADLY WEAPON.

CAUTION

HOWARD SHOULD BE CONSIDERED ARMED AND DANGEROUS AND SHOULD BE APPROACHED WITH CAUTION INASMUCH AS HE HAS BEEN CONVICTED OF ASSAULT WITH A DEADLY WEAPON AND IS PRESENTLY ON SUPERVISED PROBATION.

A Federal warrant was issued on September 23, 1985, at Albuquerque, New Mexico, charging Howard with Espionage (Title 18, U.S. Code, Section 794 (c)). A Federal warrant was also issued on September 27, 1985, at Albuquerque, charging Howard with Unlawful Interstate Flight to Avoid Confinement-- Probation Violation (Title 18, U.S. Code, Section 1073).

IF YOU HAVE ANY INFORMATION CONCERNING THIS PERSON, PLEASE CONTACT YOUR LOCAL FBI OFFICE. TELEPHONE NUMBERS AND ADDRESSES OF ALL FBI OFFICES LISTED ON BACK.

DIRECTOR
FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION
UNITED STATES DEPARTMENT OF JUSTICE
WASHINGTON, D. C. 20535
TELEPHONE: 202 324-3000

Entered NCIC
Wanted Flyer 524
October 4, 1985

Плакат ФБР с объявлением в розыск Эдварда Ли Ховарда. 1985 год.

~~SECRET~~

Memorandum J.H. Geer to E.J. Sharp
Re: Administrative Inquiry into the
Disappearance of Edward Lee Howard
from Santa Fe, New Mexico,
September 21, 1985

DETAILS: At the request of the Assistant Director, INTD, Assistant Director Glover, Inspection Division, had an administrative inquiry conducted in order to establish how Edward Lee Howard disappeared from Santa Fe, New Mexico, on 9/21/85, while under FBI physical surveillance. This administrative inquiry was conducted and included interviews of personnel in Albuquerque, San Diego and Los Angeles as well as FBIHQ. A copy of this report is attached for your review. (original memo only)

b6
b7C

A thorough review of this administrative summary has been conducted and it is INTD's recommendation that administrative action be considered for [redacted] who was assigned to the lookout on 9/21/85, the date of Howard's disappearance.

b6
b7C

[redacted] performance was less than adequate and is a critical element in the disappearance of Howard while under physical surveillance. It is noted that [redacted] after having been placed on notice that the Howards were to leave their residence, and knowing the approximate time that the babysitter was to arrive at the residence, failed to notice the departure of the Howards from their residence and also failed to notify the surveillance teams of the Howards' departure. [redacted] further failed to notice and/or advise the surveillance teams of the babysitter's arrival after having logged outgoing calls that the babysitter was making from the Howards' residence. [redacted] recorded an incoming call from Mrs. Howard wherein she stated that she was at Alfonso's Restaurant and, although he recorded this call [redacted] failed to notify the surveillance units of this call. [redacted] also failed to notice the return of Mrs. Howard to her residence.

b6
b7C

[redacted] was further delinquent in his performance in that he failed to report problems he experienced with the surveillance monitoring equipment and he made entries into his surveillance log which he later admitted he could not sustain.

[redacted] lack of performance in a very critical position is primarily responsible for the ^{undetected} disappearance of Howard.

[redacted]

ФБР установило слежку за Ховардом, но 21 сентября 1985 года упустило его в Санта-Фе, штат Нью-Мексико.

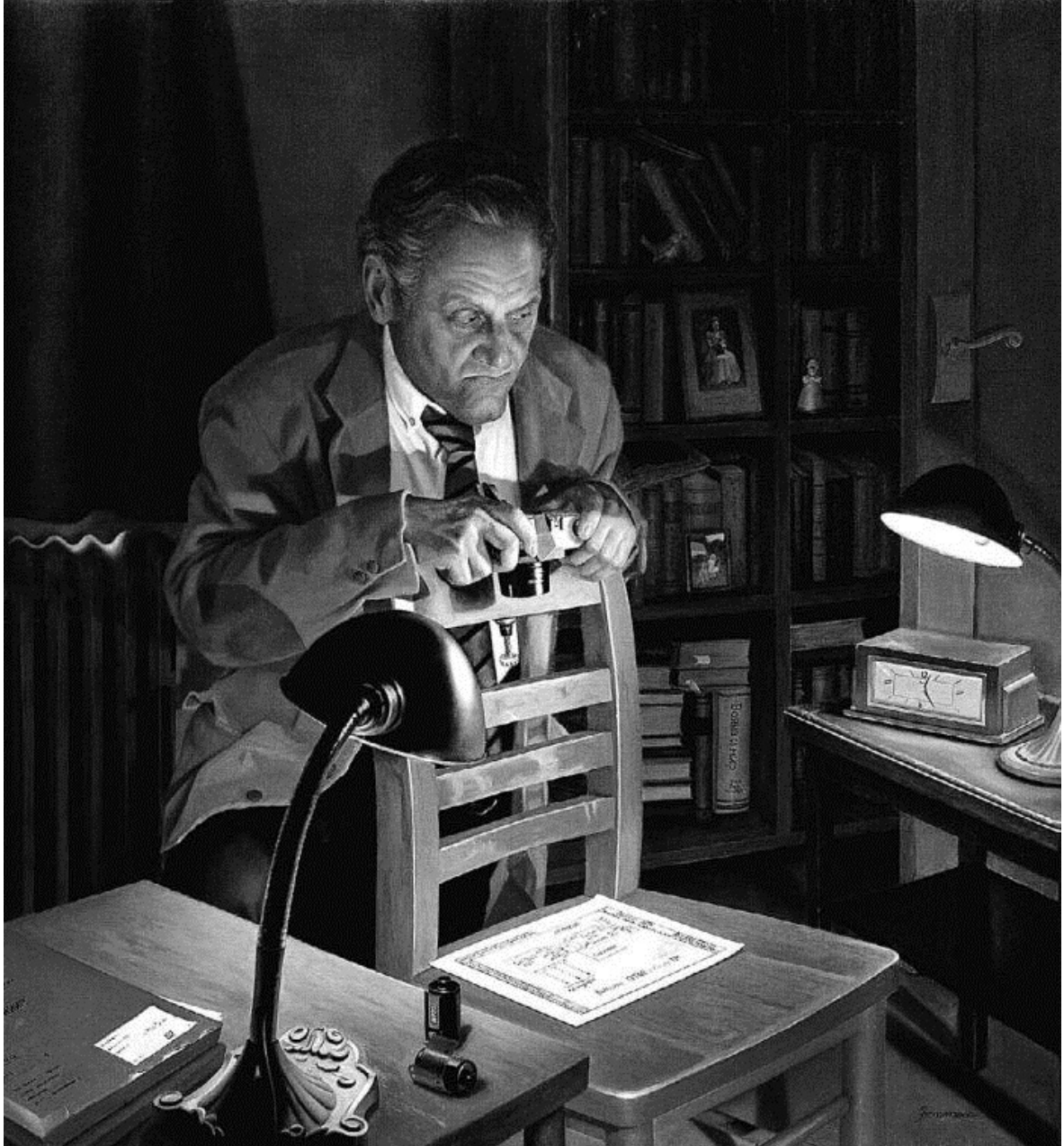

На проселочной дороге Адольф Толкачев выходит из своей машины 9 июня 1985 года (вверху). Через несколько мгновений он будет схвачен сотрудниками КГБ (внизу). Публикуется с разрешения Г. Кита Мелтона и архива Мелтона.

Эдвард Ли Ховард в Москве. 1995 год. *AP Photo / Tanya Makeyeva.*

Кэти Кранц Фиерамоска. Портрет Адольфа Толкачева, висящий в штаб-квартире ЦРУ. Публикуется с разрешения художника.

резидентура – штаб-квартире, 8 декабря 1982. 081335Z.

История Толкачева частично основывается на 944 страницах рассекреченной оперативной документации. По большей части это обмен телеграммами между штаб-квартирой ЦРУ и московской резидентурой с 1977 по 1985 год. Телеграммы цитируются в примечаниях отдельно, со ссылкой на отправителя, получателя, дату и индекс. В индексе первые две цифры обозначают дату, следующие четыре – время отправки телеграммы по Гринвичу, в конце стоит буква Z. Например, 131423Z – это телеграмма, отправленная 13-го числа в 14.23. В некоторых случаях, когда такая информация удалена, телеграммы по возможности обозначены датой.

Шифрограммы ЦРУ часто написаны в отрывистом телеграфном стиле, некоторые слова опущены. При прямом цитировании этот стиль сохранен.

ЦРУ проверяло информацию с точки зрения ущерба для национальной безопасности, и такая информация удалялась из документа до предоставления его автору. ЦРУ никак не регламентировало использование автором предоставленных ему документов и не рассматривало рукопись до ее публикации. Отдельные телеграммы опубликованы на сайте www.davidehoffman.com.

ФБР предоставило материалы по расследованию дела Ховарда в ответ на запрос автора в соответствии с Законом о свободном доступе к информации.

В книге также использованы интервью и материалы, полученные автором из других источников.

[2] Сокращение от Jack in the box. Более привычный русский эквивалент – “черт из табакерки”. – *Прим. пер.*

2

ROYDEN B. G. *Tolkachev, a Worthy Successor to Penkovsky // Studies in Intelligence*. 2003. Vol. 47. № 3. P. 22. Также см.: WALLACE R., MELTON H. K. (with Schlesinger H. R.). *Spycraft: The Secret History of the CIA's Spyspechs from Communism to al-Qaeda*. New York: Dutton, 2008. Pp. 130–131.

3

WOHLSTETTER R. *Pearl Harbor: Warning and Decision*. Stanford: Stanford University Press, 1962. Pp. 48–49. Также: Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Investigation of the Pearl Harbor Attack. U. S. Senate. 79th Congress. 2nd session. 1946. July 20. № 244. Pp. 257–258. Трумэн в воспоминаниях писал, что “часто думал: если бы в правительстве существовал хоть какой-то обмен информацией, японцам было бы трудно, если вообще возможно, успешно атаковать Перл-Харбор”. TRUMAN H. S. *Memoirs*. Vol. 2. *Years of Trial and Hope*. Garden City, New York: Doubleday, 1956. P 56.

4

KUHNS W. J., ed. *Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, CIA, 1997. Pp. 1, 3.

[6] Джордж Кеннан – в 1945–1946 годах советник посольства США в СССР, в 1952 году посол США в СССР. Зимой 1946 года в ответ на просьбу американского казначейства объяснить, почему Советский Союз не поддержал создание Всемирного банка и Международного валютного фонда, он составил “длинную телеграмму”, в которой проанализировал отношения США и СССР и их перспективы. Вскоре анализ Кеннана не только получил распространение, но фактически лег в основу политики США на советском направлении. – *Прим. пер.*

5

Управление сместило лидеров Ирана и Гватемалы, провело неудачную высадку в заливе Свиной, предупредило о советских ракетах на Кубе, было глубоко вовлечено в войну во Вьетнаме и руководило полномасштабной сухопутной войной в Лаосе. U. S. Senate. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Bk. 1. Foreign and Military Intelligence. Pt. 6. History of the Central Intelligence Agency. 94th Congress. 2nd session. 1976. April 26. Report 94-755, 109.

6

VOLKOGONOV D. *Stalin: Triumph and Tragedy*. Trans. Shukman H. London: Weidenfeld & Nicolson, 1991. Pp. 502–524.

7

MURPHY D. E., KONDRASHEV S. A., BAILEY G. *Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997. P. ix.

8

Report on the Covert Activities of the Central Intelligence Agency. Special Study Group, Doolittle J. H., chairman. Washington, D.C., 1954. Sept. 30. P. 7.

9

HELMS R. (with Hood W). *A Look over My Shoulder: A Life in the Central Intelligence Agency*. New York: Random House, 2003. P. 124.

10

EVAN TH. *The Very Best Men: The Daring Early Years of the CIA*. New York: Simon & Schuster, 1995. Pp. 25, 30, 36, 142–152. Также: U. S. Senate. Final Report. pt. 6. *History of the Central Intelligence Agency*; IMMERMANN R. *A Brief History of the CIA* // In: Theoharis A. et al., eds. *The Central Intelligence Agency: Security Under Scrutiny*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2006. P. 21.

11

HELMS, *A Look over My Shoulder*, pp. 124, 127.

12

HAINES G. K., LEGGETT R. E., eds. *CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947–1991: A Documentary Collection*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 2001. Pp. 35–41.

13

KUHNS, p. 12.

14

Интервью Ричарда Хелмса Роберту Хэтэуэю 30 мая 1984 года, рассекреченное ЦРУ в 2004 году. Хэтэуэй – соавтор внутренней монографии о Хелмсе на посту директора.

[17] Американские журналы, рассчитанные на широкого читателя и уделявшие много места фоторепортажам. – *Прим. пер.*

15

Рассказ о деле Попова основан на пяти источниках. Книга Уильяма Худа (HOOD W. *Mole: The True Story of the First Russian Intelligence Officer Recruited by the CIA*. New York: W W Norton, 1982) весьма информативна. Худ был в то время оперативником в Вене, но некоторые детали в его рассказе туманны. Книга Кларенса Эшли (ASHLEY C. *CIA Spymaster*. Gretna, La.: Pelican, 2004) основана на интервью с Джорджем Кизевальтером, а ее автор – бывший аналитик ЦРУ. В книге Джона Лаймонда Харта (HART J. L. *The CIA's Russians*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2003) есть глава о Попове. Дополнительные сведения приводятся в книге Мерфи, Кондрашева и Бейли *Battleground Berlin*. Наконец, о примерах позитивных разведданных и их значении говорится в монографии и сборнике документов Джоан Берд и Джона Берда (BIRD J., BIRD J. *CIA Analysis of the Warsaw Pact Forces: The Importance of Clandestine Reporting*. Central Intelligence Agency, Historical Review Program, 2013). О журнале для фермеров см.: HOOD, *Mole*, p. 123.

16

Доклады разведки, основанные на сообщениях Попова, приводятся по: BIRD and BIRD, *CIA Analysis*.

[20] Прием вербовки, использующий сексуальную связь для шантажа. – *Прим. пер.*

17

Это был Эдвард Эллис Смит, которому было тогда 32 года и который во время Второй мировой войны служил в Москве в ведомстве военного атташе. Затем он приехал в Москву под прикрытием, в должности мелкого чиновника Госдепартамента. Попов считал выбранные им места для тайников неудовлетворительными. См.: SMITH R. H. *The First Moscow Station: An*

Espionage Footnote to Cold War History // International Journal of Intelligence and Counterintelligence. 1989. Vol. 3. № 3. Pp. 333–446. Эта статья основана на интервью с Эдвардом Смитом, погибшим в автомобильной аварии в 1982 году, и на его статьях. Есть разные, противоречащие друг другу, версии о роли Смита в деле Попова и о том, передавал ли Попов ЦРУ полезные сведения, будучи в Москве. По версии Худа в книге *Mole...*, ЦРУ решило вовсе не работать с Поповым в Москве ввиду рискованности этой затеи. Напротив, Ричард Харрис Смит говорит, что Попов, будучи в Москве, доложил ЦРУ о самом значительном политическом событии десятилетия – секретном выступлении Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года, в котором тот осудил культ личности Сталина. Эшли утверждает, что Смит ни разу не встречался с Поповым. Это, впрочем, не означает, что операции не проводилось: если он просто использовал тайники, нужды во встрече не было. У Смита был роман с русской горничной, которая работала на КГБ и тайно фотографировала его. Сотрудники КГБ затем предъявили Смицу фотографии и пытались его шантажировать, чтобы склонить к работе на них. Смит отказался и признался во всем послу США Чарльзу “Чипу” Болену. После этого в июле 1956 года Смита отозвали в штаб-квартиру и уволили из ЦРУ.

18

См.: SCHECTER J. L., DERIABIN P. S. *The Spy Who Saved the World: How a Soviet Colonel Changed the Course of the Cold War*. New York: Scribner’s, 1992. Это самая обстоятельная работа о Пеньковском, основанная на документах ЦРУ. Также: HELMS R. *Essential Facts of the Penkovskiy Case* (докладная записка директору ЦРУ, 31 мая 1963 года); PENKOVSKIY O. *The Penkovskiy Papers*. New York: Doubleday, 1965. Эта книга посвящена главным образом встречам Пеньковского с англо-американской командой. Также имеется более свежая книга: CORERA G. *The Art of Betrayal: The Secret History of MI6*. New York: Pegasus Books, 2012. Pp. 135–183. Также: McCoy L. *The Penkovskiy Case // Studies in Intelligence*, CIA (дата неизвестна, рассекречено 10 сентября 2014 года) и *Reflections on Handling Penkovsky // Studies in Intelligence*, CIA (автор и дата неизвестны, рассекречено 3 сентября 2014 года). Рассекреченные документы ЦРУ доступны на сайте www.foia.cia.gov, а документы более чем 25-летней давности – в программе CREST, электронной системе поиска по материалам ЦРУ, хранящимся в Национальном архиве в Колледж-парке, штат Мэриленд.

Сотрудник под кодовым именем “Компас” прибыл в Москву в октябре 1960 года. Его прикрытием была должность коменданта – более звучное наименование швейцара в “Америка-хаусе”, общежитии морских пехотинцев, служивших охранниками в посольстве США, и других работников. “Компас” был неопытным сотрудником, и ему приходилось трудно. В письме в штаб-квартиру он предложил, чтобы потенциальный новый агент перебрасывал посылки с конфиденциальными разведданными через четырехметровую стену “Америка-хауса” по ночам, а связной ждал на другой стороне и ловил их, – странное предложение, учитывая, что здание находилось под наблюдением КГБ. “Компас” не мог найти других мест для тайников в Москве и жаловался на разнообразные невзгоды. В течение двух месяцев после прибытия он не смог установить контакт с Пеньковским. Наконец 5 февраля 1961 года он попытался поговорить с Пеньковским по домашнему телефону. Было утро воскресенья. Он должен был позвонить в 10.00 и говорить по-русски, а позвонил в 11.00 и заговорил по-английски. Пеньковский слабо владел английским и никогда не пользовался им дома; он сказал собеседнику, что ничего не понял, и повесил трубку. Вся затея с “Компасом” оказалась тупиковой.

HART, *The CIA's Russians*, pp. 59–60.

[25] Операция, имевшая целью свержение правительства Фиделя Кастро, проводилась 17–19 апреля 1961 года и закончилась полным поражением американской десантной бригады, высадившейся на острове, и ее местных союзников. – *Прим. пер.*

MCCOY, *Penkovskiy Case*, p. 3.

Там же, p. 5.

См.: ANDREW CH. *Intelligence and Conspiracy Theory: The Case of James Angleton in Long-Term Perspective* (выступление в Вашингтоне 29 марта 2012 года на конференции, организованной при поддержке Центра Вудро Вильсона и Центра исследований безопасности Джорджтаунского университета). Маккой считает, что в сентябре-октябре 1962 года советские руководители были потрясены арестом Пеньковского, поскольку не знали, что именно он передал Соединенным Штатам. Маккой пишет, что арест, возможно, подорвал уверенность Хрущева в его противостоянии президенту Кеннеди. “Время ареста Пеньковского сыграло на руку Кеннеди”, – пишет он (МССОУ, *Penkovskiy Case*, p. 11).

24

Пеньковский вращался в высших московских военных кругах, в том числе он знал семью генерала Ивана Серова, который сначала был председателем КГБ, а потом возглавил ГРУ. Это позволило Западу составить представление об образе мышления советского военного руководства.

25

См.: SCHECTER, DERIABIN, *Spy Who Saved the World*, p. 147. Примеры позитивных разведданных, предоставленных Пеньковским, см.: BIRD and BIRD, *CIA Analysis*, pp. 13–28, и сопутствующий сборник документов. Маккой подробно описывает позитивные разведданные, полученные в ходе операции. Более скептическая оценка вклада Пеньковского в Карибский кризис приводится в статье: SCOTT L. *Espionage and the Cold War: Oleg Penkovsky and the Cuban Missile Crisis* // *Intelligence and National Security*. 1999. Vol. 14. № 3. Pp. 23–47.

26

Неизвестный автор. *Reflections on Handling Penkovsky* // *Studies in Intelligence*, CIA. P 53. (дата неизвестна, рассекречено ЦРУ 3 сентября 2014 года). Этот текст составил оперативник ЦРУ, приехавший в июне 1962 года.

27

MELTON W. *Spycraft*, pp. 36–39.

28

Неизвестный автор, *Reflections*, p. 57; MCCOY, *Penkovsky Case*, p. 9.

29

Винна приговорили к восьми годам заключения, но освободили в ходе обмена разведчиками в 1964 году.

30

По поводу Энглтона написано немало. Здесь автор опирался на следующие работы: MANGOLD T. *Cold Warrior: James Jesus Angleton: The CIA's Master Spy Hunter*. New York: Simon & Schuster, 1991; MARTIN D. C. *Wilderness of Mirrors*. New York: Harper & Row, 1980; ROBARGE D. *Cunning Passages, Contrived Corridors: Wandering in the Angletonian Wilderness // Studies in Intelligence*. 2010. Vol. 53. № 4; ROYDEN B. G. *James J. Angleton, Anatoliy Golitsyn, and the 'Monster Plot': Their Impact on CIA Personnel and Operations // Studies in Intelligence*. 2011. Vol. 55. № 4 (получено через Архив национальной безопасности в Вашингтоне). Также: Moles, Defectors, and Deceptions: James Angleton and His Influence on U. S. Counterintelligence (сообщение 29 марта 2012 года в Вашингтоне на конференции, организованной при поддержке Центра Вудро Вильсона и Центра исследований безопасности Джорджтаунского университета). Также: HATHAWAY R. M., SMITH R. J. *Richard Helms as Director of Central Intelligence*. Center for the Study of Intelligence, CIA. 1993. P. 103.

31

GATES R. M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 34. Также: ROBARGE, *Cunning Passages*.

32

Интервью автора с Бертоном Гербером, 25 октября 2012 года.

33

Хотя операция в туннеле была с самого начала раскрыта Джорджем Блейком, агентом КГБ в британской разведке, советские власти, вероятно,

позволили ей продолжаться, прежде всего желая защитить свой источник. Официальная версия операции в туннеле представлена в работе: *The Berlin Tunnel Operation, 1952–1956. Clandestine Services History* // Historical Paper. 1968. June 24. № 150, отчасти рассекречена ЦРУ в 2012 году. Приводится как документ № 001–034 (глава 1) в сборнике документов, приложении к работе Bird and Bird, *CIA Analysis*. Ранее, согласно некоторым версиям, считалось, что данные, полученные в туннеле, были смешаны с дезинформацией. Но в авторитетной работе Мерфи, Кондрашева и Бейли (*Battleground Berlin*) утверждается, что операция “в действительности дала значительный объем крайне необходимых и трудно извлекаемых военных данных” в то время, когда такие материалы были еще не доступны из таких источников, как фотосъемка со спутника и с самолетов U-2. Авторы также пишут, что у КГБ был собственный защищенный канал коммуникаций, а военные и ГРУ использовали линии, прослушиваемые Западом.

34

APPLEBAUM A. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956*. New York: Doubleday, 2012. Pp. 64–87. Робардж (*Cunning Passages*) говорит, что, “зациклившись на Советах”, Энглтон “по большей части игнорировал” других противников, в том числе спецслужбы ГДР и Чехословакии.

35

Переписка автора с Хэвилендом Смитом, 5 июня 2013 года. Новаторские идеи Смита и их влияние хорошо описаны в книге: WEISER B. *A Secret Life: The Polish Officer, His Covert Mission, and the Price He Paid to Save His Country*. New York: Public Affairs, 2004. Pp. 74–78.

36

Интервью автора с Дэвидом Форденом, 6 февраля 2013 года.

37

BERKOWITZ B. *The Soviet Target – Highlights in the Intelligence Value of Gambit and Hexagon, 1963–1984* // National Reconnaissance: Journal of the Discipline and Practice. 2012. № 2012-UI. Pp. 110–112. По большей части эти новации были реакцией на недостаток хороших агентов в Советском Союзе. Для оценки вероятности внезапного нападения президент

Эйзенхауэр в 1954 году учредил комиссию под руководством Джеймса Киллиана из Массачусетского технологического института. Комиссия пришла к выводу: “Мы должны найти способы увеличить количество надежных фактов, на которых строится анализ нашей разведки, чтобы составлять более качественный стратегический прогноз... мы рекомендуем принять действенную программу по широкому использованию самых передовых достижений в области науки и технологии для разведывательных целей”. См.: National Security Policy, doc. 9. Report by the Technological Capabilities Panel of the Science Advisory Committee. Feb. 14, 1955 // In: Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XIX. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1990.

38

BRABOURNE M. L. *More on the Recruitment of Soviets // Studies in Intelligence*. 1965. Vol. 9 (Winter). Pp. 39–60.

39

REDMOND P. *Espionage and Counterintelligence*. Секция 3 на конференции U. S. Intelligence and the End of the Cold War (в Школе управления и государственной службы имени Буша Техасского университета A&M, 18–20 ноября 1999 года).

40

POST J. M. *The Anatomy of Treason // Studies in Intelligence*. 1975. Vol. 19. № 2. Pp. 35–37. Более поздняя работа: MARBES W *Psychology of Treason // Studies in Intelligence*. 1986. Vol. 30. № 2. Pp. 1–11.

41

BEARDEN M., RISEN J. *The Main Enemy: The Inside Story of the CIA's Final Showdown with the KGB*. New York: Random House, 2003. Pp. 22–24. В этой работе обсуждаются исследование Гербера и его заключения.

42

Там же, pp. 23–24. По поводу Бли см.: WEISER, *Secret Life*, pp. 7–9.

43

WALLACE AND MELTON, *Spycraft*, pp. 87-102.

44

Там же, pp. 87–96. Уоллес – бывший директор управления технического обслуживания ЦРУ.

45

PETERSON M. *The Widow Spy: My CIA Journey from the Jungles of Laos to Prison in Moscow*. Wilmington, NC: Red Canary Press, 2012. Так же: FULTON B. *Reflections on a Life: From California to China*. Bloomington, Ind.: Authorhouse, 2008. P 61.

46

Интервью автора с Мартой Питерсон, 12 октября 2012 года, а также: PETERSON, *Widow Spy*.

47

FULTON, *Reflections*, pp. 72–76.

48

PETERSON, *Widow Spy*, p. 174, а также интервью с ней.

49

Интервью автора с Робертом Фултоном, 12 мая 2012 года. Также: телеграмма о встрече на бензоколонке 12 января 1977 года (резидентура – штаб-квартире, 13 января 1977, 131150Z); FULTON, *Reflections*.

50

ROYDEN, *Tolkachev*, pp. 5-33. Это несекретная версия более объемной засекреченной монографии об этом деле.

51

Там же, p. 6. Ройден сообщает, что ЦРУ планировало на следующие

несколько месяцев несколько других операций и не хотело ставить их под угрозу; более того, новая администрация президента Джимми Картера собиралась отправить в Москву госсекретаря Сайруса Вэнса на переговоры о контроле над вооружениями и не хотела, чтобы этому помешали шпионские потасовки.

52

Резидентура – штаб-квартире, 18 февраля 1977, 181010Z.

53

ROYDEN, *Tolkachev*, pp. 6–7; FULTON, *Reflections*, p. 79.

54

Интервью автора с Джеймсом Олсоном, 2 ноября 2012 года.

55

PETERSON, *Widow Spy*, pp. 241–242.

56

После арестов и высылки Питерсон ЦРУ провело анализ причин, по которым могли раскрыть Огородника, а также агента, попавшегося несколько месяцев спустя. Сотрудник управления Дьюэйн Клэрридж, который участвовал в этой работе, сообщает о заключении комиссии: “К провалу агентов привели их собственные действия”. См.: CLARRIDGE, *A Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York: Scribner, 1997. Pp. 167–168. Позднее стало известно, что Огородника предал Карл Кехер, чех, который приехал в Соединенные Штаты в 1965 году вместе с женой и утверждал, что бежит от коммунистической власти, но в действительности работал на чешскую разведку и КГБ. Кехер поступил в Колумбийский университет и получил работу переводчика в ЦРУ. В рамках контракта он получал на перевод расшифровки телефонных прослушек. Некоторые из этих разговоров указывали на то, что у ЦРУ есть источник – советский дипломат в Боготе. Получив эту информацию, КГБ начал охоту, которая в конце концов привела к Огороднику. Его арестовали, вероятно, в начале лета, до того, как Питерсон попала в засаду на мосту. См.: PETERSON,

Widow Spy, p. 241. Кехера арестовали в 1984 году (в 1986 году его вместе с женой и еще семью агентами обменяли на заключенных из СССР, в том числе диссидента Анатолия Щаранского). Кехера приговорили к пожизненному заключению, которое сократили до отбытого срока при условии, что он согласится на участие в обмене и никогда больше не вернется в США.

[62] Рабочий кабинет президента США в Белом доме. – *Прим. пер.*

[63] Высший ранг у американских бойскаутов. – *Прим. пер.*

57

MASON J. T., JR. *The Reminiscences of Admiral Stansfield Turner, U.S. Navy (Retired)*. Annapolis, Md.: U. S. Naval Institute, 2011. Это сборник, составленный из 20 интервью с Тернером, любезно предоставленный Военно-морским институтом США.

[65] “Вундеркиндами” прозвали группу молодых экспертов из корпорации RAND, которых собрал министр обороны Роберт Макнамара, чтобы выработать новую, более современную оборонную стратегию ядерной эпохи. – *Прим. пер.*

58

JOHNSON L. K. *A Season of Inquiry: Congress and Intelligence*. Chicago: Dorsey Press, 1988.

59

В книге Джона Рэнели (*The Agency: The Rise and Decline of the CIA*. New York: Simon & Schuster, 1987. P 234) сообщается, что Картер предлагал эту должность генералу Бернарду Роджерсу, но тот отказался и рекомендовал вместо себя Тернера.

60

Обращение Стэнфилда Тернера к выпускникам 1947 года Военно-морской академии США, 13 ноября 1980 года, Вашингтон. Также: TURNER ST. *Secrecy and Democracy: The CIA in Transition*. Boston:

Houghton Mifflin, 1985. P 15, и MASON, *Reminiscences*, pp. 744–748. О взглядах Картера см.: RANELEAGH, *Agency*, pp. 634–635.

61

Подробности спутниковых программ см.: ODER F. C.E., FITZPATRICK J. C, WORTHMAN P. E. *The Gambit Story*. Chantilly, Va.: Center for the Study of National Reconnaissance, 2012, и CHESTER R. J. *A History of the Hexagon Program: The Perkin-Elmer Involvement*. Chantilly, Va.: Center for the Study of National Reconnaissance, 2012. Также: TURNER ST. *Burn Before Reading: Presidents, CIA Directors, and Secret Intelligence*. New York: Hyperion, 2005. P 161.

62

Требование Тернера применять этот аналитический подход к оценке военной мощи было весьма необычным и спровоцировало крупный спор вокруг доклада национальной разведки 1980 года. См.: HAINES G. K., LEGGETT R. E. *Watching the Bear: Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 2003. P 169.

63

GATES, *From the Shadows*, p. 138.

64

Через месяц после прихода на новую должность Тернер попросил Уильямса провести “тщательный разбор” работы подразделения, занимавшегося шпионажем. Тернер вспоминает, что Уильямс доложил, что работа ведется основательно и в соответствии с этическими нормами, о чем он сообщил Картеру. См.: TURNER, *Secrecy and Democracy*, p. 197. Однако к Уильямсу в подразделении отнеслись настороженно из-за его вопросов личного характера, рассказывали автору сотрудники ЦРУ. Уильямс работал с Тернером в Военно-морском колледже.

65

Тернер говорил: “Слишком много старожиллов держатся за свои места”. В 1976 году директорат провел собственное исследование, предложив

сократить 1350 должностей в течение пяти лет, но Буш ничего не предпринял. Тернер сократил 820 должностей за два года; 17 человек было уволено, 147 заставили досрочно уйти на пенсию, остальные ставки были сокращены, когда служащие переходили на другую работу. Решение было принято в августе 1977 года, но уведомления о сокращениях были розданы 31 октября 1977 года – этот день стал известен как “резня на Хэллоуин”. Сокращаемым сотрудникам разослали резкое письмо, состоявшее из двух абзацев, что, как потом признал Тернер, было “чересчур”. См.: TURNER, *Secrecy and Democracy*, pp. 195–205.

66

Переписка автора с Джеком Мэтлоком, 2 декабря 2012 года; интервью автора с Диком Комбсом, 27 сентября 2013 года; переписка автора с Джеймсом Шумейкером, 23 сентября 2013 года и пост в блоге *Personal Recollections of the Moscow Fire* на сайте *MoscowVeteran.org*. Шумейкер был помощником посла по особым поручениям. Хэтэуэй получил от ЦРУ награду – звезду “За заслуги в разведке” – за свои действия по защите московской резидентуры.

67

BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, p. 26.

68

GRIMES S., VERTEFEUILLE J. *Circle of Treason: A CIA Account of Traitor Aldrich Ames and the Men He Betrayed*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2012. P 59. Авторы долгое время были сотрудницами “советского” отдела ЦРУ.

69

Интервью автора с Гарднером “Гасом” Хэтэуэем, 10 июня 2011 года.

70

У дела Кулака сложная история, затрагивающая как ФБР, так и ЦРУ. При Эдгаре Гувере ФБР считало его подлинным агентом, тогда как ЦРУ под влиянием Энглтона в нем сомневалось. Все поменялось, когда Энглтона

отправили в отставку, а Гувер умер. Теперь ФБР усомнилось, стоит ли доверять Кулаку. Согласно источнику, обладающему достоверной информацией, подозрения возникли из-за некоторых странных замечаний, что он сделал в телефонном разговоре между Нью-Йорком и Вашингтоном по линии, которую прослушивало ФБР. Тем временем ЦРУ исследовало его дело и пришло к выводу, что Кулак – настоящий агент и с ним можно работать в Москве. Граймс была одной из тех, кто проводил это исследование. См.: Grimes and Vertefeuille, *Circle of Treason*, pp. 55–57.

71

Там же, р. 55–61.

72

Foxbat/Lt. Belenko Update, документ от 12 октября 1976 года, предоставленный автору боевым авиационным командованием управления BBC 25 августа 2014 года; Pacific Air Forces. History of the 475th Air Base Wing, СНО (AR) 7101. 1976 Vol. III, 1 July – 31 Dec. P. 316, документ предоставлен автору 12 июня 2014 года. Оба материала предоставлены в соответствии с Законом о свободном доступе к информации.

73

Интервью автора с Хэтэуэем, 10 июня 2011 года.

74

Evaluation of Information Provided by CKSPHERE. Меморандум ЦРУ от 29 декабря 1977 года.

75

Резидентура – штаб-квартире, 3 января 1978, 031450Z.

76

Там же.

77

Меморандум для директора национальной разведки. ЦРУ, 3 января 1978 года.

78

Интервью автора с Хэтэузем, 10 июня 2011 года.

79

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 8.

80

Резидентура – штаб-квартире, 2 марта 1978, 021500Z.

81

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 8.

82

GUILSHER SOLDATENOV N. *Our Family History*, неопубликованный текст, предоставленный автору Кэтрин Гилшер 5 апреля 2013 года.

83

Интервью автора с Кэтрин Гилшер, 30 марта 2011 года и 5 апреля 2013 года.

84

Президент Рональд Рейган в феврале 1984 года одобрил операцию “Стрелок” по изъятию из эксплуатации пишущих машинок с подслушивающими устройствами; операция была проведена Агентством национальной безопасности. См.: MANEKI SH. *Learning from the Enemy: The GUNMAN Project* // United States Cryptologic History. Center for Cryptologic History, National Security Agency. 2009. Series VI. Vol. 13. Два источника в ЦРУ утверждали, что машинки использовались дипломатами, а не московской резидентурой.

85

Галину часто называют полковником КГБ, но один источник рассказал автору, что она была лишь информатором и, вероятно, не имела звания.

86

Интервью автора с Кэтрин Гилшер, 30 марта 2011 года.

87

Резидентура – штаб-квартире, 6 марта 1978, 060835Z. В телеграмме Гилшера, отправленной на следующее утро, был подробно изложен разговор.

88

Книга, вызвавшая тревогу: EPSTEIN E. J. *Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald*. New York: Reader's Digest Press, 1978. Pp. 20, 263. Утечка описывается в книге: GRIMES, VERTEFEUILLE, *Circle of Treason*, p. 61.

89

Интервью автора с Хэтэуэем, 28 августа 2013 года; GRIMES and VERTEFEUILLE, *Circle of Treason*, pp. 60–62. Кулак не был раскрыт и позже умер от сердечного приступа.

90

Интервью автора с Хэтэуэем, 28 августа 2013 года; ROYDEN, *Tolkachev*, p. 9.

91

Резидентура – штаб-квартире, 21 марта 1978, 210817Z.

92

Резидентура – штаб-квартире, 21 марта 1978, 211350Z.

93

Штаб-квартира – резидентуре, 24 марта 1978, 242036Z.

94

Резидентура – штаб-квартире, 11 апреля 1978, 111215Z.

95

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 10.

96

Штаб-квартира – резидентуре, 17 мая 1978, 170214Z.

97

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 9.

98

Штаб-квартира – резидентуре, 13 июня 1978, 13000Z.

99

Резидентура – штаб-квартире, 25 августа 1978, 251205Z.

100

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 9.

101

Резидентура – штаб-квартире, 1 ноября 1978, 011315Z.

102

Невозможно определить адекватный эквивалент этой суммы в долларах. Хотя официальный обменный курс составлял 60 копеек за доллар, советский рубль не был свободно конвертируемой валютой, и Толкачев не мог пользоваться долларами. Ценность рублей определялась исключительно тем, что на них можно было купить в советской экономике. Тысяча рублей была примерно втрое выше месячной зарплаты Толкачева.

103

Резидентура – штаб-квартире, 2 января 1979, 020805Z, и более длинная телеграмма от 2 января 1979, 021403Z. Также интервью автора с Кэтрин Гилшер, 30 марта 2011 года.

104

Черновик оперативной записки московской резидентуры агенту, без названия и даты, в собрании документов по делу Толкачева в ЦРУ.

105

Резидентура – штаб-квартире, 2 марта 1979, 021410Z, где содержится черновик оперативной записки Гилшера для следующей встречи.

106

Резидентура – штаб-квартире, 5 апреля 1979, 050859Z.

107

ROYDEN, *Tolkachev*, pp. 9-10, а также данные конфиденциального источника.

108

Резидентура – штаб-квартире, 26 апреля 1979, 261013Z, и 30 апреля 1979, 301033Z.

109

Штаб-квартира – резидентуре, 1 мая 1979, 012316Z.

110

Резидентура – штаб-квартире, 4 мая 1979, 041429Z.

111

Штаб-квартира – резидентуре, 7 мая 1979, 072329Z.

[120] Сейчас – Кудринская площадь (с 1925 по 1992 год – площадь Восстания). Высотный дом был построен в 1948–1954 годах по проекту

архитекторов М. В. Посохина, А. А. Мндоянца и конструктора М. Н. Вохомского. – *Прим. пер.*

112

Подробнее о дефиците в советской экономике см.: ХОФФМАН Д. *Олигархи. Богатство и власть в новой России*. М.: Corpus, 2010. О гастрономах см.: HOFFMAN D. *Stalin's 'Seven Sisters': 'Wedding-Cake' Style 1950s Towers Define Moscow Skyline // Washington Post*. 1997. July 29. P 1.

113

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 11.

114

Интервью автора с Хэтэуэем 10 июня 2011 года.

115

Штаб-квартира – резидентуре, 1 мая 1979, 012316Z.

116

Там же.

117

Штаб-квартира – резидентуре, 18 мая 1979, 182251Z.

118

Резидентура – штаб-квартире, 22 мая 1979, 221139Z.

119

Резидентура – штаб-квартире, 8 мая 1979, 081522Z.

120

Например, в 1960-х и 1970-х годах Соединенные Штаты “скормили” ГРУ утечки о разработке “революционного” нервно-паралитического газа. Это

была фальшивка: нервно-паралитического газа в арсенале США не было. См.: WISE D. *Cassidy's Run: The Secret Spy War over Nerve Gas*. New York: Random House, 2000.

121

В телеграмме, предоставленной автору, упомянутая область исследований удалена.

122

Штаб-квартира – резидентуре, 1 июня 1979, 011954Z.

123

Резидентура – штаб-квартире, 8 мая 1979, 081522Z.

124

ЦРУ использовало аналогичную процедуру при распространении разведанных из стран Варшавского договора, полученных от агента Рышарда Куклинского, весьма уважаемого полковника польской армии. Об этом рассказал автору конфиденциальный источник.

125

Штаб-квартира – резидентуре, 12 апреля 1979, 120107, и дополнительная информация от конфиденциального источника.

126

Путаницу мог спровоцировать сам Толкачев. В письме он указывал, что “у меня есть” болезнь. Однако, описав заболевание, он указывал: “Если существуют более эффективные средства лечения в этой области, для нашей семьи было бы очень полезно узнать о них”. Резидентура – штаб-квартире, 30 апреля 1979, 301033Z.

127

Резидентура – штаб-квартире, 7 июня 1979, 0 71342Z.

128

Об обсуждении с Фордом см.: MAHAN E. R., ed. *Foreign Relations of the United States, 1969–1976*. Vol. XXXIII, SALT II, 1972–1980. Washington, D.C.: Government Printing Office, 2013. P 452.

129

По оценке Уильяма Перри, заместителя министра обороны по исследованиям и конструкторским разработкам в 1979 году, даже если бы Советский Союз инвестировал средства в масштабную догоняющую программу, которая обошлась бы в 30–50 миллиардов долларов и потребовала бы от пяти до десяти лет (50-100 самолетов дальнего обнаружения и управления, 2000 передовых перехватчиков с обнаружением и наведением в нижней полусфере и новыми ракетами класса “воздух – воздух” и от 500 до 1000 зенитных ракет), – и тогда советские вооруженные силы смогли бы уничтожить лишь половину атакующих американских крылатых ракет. См.: WERRELL K. P. *The Evolution of the Cruise Missile*. Maxwell Air Force Base, Ala.: Air University Press, 1985. P 191.

130

BINDER D. *George T. Kalaris, 73, Official Who Changed CIA's Direction* // *New York Times*. 1995. Sept. 14.

131

Докладная записка Джорджа Калариса директору ЦРУ и заместителям директора по оперативной работе и по разведке, 25 июня 1979 года.

132

Штаб-квартира – резидентуре, 30 апреля 1979, 301033Z.

133

Wallace, Melton, *Spycraft*, p. 37. О параметрах Minox: <http://www.subclub.org/shop/minoxa.htm>.

134

WALLACE, MELTON, *Spycraft*, pp. 37–40.

135

Там же, pp. 90–92, 233. Компания Tropel Inc. в Фейрпорте, штат Нью-Йорк, была создана в 1953 году тремя профессорами Института оптики Рочестерского университета – Робертом Хопкинсом, Джимом Андерсоном и Джеком Эвансом. Потом к ним присоединился Джон Бузава, руководивший компанией во время ее сотрудничества с ЦРУ. Впоследствии Tropel была приобретена компанией Corning Inc., а затем снова стала самостоятельной компанией. Переписка и телефонное интервью автора с Луисом Денесом из Corning Inc., 18 сентября 2013 года.

136

Резидентура – штаб-квартире, 15 февраля 1979, 1513111.

137

Шпионом был Эльяс Базна (кодовое имя “Цицерон”); он сфотографировал документы, взятые у британского посла в Турции, и передал их германской разведке. См.: MELTON H. K. *Ultimate Spy*. 2nd ed. New York: Dorling Kindersley, 2002. P 34.

138

Резидентура – штаб-квартире, без даты, но, вероятно, написано сразу после встречи.

139

Резидентура – штаб-квартире, 18 октября 1979, 181630Z.

140

Резидентура – штаб-квартире, 16 ноября 1979, 161426Z.

[150] Отдел СССР и Восточной Европы, в оригинале – SE (Soviet-East Europe) Division. – *Прим. пер.*

141

Докладная записка Джорджа Калариса директору, 12 декабря 1979 года.

142

Интервью автора с Чарльзом Батталей, 7 февраля 2013 года.

143

Штаб-квартира – резидентуре, 15 декабря 1979, 150019Z.

144

Резидентура – штаб-квартире, 28 декабря 1979, 281255Z.

145

Гилшер впоследствии попросил Толкачева больше не возвращаться к нему бегом. “Я был несколько напуган, – признавался он. – В таком случае лучше просто отложить забытое дело на следующий раз”. Гилшер писал об этом в черновике оперативной записки в феврале 1980 года (без даты).

146

Резидентура – штаб-квартире, 29 декабря 1979, 290943Z.

147

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 18. Оценка в 70 миллионов долларов приводится в телеграмме резидентуры штаб-квартире, 20 марта 1980, 200825Z.

148

В этой новой гонке вооружений крылатые ракеты с ядерными зарядами выдвинулись на первый план. После того как в конце 1970-х Советский Союз ввел в эксплуатацию ракетные комплексы РСД-10, нацеленные на Западную Европу, НАТО ответило “двояким подходом”: с одной стороны, добиваясь переговоров, с другой – размещая новые типы вооружения, в том числе ракеты “Першинг-2” и 484 крылатые ракеты.

149

Резидентура – штаб-квартире, 9 января 1980, 0 91410Z.

150

Штаб-квартира – резидентуре, 16 января 1980, 160052Z.

151

Резидентура – штаб-квартире, 8 января 1980, 081240Z.

152

Меморандум для директора ЦРУ, 17 января 1980 года.

153

Резидентура – штаб-квартире, 28 января 1980, 281127Z.

154

Штаб-квартира – резидентуре, 12 января 1980, 120429Z. В штаб-квартире предложили такую легенду: “Он столкнулся с определенной проблемой в конструкции комплекса, над которым сейчас работает, и хотел проверить спецификации более старых систем, чтобы понять, присутствует ли там та же уязвимость. Очевидно, будет лучше всего, если уязвимость, о которой сообщит “Сфера”, будет реальной”.

155

Штаб-квартира – резидентуре, 16 января 1980, 160052Z.

156

Штаб-квартира – резидентуре, 16 января 1980, 160058Z.

157

Штаб-квартира – резидентуре, 23 января 1980, 231655Z. В этой телеграмме из штаб-квартиры писали: “Есть ощущение, что в данный момент мы должны очень постараться отговорить “Сферу” от излишних рисков. Это касается и фотографирования дома... Мы понимаем, что

“Сфера” – упрямая личность, взявшаяся нанести серьезнейший ущерб советским властям в кратчайшее время. Хотя мы полностью намерены соблюдать свои обязательства, мы также считаем, что наши обязательства включают и моральную обязанность защищать нашего осведомителя, насколько мы способны. Мы не можем позволить себе увлечься психологией *Gutterdämmerung*, которой, похоже, руководствуется этот агент. Хотя мы, как разведывательная организация, разумеется, занимаемся сбором информации, профессионализм требует от нас в данной ситуации каким-то образом “Сферу” притормозить” (*Gutterdämmerung* в скандинавской мифологии – гибель или судьба богов и всего мира после завершающей битвы между богами и хтоническими чудовищами. – Прим. пер.).

158

Резидентура – штаб-квартире, 18 января 1980, 181453Z.

159

По неясным причинам точно такая же красная камера Tropel работала нормально.

160

Фут-кандела – единица силы света, одна фут-кандела равна силе излучения одной свечи в радиусе одного квадратного фута (0,09 м²). Камеры Tropel, вероятно, не смогли бы хорошо снимать в кабинете Толкачева, если бы он и смог использовать их там тайно; на его рабочем столе освещение составляло лишь от 15 до 20 фут-кандел, согласно экспонометру, выданному Толкачеву в ЦРУ.

161

В то время в американских политических и разведывательных кругах серьезно обсуждали внимание советских властей к гражданской обороне и то, значит ли это внимание, что СССР готовится к возможной ядерной войне.

162

Черновик оперативной записки Гилшера, напечатанный на машинке, без даты.

163

Резидентура – штаб-квартире, 28 января 1980, 281135Z. Вопросы о пропуске были в черновике оперативной записки Гилшера к февральской встрече, без даты, отпечатанной на машинке.

164

Резидентура – штаб-квартире, 12 февраля 1980, 121358Z.

165

Резидентура – штаб-квартире, 14 февраля 1980, 141235Z.

166

Резидентура – штаб-квартире, 20 марта 1980, 200825Z.

167

Штаб-квартира – резидентуре, 26 марта 1980, 262244Z.

168

Оценка разведки США цитируется в телеграмме без даты, но, вероятно, от 27 марта 1980 года.

169

Резидентура – штаб-квартире, 20 марта 1980, 200825Z.

170

Штаб-квартира – резидентуре, 12 апреля 1980, 12184Z.

171

Штаб-квартира – резидентуре, 10 мая 1980, 100049Z.

172

Резидентура – штаб-квартире, 14 февраля 1980, 141235Z.

173

Резидентура – штаб-квартире, 20 марта 1980, 200825Z.

174

Штаб-квартира – резидентуре, 10 мая 1980, 100049Z.

175

Резидентура – штаб-квартире, 8 мая 1980, 081428Z.

176

Сахаров был арестован и сослан в Горький 22 января 1980 года.

177

Гилшер сообщил в штаб-квартиру, что дома, вероятно, были гости – учитывая, что по телефону ответил незнакомый голос, – и Толкачев не смог бы выйти. Потом Толкачев объяснил, что трубку взял его сын Олег. Для “перевоплощения” оперативнику нужен был подходящий партнер – работник посольства похожей внешности и телосложения. У Гилшера такого дублера не было; его попытки создать в гриме убедительный образ были импровизацией и не всегда проходили гладко, но все же давали результат.

178

Резидентура – штаб-квартире, 23 мая 1980, 231415Z.

179

“Дискус” был готов к работе примерно за 20 лет до появления первого потребительского устройства BlackBerry в 1999 году.

180

Штаб-квартира – резидентуре, 4 июня 1980, 042348Z.

181

Резидентура – штаб-квартире, 5 июня 1980, 051345Z.

182

Резидентура – штаб-квартире, 11 июня 1980, 111407Z.

183

Резидентура – штаб-квартире, 20 июня 1980, 201145Z.

184

Там же.

185

Резидентура – штаб-квартире, 24 июня 1980, 241232Z.

186

Весной 1980 года у Гилшера были проблемы со здоровьем и работоспособностью. Встречи с Толкачевым изматывали его. Жена уговаривала его уехать из Москвы и обратиться к врачу. Осмотревший его штатный врач посольства рекомендовал немедленно лететь во Франкфурт на лечение. Но Гилшер отказывался уезжать из московской резидентуры, пока не закончит свой контакт с Толкачевым. Он настаивал, что не может его бросить. Потом, когда он вернулся домой, ему сделали операцию по удалению раковой опухоли щитовидной железы (интервью автора с Кэтрин Гилшер, 14 декабря 2013 года). Гилшера, который скончался в 2008 году, ЦРУ посмертно (в 2009 году) наградило титулом “Первопроходец” в знак признания его “значительного и долговременного” вклада в национальную безопасность США во время работы с Толкачевым.

[197] Система дальнего радиолокационного обнаружения и управления, ДРЛОиУ в русской литературе. – *Прим. пер.*

187

Докладная записка директору ЦРУ от начальника “советского” отдела, 23 июля 1980 года.

188

Резидентура – штаб-квартире, 21 июня 1980, 210715Z.

189

Там же.

190

Резидентура – штаб-квартире, 24 июня 1980, 241232Z.

191

Докладная записка директору ЦРУ от начальника “советского” отдела, 23 июля 1980 года.

192

Штаб-квартира – резидентуре, 11 июля 1980, 110003Z.

[204] В США в годы вьетнамской войны решение о порядке призыва на военную службу принималось на основе общенациональной лотереи, которая транслировалась по телевидению и радио; не все, чьи номера выпали, были фактически призваны. – *Прим. пер.*

193

Интервью автора с Дэвидом Ролфом, 3 февраля и 19 мая 2013 года.

194

SHEYMOV V *Tower of Secrets: A Real Life Spy Thriller*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1993. В своих воспоминаниях Шеймов не различает оперативников ЦРУ, с которыми встречался, а некоторые встречи описывает как свои сны. Эта глава основана отчасти на его воспоминаниях, а отчасти на другой информации из конфиденциальных источников.

[207] Имеется в виду традиционная формула *trick or treat*, которую дети выкрикивают на Хэллоуин, выпрашивая сладости и грозя неприятной шуткой в случае отказа. – *Прим. пер.*

195

WALLACE, MELTON, *Spycraft*, p. 108.

196

Интервью автора с Дэвидом Ролфом, 6 мая 2012 года и 19 мая 2013 года. В этой главе также используется материал интервью с конфиденциальными источниками.

197

Резидентура – штаб-квартире, 9 сентября 1980, 091200Z. Эта телеграмма содержит также черновик оперативной записки Ролфа.

198

Резидентура – штаб-квартире, 17 сентября 1980, 171047Z.

199

Штаб-квартира – резидентуре, 29 сентября 1980, 292348Z.

200

Резидентура – штаб-квартире, 16 октября 1980, 161309Z.

201

Интервью автора с Дэвидом Ролфом, 6 мая 2012 года.

202

Об L-таблетке рассказывали автору два конфиденциальных источника, знакомых с этим средством.

203

В романе Василия Аксенова “Остров Крым” (1981) описывается вымышленный остров, куда приезжает журналист, чтобы увидеть процветающую российскую демократию, и его просят привезти оттуда по возвращении в коммунистический Советский Союз дефицитные товары. Здесь перечислены товары из его списка.

204

Резидентура – штаб-квартире, 18 октября 1980, 180826Z.

205

Резидентура – штаб-квартире, 21 ноября 1980, 211118Z, и 28 ноября 1980, 281231Z.

206

Резидентура – штаб-квартире, 10 декабря 1980, 101150Z. Толкачев уделял пристальное внимание сумме компенсации. В его оперативной записке был длинный раздел с математическими формулами, на основании которых он рассчитывал проценты и курс рубля. Он принял предложение ЦРУ получать 300 тысяч долларов в год, а также проценты, которые он оценил как рублевый эквивалент 43 тысяч долларов в год. В конце записки он признавал, что ЦРУ, возможно, правомерно интересуется, почему он хочет так много денег наличными, если сейчас в работе планы эвакуации, а “все деньги, которые я получил ранее, еще не потрачены”? “Похоже, наш отъезд будет организован не сегодня и не завтра, – писал он. – В течение этого времени все что угодно может отложить мой отъезд или сделать его вообще невозможным; к примеру, я могу попасть в автомобильную аварию или серьезно заболеть и после этого утратить работоспособность”. По его словам, он хотел получить эти деньги на всякий случай, если ввиду чего-то “непредвиденного” ему будет “невозможно выехать из СССР”.

207

Резидентура – штаб-квартире, 9 декабря 1980, 090811Z и 091505Z; черновик оперативной записки Толкачеву, без даты; интервью с Ролфом, 2 мая 2012 года и 10 февраля 2013 года.

208

CASEY W J. *Progress at the CIA*. Memo, May 6, 1981. WHORM Subject Files: FG006-02, doc. No. 019195s. 1981. May 6. Ronald Reagan Presidential Library.

209

WOODWARD B. *Veil: The Secret Wars of the CIA, 1981–1987*. New York: Simon & Schuster, 1987. Pp. 86, 305.

210

Резидентура – штаб-квартире, 11 марта 1981, 110940Z.

211

Резидентура – штаб-квартире, 11 марта 1981, 111439Z.

212

Гербер написал в телеграмме в штаб-квартиру от 13 августа 1980 года (131400Z), что “мы не считаем, что темп операции и характер материалов нуждаются” в электронной коммуникации. “Мы не страдали сколько-нибудь от недостатка электронной связи прежде и не видим реальной потребности в такой технике в будущем”. Он также писал:

“В случае “Сферы” вопросы к нему никогда не сводились к чему-то короткому, конкретному или срочному. К тому же, исходя из нашего понимания уровня доступа “Сферы”, мы не можем ожидать от него информации, пригодной для передачи” с помощью “Дискуса”. Гербер писал, что даже при осторожной работе “остаются некоторые риски, когда агент оказывается поблизости от оперативника под наблюдением. Малейшие ошибки сотрудника резидентуры при осмотре места, тестировании или работе с техникой или агента в манере поведения или работе с техникой могут окончиться катастрофой. Со “Сферой” у нас нет возможности для обучения или практики”.

213

WEISER, *Secret Life*, pp. 230–232, а также интервью автора с Хэтэуэем 28 августа 2013 года.

214

Интервью автора с Бобом Уоллесом (бывшим главой управления технического обслуживания ЦРУ), 7 октября 2013 года.

215

Резидентура – штаб-квартире, 11 марта 1981, 111439Z. В этой телеграмме Ролф писал: “Хотя “Сфера” не упоминал о своем изначальном плане выработки, нам стоит вспомнить об этом – возможно, он скоро исчерпает свои возможности по безболезненному и оправданному добыванию желаемых материалов”.

[229] Висячий мост между Сан-Франциско и калифорнийским округом Марин длиной 2737 метров, когда-то самый длинный висячий мост в мире. – *Прим. пер.*

216

Резидентура – штаб-квартире, 11 марта 1981, 111439Z.

217

Резидентура – штаб-квартире, 2 апреля 1981, 020732Z.

218

Резидентура – штаб-квартире, 23 июня 1981, 231244Z.

219

Штаб-квартира – резидентуре, 26 июня 1981, 260019Z.

220

Резидентура – штаб-квартире, 26 июня 1981, 261440Z. Два других конфиденциальных источника сообщают, что антенна устройства была слишком короткой, а Москва находилась на самом пределе досягаемости сигнала со спутника Marisat. Также см.: Резидентура – штаб-квартире, 2 июля 1981, 021348Z. Примерно два года спустя устройство снова прибыло в московскую резидентуру для испытаний. В понедельник 7 марта 1983

года заместитель начальника резидентуры Ричард Осборн вышел с ним на пустырь на Поклонной горе. Осборн установил устройство и тут же был арестован КГБ. Советское агентство ТАСС сообщило, что “7 марта 1983 года во время работы со шпионской радиоаппаратурой был задержан с поличным первый секретарь посольства США Ричард Осборн. У него изъяты комплект портативной разведывательной аппаратуры специального назначения для передачи шпионских сообщений через американские спутники связи “Марисат” и собственноручные записи в блокноте из быстрорастворимой в воде бумаги, изобличающие Р. Осборна в шпионской деятельности”. Осборн был объявлен персоной нон грата и выслан из Советского Союза. См.: BURNS J. F. *Moscow Ousts a U. S. Diplomat, Calling Him a Spy* // *New York Times*. 1983. March 11. P 11.

221

Резидентура – штаб-квартире, 11 апреля 1981, 110812Z.

222

Штаб-квартира – резидентуре, 25 ноября 1981, 251829Z. Некоторые из этих тем фигурировали и на предыдущих пленках.

223

Если не указано иное, подробности о семейной жизни и работе Толкачева почерпнуты из его записок и из телеграмм ЦРУ, главным образом из трех телеграмм: резидентура – штаб-квартире, 2 марта 1978, 021500Z (сообщение о записке Толкачева, в которой он называет себя); резидентура – штаб-квартире, 26 апреля 1979, 261013Z (пересказ ответов Толкачева на вопросы штаб-квартиры); резидентура – штаб-квартире, 10 декабря 1980, 101150Z (ответы на вопросы о возможной эвакуации). Автор также взял интервью у конфиденциального источника, близкого к семье Толкачевых.

224

Это храм Девяти Мучеников Кизических, построенный патриархом Адрианом, противившимся реформам Петра I.

225

Имена представителей элиты авиационной и ракетной отрасли, живших в высотке, увековечены на памятных досках.

226

Большинство мужчин в СССР поколения Толкачева женились примерно в 25 лет. См.: SCHERBOV S., VIANEN VAN H. *Marriage in Russia: A Reconstruction* // Demographic Research. 2004. № 10, article 2. Pp. 27–60; www.demographic-research.org.

227

Легкая индустрия. 1937. 1 января. № 1. Российский государственный архив экономики, Москва.

228

Легкая индустрия. 1937. 19 января – 1 февраля. Российский государственный архив экономики, Москва.

229

CONQUEST R. *The Great Terror*. New York: Oxford University Press, 1990. P 252.

230

CONQUEST R. *Stalin: Breaker of Nations*. New York: Viking, 1991. P. 206.

231

CONQUEST, *Great Terror*, p. 239. Согласно Орландо Файджесу, 102 из 139 членов ЦК, избранных на XVII съезде партии в 1934 году, были арестованы и расстреляны, еще пятеро покончили с собой в 1937–1938 годах; 56 процентов делегатов съезда в эти годы оказались в заключении; 412 из 767 представителей высшего командования Красной Армии были казнены, 29 умерли в тюрьме, 3 покончили с собой и 59 остались в тюрьме. См.: FIGES O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. New York: Metropolitan, 2007. Pp. 238–239.

232

Изучение массового захоронения поблизости от Москвы показало, что среди пострадавших были широко представлены рабочие и служащие. Вместе с крестьянами они составили две трети от общего числа жертв. См.: SCHLЦGEL K. *Moscow, 1937*. Malden, Mass.: Polity Press, 2012. P 490.

233

FIGES, *Whisperers*, p. 240; SCHLЦGEL, *Moscow, 1937* , pp. 492–493.

234

CONQUEST, *Great Terror*, p. 240.

235

Там же, pp. 256–257.

236

Черта оседлости – области на западных окраинах Российской империи, где было разрешено проживать евреям. Бедность и скученность большинства еврейского населения делали его жертвой нападений – погромов.

237

Дело Бамдас С. Е. Архив Международного общества “Мемориал”, Москва. Фонд 1. Опись 1. Дело 282. С. 1–2.

238

Дело Кузьмина И. А. Архив Международного общества “Мемориал”, Москва. Фонд 1. Опись 1. Дело 2543. С. 1–2.

239

CONQUEST, *Great Terror*, p. 235.

240

FRIERSON C. A., VILENSKY S. S. *Children of the Gulag*. New Haven,

Conn.: Yale University Press, 2010. P. 167.

241

По данным конфиденциального источника, близкого к семье. Неизвестно, почему сестра Софьи не взяла к себе племянницу, но родственники часто опасались брать к себе детей “врагов народа”. Сестра Софьи Эсфирь Бамдас была замужем за Константином Старостиним, одним из московских партийных руководителей, арестованным в декабре 1937 года за “антисоветскую деятельность” и приговоренным к десяти годам заключения. Он умер в 1939 году Эсфирь, также член партии, была арестована по доносу в 1951 году и приговорена к пяти годам заключения, но в 1953 году была освобождена по амнистии.

242

Дело Кузьмина И. А. Архив Международного общества “Мемориал”, Москва. Фонд 1. Опись 1. Дело 2543. С. 1–2.

243

ЛИБИН ВЛ. “Задержан с поличным” // Новое русское слово. 1997. 27 июня. Либин был близким другом Толкачевых. Конфиденциальный источник, близкий к семье, вспомнил, что Наташа читала Пастернака и Мандельштама.

244

БРЕЙТВЕЙТ Р. *Москва, 1941: город и его люди на войне*. М.: Голден-Би, 2006. Советские инженеры и ученые изучали новые технологии РЛС с 1930-х годов, но отставали от Великобритании и Соединенных Штатов из-за ведомственного соперничества, незаинтересованности военных и сталинских чисток. Один из самых авторитетных конструкторов РЛС Павел Ощепков был арестован в 1937 году и провел следующие десять лет в заключении. См.: ERIKSON J. *Radio-location and the Air Defence Problem: The Design and Development of Soviet Radar, 1934–1940* // *Social Studies of Science*. 1972. № 2. Pp. 241–268. Подробности о фабрике № 339 см. также: http://en.wikipedia.org/wiki/Radar_in_World_War_II.

245

Толкачев родился в Актюбинске, железнодорожном узле, который в годы гражданской войны был местом ожесточенных боев между белыми и красными (ныне Актюбе, административный центр в Казахстане. – *Прим. пер.*). Большевики окончательно заняли город в 1919 году. Согласно местным архивам, в сентябре 1919 года некто Толкачев был избран секретарем районной большевистской организации в Актюбинске. Не исключено, что это был отец Толкачева, Георгий. Примерно десять лет спустя советские власти пытались передать местное самоуправление в руки казахов, и семья Толкачевых переехала в Москву. См.: *История Актюбинской области. Хроника региона в документах, исследованиях, фотографиях.* <http://myaktobe.kz>.

246

Фазотрон: из XX века – в XXI. М.: Корпорация “Фазотрон-НИИР”, 2003. Автор благодарен Рустаму Рахматуллину, знатоку русской архитектуры, за разъяснение особенностей этих зданий и их истории.

247

В начале холодной войны ядерную угрозу представляли высотные бомбардировщики. Соединенные Штаты планировали выпуск нового пилотируемого бомбардировщика XB-70 *Valkyrie*, который мог бы достигать высоты 23 километров и летать в три раза быстрее скорости звука. См.: Национальный музей ВВС США, данные по самолету North American XB-70 *Valkyrie* (<http://www.nationalmuseum.af.mil/factsheets/factsheet.asp?id=592>). Кроме того, с 1956 года самолет-шпион ЦРУ U-2 начал летать над Советским Союзом на высоте 20 700 метров и выше. В ответ на эти угрозы советские авиаконструкторы начали работать над самолетом, который потом стал перехватчиком МиГ-25. Его РЛС разрабатывалась в “Фазотроне”. Советский Союз также разработал новые ракеты класса “земля – воздух”, которые могли сбивать самолеты на большой высоте. 1 мая 1960 года советская ракета класса “земля – воздух” взорвалась около самолета U-2, пилотируемого Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, на высоте 21 500 метров над Свердловском. Самолет был сбит, и полетам ЦРУ над Советским Союзом пришел конец. См.: PEDLOW GR.W., WELZENBACH D. E. *The Central Intelligence Agency and Overhead Reconnaissance: The U-2 and OXCART Programs, 1954–1974.* Central Intelligence Agency, Washington D. C, 1992 (документ рассекречен в

2013 году). В 1961 году Соединенные Штаты закрыли программу создания бомбардировщика XB-70, и ВВС изменили свою стратегию противостояния Советскому Союзу. Вместо того чтобы сбрасывать бомбы с очень большой высоты, в ВВС решили использовать низколетящие бомбардировщики глубокого проникновения. Советская ПВО на небольшой высоте была слаба. Впрочем, эта проблема стояла перед обеими сверхдержавами: из-за неровностей земной поверхности радары 1960-х годов не распознавали объекты, летящие совсем низко. Этот недостаток в работе радаров был в большей степени угрозой для Советского Союза из-за его протяженных границ – самых длинных в мире, а еще потому, что на его западном, европейском фронте находилось НАТО. При возможном европейском конфликте очаг возгорания находился бы очень далеко от США, но близко к СССР. Соединенные Штаты, со своей стороны, стремились закрыть брешь с обнаружением низколетящих целей при помощи системы дальнего обнаружения E-3 (AWACS), позволявшей отслеживать объекты за три сотни километров, и истребителя F-15 – первого самолета, способного распознавать цели в нижней полусфере.

248

В книге “Фазотрон: из XX века – в XXI” отмечается, что НИИП сконструировал этот радар, используя детали “Фазотрона”. Передача проекта в НИИП также описывается в: *Overscan’s Guide to Russian Avionics* (<http://aerospace.boopidoo.com/philez/Su-15TM%20PICTURES%20&%20DOCS/Overscan%27s%20guide%20to%20Russian%20Military%20Avionics.htm>).

249

ALEXEYEVA L., GOLDBERG P. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Boston: Little, Brown, 1990. P 4.

250

SAKHAROV A. *Memoirs*. New York: Knopf, 1990. Pp. 282–285.

251

Там же, pp. 292–293. SCAMMELL M. *Solzhenitsyn*. New York: W W. Norton, 1984. P 640.

252

RUBENSTEIN J., GRIBANOV AL., eds. *The KGB File of Andrei Sakharov*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2005. P 144.

253

Там же, р. 150.

254

Сахаров описывает эту встречу с корреспондентами в своих воспоминаниях, а также рассказывает о некоторых выступлениях против него. Также: KAISER R. G. *Russia: The People and the Power*. London: Martin Secker, 1976. Pp. 424–425.

255

RUBENSTEIN and GRIBANOV, *KGB File of Andrei Sakharov*, p. 155.

256

Толкачев писал: “Я бы ни за какие деньги не стал устанавливать контакт, к примеру, с посольством Китая. Что, деньги не пахнут? Деньги – нет. Но общества, созданные людьми, иногда источают дурной запах”. Резидентура – штаб-квартире, 26 апреля 1979, 261013Z.

257

ЛИБИН, “Задержан с поличным”.

258

Резидентура – штаб-квартире, 12 ноября 1981, 120858Z; интервью автора с Ролфом, 6 мая 2012 года.

259

“Машина” – карта и описание места подачи сигнала, выданные Толкачеву, предоставлены автору ЦРУ. Без даты.

260

3 сентября 1981 года оперативник ЦРУ отправился на встречу с агентом – советским гражданином. Агент был уже раскрыт. На месте их обоих задержали. Газета “Известия” сообщила, что арестованного зовут Ю. А. Капустин. DODER D. *Moscow Arrests Soviet Citizen as Agent of CIA* // *Washington Post*. 1981. Sept. 4. P. A25.

261

Интервью Ролфа автору, 6 мая 2012 года; резидентура – штаб-квартире, 12 ноября 1981, 120858Z и 121233Z.

262

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 21. Каждая передача длилась десять минут, это была серия фиктивных сообщений, среди которых помещалось одно подлинное. Толкачев мог выделить подлинное, прокручивая цифры на демодуляторе. Первые три цифры сообщения обозначали, истинное оно или ложное; само сообщение, составленное из групп цифр по пять в каждой, надо было декодировать с помощью одноразового шифроблокнота. В каждом сообщении могло быть до 400 групп символов. Процедура была сложная и громоздкая, но позволяла обойти КГБ.

263

CASEY, *Progress at the CIA*, докладная записка от 6 мая 1981 года.

264

Интервью автора с Бертоном Гербером, 30 января 2013 года.

[279] *Farewell* (“Прощание”) – кодовое имя Ветрова. – *Прим. пер.*

[280] История о взрыве трубопровода, изложенная в книге бывшего сотрудника американской разведки Томаса Рида, в ряде источников подвергается сомнению. Российские эксперты отрицают как масштабы и место взрыва (по одной из версий, речь шла о небольшом взрыве на местном газопроводе в районе Тобольска, по другой – об аварии 1989 года в Башкирии, случившейся из-за утечки газа), так и саму возможность такой диверсии. ЦРУ официально сообщало только о факте установки дефектной

турбины, но не о том, стала ли она причиной какого-либо взрыва. – Прим. пер.

265

WEISS G. “*The Farewell Dossier*” // *Studies in Intelligence*. 1996. Vol. 39. № 5. Относительно взрыва см.: REED TH. C. *At the Abyss: An Insider’s History of the Cold War*. New York: Ballantine Books, 2004. Подробнее о Ветрове: KOSTIN S., RAYNAUD E. *Farewell: The Greatest Spy Story of the Twentieth Century*. Trans. Cauvin-Higgins C. Las Vegas, Nev.: Amazon Crossing, 2011.

266

Резидентура – штаб-квартире, 9 декабря 1981, 091105Z.

267

Штаб-квартира – резидентуре, 25 ноября 1981, 251829Z.

268

Резидентура – штаб-квартире, 16 февраля 1982, 161100Z.

269

Описание глубоко законспирированных агентов составлено по материалам конфиденциальных источников.

270

Резидентура – штаб-квартире, 13 января 1982, 130801Z, черновик оперативной записки.

271

Резидентура – штаб-квартире, 16 февраля 1982, 161100Z.

272

Резидентура – штаб-квартире, 9 марта 1982, 091400Z.

273

Резидентура – штаб-квартире, 15 марта 1982, 150742Z.

274

Резидентура – штаб-квартире, 17 марта 1982, 171006Z.

275

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 23.

276

Резидентура – штаб-квартире, 25 марта 1982, 250800Z, а также конфиденциальный источник.

277

Переписка автора с Уильямом Планкертом, 28 марта 2014 года.

278

Резидентура – штаб-квартире, 8 декабря 1982, 081335Z.

279

Резидентура – штаб-квартире, 10 декабря 1982, 101400Z, и 22 декабря 1982, 220940Z. Толкачев изумил ЦРУ тем, что в своей оперативной записке предложил такой выход: если коллега застукает его за шпионской работой, купить его молчание за деньги, полученные от ЦРУ. Сотрудникам ЦРУ эта идея показалась опасной и нереалистичной, и позже они сказали Толкачеву, что существуют и другие варианты. См.: Штаб-квартира – резидентуре, 1 марта 1983, 010053Z.

280

Резидентура – штаб-квартире, 10 декабря 1982, 100945Z.

[297] *A La Vieille Russie (фр.)* – буквально “В старой России”. – *Прим. пер.*

281

Интервью автора с Томасом Милзом, 16 февраля 2013 года и переписка с ним же, 19 декабря 2013 года.

282

Штаб-квартира – резидентуре, 19 февраля 1983, 190143Z.

283

Штаб-квартира – резидентуре, 1 марта 1983, 010053Z.

284

Интервью автора с Робертом Моррисом, 4 мая 2012 года и 19 декабря 2013 года; MORRIS R. O. *Fighting Windmills*. Virginia Beach, Va.: Legacy, 2012. P 144.

285

Резидентура – штаб-квартире, 17 марта 1983, 171555Z.

286

Штаб-квартира – резидентуре, 22 марта 1983, 220128Z.

287

Резидентура – штаб-квартире, 22 марта 1983, 221210Z.

288

Штаб-квартира – резидентуре, 1 апреля 1983, 010055Z.

289

Резидентура – штаб-квартире, 25 апреля 1983, 250900Z.

290

Резидентура – штаб-квартире, 25 апреля 1983, 251445Z.

291

Штаб-квартира – резидентуре, 13 и 23 июня 1983, без отметки даты и времени.

292

Штаб-квартира – резидентуре, 23 июня 1983, без отметки даты и времени.

293

Штаб-квартира – резидентуре, 6 июля 1983, без отметки даты и времени.

294

Если не указано иное, это повествование основывается на переводе оперативной записки Толкачева для ЦРУ, где были описаны подробности. Она была включена в телеграмму: резидентура – штаб-квартире, 17 ноября 1983, 171810Z.

295

В первые недели 1983 года усилилась кампания “борьбы за дисциплину”, начатая новым советским лидером Юрием Андроповым, который с помощью КГБ и МВД боролся со слабой трудовой дисциплиной и экономическими проблемами. “Прогульщиков” отлавливали в рабочее время в метро, банях и магазинах. Толкачев наверняка был в курсе этих новых мер, но вряд ли именно они спровоцировали расследование. Кампания Андропова описана: ПИХОЙЯ Р. Г. *Советский Союз. История власти: 1945–1991 гг.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000; а также в воспоминаниях Михаила Горбачева: GORBACHEV M. *Memoirs.* New York: Doubleday, 1995. P. 147.

296

Хозяин дома назначил Толкачева наследником, но у того не было юридических прав; в такой ситуации нечестный собственник мог в любой момент отказаться от соглашения. См.: ЛИБИН, “Задержан с поличным”. Другие источники подтвердили автору, что это была распространенная практика.

297

Там же.

298

Подробности о “Коленчатой трубе”: Wallace, Melton, *Spycraft*, pp. 138–156; BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, pp. 28–29; КРАСИЛЬНИКОВ Р. *Призраки с улицы Чайковского*. М.: Гея итэрум. 1999. С. 179–188.

299

Резидентура – штаб-квартире, 17 ноября 1983, 171007Z.

300

Резидентура – штаб-квартире, 17 ноября 1983, 171810Z.

301

Резидентура – штаб-квартире, 22 ноября 1983, 221400Z, о предложении спрятать камеры.

302

Штаб-квартира – резидентуре, 30 ноября 1983, отметка о дате и времени удалена. В штаб-квартире утверждали, что рукописные материалы Толкачева не покидали стен отдела. После перевода на английский язык они распространялись только в виде совершенно секретных меморандумов с голубой каймой. Уровень конфиденциальности материалов обозначался как высший уровень секретности – “совершенно секретно, особая важность”, и голубые поля это подчеркивали. Их не показывали ни одному военному подрядчику. Правительственные “клиенты”, получавшие документы, содержали их в защищенных хранилищах, специально отведенных под материалы такого уровня секретности, и считанное число людей имело к ним доступ. “Это, к сожалению, не исключает безответственной болтовни”, – писали из штаб-квартиры в телеграмме в Москву. Но: “нам неизвестно ни об одной утечке, ни устной, ни письменной, материала № 19”.

303

Expanding Navy's Global Power // Aviation Week and Space Technology. 1981. Aug. 31. P 48.

304

Штаб-квартира – резидентуре, 23 ноября 1983, отметка о дате и времени удалена. Личность сотрудника неизвестна.

305

Интервью автора с Томасом Милзом, 16 февраля 2013 года.

306

Эдвард Ли Ховард. Резюме // In: Federal Bureau of Investigation. Prosecutive Report of Investigation Concerning Edward Lee Howard; Espionage-Russia. 1986. Nov. 26. Albuquerque, N.M., file № 65A-590, sec. 2. Pp. 201–202; частично предоставлено автору в рамках Закона о свободном доступе к информации, далее цитируется как “Отчет ФБР”. Также: HOWARD E. L. *Safe House: The Compelling Memoirs of the Only CIA Spy to Seek Asylum in Russia*. Bethesda, Md.: National Press Books, 1995. Pp. 15–32; WISE D. *The Spy Who Got Away*. New York: Random House, 1988. Pp. 22–31.

307

О швейцарской мечте Ховарда: *Safe House*, p. 38; о его пьянстве: WISE, *Spy Who Got Away*, p. 31.

308

WISE, *Spy Who Got Away*, p. 54.

309

HOWARD, *Safe House*, p. 39.

310

Даты службы Ховарда взяты из доклада консультативного совета по внешней разведке президенту Рейгану и высшим чиновникам Белого дома 2 октября 1986 года. См.: “USSR” folder. President's Foreign Intelligence

Advisory Board. Box 7, Donald T Regan files, Ronald Reagan Presidential Library.

311

О тренировках на макете для операции “Коленчатая труба” автору рассказали два конфиденциальных источника. Также: Отчет ФБР, р. 273. В целом о подготовке: WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 58–63.

312

HOWARD, *Safe House*, 40–42; WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 64–75.

313

Мэри рассказала ФБР, что Ховард пытался “пройти второй полиграф, напрягая мышцы” и когда он признался в этом экзаменатору на третьем тесте, тот так возмутился, что потребовал четвертой проверки. Отчет ФБР, р. 353. Версию Ховарда о полиграфах см.: *Safe House*, pp. 43–50; WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 76–86. Интервью автора с Дэвидом Форденом, 6 февраля 2013 года.

314

Ховард цитируется по: WISE, *Spy Who Got Away*, р. 85. Версию Ховарда см.: *Safe House*, pp. 46–47.

315

Отчет ФБР, р. 306, донесение от 28 октября 1985 года, допрос Мэри Ховард; хотя ее имя удалено, из контекста понятно, что речь о жене Ховарда.

316

WISE, *Spy Who Got Away*, р. 87; HOWARD, *Safe House*, р. 51.

317

Эдвард Ли Ховард, резюме в: Отчет ФБР, р. 201.

318

WISE, *Spy Who Got Away*, p. 85; HOWARD, *Safe House*, p. 51.

319

Отчет ФБР, раздел 5 (p. 1316) и допросы сотрудников финансового комитета в разделе 4.

320

Отчет ФБР, p. 285.

321

О скрытной политике ЦРУ автору рассказывали сотрудники ЦРУ. Это было также предметом последующего расследования, проведенного президентским консультативным советом по внешней разведке, см.: WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 87–93. Бывший чиновник ЦРУ сообщил автору, что на тот момент было недостаточно твердых доказательств, чтобы убедить ФБР сделать что-то.

322

Отчет ФБР, p. 306.

323

Там же, p. 286, цитата слов Мэри. Ховард в своей книге (*Safe House*, p. 54) говорит, что он задумался: “Что произойдет, если я войду в эту дверь и расскажу им все, что я знаю?” Он сообщает, что не вошел туда, но не упоминает свое письмо.

324

ЧЕРКАШИН В., ФАЙФЕР Г. *В поисках агента. Записки разведчика*. М.: Международные отношения, 2008.

325

Отчет ФБР, p. 307.

326

HOWARD, *Safe House*, p. 49.

327

Отчет ФБР, p. 285–286.

328

Там же, p. 223; также: WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 108–117; HOWARD, *Safe House*, p. 55.

329

Отчет ФБР, p. 285.

330

Что касается встречи в Санта-Фе, то Милз сказал автору, что не может вспомнить эту поездку. Другие источники: интервью автора с Гербером; отчет ФБР, p. 401; WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 137–140; HOWARD, *Safe House*, pp. 56–57.

331

Отчет ФБР, p. 308.

332

Там же, pp. 11, 287.

333

Там же, pp. 10, 286.

334

ЧЕРКАШИН. *В поисках агента.*

335

Отчет ФБР, р. 287. Черкашин также утверждает, что была определенная система отправки открыток в консульство в Сан-Франциско.

336

Там же, р. 277. Речь, вероятно, идет о допросе Мэри Ховард в тот день, когда подтвердилось, что Ховард стал перебежчиком.

337

Штаб-квартира – резидентуре, 27 апреля 1984, нет отметки о дате и времени.

338

Резидентура – штаб-квартире, 20 апреля 1984, 201316Z.

339

Штаб-квартира – резидентуре, 22 и 23 февраля и 27 апреля 1984, нет отметки о дате и времени.

340

Штаб-квартира – резидентуре, 27 апреля 1984, нет отметки о дате и времени.

341

Там же. Эта телеграмма включает перевод оперативной записки Толкачева с апрельской встречи.

[359] Лекарства от язвы и гастрита. – *Прим. пер.*

342

Штаб-квартира – резидентуре, 25 мая 1984, нет отметки о дате и времени.

343

Резидентура – штаб-квартире, 12 октября 1984, 121213Z.

344

Штаб-квартира – резидентуре, 31 октября 1984, нет отметки о дате и времени.

345

Там же.

346

Конфиденциальный источник, близкий к семье.

347

Штаб-квартира – резидентуре, 1 ноября 1984, 010133Z.

348

Резидентура – штаб-квартире, 27 ноября 1984, 271314Z, черновик оперативной записки к следующей встрече.

349

Резидентура – штаб-квартире, 19 января 1985, 191038Z; ROYDEN, *Tolkachev*, p. 30.

350

Резидентура – штаб-квартире, 27 ноября 1984, 271314Z; телеграмма включает черновик оперативной записки для вручения Толкачеву в январе 1985 года.

351

Резидентура – штаб-квартире, 19 января 1985, 191038Z.

352

Штаб-квартира – резидентуре, 31 января 1985, 311535Z.

353

Штаб-квартира – резидентуре, 4 февраля 1985, нет отметки о дате и времени.

354

Там же.

355

Штаб-квартира – резидентуре, 6 февраля 1985, нет отметки о дате и времени.

356

О “неправильной” форточке см.: ROYDEN, *Tolkachev* , p. 30.

357

Отчет ФБР, р. 10. Документы финансового комитета законодательного собрания в Санта-Фе показывают, что Ховард отсутствовал только одно утро, 9 числа, сославшись на болезнь. Вероятно, он поехал в Вену в выходные. Позднее выяснилось, что в его настольном календаре отсутствует одна неделя.

358

Отчет ФБР, р. 285, допрос Мэри Ховард 17 октября 1985 года. Имя Мэри вычеркнуто, но ее личность понятна из контекста.

359

Отчет ФБР, р. 10.

360

Там же, pp. 287, 399.

361

Там же, р. 1390. ФБР допросило кого-то из агентства ООН и установило, что собеседование было намечено на 25 апреля, но “незадолго до того, как

собеседование должно было состояться, м-р Ховард позвонил представителю БАПОР и отозвал свою заявку” на эту должность. Письмо Ховарда в ООН содержится в отчете ФБР (р. 1086). Согласно восстановленной ФБР хронологии, хотя Мэри и рассказала об открытии Ховардом в это время счета в швейцарском банке, обстоятельства дела неясны; также она рассказала ФБР, что он получил плату за свою информацию позже, лишь в августе 1985 года.

362

HOWARD, *Safe House*, p. 59. Показания Мэри ФБР о поездке в Цюрих противоречивы. В один момент она сказала, что он поехал туда, чтобы открыть счет в банке. Но потом она сказала, что он ездил открывать этот счет в августе, когда был там один.

363

Отчет ФБР, pp. 11, 100–101, 112–117. Бош прямо не упоминается, но это ясно из контекста. Подробнее о Боше см.: WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 103–108, 118–123, 160–164.

364

HOWARD, *Safe House*, pp. 141, 143.

365

Об этом рассказывается в фильме сценариста и режиссера Вахтанга Микеладзе “Амбула с ядом”, снятом для российского ТВ в 1997 году. Микеладзе рассказал автору, что фильм основывается на оригинальных материалах и интервью, предоставленных Федеральной службой безопасности, преемницей КГБ. Не все утверждения о работе контрразведки КГБ в этом фильме правдоподобны и убедительны, но оригинальные съемки и интервью стали интересным дополнением к тому, что известно об этом деле. Интервью автора с Вахтангом Микеладзе, 19 сентября 2011 года.

366

Senate Select Committee on Intelligence. *An Assessment of the Aldrich H.*

Ames Espionage Case and Its Implications for U. S. Intelligence., Pts. 1 and 2. U. S. Senate. 103rd Congress. 2nd session. 1994. Nov. 1. Также: ЧЕРКАШИН, *В поисках агента*.

367

Эвакуация прошла в конце мая. См.: GRIMES, VERTEFEUILLE, *Circle of Treason*, pp. 72–75; BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, p. 29.

368

В 1981 году ЦРУ получило конверт от анонимного ученого, в котором содержалась чрезвычайно подробная и ценная информация о советских стратегических вооружениях, но некоторые вопросы оставались без ответа. Московская резидентура несколько лет безуспешно пыталась найти автора этого письма, чтобы восполнить пробелы. В начале 1985 года ЦРУ считало, что определило потенциальный источник и обратилось к этому человеку в Москве с письмом, в котором были инструкции о вступлении в контакт. Но письмо каким-то образом попало в руки КГБ. Того ученого так и не обнаружили. “Стас” сообщил Селлерсу, что операция провалилась и что КГБ узнал о письме ЦРУ. См.: BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, pp. 50–59.

369

Интервью автора с Селлерсом, 28 января 2014 года. Также см.: BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, p. 59; веб-сайт Селлерса: <http://mdsauthor.thejohncarterfiles.com>; MENDEZ A., MENDEZ J. (with Henderson B.). *Spy Dust: Two Masters of Disguise Reveal the Tools and Operations That Helped Win the Cold War*. New York: Atria Books, 2002. P 120.

370

По данным достоверного источника. В книге BEARDEN, RISEN (*Main Enemy*, p. 29) говорится, что “пленки были пустыми”, но ситуация была сложнее: с кабеля перестала поступать полезная информация.

371

Штаб-квартира – резидентуре, 1 апреля 1985, нет отметки о дате и времени.

372

Конфиденциальный источник, близкий к семье.

373

Резидентура – штаб-квартире, 6 июня 1985, нет отметки о дате и времени.

374

МИКЕЛАДЗЕ, *Ампула с ядом.*

375

ЛИБИН, “*Задержан с поличным*” . Либин – близкий друг семьи.

376

МИКЕЛАДЗЕ, *Ампула с ядом.*

377

ЛИБИН, “*Задержан с поличным*”.

378

Конфиденциальный источник, близкий к семье.

379

Штаб-квартира – резидентуре, 26 апреля 1985, нет отметки о дате и времени.

380

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 31.

381

Резидентура – штаб-квартире, 23 мая 1985, 231358Z.

382

ROYDEN, *Tolkachev*, p. 31.

383

Интервью автора с Селлерсом, 28 января 2014 года. Селлерс был в то время оперативником в московской резидентуре.

384

Рисунок “Трубки” воспроизведен в: Wallace, Melton, *Spycraft*, p. 124.

385

Резидентура – штаб-квартире, 13 июня 1985, 132347Z. Имя Стомбауха не упоминается в телеграммах, но о нем говорится в: BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, p. 11.

386

Резидентура – штаб-квартире, 13 июня 1985, 132347Z, и 14 июня 1985, 141518Z.

387

Резидентура – штаб-квартире, 13 июня 1985, 132305Z.

388

В рамках своих рабочих обязанностей Эймс должен был изучить материалы по Толкачеву и аресту Стомбауха и подготовить анализ того, что пошло не так, но не закончил его, см.: GRIMES, VERTEFEUILLE, *Circle of Treason*, p. 77. У ЦРУ продолжалась серия провалов; они стали известны как “потери 1985-го”, но продолжались в 1986 году и позже. Ховард не мог быть ответственным за все эти провалы. Кто или что их спровоцировало? Некоторое время в ЦРУ считали, что возможна утечка переписки. В штаб-квартире и в московской резидентуре ввели новые строгости и разграничения доступа. Но проблема была не в коммуникации. Тогда ЦРУ не знало, что Эймс продолжает предавать их агентов и операции. Эймс не только предоставил подтверждения по Толкачеву и операции “Коленчатая труба”, но также выдал доклад американской разведки о радаре “Заслон” и “правила Гербера” по отбору добровольцев. Он предал Дмитрия Полякова,

генерала советской военной разведки, который первым работал с портативным устройством связи “Бастер”, и “Стаса”, сотрудника КГБ с рыкающим голосом, который передал образец “шпионской пыли”, – позднее стало известно, что его зовут Сергей Воронцов. Обоих казнили. Согласно оценке ущерба, проведенной ЦРУ, девять из тех агентов, чьи данные Эймс раскрыл 13 июня, были казнены. Комитет Сената по разведке утверждал, что Эймс признался в сдаче более сотни разведывательных операций, проводившихся ЦРУ, ФБР, армией США и правительствами государств-союзников. Комитет заявил, что “его предательство стало одним из самых вопиющих в американской истории”. Но еще больше ущерба нанес Роберт Ханссен, специалист по контрразведке из ФБР, который предложил свои услуги КГБ в октябре 1985 года. Ханссен и Эймс оставались советскими агентами еще много лет. Об Эймсе также см.: Senate Select Committee on Intelligence. *Assessment of the Aldrich H. Ames Espionage Case and Its Implications for U. S. Intelligence*. Pt. 53; заявление директора ЦРУ Джона Дойча 7 декабря 1995 года; VERTEFEUILLE, *Circle of Treason*. Подробнее о Ханссене: Statement of Facts. *United States of America v. Robert Philip Hanssen*, July 3, 2001, Criminal Case No. 01-188-A, U. S. District Court for the Eastern District of Virginia, Alexandria Division.

389

Интервью Гербера с автором, 30 января 2013 года.

390

Штаб-квартира – резидентуре, 12 июля 1985, нет отметки о дате и времени.

391

Штаб-квартира – резидентуре, 8 июля 1985, нет отметки о дате и времени.

392

Интервью Гербера автору, 30 января 2013 года.

393

Это был один из самых абсурдных моментов холодной войны: ЦРУ

отправило Эймса, который уже тайно занимался шпионажем для КГБ, встретить Юрченко на авиабазе “Эндрюс”, проехать с ним в машине и начать его опрос. Юрченко выдавал секреты КГБ прямо перед сотрудником ЦРУ, который определенно переправлял их назад КГБ. В считанные месяцы Юрченко разочаровался. Он хотел, чтобы его прибытие в Соединенные Штаты оставалось секретом, но о нем узнали. Попытка возобновить старые романтические отношения провалилась. 2 ноября, будучи в ресторане в Джорджтауне, он увильнул от своего неопытного куратора из ЦРУ. 4 ноября на пресс-конференции в советском посольстве он заявил, что в Риме его похитили, накачали наркотиками и удерживали против его воли. Потом он полетел назад в Москву. Были версии, что Юрченко выполнил отвлекающий маневр, чтобы отвлечь внимание от работы Эймса, но чиновники ЦРУ отвергают их: его информация была слишком конфиденциальной. Сотрудники ЦРУ уверены, что Юрченко действительно стал перебежчиком, но потом просто передумал. Интервью автора с сотрудниками ЦРУ; стенограмма пресс-конференции Юрченко в CREST, CIA-RDP88-01070R 000301930005-9.

394

Милтон Берден, тогда заместитель Гербера, в своих мемуарах вспоминал, что они с Гербером предупредили ФБР о Ховарде в субботу, 3 августа 1985 года, – они встретились на парковке в Виргинии с Джеймсом Гиром, главой подразделения разведки ФБР. См.: BEARDEN, RISEN, *Main Enemy*, p. 83. Гербер также вспоминает встречу на парковке и то, что он рассказал ФБР, кто такой Ховард и почему он считает, что это “Роберт”. Гир говорит, что такой встречи на парковке с Гербером и Берденом в тот день у него не было, но вспоминает, как встречался с сотрудниками ЦРУ на парковке несколько позднее, по пути к явочной квартире, где его должны были представить Юрченко. Однако Гир говорит, что не помнит, чтобы они тогда обсуждали Ховарда. Заместитель Гира Фил Паркер говорит, что не помнит такой встречи и Гир никогда не упоминал о ней. Телефонное интервью с Гиром, 10 сентября 2014 года. Переписка автора с Паркером, 12 сентября 2014 года.

395

Отчет ФБР, р. 12; о швейцарском счете – там же, pp. 289–290.

[414] Примерно три килограмма. – *Прим. пер.*

[415] Золотая монета ЮАР, продававшаяся по стоимости золота, из которого чеканилась. – *Прим. пер.*

396

Там же, pp. 309–312, отчет о содержимом коробки, выкопанной ФБР 17 октября 1985 года.

397

О первоначальной реакции ФБР рассказал Фил Паркер, работавший в то время заместителем директора по оперативной работе в отделе по разведке, ответственном за расследования в области контр разведки и контршпионажа. Переписка Паркера с автором, 12 сентября 2014 года.

398

Исчезновение Эдварда Ли Ховарда. Административное расследование подразделения ФБР в Альбукерке от 5 декабря 1985 года (с. 3–4), предоставлено автору в рамках Закона о свободном доступе к информации. Этот отчет о действиях ФБР по наблюдению за Ховардом существует отдельно от расследования шпионской деятельности Ховарда.

399

Отчет ФБР, р. 12.

400

Там же, pp. 4, 17–18.

401

Там же, р. 20.

402

Исчезновение Эдварда Ли Ховарда, pp. 3–4.

403

Там же, pp. 6–8.

404

Отчет ФБР, р. 6. Ховард утверждает в своих мемуарах (*Safe House*, р. 91), что за ними вели наблюдение с тех пор, как они приехали в ресторан, но отчеты ФБР этого не подтверждают. Мэри Ховард позднее сказала ФБР, что “Джек из коробочки” сработал, потому что ФБР следовало за “олдсмобилем” сзади, но это не соответствует отчетам ФБР, которые показывают, что группа наблюдения не следовала за ними и лишь позже выдвинулась в район их дома. По словам Ховарда, записанный звонок психиатру был его идеей, чтобы сбить ФБР со следа.

405

WISE, *Spy Who Got Away*, р. 223.

406

Подробности о рейсе см.: Отчет ФБР, р. 38.

407

Там же, р. 318.

408

Исчезновение Эдварда Ли Ховарда, с. 7.

409

Отчет ФБР, р. 7.

410

Там же. В отчете ФБР удалено имя Мэри, но ее личность ясна из контекста. См. там же, pp. 285–447. Мэри сообщила о разводе; там же, pp. 57, раздел 1, нескрепленные листы.

411

HOWARD, *Safe House*, pp. 140, 141, 144–145.

412

Заявление Госдепартамента США, Вашингтон, 19 августа 2002 года. В нем говорилось: “Согласно сообщениям российской полиции, Эдвард Ли Ховард умер в Москве 12 июля 2002 года в результате падения в своей резиденции. Его тело кремировали в частном порядке по распоряжению близких родственников”.

413

МИКЕЛАДЗЕ, *Ампула с ядом*. В фильме демонстрируются фотоаппараты Topel, библиотечные карточки и пилюля для суицида; в нем использованы подлинная архивная съемка КГБ, предоставленная Микеладзе, и интервью с сотрудниками КГБ, работавшими над этим делом, включая Рэма Красильникова, тогдашнего главу контрразведки, и полковника Олега Добровольского, начальника следственного управления КГБ. Интервью автора с Микеладзе, 19 сентября 2011 года в Москве. Микеладзе сказал, что фильм был снят в 1997 году и в том же году показан по российскому телевидению.

414

Видеозапись приговора приводится в фильме “Ампула с ядом”. Дата его вынесения неизвестна.

415

Конфиденциальный источник, близкий к семье.

416

Этот тезис был широко развернут в расследовании дела Ховарда, выполненном президентским консультативным советом по внешней разведке. Джон Пойндекстер, который тогда был советником по национальной безопасности Белого дома, сообщил Рейгану в сопроводительном письме к совещанию: “Я хотел бы особенно обратить ваше внимание на необходимость в будущем обеспечить своевременную передачу ФБР дел для расследования”. POINDEXTER J. M. *Memo to the*

President. 1986. Oct. 1. Regan files, Ronald Reagan Presidential Library. Также: WISE, *Spy Who Got Away*, pp. 87–93.

417

“USSR” folder. President’s Foreign Intelligence Advisory Board. 1986. Oct. 2. Box 7, Regan files, Ronald Reagan Presidential Library.

418

ROSENTHAL A. *Soviet Linked with Howard Case Executed for Treason* // *Associated Press*. 1986. Oct. 22. В заявлении ТАСС не говорилось, когда это произошло.

419

ЛИБИН, “*Задержан с поличным*”. Также об этом сообщал конфиденциальный источник, близкий к семье. Данные о репрессиях в отношении Кузьминых, подготовленные Наташей, находятся в архиве общества “Мемориал” в Москве.

420

Информированный сотрудник сообщил, что ЦРУ узнало о письме Наташи только из статьи Либина в 1997 году. Значительные средства Толкачева, хранившиеся на его депозите, были бы ей выданы, если бы ЦРУ вовремя узнало о ее просьбе, сказал этот сотрудник. Существование письма также подтвердил конфиденциальный источник, близкий к семье.

421

Конфиденциальный источник, близкий к семье.

422

Этот рассказ основан на интервью автора с Ларри Питсом (10 сентября 2013 года, Колорадо-Спрингс), а также на следующих работах: *Dogfights of Desert Storm* // *History Channel*. 2007. Nov. 5; BROWN C. *Debrief A Complete History of U. S. Aerial Engagements, 1981 to the Present*. Atglen, Pa.: Schiffer Military History, 2007. Pp. 51–59; DAVIES S., DILDY D. *F-15 Eagle Engaged: The World’s Most Successful Jet Fighter*. New York: Osprey, 2007; DAVIES S.

Red Eagles: America's Secret MiGs. 2008. Oxford: Osprey, 2012. Автор также благодарен Дэвиду Кеннету и Эллису Робину Ли за их письменные ответы.

[443] Название программы состоит из позывного генерала американских ВВС Х. С. Ванденберга-младшего (*constant* – “постоянный”) и имени жены полковника Г. Пека, руководителя программы (Пегги). – *Прим. пер.*

423

Lieutenant Colonel DOYLE J. W. *1967 Soviet Air Show: Naming the Planes*. U. S. Air Force, National Air and Space Intelligence Center. Wright-Patterson Air Force Base, Ohio. МиГ-25 получил в НАТО название Foxbat. Подробности о нем стали известны благодаря бегству Беленко. См.: U. S. Fifth Air Force. *The MiG Incident*. 1976. *Command history*, vol. 3. Документы получены в рамках Закона о свободном доступе к информации.

424

HAULMAN D. L. *No Contest: Aerial Combat in the 1990s*. Air Force Historical Research Agency. Доклад представлен на заседании Общества военной истории Университета Калгари в мае 2001 года; данные обновлены 8 июля 2002 года. По большей части иракские ВВС предпочитали не сражаться. 137 летчиков бежали вместе со своими самолетами в Иран. Подсчет потерь не учитывает огонь с земли: во время войны в Персидском заливе иракцы сбили 14 самолетов ВВС США. Также не учитываются потери ВМС – сбитый 17 января 1991 года истребитель F/A-18 Hornet капитан-лейтенанта Майкла Скотта Спайхера, первая боевая потеря в этой войне. Точно не известно, как был сбит самолет. Останки пилота были найдены в Ираке в 2009 году.

425

KEANEY TH.A., COHEN E. *Gulf War Air Power Survey: Summary Report*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1993. Pp. 58–62.

426

Данные двух экспертов, проинтервьюированных автором, попросивших не указывать их имена. Они многие годы имели доступ к разведанным Толкачева.

427

К примеру, ЦРУ переоценивало скорость модернизации советских стратегических вооружений в каждом докладе национальной разведки с 1974 по 1986 год. HAINES, LEGGETT, *CIA's Analysis of the Soviet Union*, p. 291 (Intelligence Forecasts of Soviet Intercontinental Attack Forces: An Evaluation of the Record. SOV 89-10031, March 1, 1989).

428

HAULMAN, *No Contest*. Эти соотношения потерь касаются воздушных боев и ВВС, не учитывают потери от обстрелов с земли и потери других военных служб США, но общий тезис от этого не меняется.

429

ЧЕРНЯЕВ А. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 563.

430

Межведомственный меморандум разведки “Перспективы усовершенствования советской противовоздушной обороны на небольшой высоте”. Март 1976, совершенно секретно, частично рассекречено в октябре 1999 года.

431

ЦРУ долго испытывало трудности с этим. См.: STOERTZ H. JR. *Observations on the Content and Accuracy of Recent National Intelligence Estimates of Soviet Strategic Forces (NIE 11/3-8)*. 1978. July 25. Pp. 5–6, 45–50. Anne H. Cahn Collection, National Security Archive, Washington, D.C.

432

Эксперимент с группой А и группой В был проведен в конце 1976 года, когда в Соединенных Штатах стала сходить на нет поддержка никсоновской политики разрядки в отношениях с Советским Союзом. Американские консерваторы-“ястребы”, в том числе Пол Нитце, обвиняли Советский Союз в стремлении к военному превосходству и заявляли, что ЦРУ упускает из виду эту угрозу. Директор ЦРУ Джордж Буш согласился

на эксперимент с внешней экспертизой. Группа сторонних аналитиков (группа В) под руководством профессора Ричарда Пайпса, состоящая главным образом из консерваторов, получила доступ к тем же исходным данным, которые использовали штатные аналитики ЦРУ для ежегодной оценки стратегических вооружений. Были созданы три комиссии, одна из которых должна была изучить советскую ПВО. Эта комиссия из команды В заключила, что советская ПВО “внушительна” и изобилует техникой. “На каждый бомбардировщик США, который пересечет береговую линию, приходится 30 советских истребителей и 100 ракет класса “земля – воздух”, – заявляли эксперты. – Система по-прежнему развивается, как в масштабах, так и по части результативности”. Этот тревожный вывод подразумевал, что СССР, возможно, был в состоянии не подпустить американские бомбардировщики к их целям, а это, в свою очередь, означало, что треть сил стратегического сдерживания США – воздушная часть триады сухопутных, морских и авиационных сил – может оказаться бесполезной. Однако внешние эксперты из группы В увидели также свидетельства того, что советская система не слишком эффективна из-за замедленной работы наземных РЛС и сетей коммуникаций. А главный вывод, настаивала группа В, состоит в том, что ЦРУ просто не знает, как обстоят дела. Комиссия по противовоздушной обороне группы В заключала: “Непохоже, чтобы в обозримом будущем появились достаточно надежные данные, которые позволят разрешить все сомнения или хотя бы сузить область догадок”. В целом эксперимент с группой А и группой В подробно описан в книге: САНН А. Н. *Killing Detente: The Right Attacks the CIA*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1998. Также см.: *Competitive Analysis Experiment: Soviet Low Altitude Air Defense Capabilities*, Feb. 24, 1977, совершенно секретно; *Summary of B Team Findings – Low Altitude Air Defense*, без даты; *Soviet Low Altitude Air Defense: A Team Briefing to PFIAB, Outline*, без даты; докладная записка *Joint Meeting of B Teams*, Sept. 9, 1976; все это предоставлено Архивом национальной безопасности в Вашингтоне (коллекция Д. Кана).

433

Director of Central Intelligence. National Intelligence Estimate NIE 11/3-8/78. Soviet Capabilities for Strategic Nuclear Conflict Through the Late 1980s. Jan. 16, 1979, pp. 1:19–23.

434

National Intelligence Officer for Strategic Programs to Director of Central Intelligence, Assessments of Soviet Strategic Air Defenses. Докладная записка от 30 октября 1981 года, получена в программе CREST.

435

Director of Central Intelligence and Secretary of Defense. US and Soviet Strategic Forces: Joint Net Assessment. Executive version, NI 83-10002X. Nov. 14, 1983.

436

Soviet Capabilities for Strategic Nuclear Conflict, 1983–1993. National Intelligence Estimate 11/3-8/83, March 6, 1984, vol. 1. Key Judgments and Summary, pp. 9-10. В версии этого отчета, представленной президенту, есть рукописная пометка: “През. видел 3/8/84”.

437

Director of Central Intelligence. Air Defense of the USSR. Interagency Intelligence memo № 85-10008, Summary, Dec, 1985. Также: Special National Intelligence Estimate 11/7–9/85/L. Soviet Reactions to Stealth. Aug., 1985.

438

PRICE A. *The History of Electronic Warfare, Vol. 3: Rolling Thunder Through Allied Force, 1964–2000*. Alexandria, Va.: Association of Old Crows, 2000. Pp. 339–347. В телеграмме резидентуры штаб-квартире 20 марта 1980 года (200825Z) и в работе ROYDEN, *Tolkachev*, говорится, что информация Толкачева побудила ВВС полностью изменить направление проекта по разработке бортовой электроники для самого современного истребителя США, стоившего 70 миллионов долларов. Детали проекта остаются засекреченными. Речь может идти о системе радиоэлектронной борьбы или о генераторе помех системы самозащиты истребителя, известной как ALQ-165. В последующие годы оказалось, что у проекта глушителя есть ряд технических проблем, которые не удалось разрешить, и система так и не была доработана и широко не применялась.

439

До тех пор советские военные полагались по части бортовых радаров на старый самолет Ту-126. Таких машин было всего девять, две уже были разобраны. Они могли отслеживать одновременно только несколько целей, не могли обнаруживать объекты в нижней полусфере и во многом уже устарели.

440

См.: Авиационная энциклопедия “Уголок неба”, статья о самолете А– 50. <http://www.airwar.ru/enc/spy/a50.html>.

441

Director of Central Intelligence. Air Defense of the USSR. Также: MITCHELL D. D. *Bomber Options for Replacing B-52s* // Issue Brief № IB 1107, Congressional Research Service. 1982. May 3.

442

Relative Concern of Soviets About B-1 and Cruise Missiles, докладная записка от 24 июня 1977 года, получена через программу CREST, рассекречена в 2005 году.

443

Defense Intelligence Agency. Prospects for the Soviet Union’s Airborne Warning and Control System (SUAWACS). Special Defense Intelligence Estimate, Aug. 6, 1981; материалы отчасти доступны через систему CREST. Также см.: MCMAHON J. *Note for: Deputy Director of Central Intelligence*. 1981. Sept. 22 (доступна в системе CREST). Также: Interagency Intelligence Memorandum. Prospects for Improvement in Soviet Low-Altitude Air Defense. NIO IIM 76-010 J, March 1976 (записка частично рассекречена ЦРУ в октябре 1999 года).

444

О линии связи говорится в сообщении директора ЦРУ: Air Defense of the USSR, p. 14.